

Совет Европы, Генеральный Директорат I – Юридические вопросы  
Аппарат полномочного представителя  
Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе  
Администрация Красноярского края  
Сибирский юридический институт МВД России

# Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе

Сборник материалов  
международной научно-практической конференции  
(5-6 февраля 2004 г.)

## Часть 2

Красноярск 2004

ББК 67.4; 67.5

Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сборник материалов международной научно-практической конференции (5-6 февраля 2004 г.). Часть 2 / Сибирский юридический институт МВД России; отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. – 336 с. – ISBN 5-7889-0087-5.

Ответственный редактор

В.И. Горобцов, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:

В.Е. Корноухов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Сибирский юридический институт МВД России);

С.Э. Воронин, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.И. Панюков, доктор философских наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России);

Н.С. Железняк, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России);

В.В. Пономарева, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

И.А. Кириллов, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

А.Г. Калугин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 5-6 февраля 2004 г.

ISBN 5-7889-0087-5

©Сибирский юридический институт МВД России, 2004

Council of Europe, General Directorate I – Legal Affairs  
The Representative Department of the RF President  
in The Siberian Federal District  
Krasnoyarsk Territory Administration  
Siberian Law Institute of the RF Interior

# Actual Problems of Fight Crime in Siberian Territory

Materials of Scientific Conference  
(February 5-6, 2004)

## Part 2

Krasnoyarsk 2004

BBK 67.4; 67.5

Actual Problems of Fight Crime in Siberian Territory: Materials of Scientific Conference (February 5-6, 2004). Part 2. – Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the RF Interior, 2004.– ISBN 5-7889-0075-1

Responsible editor

Prof. Dr. Vladimir I. Gorobtsov (Siberian Law Institute of the RF Interior)

Editorial staff:

Prof. Dr. Valentin E. Kornoukhov (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Prof. Dr. Sergei E. Voronin (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Prof. Dr. Alexander I. Panyukov (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Prof. Dr. Nikolay S. Zheleznyak (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Prof. Dr. Valeria V. Ponomaryova (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Ass. Prof. Igor. A. Kirillov (Siberian Law Institute of the RF Interior);

Ass. Prof. Aleksei G. Kalugin (Siberian Law Institute of the RF Interior)

Materials include notes of reports, commentaries of international scientific conference «Actual Problems of Fight Crime in Siberian Territory», having been held on the basis of Siberian Law Institute of the RF Interior on February 5-6, 2004.

ISBN 5-7889-0075-1

© Siberian Law Institute of the RF Interior, 2004

## СОДЕРЖАНИЕ

### Секция Общеправовые и информационно-управленческие проблемы борьбы с преступностью

|                                                                                                                                                                                   |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Безруков А.В.</i> Федеративная реформа и борьба с коррупцией .....                                                                                                             | 12 |
| <i>Пунтус С.А.</i> Обеспечение конституционности законов как условие предупреждения правонарушений.....                                                                           | 16 |
| <i>Кулешов Ю.И.</i> Проблемы совершенствования системы правовой защиты интересов правосудия в условиях развития российской государственности .....                                | 20 |
| <i>Штейн Н.А.</i> Прокурорский надзор в сфере законотворчества субъектов РФ как одно из условий эффективности профилактики преступности .....                                     | 22 |
| <i>Кириллов И.А.</i> Борьба с терроризмом как специфическая функция органов внутренних дел .....                                                                                  | 26 |
| <i>Минкин А.Н.</i> О некоторых проблемных вопросах повышения эффективности борьбы с терроризмом на транспорте в Сибирском регионе.....                                            | 30 |
| <i>Сергеев С.И.</i> Организационные основы деятельности органов внутренних дел и внутренних войск, принимающих участие в пресечении террористических актов .....                  | 33 |
| <i>Ковальчук А.Н., Чудинова О.А., Овчинко О.А., Бородин С.В.</i> Формирование навыков применения и использования оружия сотрудниками органов внутренних дел .....                 | 36 |
| <i>Галунский И.И.</i> Обряды и ритуалы как средства сохранения и передачи организационной культуры в органах внутренних дел .....                                                 | 41 |
| <i>Молоков В.В., Лапко А.А.</i> Статистические методы анализа состояния преступности региона .....                                                                                | 45 |
| <i>Невирко Д.Д.</i> Ответственность правоохранительных органов в свете решений Европейского Суда по правам человека .....                                                         | 49 |
| <i>Железняк Е.Г.</i> О некоторых проблемах, связанных с возмещением вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов внутренних дел или их должностных лиц ..... | 54 |
| <i>Рачковский Д.В.</i> Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел за административные правонарушения .....                                                 | 57 |

|                                                                                                                                                                                                                                                              |     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Тетерятников Н.Ю.</i> Институт тайны исповеди в Российской Федерации: проблемы правового регулирования .....                                                                                                                                              | 61  |
| <i>Тушков М.С.</i> Контроль за доходами государственных служащих как средство противодействия коррупции .....                                                                                                                                                | 65  |
| <i>Андреев Г.В.</i> Некоторые организационные аспекты предупреждения правонарушений в сфере налогообложения (на примере органов внутренних дел и налоговых органов субъектов Российской Федерации) .....                                                     | 68  |
| <i>Филимонов Д.А.</i> Совершенствование гражданского законодательства в целях борьбы с преступностью .....                                                                                                                                                   | 72  |
| <i>Половинкина И.Н.</i> К вопросу о толковании абз.2 ч.1 ст.10 Гражданского кодекса РФ применительно к Закону РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и ФЗ «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» ..... | 76  |
| <i>Ражков Р.А.</i> К вопросу о реформировании валютного законодательства Российской Федерации .....                                                                                                                                                          | 79  |
| <i>Хлупина Г.Н.</i> Умышленное занижение размеров платежей за землю .....                                                                                                                                                                                    | 83  |
| <i>Сагиндыкова А.Н., Южаков А.Б.</i> Категория «общественный порядок»: проблемы в науке конституционного и административного права .....                                                                                                                     | 86  |
| <i>Сидорова М.Л.</i> Охрана общественного порядка на «местах» (о некоторых проблемах реализации нового законодательства) .....                                                                                                                               | 91  |
| <i>Чумарова Е.Ю.</i> Возраст административной деликтоспособности .....                                                                                                                                                                                       | 95  |
| <i>Цуканов Н.Н.</i> Об изменении объективной стороны мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ) .....                                                                                                                                                            | 100 |
| <i>Иванов А.Ю.</i> Дисквалификация: основания, условия и порядок применения .....                                                                                                                                                                            | 104 |
| <i>Рубин А.В.</i> Ужесточение санкций за нарушение Правил дорожного движения: за и против .....                                                                                                                                                              | 107 |
| <i>Таскаев Н.Н.</i> Противодействие административным правонарушениям и преступлениям, совершаемым в сфере потребительского рынка, как одно из условий обеспечения его безопасности .....                                                                     | 111 |
| <i>Шишунова Е.В.</i> Сроки в производстве по делам об административных правонарушениях .....                                                                                                                                                                 | 114 |

**Секция**  
**Уголовно-процессуальные проблемы борьбы**  
**с преступностью**

|                                                                                                                                                                    |     |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Ожкало В.В.</i> Проблемы взаимосвязей и согласования УПК РФ с уголовным законодательством.....                                                                  | 117 |
| <i>Володина Л.М.</i> Задачи органов предварительного расследования .....                                                                                           | 120 |
| <i>Субботина И.Г.</i> К вопросу о нравственном содержании общепризнанных принципов и норм международного права как источников уголовно-процессуального права ..... | 122 |
| <i>Сурихин П.Л.</i> О соответствии отдельных положений процесса доказывания принципам уголовного судопроизводства.....                                             | 126 |
| <i>Баранов А.М., Галайда Ю.А.</i> Понятие, процессуальная форма и содержание способов собирания доказательств.....                                                 | 130 |
| <i>Лавдаренко Л.И.</i> К вопросу о функции обвинения на предварительном расследовании .....                                                                        | 134 |
| <i>Энгель А.А.</i> Проблемы дознания по УПК РФ.....                                                                                                                | 137 |
| <i>Раднаев Д.Б.</i> Некоторые проблемные вопросы соблюдения процессуальных сроков .....                                                                            | 142 |
| <i>Григорьев В.Н.</i> Установление основания для возбуждения уголовного дела .....                                                                                 | 145 |
| <i>Никитина А.С.</i> Установление истинных обстоятельств уголовного дела – необходимое условие защиты прав потерпевшего .....                                      | 148 |
| <i>Гецманова И.В.</i> Некоторые проблемы регламентации форм применения специальных знаний в уголовном процессе.....                                                | 151 |
| <i>Юркевич Н.А.</i> Промежуточное производство в уголовном процессе.....                                                                                           | 155 |
| <i>Черняков М.М.</i> К вопросу о предмете прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве .....                                                                 | 158 |
| <i>Веретенникова Е.В.</i> Особенности отраслевой принадлежности института реабилитации в российском законодательстве .....                                         | 160 |
| <i>Николаева Н.М.</i> К вопросу о юридической технике составления постановлений о привлечении в качестве обвиняемого.....                                          | 163 |
| <i>Литвинцева Н.Ю.</i> Свидетельский иммунитет члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы.....                                                         | 168 |

|                                                                                                                                                                                    |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Овчинников Ю.Г.</i> Проблемы применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве России.....                                                                               | 171 |
| <i>Ариба Г.В.</i> Наложение ареста на имущество в целях обеспечения исполнения «других имущественных взысканий» по уголовному делу .....                                           | 174 |
| <i>Сосновик Н.Ф.</i> К вопросу о возмещении вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения.....                 | 176 |
| <i>Егошин В.В.</i> Особенности взаимодействия следователя с сотрудниками госохотнадзора по делам о незаконной охоте .....                                                          | 180 |
| <i>Буфетова М.Ш.</i> Проблемы возбуждения производства о применении принудительных мер медицинского характера в свете нового уголовно-процессуального законодательства .....       | 183 |
| <i>Ничик Е.А.</i> Об уголовно-процессуальных средствах борьбы с корыстно-насильственной преступностью организованных преступных групп, сформировавшихся на этнической основе ..... | 186 |
| <i>Воронин С.Э., Щукин А.М.</i> Уголовно-процессуальные ситуации по делам о преступлениях, связанных с организацией и деятельностью наркопритонов .....                            | 188 |
| <i>Сандрукян Э.С.</i> Особенности прекращения уголовного преследования лиц, добровольно сдавших огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества .....                 | 193 |
| <i>Шинкевич Д.В.</i> Процессуальные аспекты использования доказательств, полученных на территории иностранных государств.....                                                      | 197 |
| <i>Монид М.В.</i> К вопросу о специфике особого порядка принятия судебного решения, предусмотренного главой 40 УПК РФ.....                                                         | 202 |
| <i>Воронин С.Э., Александрова О.Ю.</i> Постановление оправдательного приговора в части предъявленного обвинения.....                                                               | 206 |
| <i>Пастухов И.В.</i> Законодательная конструкция стадии исполнения приговора в УПК РФ и направления ее совершенствования .....                                                     | 212 |
| <i>Низамов В.Ю.</i> Теория следственных действий в системе частных теорий и учений уголовного процесса, криминалистики, ОРД .....                                                  | 215 |



**Секция**  
**Оперативно-розыскные проблемы борьбы**  
**с преступностью**

|                                                                                                                                                                                                                  |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Чечетин А.Е.</i> О праве оперативных аппаратов на получение информации об услугах связи .....                                                                                                                 | 219 |
| <i>Ермолаев И.Е.</i> О некоторых проблемах правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий, связанных с использованием технических средств .....                                                         | 223 |
| <i>Трифорова Н.А.</i> Организационно-практические особенности деятельности правоохранительных органов в противодействии организованной преступности в сфере экономики .....                                      | 226 |
| <i>Макаров Д.А.</i> Совершенствование правового регулирования оперативного внедрения как одного из условий повышения эффективности борьбы с преступностью .....                                                  | 229 |
| <i>Беер В.Н.</i> Актуальные вопросы гарантий пенсионного обеспечения лиц, содействующих на контрактной основе оперативным подразделениям органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях..... | 232 |
| <i>Волынкин Е.Н.</i> Некоторые вопросы профилактики правонарушений несовершеннолетних .....                                                                                                                      | 234 |
| <i>Килин А.З.</i> О некоторых проблемах борьбы с кражами чужого имущества на объектах обслуживания Сибирского УВДТ в современных условиях .....                                                                  | 237 |
| <i>Смирнов И.А.</i> Некоторые вопросы криминальных последствий кредитных обязательств .....                                                                                                                      | 242 |
| <i>Зникин В.К.</i> Легализация результатов оперативно-розыскной деятельности .....                                                                                                                               | 245 |
| <i>Ефремов А.М.</i> Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в свете нового УПК.....                                                                                                          | 247 |
| <i>Меремьянина О.В.</i> Оперативно-розыскные данные как фактическое основание производства следственных действий.....                                                                                            | 250 |
| <i>Поросенов П.И.</i> Некоторые аспекты соотношения оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса ....                                                                                                 | 255 |
| <i>Поляков М.П., Рыжов Р.С.</i> «Блеск» теории и «нищета» права: размышления о развитии уголовно-процессуального регулирования использования результатов ОРД в доказывании.....                                  | 258 |

|                                                                                                                                                           |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Рожин В.Д.</i> Взаимодействие оперативных аппаратов криминальной милиции МВД Удмуртской Республики и УИН Минюста России по Удмуртской Республике ..... | 262 |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

## Секция

### Теоретические и прикладные проблемы криминалистического обеспечения предварительного расследования

|                                                                                                                                                      |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Шестакова С.С.</i> К научным основам распознавания по почерку факта леворукости .....                                                             | 266 |
| <i>Новгородский В.С.</i> К вопросу криминалистического (экспертного) определения возраста документа .....                                            | 270 |
| <i>Зырянов В.В.</i> О критериях оценки поражающей способности оружия .....                                                                           | 274 |
| <i>Мельников Е.Б.</i> О понятии взрывного устройства .....                                                                                           | 276 |
| <i>Косарев Н.И.</i> Возможности совершенствования частных экспертно-баллистических методик по определению однородности стрелянных дроби и пуль ..... | 278 |
| <i>Климович Л.П.</i> Некоторые предпосылки к созданию современной классификации судебно-экономических экспертиз .....                                | 280 |
| <i>Лисняк М.А.</i> Экспертная оценка игровой аддикции .....                                                                                          | 285 |
| <i>Ермилов А.А., Ермилова Л.Б.</i> К вопросу алгоритмизации установления давности наступления смерти .....                                           | 287 |
| <i>Журавлева И.А.</i> К вопросу о сущности и систематизации экспертных ошибок .....                                                                  | 292 |
| <i>Комаров И.М.</i> Предмет частной теории криминалистических операций в досудебном производстве .....                                               | 296 |
| <i>Репин А.В.</i> Подготовка к допросу обвиняемого (подозреваемого) как основа рефлексивного управления .....                                        | 299 |
| <i>Андреев А.А.</i> Криминалистическая рекогносцировка при производстве проверки и уточнения показаний на месте .....                                | 302 |
| <i>Баркова Т.В.</i> Роль комплексной экспертизы в процессе доказывания .....                                                                         | 305 |
| <i>Ким Д.В.</i> Преодоление информационной неопределенности как основная задача первоначального этапа расследования преступлений .....               | 307 |
| <i>Космодемьянская Е.Е.</i> Изучение «очагов» грабежей и разбойных нападений как одно из средств определения круга поиска преступника .....          | 310 |

|                                                                                                                                                                                                                        |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Бойко Ю.Л. Криминалистическая характеристика<br>корыстно-насильственных преступлений: сотрудник органов<br>внутренних дел как субъект совершения этой категории<br>преступлений .....                                  | 315 |
| Фойгель Е.И. К вопросу о криминалистической ха-<br>рактеристике незаконного предпринимательства,<br>совершаемого китайскими преступными группировками на<br>территории Восточной Сибири и Дальнего Востока России..... | 317 |
| Филиппов М.П., Бойко Ю.Л. К криминалистической<br>характеристике преступлений, связанных с незаконным<br>распространением наркотических и психотропных веществ .....                                                   | 321 |
| Гавло В.К., Корчагин А.А. Проблемы расследования<br>убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола .....                                                                                                         | 324 |
| Гавло В.К., Севрюков В.В. К вопросу изучения и<br>нейтрализации противодействия расследованию по делам о<br>бандитизме.....                                                                                            | 329 |
| Казанцев Д.А., Филиппов М.П., Рубцов В.Г. Практика<br>выявления и расследования незаконного пред-<br>принимательства в сфере оборота фальсифицированной<br>ликероводочной продукции .....                              | 333 |

**Секция**  
**ОБЩЕПРАВОВЫЕ И ИНФОРМАЦИОННО-**  
**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ**  
**С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**  
**СООБЩЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЯ**  
**ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕФОРМА И БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ**

Безруков А.В., к.ю.н.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Криминализация современного российского общества выдвигает на первый план вопрос совершенствования мер борьбы с преступностью, в частности с коррумпированностью государственного аппарата, и, соответственно, воздействует на ориентацию государственного реформирования.

После преобразования института полномочных представителей Президента РФ в регионах на институт полномочных представителей Президента в семи федеральных округах были проведены мероприятия по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, создан федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов РФ, ведение которого поручено Министерству юстиции России; образованы органы МВД, МЮ, прокуратуры в федеральных округах; усилена ответственность органов регионов; изменен порядок формирования верхней палаты парламента России; создан совещательный орган при Президенте РФ – Государственный Совет.

Не останавливаясь подробно на обозначенных направлениях федеративного реформирования, обратим внимание на образование в 2000 г. Президентом РФ семи федеральных округов, статус которых до настоящего времени четко не определен в законодательстве и в пределах которых образованы окружные ведомственные федеральные структуры. Причем созданы и наделены компетенцией они были внутренними нормативными актами соответствующих органов, в некоторых случаях – актами Правительства РФ (например, комитеты федеральной криминальной милиции МВД РФ по федеральным округам<sup>1</sup>).

При оценке правомерности и обоснованности данных мер в контексте коррумпированности государственного аппарата возникают противоречивые суждения. С одной стороны, расширение государственного аппарата, возможно, создает условия для его кор-

румпированности за счет увеличения его численности. В то же время данная мера напротив, может быть, устанавливает единый, централизованный, более систематизированный государственный механизм, эффективно сдерживающий коррупцию?

Учитывая тенденцию роста преступности, явление которой экстерриториальное, можно сделать вывод, что наличие окружных правоохранительных структур не только оправданно, но и необходимо. Убедительны такие прогнозы, что даже если бы федеральные округа не были созданы, «жизнь подтолкнула бы к необходимости создания региональных (в рамках группы граничащих между собой субъектов РФ – А.Б.) органов правоохранительных ведомств»<sup>2</sup>.

Анализируя нормативную основу деятельности полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах и правоохранительных органов, можно обнаружить конкретные функции окружных органов в сфере обеспечения безопасности и борьбы с преступностью. Так, одной из задач полпреда Президента РФ в федеральном округе является представление Президенту РФ регулярных докладов и внесение предложений в сфере безопасности, включая национальную.<sup>3</sup> Основной задачей упомянутых комитетов федеральной криминальной милиции МВД РФ по федеральным округам<sup>4</sup> остается борьба с организованной преступностью, в том числе с коррупцией, анализ деятельности подразделений федеральной криминальной милиции по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий, оперативно-поисковых и технических мероприятий и по обеспечению собственной безопасности. Несмотря на то, что постановление Правительства утратило силу<sup>5</sup>, задачи эти сохранены.

Представляется, что создание федеральных округов позволило выстроить и упорядоченно организовать систему координации и согласованного функционирования взаимодействующих между собой органов государственной власти, выполняющих правоохранительные полномочия. Здесь учитывается как федеральный масштаб, так и региональная специфика в сфере обеспечения безопасности. Есть ряд общих проблем борьбы с преступностью, включая и коррупцию, но имеются и специфические проблемы, во многом характерные для конкретного федерального округа. В Дальневосточном федеральном округе – это процессы незаконной миграции, в Сибирском – увеличение объема обнаруженных наркотиков и взрывоопасных веществ, в Южном – особые усилия прилагаются в направлении борьбы с терроризмом и т.д.<sup>6</sup>

Анализ вопросов обеспечения безопасности и борьбы с преступностью на окружном уровне позволит принимать более кон-

кретные и реальные в плане эффективности и оперативности исполнения решения по сравнению с теми, которые принимаются в федеральном масштабе. Между тем введение института полномочных представителей в федеральном округе показывает слабость федерального Центра по контролю и координации своих территориальных, включая правоохранительные, органов исполнительной власти, приближает федеральную власть к регионам и местным сообществам, но преследуя федеральные, а никак не региональные и местные, более близкие к населению, интересы. Поэтому правильным будет занять сдержанную позицию к образованию федеральных округов, рассматривать их в качестве допустимой временной управленческой меры, в целом не противоречащей Конституции РФ.

Образование Государственного Совета при Президенте РФ, объединяющего глав субъектов РФ и содействующего реализации полномочий главы государства по вопросам согласованного функционирования и взаимодействия государственных, в том числе и правоохранительных, органов, не стало завершением федеративной реформы. Президент активно участвует в разработке и принятии мер по борьбе с преступностью, в частности с коррупцией.

Главой российского государства принимаются конкретные меры, направленные на борьбу с коррупцией, что является магистральной задачей правоохранительных органов, а также органов с особым статусом (например, Счетная палата РФ, противодействующая коррупции). Указом Президента РФ от 24 ноября 2003 г. образован еще один совещательный орган при главе государства – Совет при Президенте РФ по борьбе с коррупцией и утверждено Положение о нем.<sup>7</sup> Основной задачей Совета является оказание содействия Президенту РФ в определении приоритетных направлений государственной политики в сфере борьбы с коррупцией.

Совет вносит Президенту РФ предложения о составе Комиссии по противодействию коррупции (создается для разработки предложений по предупреждению и пресечению коррупции в государственных и местных органах власти) и о составе Комиссии по разрешению конфликта интересов (создается в целях разрешения ситуаций, когда личная заинтересованность должностных лиц, назначаемых Президентом или Правительством РФ, влияет или может повлиять на объективное исполнение ими должностных обязанностей).

Антикоррупционный Совет, как и образуемые им комиссии, не обладает существенными властными полномочиями, и это правильно, поскольку прерогатива правоохранительных органов не

должна нарушаться. Основной задачей комиссий является анализ деятельности государственных и местных органов и их должностных лиц, а также правовой основы их функционирования в целях устранения причин и условий, способствующих возникновению и распространению коррупции, что вселяет определенные надежды на плодотворность такого мониторинга и должно активизировать деятельность компетентных органов в направлении искоренения коррупции.

Невозможно оценивать эффективность работы только созданного совещательного органа, но на основе нормативных положений, регулирующих его деятельность, можно прогнозировать положительный результат замысла главы государства, который предпринимает массу конституционных мер, следующих из его статуса гаранта Конституции, прав и свобод личности.

Резюмируя, подчеркнем, что обозначенные направления реформирования властной вертикали в России активизируют и позволяют качественно трансформировать работу правоохранительных органов, в том числе и в деле борьбы с коррупцией.

---

<sup>1</sup> Об окружных подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 7.12.2000 г. №924 // Российская газета. – 2000. – 15 декабря.

<sup>2</sup> Бусыгин А. Федеральные округа: настоящее и будущее // Федерализм. – 2003. – №3. – С.82.

<sup>3</sup> Положение о Полномочном представителе Президента в ФО: Утв. Указом Президента от 13 мая 2000 г. // Российская газета. – 2000. – 15 мая.

<sup>4</sup> Об окружных подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 7.12.2000 г. №924.

<sup>5</sup> О внесении изменений в некоторые постановления Правительства РФ, регулирующие деятельность Министерства внутренних дел РФ: Постановление Правительства РФ от 26.07.2001 г. №558 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №32. – Ст.3325.

<sup>6</sup> См. подр.: Бусыгин А. Указ. соч. – С.84-85.

<sup>7</sup> Российская газета. – 2003. – 26 ноября.

## **ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЗАКОНОВ КАК УСЛОВИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ**

Пунтус С.А.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Становление и развитие России по пути правового государства вызывают необходимость построения стабильной и совершенной законодательной базы.

Большинство ученых-правоведов нашего государства сходятся во мнении, что причины правонарушений коренятся в несовершенстве и нестабильности законодательства. Однако Конституция Российской Федерации является чуть ли не самым оптимальным среди нормативно-правовых актов подобного рода, действующих во всем мире.

Многие правоведы считают действие главного общеправового принципа законности (ст.15 Конституции Российской Федерации) недостаточно эффективным из-за несогласованности деятельности органов государственной власти, низкого уровня правосознания населения и т.д. Однако прежде чем обратиться к анализу режима законности в Российской Федерации, следует признать, что лейтмотивом его действия является соблюдение *конституционной законности*.

Не подвергается сомнению, что принцип законности означает обязанность органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать законы и основанные на законах правовые акты, следовательно, вышеуказанный принцип распространяется не только на законодательство, но и на применение права и его использование.

Конституционность (конституционная законность) есть режим организации и функционирования демократического государства, в котором обеспечивается верховенство и прямое действие *правовой конституции*<sup>1</sup> на всей территории государства, а также ее обеспечение и охрана.<sup>2</sup>

Следует отметить, что данный режим относится, в первую очередь, к правовой системе соответствующего государства, которая должна отвечать такому требованию, как соответствие (непротиворечивость) всех нормативно-правовых актов конституции, то есть их конституционности.

Качественными признаками конституционности являются: верховенство конституции в правовой системе государства, пря-



мое действие конституции, обеспечение действия конституции, защита действия конституции и др.

Система обеспечения по наиболее полному и эффективному действию конституции включает меры и средства профилактики конституционных правонарушений, направленные на устранение причин такого рода правонарушений, на ослабление действия негативных факторов, влияющих на действия норм конституции.

В число такого рода факторов входят: экономическая и политическая нестабильность, низкая правовая культура населения, должностных лиц, деформация профессионального правосознания, установка должностных лиц на приоритет целесообразности перед государством права и законности и т.д.<sup>3</sup>

Не имеет смысла говорить о конституционности законов без эффективного механизма обеспечения действия конституции.

Механизм обеспечения соответствия федерального и регионального законодательства Конституции РФ состоит из совокупности различных правовых инструментов. К ним относят: прокурорский надзор, вето Президента РФ и приостановление им действия актов органов исполнительной власти в случае их противоречия Конституции РФ и федеральному законодательству и многое другое.

В настоящее время к этому следует добавить усиление вертикали власти (а следовательно, и конституционного надзора, в первую очередь со стороны исполнительной власти), создание единого правового пространства<sup>4</sup> и т.д.

Изменениями и дополнениями, внесенными в Федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»<sup>5</sup> и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»<sup>6</sup> названные юридические средства дополнены конституционной ответственностью высших должностных лиц (руководителей высших органов исполнительной власти) и законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, а также институтов местного самоуправления.

Особое место в данной сфере принадлежит деятельности судов общей и арбитражной юрисдикции, а также органов конституционной юстиции.

В отношении первой категории судебных органов Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» подчеркнул пра-

во судов при рассмотрении дел оценивать содержание закона и иного нормативно-правового акта, регулирующего рассматриваемые судом отношения.<sup>7</sup> То есть проводить не что иное, как проверку конституционности правовых актов.

Однако даже при установлении неконституционности правового акта устранение неконституционного закона из системы правовых актов не может быть достигнуто путем разрешения дел в порядке гражданского, административного или уголовного судопроизводства, а также путем разъяснений по вопросам судебной практики, которые в соответствии со ст.ст.126 и 127 Конституции Российской Федерации дают Пленумы Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Поэтому возникает обязанность судов передать дело на рассмотрение в Конституционный Суд Российской Федерации.

Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 года по делу о толковании отдельных положений ст.ст.125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации обязанность судов в случаях, если они приходят к выводу о неконституционности закона, для официального подтверждения его неконституционности обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации не исключает возможности непосредственного применения ими Конституции Российской Федерации, которое призвано обеспечивать реализацию конституционных норм прежде всего при отсутствии их законодательной конкретизации. Если же закон, который должен был бы быть применен в конкретном деле, по мнению суда, не соответствует Конституции Российской Федерации и тем самым препятствует реализации ее положений, то для обеспечения непосредственного действия Конституции Российской Федерации во всех случаях, в том числе и когда дело разрешено судом на основании конкретной конституционной нормы, требуется лишение такого закона юридической силы в предусмотренном ст.125 Конституции Российской Федерации порядке конституционного судопроизводства.<sup>8</sup>

Однако, с учетом тенденции сближения американской и европейской моделей судебного конституционного контроля, сегодня происходит постепенное расширение возможностей по проверке конституционности правовых актов со стороны судов, не относящихся к органам конституционной юстиции. Так, в соответствии с решением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2000 г. федеральные суды общей юрисдикции получили право в порядке абстрактного нормоконтроля по обращениям прокуроров признавать недействительными нормативно-правовые

акты субъектов Российской Федерации, вступающие в противоречие с федеральным законодательством.<sup>9</sup>

Решения Конституционного Суда Российской Федерации обладают высоким авторитетом по причине их нормативного характера, непосредственного действия, обязанности и юридической силы, позволяющей интерпретировать конституционные нормы и дисквалифицировать акты федерального и регионального законодательства, а также косвенным образом давать оценку правоприменительной практике. Фактически решения Конституционного Суда Российской Федерации – это конституционные нормы в динамике.<sup>10</sup>

Таким образом, решения Конституционного Суда Российской Федерации признают недействующими неконституционные правовые акты, исключая их из системы законодательства. На основе устранения противоречий законов происходит совершенствование законодательной базы страны, что является неоспоримо важным фактором в борьбе с различного рода правонарушениями, и в первую очередь с нарушениями Конституции Российской Федерации.

---

<sup>1</sup> По всей видимости, под правовой конституцией следует понимать акт, в котором происходит воплощение прав и свобод личности, воплощены общечеловеческие ценности и идеалы, насущные потребности общества и т.п.

<sup>2</sup> Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики. – М., 2001. – С.58.

<sup>3</sup> Там же. – С.68.

<sup>4</sup> О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2000 года №1486 // Российская газета. – 2000. – 16 августа.

<sup>5</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – №31. – Ст.3205; 2003. – №27 (Ч.II). – Ст.2709.

<sup>6</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №40. – Ст.3822.

<sup>7</sup> Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – №1.

<sup>8</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №25. – Ст.3004.

<sup>9</sup> Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности отдельных положений п.2 ст.1, п.1 ст.21 и п.3 ст.22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – №16. – Ст.1774.

<sup>10</sup> Митюков М.А. Акты Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: общая характеристика и статистический анализ // Журнал российского права. – 2001. – №6.

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ  
ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ  
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ  
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Кулешов Ю.И., к.ю.н., доцент  
Дальневосточный государственный  
университет

В условиях масштабного реформирования судебной-правовой системы российского государства, которое продолжается уже более десяти лет, важным ее элементом следует признать достижение единства закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей этой системы, а именно нормативно-правовых актов. Учитывая, что законодательные акты в той или иной сфере правового регулирования принимаются не одновременно, необходимо стремиться к тому, чтобы взаимосвязь и взаимная обусловленность этих нормативных документов была максимальной.

Сказанное в полной мере относится к вопросу правовой защиты интересов правосудия от общественно опасных посягательств. Первоначально был принят и введен в действие УК РФ, где законодатель вновь объединил преступные посягательства на интересы правосудия в одну главу. В последующем подверглись реформе процессуальные законы, и в частности УПК РФ (1.07.2002 г.), АПК РФ (1.09.2002 г.), ГПК РФ (1.02.2003 г.). Принят и вступил в законную силу с 1.07.2002 г. Кодекс РФ об административных правонарушениях, сочетающий в себе как материальные, так и процессуальные нормы. Сопоставление данных нормативных актов свидетельствует о том, что определенная система в защите интересов правосудия от общественно опасных посягательств существует. Начинается она с формулирования процессуальной ответственности за нарушение интересов правосудия в ходе осуществления судопроизводства. Например, в ст.117 УПК РФ предусмотрена ответственность в виде денежного взыскания за неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, а также нарушения ими порядка в судебном заседании. Подобные меры ответственности предусмотрены и в гражданском процессуальном (ст.159 ГПК РФ), и в арбитражно-процессуальном законах (ст.ст.119, 120, 154 АПК РФ). По мере повышения общественной опасности деяния, направленного на противодействие правосудию, повышается и уровень ответственности. Так, в ст.ст.17.3-17.9 КоАП РФ сконцентрированы админи-

стративно-правовые нормы, защищающие интересы правосудия. Как уже отмечалось, завершением системы правовых норм, направленных на охрану интересов правосудия, являются нормы, предусмотренные в гл.31 УК РФ «Преступления против правосудия». Вместе с тем представляется, что в настоящее время нельзя признать данную систему логически выстроенной. Ее совершенствование может осуществляться по следующим направлениям.

Во-первых, необходимо добиваться взаимной обусловленности процессуальных, административных и уголовно-правовых норм в этой сфере. Так, вновь принятые УПК, ГПК и АПК РФ предусматривают ранее существовавший уголовно-правовой порядок реагирования на дачу заведомо ложных показаний, заключения эксперта и неправильный перевод, указывая в своих нормах на обязанность лица, производящего расследование, или суд предупредить указанных лиц об уголовной ответственности за заведомую ложь (ст.ст.42, 56, 57, 59 УПК РФ; ст.ст.70, 80 ГПК РФ; ст.ст.82, 153 АПК РФ).

Вместе с тем Кодекс РФ об административных правонарушениях предусмотрел только административную ответственность за дачу заведомо ложных показаний свидетелем, пояснений специалистом, заключения эксперта или заведомо неправильный перевод (ст.17.9 КоАП РФ). Возникает закономерный вопрос о том, насколько обоснованна такая дифференциация ответственности. Представляется, что по степени общественной опасности заведомо ложные показания, данные свидетелем в гражданском или арбитражном процессах, а также заведомо неправильный перевод или заключение, данные экспертом, не столь разительно отличаются по степени общественной опасности от аналогичного правонарушения в административном процессе, чтобы объяснить иной подход в правовом реагировании на эти явления. Думается, что и по количеству выявленных фактов ложных показаний административное судопроизводство значительно опережает гражданское, а тем более арбитражное судопроизводство, где привлечение свидетелей как источников доказательств является очень редким явлением.<sup>1</sup>

Во-вторых, необходимо предусмотреть наличие правовой достаточности в защите интересов правосудия, добиться отсутствия правового вакуума. Так, проведенные нами опросы судей (более ста человек) показывают, что подавляющее большинство расценивают уклонение свидетеля без уважительных причин от явки в суд как форму неуважения (более 95%). Из них около 7% ратуют за возвращение уголовной ответственности за данное деяние, 87%

согласны с необходимостью введения административной ответственности и только 5% удовлетворены сегодняшним процессуальным урегулированием этого вопроса.

В-третьих, целесообразно осуществить терминологическую сопоставимость правовых норм, позволяющую их правильное толкование и эффективное применение. Например, в масштабных изменениях в УК РФ, принятых Государственной Думой 21.11.2003 г.<sup>2</sup>, внесены поправки в ст.302 УК РФ (Принуждение к даче показаний). В частности, указано, что данное принуждение может осуществляться и иными лицами с ведома или молчаливого согласия следователя или **лица, производящего дознание**. Однако следует отметить, что в УПК РФ такого участника процесса нет. Есть дознаватель, права и обязанности которого описаны в ст.ст.5, 41 УПК РФ.

---

<sup>1</sup> Анохин В.С. Арбитражное процессуальное право России: Учебник для студентов высших учебных заведений. – М., 1999. – С.210.

<sup>2</sup> Парламентская газета. – 2003. – 11 декабря. – № 1360.

## **ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ РФ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ**

Штей Н.А.  
Уральский юридический институт  
МВД России

Дестабилизационные процессы в экономике, социальной и политической сферах, эскалация межнациональных конфликтов, низкая эффективность государственного управления, сепаратизм законодательства регионов, рост преступности – все это объективно обуславливает необходимость сохранять и наращивать право-защитный потенциал средств обеспечения укрепления законности, и в первую очередь надзорные возможности органов прокуратуры РФ. В последнее время удельный вес интеллектуальных, должностных преступлений существенно увеличился в структуре преступности страны. Преступления такого характера совершаются преимущественно в крупных краевых, областных центрах, где велик соблазн незаконного использования административного ресурса в корыстных целях, реализации информации приватного характера, полученной через несанкционированный доступ к банкам

данных предприятий, организаций, государственных структур. В связи с этим вопросы стройности и гармоничности российского законодательства приобретают особую актуальность, поскольку именно качество закона (особенно регионального) непосредственно влияет на то, насколько велика вероятность совершения преступления в отдельной сфере. Преступление – это особая категория правонарушений: признаки преступности деяния прописываются законодательно в тексте Уголовного кодекса РФ. Но нельзя забывать о том, что многие статьи УК РФ содержат диспозиции бланкетного характера, отсылая правоприменителя к тексту различных нормативных документов, в том числе и законов, принимающихся по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ. Признаки отдельных видов деятельности, являющихся объектом посягательства преступного характера, перечисляются в федеральных законах по предметам совместного ведения и принимаемых в развитие их положений законов субъектов Федерации. Не соответствие региональных законов федеральному законодательству может вызвать известные сложности в правоприменении, ошибки в квалификации деяний, соответственно, незаконное применение к лицам мер уголовно-процессуального принуждения.

Прокурорский надзор представляет собой одно из условий гармонизации законодательства по предметам совместного ведения Федерации и субъектов. В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре РФ» единственным в прокурорской системе субъектом права обращения в Конституционный Суд РФ на предмет несоответствия Конституции РФ закону, подлежащему к применению в отношении конкретного гражданина, является Генеральный прокурор России. Остается неясным, почему подобного права лишены прокуроры субъектов РФ и почему только в Конституционный Суд РФ, а не в том числе и уставные (конституционные) суды субъектов; по какой причине обращение в орган конституционной юстиции продиктовано соображениями защиты прав и законных интересов конкретного гражданина, а не абстрактного нормоконтроля. Это позволило бы повысить эффективность прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, а также «выровнять» законодательство, принимаемое по предметам совместного ведения, тем более что в прокурорской системе существуют специализированные структурные подразделения, надзирающие за законностью правовых актов органов государственной власти. В частности, в составе Генеральной прокуратуры РФ имеется управление по надзору за исполнением законов и законностью правовых

актов: подобные подразделения присутствуют и в прокуратурах субъектов РФ.<sup>1</sup>

Своевременное выявление и пресечение нарушений законов оказывает позитивное влияние на укрепление законности, изменение криминогенной ситуации в стране, что вполне обоснованно признается конструктивным средством раннего предупреждения правонарушений, их наиболее тяжелой разновидности – преступлений. Работа прокуратуры, равно как и остальных участников регионального законодательного процесса, должна строиться с расчетом на максимально полное обеспечение ее профилактической направленности. Но эта работа не должна носить замкнутый характер, напротив, координация деятельности, постоянная согласованность совместных действий всех участников регионального законодательного процесса позволят сосредоточить основные усилия именно на создании условий, исключающих возможность принятия законов, не соответствующих Конституции РФ, федеральному законодательству, порождающих проблемы практического характера.

На уровне межведомственных соглашений проблема взаимодействия отчасти разрешена. Соглашение от 25 марта 1998 г. №18 «О формах взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации в сфере надзора и контроля за ведомственным нормотворчеством, правовыми актами субъектов Российской Федерации, а также за созданием и деятельностью общественных и религиозных объединений» закрепило формы взаимодействия между прокуратурой и Министерством юстиции Российской Федерации. К таким формам относятся:

– *обмен информацией об издании незаконных правовых актов органами государственной власти субъектов Российской Федерации.* Обмен носит обоюдный характер: Министерство юстиции Российской Федерации незамедлительно передает в Генеральную прокуратуру РФ копии заключений по правовым актам субъектов Российской Федерации, не соответствующим Конституции РФ и федеральному законодательству, а Генеральная прокуратура РФ, в свою очередь, не реже одного раза в полугодие сообщает в Министерство юстиции Российской Федерации о мерах реагирования по заключениям министерства;

– *рассмотрение (каждое полугодие) на совещаниях у руководителей двух ведомств результатов работы по корректировке актов субъектов Российской Федерации, планирование и осуществление совместных выездов в неблагополучные регионы, подго-*



товка документов компетентным органам и должностным лицам для внесения запросов в Конституционный Суд РФ. Генеральная прокуратура РФ каждые полгода информирует Министерство юстиции Российской Федерации о мерах реагирования по поступающим из министерства материалам о незаконных правовых актах. С этой целью на совместных заседаниях коллегий систематически обсуждаются результаты взаимодействия на указанных направлениях практической деятельности; разрабатываются совместные предложения по совершенствованию законодательства о государственном надзоре и контроле за нормотворческой деятельностью субъектов РФ. В распоряжении от 30.07.98 г. №49/7р «Об организации исполнения Соглашения Генеральной прокуратуры и Министерства юстиции Российской Федерации от 25.03.98 г.»<sup>2</sup> предложено:

1. Управлению по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов наладить автоматизированный учет сведений о незаконных правовых актах субъектов Федерации, принятых мерах соответствующими подразделениями Генеральной прокуратуры РФ; ежегодно информировать Министерство юстиции Российской Федерации о принятых по заключениям министерства мерах реагирования; каждое полугодие докладывать Генеральному прокурору сводную информацию о результатах корректировки актов субъектов Федерации для последующего рассмотрения на коллегиальных совещаниях руководителей двух ведомств; осуществлять совместные выезды в регионы, где распространены факты принятия незаконных правовых актов.

2. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ разработать и внедрить программное обеспечение автоматизированного учета, в том числе фактов выявления незаконных правовых актов субъектов Федерации и принятых в связи с этим мер.

Меры прокурорского реагирования, а также организационные формы контроля за исполнением требований, содержащихся в актах прокурорского реагирования, взаимодействие с другими органами государственной власти позволяют выявить угрозу совершения правонарушения на стадии «обнаружения умысла», предотвратить принятие акта (в том числе и закона субъекта Федерации), не соответствующего Конституции РФ и федеральному законодательству. Но это не решает проблему отсутствия нормативной основы федерального уровня (федерального закона) определения субъектного состава участников регионального законодательного процесса, закрепления «меры участия» каждого органа, включая

аспект координации деятельности, что связано, в первую очередь, с обеспечением ее профилактической направленности.

---

<sup>1</sup> Настольная книга прокурора. – М., 1993. – С.25.

<sup>2</sup> Сборник основных приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации. – М., 1999. – С.65-67.

## **БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Кириллов И.А., к.ю.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Органы внутренних дел в борьбе с терроризмом занимают особое, на мой взгляд, доминирующее место, которое, впрочем, характеризуется некоторой двойственностью. Во-первых, на органы внутренних дел ложится основной объем данной работы, так как именно они постоянно и непосредственно сталкиваются с угрозами и последствиями актов терроризма, начинают и осуществляют профилактические меры в отношении субъектов терроризма, кроме того, органы внутренних дел в первую очередь ассоциируются с борьбой с терроризмом ввиду того, что в общественном сознании господствует представление о том, что собственно на них возлагается ответственность за рост преступности в целом, в том числе терроризма, впрочем, 5% сотрудников органов внутренних дел также среди причин неудовлетворительного состояния борьбы с терроризмом отмечают бездеятельность правоохранительных органов.<sup>1</sup> Во-вторых, объективный анализ данной проблемы показывает, что стабилизация (в лучшем случае) обстановки борьбы с терроризмом зависит от собственно действий ОВД, предпринимаемых и относящихся в соответствии с Федеральным законом «О борьбе с терроризмом» к их компетенции, лишь частично.<sup>2</sup>

Можно утверждать, что влияние органов внутренних дел на детерминанты терроризма, далеко выходящие за рамки их компетенции, гораздо менее того, чем это сегодня необходимо. Борьба с терроризмом, и это отмечается высшими органами власти, во-первых, международная задача, во-вторых, общегосударственная задача в национальной политике борьбы с преступностью каждой

из цивилизованных стран, а потому требующая единой политики и усилий мирового сообщества, а в рамках одного государства – всех его институтов, создания целостной системы, в которой ОВД следует четко определить свое место. Для этого необходимо, учитывая состояние, характер общественной опасности, причины, динамику терроризма в конкретный момент на конкретной территории, а также меры, предполагающие правовое, научное, информационно-прогностическое, организационное, психологическое, материально-техническое, финансовое, кадровое и международное обеспечение<sup>3</sup>, определить:

1) задачи, не свойственные ОВД или которые они не в состоянии решить;

2) совокупность задач, решение которых возлагается на ОВД или зависит от них;

3) оптимальные методы достижения поставленных целей.

Исходя из анализа состояния борьбы с терроризмом, становится ясным, что на ОВД в основном возлагается функция пресечения и предотвращения терроризма и в меньшей степени – предупреждения. В то же время вполне обоснованным является факт невозможности для органов внутренних дел принятия мер по устранению причин и условий этого глобального явления, поскольку весьма незначительными представляются их возможности в плане нейтрализующего воздействия на базовые детерминанты, связанные с общим политическим и экономическим неблагополучием. На наш взгляд, в данных условиях, во-первых, органы внутренних дел способны на прогноз, особенно в регионах с наибольшей социально-политической напряженностью, в субъектах Федерации со сложными межнациональными отношениями, во-вторых, учебные заведения МВД России должны проводить мониторинг состояния тех процессов, последствиями которых может стать терроризм.

Важность указанного обосновывается необходимостью, во-первых, готовности к подобного рода фактам, во-вторых, определения мер, смягчающих напряженность, которые относятся к компетенции других органов, в том числе власти. Следует отказаться от попыток непосредственного решения не свойственных для ОВД сложных задач и направить усилия на обеспечение функции пресечения.

Среди первоочередных задач органов внутренних дел можно выделить следующие:

Изучить возможность введения автоматизированной системы учета стрелкового, биологического, химического и др. оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Разработать программу взаимодействия между органами внутренних дел и частными службами безопасности, для чего в рамках профессиональной подготовки на местах с сотрудниками разработать цикл для изучения современного состояния и перспектив развития индустрии частной безопасности; в учебный курс учебных заведений МВД России включить раздел по изучению деятельности охранных служб и использованию их возможностей в целях борьбы с преступностью, а также разработать программу для такого изучения практическими работниками ОВД.

Разработать программу обучения (используя уже имеющиеся) сотрудников ОВД «Уголовно-правовые, процессуальные и оперативно-розыскные меры борьбы с терроризмом», где предусмотреть изучение: состояния терроризма в современном мире; состояния терроризма и его растущей угрозы в мире и в России; социальной, уголовно-правовой, криминологической характеристик терроризма в мире и в России; порядка ареста; применения огнестрельного оружия, спец. средств и физической силы; охраны места совершения (возможного совершения) акта терроризма (террористической акции); сбора вещественных доказательств; документирования; дачи показаний в суде; взаимодействия ОВД и средств массовой информации, информирования общественности об актах терроризма; гражданско-правовой ответственности за возмещение вреда, причиненного в результате акта терроризма; психологических аспектов общения с задержанными лицами, эмоционально неуравновешенными людьми, жертвами террористической деятельности и т.д.

В сфере правотворчества провести исследования по повышению профилактической функции уголовного закона в правовой и социальной защите сотрудников ОВД, лиц, им содействующих на гласной и негласной основе; жертв террористической деятельности (из средств бюджета), а кроме того, разработать направления политики и меры, содействующие эффективной защите судей и работников уголовного правосудия, включая присяжных и адвокатов, участвующих в судебных процессах по делам, получившим большой общественный резонанс.

Разработать и организовать мероприятия по усилению охраны стратегических и важных объектов (вокзалы, аэропорты и иные места массовых скоплений людей, чаще всего становящиеся объектами террористов).

Разработать программу взаимодействия в борьбе с преступностью между органами внутренних дел и органами исполнительной власти, органами безопасности, а также такими субъектами, как учреждения культуры и образования, средства массовой информации, официальная церковь и общественные организации.

Конкретная оперативная и криминогенная обстановка может подсказать и новые формы взаимодействия, способные повысить эффективность борьбы с преступностью. Это могут быть совместные выступления в печатных и электронных средствах массовой информации руководящего и оперативного составов органов внутренних дел и безопасности, создание специальных смешанных рабочих групп по профилактике отдельных видов преступлений, разработка и реализация программ, нацеленных на снижение остроты накопившихся межнациональных противоречий (в пределах компетенции МВД), маневрирование оперативными силами и средствами при организации работы по сигналам и делам оперативного учета и т.д.

Роль ОВД в борьбе с терроризмом постоянно возрастает и будет возрастать, в связи с чем требуется дальнейшая теоретическая разработка оптимальных форм их участия и обобщение непрерывно накапливающегося опыта. Проблема изучения терроризма как социального явления и вида преступления на сегодняшний день остается актуальной и, безусловно, будет служить научной базой для совершенствования деятельности органов внутренних дел.

---

<sup>1</sup> См. подр.: Кириллов И.А. Криминологическая характеристика терроризма: Учебное пособие. – Красноярск, 2001.

<sup>2</sup> Так, на вопрос: «В какой мере стабилизация обстановки зависит от действий ОВД?» респонденты ответили следующим образом: частично зависит – 70%, совсем не зависит – 21%, зависит полностью – 9%.

<sup>3</sup> См. подр.: Кириллов И.А. Концепция системы антитеррора // Уголовное законодательство: состояние и перспективы развития: Материалы конференции 25-26 сентября 2001 г. – Красноярск, 2002. – С.125-131.

## **О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ НА ТРАНСПОРТЕ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ**

Минкин А.Н., к.т.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Конец XX – начало XXI веков отмечены резко возросшей террористической активностью в различных регионах мира. Террористические угрозы носят все более устрашающий характер, затрагивая все сферы человеческой жизни.

Транспорт, как один из важнейших элементов техносферы, существенно влияет не только на экономику, но и на всю общественную жизнь. Кроме того, транспорт всегда относился к числу наиболее уязвимых сфер террористической деятельности. Поэтому все виды транспорта были и будут оставаться одним из наиболее предпочтительных объектов террористических устремлений.

С точки зрения террористических угроз объекты транспорта можно рассматривать с трех позиций. Во-первых, как объекты непосредственного террористического воздействия. Во-вторых, как объекты, с помощью которых можно совершать террористические акции в отношении объектов других сфер жизнедеятельности. В-третьих, транспорт является средством межгосударственного общения и используется террористами для переездов и доставки необходимых средств.

В целях стабилизации ситуации на объектах транспорта России органами внутренних дел осуществляется комплекс организационных и практических мер, направленных на предотвращение актов терроризма, предупреждение и раскрытие уголовных преступлений и других правонарушений. Регулярно проводятся оперативно-профилактические мероприятия «Вихрь-Антитеррор», «Арсенал», «Пассажир», «Розыск», «Нелегал», «Светофор», «Пригородный поезд», «Медь», «Линза», «Преграда». В то же время правовой статус проведения досмотров транспортных средств, водителей и пассажиров до настоящего момента российским законодательством не отрегулирован.

Особое внимание необходимо уделять антитеррористической безопасности на объектах воздушного транспорта.

МВД России в рамках организации работы по сопровождению законопроектов по линии борьбы с терроризмом, обеспечению безопасности объектов транспортного комплекса страны раз-

работан план дополнительных мероприятий по пресечению захватов воздушных судов гражданской авиации. Подготовлены и направлены в Минтранс и ФСБ России предложения о создании межведомственной рабочей группы для разработки комплекса мер по повышению уровня безопасности на объектах воздушного транспорта Российской Федерации.

В период с 1975 г. по 1997 г. включительно проведение предполетного досмотра в аэропортах СССР, а затем России осуществлялось едиными группами досмотра, в состав которых входили работники службы организации пассажирских перевозок и сотрудники органов внутренних дел на воздушном транспорте.

Согласно действующему законодательству (ст.85 Воздушного кодекса России) в настоящее время осуществление мер по авиационной безопасности, в т. ч. производство предполетного досмотра, возложено на службы авиационной безопасности аэропортов и авиапредприятий.

Планом мероприятий МВД России по реализации Указа Президента Российской Федерации от 19 мая 1999 г. №625с «О дополнительных мерах по борьбе с терроризмом в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации» предусмотрены меры по пресечению незаконной транспортировки оружия, боеприпасов, наркотиков, миграции экстремистски настроенных лиц и выявлению преступников, находящихся в федеральном розыске, в аэропортах Российской Федерации, обслуживаемых органами внутренних дел на транспорте. Обеспечивается участие сотрудников милиции совместно с аэропортовыми службами авиационной безопасности в предполетном досмотре авиапассажиров, их ручной клади и багажа, следующих в Северо-Кавказский регион и обратно. В этих целях в аэропортах, находящихся в оперативном обслуживании органов внутренних дел на транспорте, ежедневно задействуются сотрудники патрульно-постовой службы, которые, согласно планам комплексного использования сил и средств милиции в охране общественного порядка (единая дислокация), осуществляют оперативно-служебную деятельность в пунктах предполетного досмотра.

Основными направлениями их деятельности являются:

- оказание помощи САБ аэропортов и контроль производства предполетного досмотра авиапассажиров, их ручной клади и багажа;
- изъятие в установленном порядке запрещенных к перевозке воздушным транспортом предметов и веществ, за незаконный оборот которых предусмотрена уголовная и административная ответственность;

- обеспечение контроля над оборотом оружия, переданного пассажирами на временное хранение в период полета;

- выявление с помощью ПТК «Розыск-Магистраль» граждан, находящихся в федеральном и местном розыске.

Вместе с тем, учитывая опыт Московского УВД на воздушном и водном транспорте, в аэропортах Сибирского региона целесообразно создать подразделения по обеспечению безопасности авиаперевозок (ОБА).

Анализ работы указанного подразделения свидетельствует в пользу решения вопроса об участии органов внутренних дел в досмотре пассажиров, грузов, ручной клади и багажа.

За 2002 г. сотрудниками ОБА в ходе предполетного досмотра пресечено 847 попыток незаконного провоза веществ и предметов, запрещенных к перевозке воздушным транспортом. Выявлено 156 преступлений, из них в ходе досмотра – 135. При этом у нарушителей правил воздушной перевозки изъято 207 единиц огнестрельного оружия, 606 единиц холодного оружия, 10125 штук боеприпасов, 68,2 гр. наркотических средств, более 1 млн. долларов США и более 65 тыс. евро. Выявлено 40 человек, находящихся в федеральном розыске, из них 20 – по прилету.

В связи с этим возникает вопрос об обосновании численности личного состава и технической оснащенности ОБА, и принципиальным моментом здесь является выработка и обоснование критерия относительного соотношения между стоимостью на содержание (затратами ресурсов) ОБА и их технической оснащенности. Увеличение того и другого способствует повышению эффективности борьбы с терроризмом. С другой стороны, высокая стоимость современных технических средств и увеличение численности личного состава ОБА являются причиной увеличения затрат. Кроме того, увеличение объемов и видов процедур (проверки, досмотр и т.д.) могут увеличивать задержки рейсов, время оборачиваемости самолетов, что может, в свою очередь, вызывать отток пассажиров в пользу других видов транспорта. Для решения этой оптимизационной задачи может быть использован показатель, определяемый отношением общих затрат на ОБА к сумме потерь от прогнозируемых потерь от актов терроризма. Критерий минимизации ущерба от террористических актов (максимизации величины предотвращенного ущерба) имеет ясный, физический смысл и отвечает основной задаче ОБА – предотвращению террористических актов. С использованием рассматриваемого критерия математическая задача выбора структуры и технической оснащенности ОБА может быть поставлена либо в виде:



– «обеспечить заданную величину предотвращенного ущерба при минимальных затратах ресурсов на создание и функционирование ОБА» либо:

– «при выделенных ресурсах на создание и функционирование ОБА минимизировать потери от террористических актов».

Следует заметить, что подобный критерий уже давно используется для обоснования затрат на государственные структуры, выполняющие определенные защитные функции, например на вооруженные силы государства с учетом его оборонной концепции (военной доктрины), а также на их составные части.

## **ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ВНУТРЕННИХ ВОЙСК, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В ПРЕСЕЧЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ**

Сергеев С.И.

Сибирский юридический институт  
МВД России

В основе организации антитеррористической деятельности лежит нормативное определение компетенции тех или иных правоохранительных органов на выполнение организационно-тактических задач в борьбе с терроризмом. Долгое время борьба с терроризмом входила в компетенцию органов государственной безопасности. Производство предварительного следствия по делам о террористических актах проводилось следственными органами прокуратуры, а также следователями органов государственной безопасности. Большой рост всех видов терроризма в России и других странах в настоящее время потребовал создание федеральной системы. В эту систему входят: федеральные исполнительные органы; исполнительные органы субъектов Российской Федерации; ФСБ РФ; МВД РФ; ФПС РФ; ФАПСи РФ; ГТК РФ; МИД РФ; органы Генеральной прокуратуры РФ. К выполнению отдельных задач привлекаются силы МО РФ, железнодорожных войск и других ведомств.

Привлечение такого количества сил требует четкого определения их компетенции, задач и тактики действий. Лучшими формами решения этих проблем являются: совместный приказ всех ведомств о разделении компетенции, задач и создании координационного органа; создание ведомственных нормативных актов

(наставления, инструкции) по предупреждению и пресечению террористических актов.

К компетенции ОВД и ВВ МВД России (далее – ОВД и ВВ), с учетом их предназначения и возможностей, можно отнести борьбу с общеуголовным терроризмом. В системе МВД России к борьбе с общеуголовным терроризмом привлекаются структурные подразделения по борьбе с организованной преступностью, уже имеющие опыт работы и определенные успехи. Их оргштатное увеличение и тесное взаимодействие с другими территориальными ОВД, частями и подразделениями ВВ позволят решать весь комплекс вопросов по борьбе с общеуголовным терроризмом. Естественно, одним из условий успеха в решении этих задач является взаимодействие с другими привлекаемыми к борьбе с терроризмом силами, и в первую очередь – с органами ФСБ.

Что касается других видов терроризма, то ОВД и части (подразделения) ВВ могут привлекаться к участию в пресечении террористических актов. Все сведения о подготовке террористических актов, которые поступят в ОВД, немедленно передаются в органы ФСБ (в автоматизированную информационную систему). На основании принятого органами ФСБ решения в их распоряжение выделяется личный состав для формирования групп оперативного построения. Выполнение задач этими группами организуется соответствующими руководителями служб ОВД и командирами частей ВВ.

Организационными основаниями борьбы с терроризмом являются:

1. Разработка и выполнение оперативно-розыскных и разведывательных мероприятий по выявлению террористических групп и их подготовки к проведению террористических акций.

2. Разработка или внесение корректив в план действий ОВД и ВВ при чрезвычайных обстоятельствах.

3. Разработка и выполнение мероприятий по подготовке сил и средств к действиям по пресечению терактов и ресурсному обеспечению личного состава групп оперативного построения.

4. Разработка и осуществление предупредительных мероприятий по предотвращению актов терроризма.

Разработка этих документов и организация их выполнения возлагается на штатные штабы и отраслевые службы ОВД и штабы военных частей ВВ. Все они (кроме плана действий при чрезвычайных обстоятельствах) включаются разделами в планы отраслевых служб (воинских частей ВВ).

Одним из основных способов обеспечения успеха борьбы с терроризмом, независимо от компетенции, являются оперативно-

розыскные и разведывательные мероприятия. Только своевременная и достоверная информация о наличии и подготовке террористических групп к совершению террористических акций позволяет целеустремленно и своевременно организовать превентивные меры по предупреждению таких акций и организовать специальную операцию по ликвидации террористических групп.

К выполнению этих задач могут привлекаться подразделения по борьбе с организованной преступностью, уголовного розыска, по борьбе с преступлениями в сфере экономики, оперативного розыска, разведывательные подразделения ВВ с учетом их возможностей. Кроме того, должно быть организовано непрерывное взаимодействие с соответствующими подразделениями ФСБ, государственного таможенного комитета, налоговой полиции, федеральной пограничной службы и другими ведомствами.

Сложность задач, привлечение к их выполнению различных по возможностям сил требуют тщательно продуманного планирования оперативно-розыскных и разведывательных мероприятий и координации действий привлекаемых органов, служб, подразделений, создания единого банка полученной информации и организации постоянной аналитической работы. При оценке обстановки следует в первую очередь проанализировать уже имеющиеся данные и выделить из них те, которые в короткие сроки могут быть дополнены недостающими данными, необходимыми для реализации.

Затем необходимо обработать информацию о тех объектах, которые представляют определенный интерес, позволяющую создать необходимые оперативные позиции. И последними можно называть объекты, получение информации о которых значительно затруднено или невозможно. В этом случае можно ограничиться сбором признаков, свидетельствующих о реальной угрозе совершения террористических актов.

К таким признакам относятся: эксцессы и конфликтные ситуации, возникающие на почве национальных, этнических и религиозных разногласий; участвовавшие проявления коррупции; рост националистических, экстремистских и корыстных проявлений; кризисные явления в банковской системе, на частных предприятиях и т.п. объектах; возникновение «каст» среди молодежи и подростков, которые совершают групповые насильственные действия, подрывающие общественную безопасность, и создают угрозу жизни и здоровью граждан; рост случаев похищения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, нападений на сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих с целью завладения оружием; рост «разборок» по переделу сфер влияния с применением оружия и взрывных устройств и другие.

На основании обобщения и анализа полученной информации об обострении оперативной обстановки и появления признаков, свидетельствующих о возможных террористических актах, разрабатываются превентивные меры по их предотвращению.

Практика деятельности органов внутренних дел идет по пути проведения специальных профилактических операций для устранения причин роста отдельных видов преступлений.

Следует подчеркнуть, что организация и проведение операции по розыску и захвату вооруженных террористов – это сложный управленческий процесс, в каждом конкретном случае посвоему уникальный и требующий максимального напряжения творческих сил руководителя. К сожалению, необходимость проведения таких операций возникает все чаще и чаще. Поэтому тщательный, объективный и всесторонний анализ каждой проведенной операции такого вида, выявление и обобщение недостатков, с одной стороны, и крупниц передового опыта – с другой, в конкретных условиях обслуживаемой территории и с учетом имеющихся сил и средств, внесение на этой основе соответствующих коррективов в планы являются жизненной необходимостью для каждого городского или районного отдела внутренних дел.

### **ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ПРИМЕНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Ковальчук А.Н., к.т.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Чудинова О.А.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Овчинко О.А.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Бородин С.В.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Имеющая в настоящее время место тенденция роста преступности, агрессивность и жестокость преступного мира на фоне его

технической и боевой оснащенности ставят перед правоохранительными органами сложные и ответственные задачи по обеспечению правопорядка как в целом по стране, так и в Сибирском регионе. Специфика деятельности сотрудников органов внутренних дел в этих условиях предъявляет повышенные требования к их профессионализму, и прежде всего к огневой подготовке. В то же время анализ практического опыта деятельности органов внутренних дел свидетельствует о недостаточной огневой подготовленности личного состава ОВД, что отмечается в результатах научных исследований.<sup>1</sup> На наличие данной проблемы указывалось в решении Коллегии МВД России от 22 октября 2003 г. №5 км/2 «О совершенствовании профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации», где на этот факт обращено особое внимание, поскольку практика деятельности правоохранительных органов показывает, что исход любой операции по пресечению преступных действий во многом зависит от умения сотрудника в совершенстве владеть табельным оружием в сложной, быстроменяющейся оперативной ситуации.

По Красноярскому краю, согласно статистическим данным, количество случаев применения оружия сотрудниками ОВД за последние 10 лет обнаруживает тенденцию к снижению, составляя: в 1993 г. – 43 случая, в 1994 г. – 32, в 1995 г. – 22, в 1996 г. – 19, в 1997 г. – 20, в 1998 г. – 18, в 1999 г. – 15, в 2000 г. – 9, в 2001 г. – 6, в 2002 г. (первое полугодие) – 7 случаев. Та же тенденция наблюдается и при использовании оружия: в 1993 г. – 30 случаев, в 1994 г. – 19, в 1995 г. – 9, в 1996 г. – 30, в 1997 г. – 33, в 1998 г. – 36, в 1999 г. – 25, в 2000 г. – 15, в 2001 г. – 19, в 2002 г. (первое полугодие) – 11 случаев. При этом случаи неправомерного применения оружия сотрудниками ОВД за указанный период отсутствовали, а доля случаев неправомерного использования оружия составила 5,3% от их общего количества.

В целом по России доля случаев неправомерного применения оружия составляет 1-2,5% от их общего количества, приблизительно в 0,2-0,3% случаев сотрудники ОВД неправомерно использовали оружие.<sup>2</sup> Несмотря на то что в стране налицо тенденция к снижению случаев неправомерного применения и использования оружия, абсолютный их показатель остается довольно высоким: в 1995 г. – 64, в 1996 г. – 59, в 1997 г. – 46, в 1998 г. – 22, в 1999 г. – 25, в 2000 г. – 27 случаев.

Следует отметить, что вопрос о применении оружия сотрудниками милиции достаточно сложен в правовом отношении и содержит множество переплетающихся оснований, которые сотруд-

нику трудно однозначно и быстро оценить в экстремальной ситуации. Дело доходит до того, что часть сотрудников не применяют оружие, особенно на упреждение, даже при явной угрозе своей жизни и наличии юридических оснований и условий, боясь быть обвиненными в нарушениях законности, что в итоге нередко приводит не только к их гибели, но и гибели граждан. В частности, ведомственная статистика показывает, что ежегодно при исполнении служебных обязанностей погибают более 300 сотрудников и около 2000 тысяч получают тяжкие телесные ранения и увечья по причине профессиональной неподготовленности. В Красноярском крае по этой причине за период с 1993 по 2002 гг. погибли 3 и ранены 33 сотрудника ОВД, пострадали 15 граждан, 2 из которых погибли.

Причины гибели и ранений работников ОВД и граждан во многом объясняются также недостатками тактической, профессионально-психологической, а также физической и морально-волевой подготовленности к действиям в напряженных и опасных ситуациях. Другим немаловажным следствием названных причин являются разнообразные нарушения сотрудниками правил безопасного обращения с оружием, должного и эффективного его применения ввиду низкой их технической подготовленности.

Известно, что сложившаяся практика организации служебно-боевой подготовки в правоохранительных структурах строится, как правило, разрозненно (стрельба отдельно, физическая подготовка отдельно, правовая подготовка отдельно и т.д.), что не способствует формированию интегральной боевой готовности сотрудников ОВД к экстренным действиям в различных условиях и ситуациях в целом и профессиональному применению оружия в частности.

Решение создавшейся проблемной ситуации делает актуальным совершенствование форм, средств и методов повышения уровня огневой подготовки сотрудников ОВД.

Одним из главных направлений совершенствования огневой подготовки на современном этапе являются методы моделирования различных ситуаций, встречающихся в профессиональной деятельности сотрудников милиции. Теоретический и практический опыт отечественных и зарубежных ученых показывает, что моделирование широко используется в педагогике, теории и методике физического воспитания как у нас в стране, так и за рубежом. Но, несмотря на то что эти методы получили большое распространение в спортивной науке и практике, сегодня можно констатиро-

вать, что в системе огневой подготовки работников органов внутренних дел они еще не нашли в должной степени свое применение.

Как нам представляется, использование комплексного моделирования условий и задач служебно-боевой деятельности должно базироваться на особенностях так называемой «милицейской стрельбы»<sup>3</sup>, которая представляет собой комплекс обязательных для сотрудника милиции знаний и умений, связанных с профессиональным использованием боевого табельного огнестрельного оружия в условиях оперативно-служебной деятельности. Она включает в себя: глубокие знания материальной части оружия, умение грамотно эксплуатировать его; твердые навыки безопасного обращения с оружием; умение вести меткий огонь характерными для «милицейской стрельбы» способами; владение тактикой «милицейской стрельбы» – умение грамотно вести себя во время перестрелки, правильно выбирать укрытия, положения для стрельбы и т.д.; умение в соответствии с существующим законодательством принимать решение на применение оружия, его грамотно применять, а впоследствии правильно отчитаться о применении оружия; выполнять прямые служебные обязанности в условиях огневого противоборства с противником; умение оказать первую медицинскую помощь себе, сослуживцам и лицам, против которых применялось оружие.

Способности к «милицейской стрельбе» у сотрудников органов правопорядка представляют собой совокупность физических, психологических, психофизиологических качеств и умственных данных личности, определяющих успешность выполнения оперативных задач. В процессе обучения, воспитания, тренировок эти способности развиваются.

Большая роль в профессиональной деятельности милиционера, связанной с применением оружия, принадлежит высокоавтоматизированным навыкам, наличие которых освобождает сознание человека от контроля за отдельными деталями действий и позволяет сосредоточиться на основных, решающих моментах деятельности.

К высокоавтоматизированным навыкам, характерным для стрельбы из огнестрельного табельного оружия, можно отнести сенсорные, умственные и двигательные навыки. Сенсорные – это автоматизированные действия, позволяющие быстро и с большой точностью воспринимать окружающую действительность. Умственные – это автоматизированные мыслительные действия, отражающие в сознании сущность окружающих явлений, основанные на анализе, синтезе, сравнении, абстракции, обобщении. Двига-

тельные – это высокоавтоматизированные действия, обеспечивающие моторную реализацию принятых решений.

Навыки, сформированные для нормального течения работы, не достаточны для обеспечения высокого профессионального уровня в опасной ситуации.

Формировать у сотрудника милиции правовые и двигательные умения и навыки, которые должны соответствовать требованиям, предъявляемым «милицейской стрельбой», можно, используя квалификационные задания.

Применение квалификационных заданий в учебном процессе позволяет обучить сотрудников:

- умению эффективно использовать оружие, то есть метко стрелять в различных ситуациях, из различных положений и из различных видов оружия, быстро перезаряжать, держать оружие в боевой готовности;

- умению сделать противника безопасным с помощью оружия;
- владению правилам безопасности при ношении и применении оружия;

- тактике индивидуального и группового применения огнестрельного оружия сотрудниками ОВД в служебной обстановке;

- правовым особенностям применения оружия к правонарушителям и практическому порядку действий сотрудника по применению оружия в различных условиях правового поля;

- технике передвижения во время огневого контакта с правонарушителем, уклонения от встречного огня и т.п. действиям, которые жизненно необходимы милиционеру в практике.

Таким образом, квалификационные задания систематизируют в себе правовые и стрелковые навыки в единое профессиональное умение применять оружие на фоне возможной служебной обстановки, связанной с оперативно-следственной или административной деятельностью.

Структура задания включает ряд задач, последовательное решение которых позволяет проявиться как приобретенным, так и врожденным качествам сотрудника. Первоначально отрабатываются простейшие (одноэпизодные) ситуации, затем из них формируются двух- и многоэпизодные ситуации, на основе которых комплектуются тактические игры (типовые комплексные квалификационные задания).

Опыт проведения аттестации курсантов-выпускников СибЮИ МВД РФ в форме квалификационных заданий в целом подтвердил их важность и перспективность как средства формирования необходимых профессионально-прикладных знаний, навы-



ков и качеств в целом и профессионального применения оружия в частности, так как требует от сотрудников комплексного проявления правовых знаний, а также технических, тактических, интеллектуальных и психологических качеств в условиях, максимально приближенных к реальной практической деятельности. Метод моделирования различных ситуаций служебной обстановки позволяет добиться более высоких положительных сдвигов в показателях правовой и тактико-технической подготовленности, оперативного мышления, зрительно-пространственного воображения и психорегуляции по сравнению с традиционными методами обучения, а также существенно сократить отрицательное влияние неблагоприятных факторов, имеющих место в деятельности сотрудников ОВД.

---

<sup>1</sup> Корецкий Д., Сильников М. Роковая статистика // Милиция. – 2002. – №1. – С.49-53; Практика применения и использования оружия сотрудниками органов внутренних дел (информационно-аналитический обзор) / В.Г.Колухов, В.Я.Невструев, М.П.Балакин и др. – М., 1998.

<sup>2</sup> Щипин А.И. и др. Огневая подготовка в подразделениях органов внутренних дел: Учебное пособие. – М., 2001.

<sup>3</sup> Архипенко И.В. Принципы комплексного подхода в совершенствовании боевой подготовки сотрудников ОВД // Вопросы совершенствования боевой подготовки в современных условиях: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – М., 2002.

## **ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ КАК СРЕДСТВА СОХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Галунский И.И.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

В настоящее время в период реформирования органов внутренних дел (ОВД) в направлении, отвечающем запросам общества, требуется использовать разнообразные возможности для формирования новых позитивных ценностей. Такими средствами могут стать обряды и ритуалы. На их возможности нацеливает Концепция кадровой политики МВД России, где говорится о необходимости повышения значимости традиций и ритуалов в воспитании личного состава. Кроме того, приказ МВД России «О мерах по совершенствованию воспитательной работы в органах внутренних

дел Российской Федерации» требует работы в данном направлении от руководителей кадровых подразделений.

Зарубежный и отечественный менеджмент достаточно давно и эффективно использует возможности организационных обрядов и ритуалов для закрепления ценностей, необходимых для развития организации в рамках существующей организационной культуры, а также в создании единого сплоченного коллектива, обладающего, по меткому выражению А.Файоля, «корпоративным духом». Такой коллектив способен нужным образом отреагировать на изменения во внешней среде функционирования и достичь целей, стоящих перед организацией.

Ценности или ценностные ориентации являются одной из категорий, включаемых в определение организационной культуры. Ценности ориентируют индивидуума в том, какое поведение следует считать допустимым или недопустимым. Эти ценностные ориентации передаются индивидуумам через «символические» средства духовного и материального внутриорганизационного окружения.<sup>1</sup>

В понятие организационной культуры входит и символика, с помощью которой ценностные ориентации «передаются» членам организации. Существует две составляющие знаково-символической системы: вербальные и невербальные компоненты. К первой относят мифологию, язык, то есть все то, что передается с помощью словесных символов. Во вторую включают обряды, ритуалы, одежду, знаки отличия, награды, дизайн служебных помещений и другие несловесные символы, которые выражают ценности, присущие данной организации.

Важное значение в закреплении или изменении организационных ценностей, а в конечном счете в формировании культуры организации, отводится обрядам и ритуалам. В ходе проведения обрядов и ритуалов сотрудниками познаются основные ценности, присущие ОВД, формируется чувство причастности к коллективу. Это позволяет в необходимых случаях задействовать групповой потенциал при решении наиболее сложных оперативно-служебных задач.

Слово «ритуал» произошло от латинского слова «ritualis» – обрядовый. Как видно, ритуал и обряд в этимологическом значении очень близкие понятия, хотя некоторые особенности этих явлений позволяют их разграничить.

Ритуал представляет собой совокупность специальных мероприятий (обрядов), оказывающих психологическое влияние на членов организации с целью укрепления преданности ей, затуше-

вываяния истинного смысла тех или иных сторон ее деятельности, обучения организационным ценностям и формирования необходимых убеждений.<sup>2</sup>

Ритуал – порядок обрядовых действий или установленный порядок действий при совершении чего-либо.<sup>3</sup>

Обряд – традиционные действия, сопровождающие важные моменты жизни и производственной деятельности человеческого коллектива.<sup>4</sup>

С помощью обрядов и ритуалов происходит зримое подчеркивание существующих, возможно, в закодированной форме, ценностей в образцы поведения, понятные сотрудникам, значимые и одобряемые организацией. Обряды и ритуалы позволяют придать особую важность проводимым мероприятиям, которые посвящены эпохальным событиями в деятельности организации и ее сотрудников и связаны со стержневыми организационными ценностями.

Сегодня наибольшее распространение на предприятиях, в фирмах и организациях получили следующие организационные обряды: прием новичков, проводы на пенсию, особенно ветеранов организации, торжественные собрания, посвященные знаменательным датам организации, изменение статусной позиции, ежегодные приемы, подводящие итоги деятельности, совместные обеды руководителей и специально приглашенных сотрудников и др., большинство из них сопровождаются особым порядком действий. В Японии широкое распространение получил обряд пения гимна предприятия перед началом работы всеми работниками: от руководителя до рядовых исполнителей.

Как показало проведенное автором исследование органов внутренних дел г.Красноярска, в ОВД сложились определенные обряды и ритуалы. В некоторых ОВД существует ритуал приветствия дежурным начальника утром, во время которого дежурный кратко информирует начальника об оперативной обстановке за истекшие сутки, с взаимным отдаванием воинской чести. Кроме того, во всех ОВД проводятся торжественные собрания личного состава по празднованию «Дня милиции», где происходит чествование лучших сотрудников, достигших наивысших результатов в оперативно-служебной деятельности, тем самым выделяются наиболее значимые для данного органа образцы поведения. Сложился определенный порядок проведения ежегодных строевых смотров – осеннего и весеннего, призванных, в том числе, подчеркнуть значение форменной одежды, как одного из атрибутов единения сотрудников.

Однако четко сформировавшейся, отлаженной системы использования обрядов и ритуалов для поддержания и формирования организационной культуры в данный момент в ОВД не имеется. Из 840 опрошенных сотрудников только каждый пятый дал утвердительный ответ о проведении в их органе торжественных мероприятий, связанных с принятием присяги, посвящением в сотрудники, присвоением первоначальных званий, а лишь в 17% случаях это сопровождается определенным ритуалом.

В результате можно констатировать, что в ОВД недостаточно эффективно и целенаправленно используются возможности обрядов и ритуалов по закреплению и сохранению позитивных ценностей и сложившихся на их основе традиций.

Для наилучшего управления процессами, связанными с формированием организационной культуры в любом ОВД, требуется создание такой системы управления, которая бы смогла обеспечить надлежащую передачу значимых для данного ОВД ценностей сотрудникам, как с помощью руководящего звена, показывающего своей деятельностью, какие образцы поведения отвечают базовым ценностям, так и с помощью обрядов и ритуалов.

В целях закрепления у молодых и новых сотрудников положительных ценностей, присущих имеющейся организационной культуре, адекватному восприятию знаково-символической системы, образованию «корпоративного духа», обеспечивающего единство и сплоченность коллектива по достижению целей, стоящих перед ОВД, предлагается следующее:

- задействовать при проведении торжественных мероприятий обряды, в частности такие, как: посвящение в сотрудники ОВД, вручение погон после присвоения первого специального или офицерского звания, при получении форменной одежды и табельного оружия, прощание с подразделением, встреча сотрудников, вернувшихся из «горячих точек», принятие присяги, вручение наград, поощрение отличившихся в службе, чествование юбиляров и ветеранов и др.;

- использовать при проведении указанных обрядов ритуал вноса и выноса знамени, а также другие, связанные с отдаванием чести, приветствием начальника при утреннем прибытии в подразделение, вставанием при входе в кабинет старшего по званию и т.д.;

- внедрить в практику ОВД относительно новые ритуалы: «день открытых дверей», «обход рабочих мест руководителем», «служебная подготовка» и ритуалы внеслужебного общения – «вечера отдыха», «коллективные спортивные состязания» и др., которые призваны поддерживать и укреплять здоровые традиции.

Большинство обозначенных предложений эффективно используются в Сибирском юридическом институте МВД России, ценности существующей организационной культуры транслируются курсантам, слушателям и преподавательскому составу. Органам внутренних дел необходимо активно использовать данный опыт по сохранению и формированию позитивных организационных ценностей, а в конечном счете – созданию зрелой организационной культуры.

---

<sup>1</sup> Лафта Дж.К. Эффективность менеджмента организации: Учебное пособие. – М., 1999. – С.57.

<sup>2</sup> Веснин В.Р. Основы менеджмента. – М., 1999. – С.104.

<sup>3</sup> Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992. – С.703.

<sup>4</sup> Советский энциклопедический словарь. – М., 1982. – С.908.

## **СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ РЕГИОНА**

Молоков В.В., к.т.н.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Лапко А.А.

Красноярский государственный  
аграрный университет

С позиций системного подхода преступность – это динамический процесс социальной природы, включающий множество элементов в виде актов преступного поведения и лиц, их совершивших, которое образует стохастическую, сложную, гетерогенную, многократно расчлененной структурой статистическую совокупность, характеризующую в конкретных пространственно-временных рамках системой свойств и параметров.

Будем рассматривать преступность как целенаправленную распределенную в пространстве и времени систему, в пределах которой однородная популяция населения взаимодействует с относительно однородной средой существования. Эффективность такой системы характеризуется динамикой показателей преступности.

Структуру исследуемой системы составляют: население региона, характеризующееся социально-экономическими условиями

проживания и демографическими параметрами ( $x$ ); правоохранительные органы, осуществляющие целенаправленные воздействия ( $u$ ) на управляемую систему (населения региона) путем проведения оперативных и профилактических мероприятий.

Показатели эффективности системы ( $y$ ) – количественные оценки состояния преступности в регионе, стабилизация либо уменьшение которых определяется поставленной целью  $G$  перед правоохранительными органами. Компоненты вектора  $y = (y_1, y_2, \dots, y_l)$  взаимосвязаны, что характеризует различные формы преступности не как случайность, а как свойство существующей системы общественного устройства.

Управляющий элемент системы – правоохранительные органы, они выполняют свои функции, используя соответствующее кадровое и материально-техническое обеспечение, характеризующееся набором параметров  $z$ .

При этом процесс принятия решений требует знания закономерностей взаимосвязи между параметрами изучаемой системы

$$y(t) = F_t(x, z, u, t) \quad \forall \quad t \in T.$$

Сложный характер модели определяется временной изменчивостью оператора взаимосвязи  $F_t(\cdot)$ , что придает системе уникальный характер. Основной исходной информацией при исследовании подобных систем являются статистические данные о состоянии преступности, об условиях проживания населения в регионе и качественного состава органов внутренних дел:

$$V = (y^t, \omega^t, \quad t = \overline{1, n}), \quad \omega^t = (x^t, z^t, u^t),$$

где  $n$  – количество периодов времени контроля параметров системы.

Анализ показателей состояния преступности требует решения нескольких задач, таких как оценивание, прогнозирование, моделирование, и преследует цели определения эффективности деятельности подразделений правоохранительных органов, профилактических и оперативных мероприятий, расстановки сил и средств.

Автоматизация решений приведенных задач связана с разработкой математических методов оценивания и прогнозирования динамики состояния преступности в зависимости от складывающихся факторов внешних условий. Возникающие при этом трудности обусловлены нестационарностью искомых статистических закономерностей и, как следствие, малым объемом исходной информации, который составляют данные коротких временных рядов

показателей состояния преступности и социально-экономических условий региона. Применение методов непараметрической статистики в предлагаемых моделях позволяет обойти проблему детального формирования математической модели путем системной статистической интерпретации исходной информации.

В отличие от известных подходов синтез непараметрического коллектива осуществляется на основе упрощенных аппроксимаций восстанавливаемой временной зависимости относительно системы опорных точек из обучающей выборки. При этом используется метод двойного коллективного оценивания, улучшающий свойства традиционных непараметрических моделей за счет более полного использования априорных сведений. Данный метод реализует построение упрощенных аппроксимаций последовательно в двух направлениях от начального и от конечного условий обучающей выборки, что позволяет в два раза увеличить их количество. Причем организация полученных аппроксимаций в обобщенной модели осуществляется с помощью двойного коллективного оценивания (непараметрического и параметрического). Тем самым реализуется «принцип веника», когда каждая отдельная его «веточка» не имеет самостоятельного значения, а их интеграция в «венике» придает ему функциональное назначение.

Развитием изложенного метода являются различные модификации непараметрических моделей коллективного типа и их коллективы для решения задач восстановления временных стохастических зависимостей, позволяющих максимально использовать информацию обучающих выборок, такие как:

- 1) непараметрическая модель коллективного типа с памятью, учитывающая инерционность временных процессов;
- 2) непараметрическая модель коллективного типа, основанная на учете эффективности упрощенных аппроксимаций;
- 3) непараметрическая модель коллективного типа с памятью, основанная на учете эффективности упрощенных аппроксимаций.

На основе разработанных непараметрических моделей восстановления временных зависимостей создана информационная система оценивания и прогнозирования показателей преступности региона.

Функциональное назначение информационной системы состоит в обнаружении и прогнозировании закономерностей формирования динамики показателей преступности в зависимости от социально-экономических условий, качественного состава и оснащенности правоохранительных органов; определении неблагоприятных (криминогенных) факторов социально-экономических усло-

вий; их дифференциации по степени влияния на различные виды преступлений; выборе вариантов изменения условий проживания населения региона и мер воздействия на преступность.

Эксплуатационное назначение системы:

- обеспечение поддержки принятия решений для специалистов аналитических отделов штабов органов внутренних дел;
- в качестве информационных тренажеров для подготовки и повышения квалификации специалистов учебных заведений МВД.

Состав основных выполняемых функций:

- ведение баз данных информационной системы оценивания и прогнозирования показателей преступности региона;
- расчет статистических оценок показателей преступности и параметров социально-экономических условий для конкретных территорий;
- оценка временной изменчивости вероятностных характеристик преступности и параметров условий проживания населения;
- оценка меры взаимосвязи между показателями преступности, социально-экономическими факторами, качественным составом и оснащенностью правоохранительных органов для конкретных территорий и их временной динамики;
- прогнозирование показателей преступности по значениям демографических и социально-экономических факторов, качественного состава и оснащенности органов внутренних дел;
- оценка «вклада» социально-экономических и иных параметров внешних условий в изменение показателей преступности;
- визуализация результатов динамики и прогнозирования показателей преступности;
- формирование вариантов изменения социально-экономических условий проживания населения, качественного состава и оснащенности ОВД, обеспечивающих заданный уровень снижения преступности в регионе.

Множество функций системы образует структуру из четырех блоков: ведение базы данных; обнаружение вероятностных закономерностей взаимосвязи между показателями преступности и внешними факторами; прогнозирование показателей преступности; идентификация криминогенных факторов. Ключевое значение принадлежит блоку прогнозирования, по результатам функционирования которого решаются задачи идентификации криминогенных факторов, определения внешних условий, обеспечивающих устойчивое снижение уровня преступности. При этом исходная информация (значимые наборы факторов) для синтеза модели про-



гнозирования преступности формируются в блоке обнаружения закономерностей.

Программное обеспечение информационной системы оценивания и прогнозирования показателей преступности региона разработано в среде визуального программирования Delphi для IBM совместимых компьютеров.

Информационное обеспечение программной системы оценивания и прогнозирования показателей преступности региона составляет автоматизированная база данных, объекты которой сформированы из набора таблиц, содержащих необходимый для анализа и принятия решений объем данных.

Источники информации, составляющие базу данных, условно можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним относятся данные о фактах преступлений, регистрируемых в органах внутренних дел, и сведения о результатах противодействия преступности, состоянии оснащенности правоохранительных органов и их качественного состава. К внешним источникам относятся сведения социально-экономической и демографической обстановке в регионе, результаты изучения общественного мнения, а также иная информация. Все внешние факторы по степени влияния подразделяются на положительные (антикриминогенные), отрицательные (криминогенные) и нейтральные. Так как до настоящего времени не существует методики оценки влияния факторов на преступность, не определено их точное количество и перечень, объем хранимой в базе данных информации определяется экспертным путем и предполагает некоторую избыточность.

Полученные результаты работы системы могут служить исходной информацией для лиц, принимающих решения по выбору организационных и оперативных мероприятий, направленных на профилактику и борьбу с преступностью.

## **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

Невирко Д.Д.  
Уральский юридический институт  
МВД России

Ратификация Российской Федерацией Европейской конвенции по правам человека налагает на правоохранительные органы

ряд обязательств, ранее не известных российской науке и практике. Следует отметить тот факт, что некоторые нормы Конституции РФ и законодательства РФ не соответствуют Конвенции, а также правовым позициям Европейского Суда, что несколько усложняет их учет в деятельности правоохранительных органов.

Анализ норм Конституции РФ приводит к выводу, что в Российской Федерации доктрина исходит из признания Конституции РФ документом, обладающим высшей юридической силой. Однако анализ международной правоприменительной практики по правам человека, в частности решений Европейского Суда, приводит к выводу о полной несостоятельности данной доктрины. Европейский Суд (Суд) создан для защиты положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и самой Конвенции, поэтому при возникновении противоречий между положениями национальных норм и норм Конвенции, а также судебной практики Суд будет руководствоваться последними, а в силу ч.1 ст.46 Конвенции, в которой указывается: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами», а также в силу ч.4 ст.15 Конституции государство будет обязано выполнить решение Суда, которое может противоречить Конституции РФ. Рассмотрим несколько примеров возможных противоречий.

Ряд вопросов вызывает положение ч.3 ст.46 Конституции РФ, согласно которому «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Схожая формулировка содержится и в ч.1 ст.35 Конвенции. То есть государства свободны от ответственности перед международным сообществом, пока имеют возможность восстановить нарушенное право в рамках национальной правовой системы. «Поэтому важный аспект этого принципа состоит в том, что механизм защиты, установленный Конвенцией, является субсидиарным по отношению к национальным системам гарантий прав человека»<sup>1</sup>. В связи с этим ряд ученых полагают, что обращение гражданина России в Европейский Суд возможно только после рассмотрения его дела Верховным Судом РФ или Высшим Арбитражным Судом РФ. Часть авторов полагают, что во исполнение ч.3 ст.46 Конституции РФ необходимо обратиться и в другие государственные органы. Так, по мнению С.А.Горшковой, «по ряду оснований исчерпание национальных средств правовой защиты может не ограничиваться только рассмотрением дел в судах общей юрисдик-

ции. Конституционный Суд тоже является такой инстанцией, когда речь идет о нарушении Конституционных прав граждан»<sup>2</sup>.

Однако в ряде своих решений Европейский Суд расширительно растолковал данное положение Конвенции, чем практически отменил его для ряда случаев. Европейским Судом выработан ряд оснований для отказа в применении нормы об использовании всех национальных средств защиты прав и свобод человека и гражданина.

Согласно общему правилу «средства защиты должны быть достаточно определенными не только в теории, но и на практике, в противном случае они не обладают требуемой доступностью и эффективностью», а по мнению Суда, «ничто не обзывает обращаться к средствам правовой защиты, которые не являются достаточными и эффективными». Вызывает ряд вопросов тот факт, что при применении рассматриваемой нормы «Суд должен реально оценить не только то, как выглядят в теории средства правовой защиты в данной системе, но и общий правовой и **политический** контекст, в котором они действуют»<sup>3</sup>. Если вопросы права, судебной и административной практики возможно оценить и проанализировать, что обязывает Европейский Суд руководствоваться определенными нормами, то, принимая решение на основе анализа «общего политического контекста», Суд не связан какими-либо предписаниями, и пределы судейского усмотрения в данном случае будут неизмеримыми. Как считает Суд, «правило исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты должно применяться с определенной гибкостью и без чрезмерного формализма»<sup>4</sup>. С середины 90-х гг. Суд активно использует право не учитывать положения указанной нормы Конвенции. Более того, количество особых мнений, касающихся использования указанного выше права, невелико.

Так, в деле Аксой против Турции<sup>5</sup> Правительство просило Суд отклонить жалобу заявителя на основании того, что он не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты, доступных ему, что противоречит ст.26 Конвенции.<sup>6</sup> Стороной Правительства также был приведен целый ряд национальных средств правовой защиты, которые заявитель не использовал. Однако Суд пришел к выводу, что имелись особые обстоятельства, которые освобождали заявителя от обязанности исчерпать внутренние средства правовой защиты. Указанное решение основывалось в основном на том факте, что прокурор после встречи с заявителем, который находился в местах лишения свободы, не стал выяснять причины возникновения телесных повреждений, хотя по турецкому законодательству

обязан был это сделать. В решении Муслим против Турции от 01.10.02 г.<sup>7</sup> Суд принял дело к своему производству до принятия окончательного решения национальными органами, поскольку посчитал, что «производство не создавало перспектив для благоприятного разрешения дела». В деле Йоргов против Болгарии<sup>8</sup> (решение от 03.10.02 г.) Суд отверг доводы властей Болгарии об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты на основании того, что заявитель, содержащийся в местах лишения свободы, неоднократно направлял жалобы тюремным властям по поводу его содержания. В деле Г.Б. против Болгарии<sup>9</sup> (решение от 03.10.02 г.) Суд посчитал обращение в национальные органы защиты прав необязательным, так как нарушение права возникло вследствие принятого Парламентом решения. В деле Абсандзе против Грузии (решение от 15.10.02 г.) Суд отклонил доводы стороны правительства на основании того, что посчитал внутренние средства правовой защиты неэффективными.<sup>10</sup> Детальный анализ последних решений Европейского Суда по правам человека приводит к выводу о том, что положение об исчерпании внутренних средств правовой защиты больше не является обязательными для ряда категорий дел, так как Суд, как правило, принимает сторону заявителя и отвергает доводы правительств по указанному вопросу.

Таким образом, мы видим явное противоречие Конституции РФ и международной нормы, в случае возникновения которого непременно будет действовать последняя. Этот вопрос также осложняется тем, что Россией на законодательном уровне признана компетенция Европейского Суда по толкованию Конвенции. Так, в ст.1 ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней»<sup>11</sup> указывается: «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации».

Особое внимание Европейского Суда при решении вопроса и необходимости исчерпания всех средств национальной защиты прав уделяется деятельности правоохранительных органов. Следует отметить, что анализируются не только решения правоохранительных органов по конкретному делу, но и вся их деятельность в государстве.

Исходя из анализа правовых позиций Европейского Суда, можно сделать вывод, что основными основаниями для отказа в удовлетворении ходатайства правительства об отказе в рассмотрении жалобы по причине исчерпания всех средств национальной защиты прав являются: нарушение права государственными органами, в полномочия которых входит защита прав человека; непринятие правоохранительными органами мер по защите прав граждан, если им было известно или должно было быть известно о нарушении прав.

Таким образом, в настоящее время, учитывая тенденцию к увеличению жалоб против России в Европейский Суд, назрела необходимость в изменении ряда подзаконных актов в сфере правоохранительной деятельности в соответствии с указанными правовыми позициями, чтобы исключить возможность отказа Европейского Суда от применения норм ч.1 ст. 35 Европейской конвенции при рассмотрении дел с участием России.

---

<sup>1</sup> Решение по делу Акдивар и другие против Турции от 16 сентября 1996 г. // Reports. – 1996. – С.19. – п. 78.

<sup>2</sup> Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. – М., 2001. – С.206.

<sup>3</sup> Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. / Пред. ред. кол. В.А.Туманов. – С.344.

<sup>4</sup> Дело №4855553/99 Компания «Совтрансавто холдинг» против Украины // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2003. – №1. – С.17.

<sup>5</sup> Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. / Пред. ред. кол. В.А.Туманов. – С.339-361.

<sup>6</sup> 01.11.98 г. В связи с вступлением в силу Протокола №11 положения Конвенции были изменены.

<sup>7</sup> Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2003. – №3. – С.9-10.

<sup>8</sup> Там же. – С.13.

<sup>9</sup> Там же. – С.14.

<sup>10</sup> Там же. – С.16.

<sup>11</sup> Собрание законодательства РФ. – 1998. – №14. – Ст.1514.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ  
С ВОЗМЕЩЕНИЕМ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО  
НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ (БЕЗДЕЙСТВИЕМ)  
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИЛИ  
ИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ**

Железняк Е.Г.

Управление внутренних дел  
г.Красноярска

Милиция в Российской Федерации в соответствии с поставленными перед ней задачами призвана защищать граждан и государство от преступных и иных противоправных посягательств.

Сотрудники милиции в своей служебной деятельности руководствуются требованиями закона. Однако так происходит не всегда. Нередки факты, когда сотрудники действуют непрофессионально, своими противоправными действиями (бездействием) причиняют вред гражданам, организациям, в связи с чем потерпевшие предъявляют иски о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) сотрудников милиции.

Конституция Российской Федерации (ст.53) гарантирует каждому гражданину право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Содержание указанного права конкретизирует ст.16 ГК РФ, устанавливающая, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издание не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

Статья 1069 ГК РФ устанавливает единый режим ответственности за действия государственных органов и органов местного самоуправления вне зависимости от того, идет речь об издании правовых актов или о незаконных действиях в области административного управления. Необходимо подчеркнуть, что должностные лица, незаконными действиями (бездействием) которых причинен вред, непосредственной ответственности перед потерпевшим не несут. И в том, и в другом случаях причиненный вред возмещается за счет казны Российской Федерации, казны субъекта

Российской Федерации или казны муниципального образования. В соответствии со ст.1071 ГК РФ от имени казны выступают соответствующие финансовые органы. Но одновременного с этим п.3 ст.125 ГК РФ закреплена норма, определяющая особенности участия Российской Федерации как публичного образования при рассмотрении деликтных споров, то есть устанавливающая порядок выступления государственных органов в суде от имени казны Российской Федерации. Приведенная норма содержит прямые отсылки к иному регулированию указанного вопроса.

Пункт 10 ст.158 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ) установил, что главный распорядитель средств федерального бюджета выступает в суде от имени казны Российской Федерации:

- по искам о возмещении вреда, причиненного незаконными решениями и действиями (бездействием) соответствующих должностных лиц и органов, по ведомственной принадлежности;
- по искам подведомственных предприятий и учреждений, предъявляемым в порядке субсидиарной ответственности.

Таким образом, выплата средств по исполнительным листам производится за счет казны Российской Федерации из средств федерального бюджета, выделенных главным распорядителем.

Необходимо пояснить, что понимается под главным распорядителем средств федерального бюджета. Бюджетное законодательство дает такое определение данному понятию: главный распорядитель средств федерального бюджета – орган государственной власти Российской Федерации, имеющий право распределять средства федерального бюджета по подведомственным распорядителям и получателям бюджетных средств, определенным ведомственной классификацией расходов федерального бюджета.

В зависимости от предмета конкретного судебного спора функции представительства в судах интересов казны Российской Федерации вправе осуществлять соответствующие федеральные министерства и ведомства, являющиеся главными распорядителями средств федерального бюджета.

Главным распорядителем средств, в соответствии с ведомственной классификацией расходов федерального бюджета по отношению к органам внутренних дел, является Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Кажущаяся простота этих правил оборачивается в процессе их практического применения рядом сложных проблем.

На наш взгляд, одна из них заключается в том, что перечни расходов главного распорядителя, утверждаемые законами о бюд-

жете на соответствующий год, не содержат средств на выплаты по судебным решениям о возмещении вреда. В работах некоторых авторов обращается внимание на то, что главные распорядители, а также их должностные лица отвечают за целевое использование выделенных в их распоряжение бюджетных средств (ст.160 БК РФ). Таким образом, главный распорядитель не вправе использовать средства, выделенные ему из бюджета, на другие цели, не предусмотренные в структуре расходов бюджета, и не может отвечать за счет выделенных ему бюджетных средств по требованиям о возмещении вреда.<sup>1</sup> Налицо противоречие в нормах БК РФ (между ст.160 и п.10 ст.158), которое порождено тем, что закон о бюджете на соответствующий год не включает соответствующие расходы в перечень расходов каждого главного распорядителя.

Согласно гражданскому законодательству вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования. От имени казны, как было выше указано, выступают соответствующие финансовые органы, если эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина.

Однако на сегодняшний день в практике применения данной нормы существует ряд противоречий.

Так, очень часто суды в качестве «ответчиков» по данным делам привлекают различные органы: от департамента финансов субъекта Федерации и территориальных органов федерального казначейства до соответствующих органов государственной власти (управлений, отделов Министерства внутренних дел субъекта Российской Федерации) и непосредственно должностных лиц, несмотря на то что сами должностные лица, незаконными действиями (бездействием) которых причинен вред, ответственность перед потерпевшим «истцом» не несут.

При рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов внутренних дел или их должностных лиц, по нашему мнению, надлежащими ответчиками являются Министерство финансов РФ, если вред подлежит возмещению за счет казны РФ, управление финансов субъекта РФ, если вред должен возмещаться за счет казны субъекта РФ, либо финансовый отдел муниципального образования, если вред возмещается за счет казны этого образования. Мы полагаем, что при этом в решении об удовлетворении иска должно быть указано, что соответствующая сумма возмещения взыскивается за счет казны РФ (казны субъекта РФ, казны муниципального образования), а не за счет средств самого финансового органа.



Таким образом, для решения указанных проблем, связанных с возмещением вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов внутренних дел или их должностных лиц, на наш взгляд, необходимо построить согласованную систему возмещения вреда за счет казны, чем обеспечить важнейшее условие эффективного действия конституционного принципа ответственности государства.

---

<sup>1</sup> Короткова Л.А., Ковалевская Д.Е. Некоторые аспекты возмещения вреда, причиненного в результате действий (бездействия) налоговых органов и органов налоговой полиции // Налоговый вестник. – 2001. – №9. – С.185.

## **ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ**

Рачковский Д.В.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Согласно ст.2.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – Кодекс) сотрудники органов внутренних дел несут ответственность за административные правонарушения в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок прохождения службы в указанных органах. Для сотрудников ОВД такими нормативно-правовыми актами являются Закон РФ «О милиции» и Положение о службе в органах внутренних дел РФ. При этом необходимо оговориться, что Особенная часть Кодекса содержит ряд норм, за нарушение которых сотрудники несут административную ответственность на общих основаниях. Например, за нарушение законодательства о выборах и референдумах, нарушение требований пожарной безопасности вне места службы, нарушение правил дорожного движения и т.д. (полный перечень приведен в ст.2.5 Кодекса). Однако предметом анализа выступают процессуальные аспекты реализации указанной нормы, позволяющие освобождать сотрудников ОВД от административной ответственности и привлекать за совершенные правонарушения к дисциплинарной.

На первый взгляд ст.2.5 Кодекса не должна вызывать трудностей в применении, однако с точки зрения ее содержания непонят-

но, в каком порядке осуществляется сбор материалов, подтверждающих виновность сотрудника в административном правонарушении и, следовательно, виновность в дисциплинарном проступке, необходимо ли в этом случае возбуждать дело об административном правонарушении, выносить постановление по делу, применять к таким сотрудникам меры обеспечения и т.д. К сожалению, эти вопросы не нашли своего отражения в Кодексе, тогда как их актуальность и практическая значимость очевидны. Не содержится разъяснений и в принятых после введения Кодекса ведомственных нормативных актах. Необходимо отметить, что и в период действия КоАП РСФСР ведомственные нормативные акты не содержали ответов на указанные вопросы. В результате на практике лицо, проводящее служебную проверку по факту совершения сотрудником ОВД административного правонарушения, зачастую в своем заключении констатирует факт такого правонарушения, и на этом основании сотрудник привлекается к дисциплинарной ответственности. Является ли правильным такое решение проблемы? Представляется, что не совсем.

Исходя из буквального толкования ст.2.5 Кодекса, основанием дисциплинарной ответственности является совершение сотрудником ОВД административного правонарушения. Возникает вопрос: кем и в какой форме устанавливается факт совершения административного правонарушения и виновность в этом конкретного сотрудника?

Из анализа ст.ст.24.5 («Обстоятельства, исключаящие производство по делу об административном правонарушении») и 29.9 («Виды постановлений и определений по делу об административном правонарушении») Кодекса можно сделать вывод о том, что единственным процессуальным документом, устанавливающим виновность сотрудника в совершении административного правонарушения, является постановление по делу об административном правонарушении (о назначении наказания либо о прекращении производства по делу по нереабилитирующим основаниям), вынесенное уполномоченным юрисдикционным лицом или органом. Аналогичный вывод следует из ч.2 ст.1.5 Кодекса, устанавливающей, что лицо только тогда может быть признано виновным в совершении административного правонарушения, когда его вина будет доказана в порядке, предусмотренном Кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело. Таким образом, ответ на вопрос о необходимости возбуждения дела об административном правонарушении, сбора доказательств по делу и вынесения упол-

номоченным юрисдикционным лицом (органом) постановления о прекращении производства по делу не вызывает сомнений – это должно происходить в каждом случае совершения сотрудником ОВД административного правонарушения, так как в противном случае просто не будет основания для его привлечения к дисциплинарной ответственности.

Случаи, с наступлением которых законодатель связывает возбуждение дела об административном правонарушении, указаны в ч.4 ст.28.1 Кодекса. Рассмотрим некоторые из них:

*1. Составление протокола об административном правонарушении (п.2 ч.4 ст.28.1).* Составление протокола является важным и необходимым моментом процедуры привлечения сотрудника к ответственности. При этом необходимо помнить, что протокол сам по себе не является тем процессуальным документом, который констатирует виновность сотрудника в совершении административного правонарушения, а является лишь источником доказательств, наряду с другими (ч.2 ст.26.2 Кодекса). Исходить при производстве по делу об административном правонарушении из обратного значит нарушить конституционное право сотрудника, привлекаемого к ответственности, на защиту, так как составление протокола не влечет юридически значимых последствий и, следовательно, его обжалование в специальном порядке невозможно. Процедура же обжалования постановления по делу об административном правонарушении подробным образом регламентирована в гл. 30 Кодекса.

*2. Составление первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (п.1 ч.4 ст.28.1).* При рассмотрении этого момента также возникают закономерные вопросы. Возможно ли в случае совершения сотрудником административных правонарушений его доставление в ОВД, административное задержание, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения и т.д.? Частично ответы на эти вопросы можно найти в п.55 приказа МВД России от 26 февраля 2002 г. №174 «О мерах по совершенствованию деятельности дежурных частей системы органов внутренних дел РФ», где указано, что в случае доставления сотрудников ОВД за совершение административных правонарушений дежурный после установления личности доставленного, его места службы, а также оснований доставления обязан известить начальника ОВД о произведенном доставлении и задержании, вызвать представителя указанного органа с целью передачи задержанного для привлечения последнего к дисциплинарной ответственности. Однако дан-

ный приказ не устанавливает обязательного требования составления протокола, что является пробелом в ведомственном законодательстве. Вместе с тем Закон РФ «О милиции» также не содержит норм, указывающих на неприкосновенность (иммунитет) сотрудников ОВД в случаях совершения ими административных правонарушений. Следовательно, об ограничениях в применении мер обеспечения в отношении сотрудника ОВД речь идти не может.

3. *Оформление предупреждения или наложение административного штрафа на месте совершения административного правонарушения (п.4 ч.4 ст.28.1).* Сразу необходимо отметить, что таким образом дело об административном правонарушении возбуждаться не может, так как в этом случае сотрудник без составления протокола признается виновным в совершении правонарушения, ему назначается наказание в виде предупреждения или административного штрафа, что прямо противоречит ст.2.5 Кодекса, предусматривающей дисциплинарную ответственность сотрудников за административные правонарушения.

Далее, исходя из смысла закона, лицо (орган), осуществляющее производство по делу об административном правонарушении, посчитав установленными обстоятельства, подлежащие выяснению, направляют дело на рассмотрение уполномоченного лица либо органа. Последние, рассмотрев в установленные сроки дело, выносят постановление о его прекращении. Однако здесь возникает определенная трудность. Статья 24.5 Кодекса не содержит оснований прекращения дела в связи с его передачей на рассмотрение руководству ОВД для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности. Не приведены такие основания и в ст.28.9 Кодекса («Прекращение производства по делу об административном правонарушении до передачи дела на рассмотрение»). Все же, несмотря на отсутствие процессуальных оснований прекращения производства по делу, исчерпывающий перечень которых приведен в указанных выше статьях Кодекса, представляется возможным прекратить производство со ссылкой на ст.2.5 Кодекса, которая носит материальный характер и, следовательно, является первичной по отношению к процессуальным нормам. Определенно, законодатель, закрепив в п.3 ч.1 ст.29.9 Кодекса возможность прекратить производство по делу с передачей материалов прокурору, в орган предварительного следствия или дознания в случаях, если в деянии содержатся признаки преступления, упустил основание прекращения производства по делу в связи с направлением материалов руководителю органа для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности. Не прекращенное

дело об административном правонарушении нельзя направить руководителю органа, где проходит службу сотрудник, так как один вид производства (в данном случае административный) не может являться логическим продолжением другого (дисциплинарного) без прекращения первого.

Необходимо добавить, что в рассмотренной ситуации возможно привлечение сотрудника к дисциплинарной ответственности без проведения руководителем органа служебной проверки, так как ее основная цель – сбор фактических данных, свидетельствующих о вине сотрудника либо ее отсутствии, а принятым постановлением юрисдикционного лица (органа) данный элемент уже установлен. В этой ситуации руководитель органа решает вопрос только о виде дисциплинарного взыскания.

В заключение еще раз следует отметить, что из смысла ст.ст.1.5, 2.5 Кодекса в каждом случае совершения сотрудником ОВД административного правонарушения, за совершение которого возможно привлечение к дисциплинарной ответственности, должно возбуждаться дело об административном правонарушении, должны собираться доказательства его вины и выноситься постановление о прекращении административного производства с направлением материалов руководителю органа для решения вопроса о привлечении сотрудника к дисциплинарной ответственности. Однако это требует внесения дополнений в Кодекс в части установления соответствующего основания прекращения дела об административном правонарушении и в ведомственные нормативно-правовые акты в части установления порядка направления и рассмотрения таких материалов.

## **ИНСТИТУТ ТАЙНЫ ИСПОВЕДИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Тетерятников Н.Ю., к.ю.н.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Часть 7 ст.3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» закрепляет: «Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди».

Пункт 4 ч.3 ст.56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что священнослужитель не подлежит допросу в качестве свидетеля «об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди».

Таким образом, на священнослужителя не распространяется действие ст.308 Уголовного кодекса Российской Федерации «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний», если показания касаются сведений, ставших ему известными из исповеди.

Вместе с тем тайна исповеди, согласно отечественному законодательству, не утверждается в качестве субъективного права или отдельного правомочия. То есть нигде не провозглашается, что кто-либо имеет право на тайну исповеди. «Соответственно выглядит проблематичным привлечение к юридической ответственности представителя религиозного объединения, огласившего публично тайны, доверенные при покаянии, по иску гражданина. Хотя гражданин в данном случае может ссылаться на общие нормы гражданского законодательства, требуя защиты своего нарушенного нематериального блага»<sup>1</sup>.

Данное положение во многом усугубляется еще и тем, что норма ст.13 отмененного Закона РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий», гласившая, что «священнослужитель не может допрашиваться или давать объяснения кому бы то ни было по обстоятельствам, которые стали известными из исповеди гражданина», в настоящий момент не действует.

Более того, Федеральные законы «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» и «Об оперативно-розыскной деятельности», запрещая конфиденциальное содействие священнослужителей *по контракту*<sup>2</sup>, допускают тем самым такое содействие на безвозмездной основе (в том числе и по инициативе священнослужителей).<sup>3</sup>

Также не противоречит действующему законодательству проведение оперативно-розыскных мероприятий в месте, где происходит обряд исповеди, например осуществление негласного прослушивания и аудиозаписи переговоров священнослужителя с подозреваемым или обвиняемым в совершении тяжких или особо тяжких преступлений<sup>4</sup>, происходящих в исповедальне церковного учреждения или иных местах. Иными местами в данном случае могут являться следственные изоляторы<sup>5</sup>, медицинские противотуберкулезные организации и другие учреждения, где лица, подозреваемые или обвиняемые в тяжких или особо тяжких преступлениях, имеют право встречаться наедине со священнослужителями<sup>6</sup>. Причем в отечественном законодательстве нигде не указыва-

ется, что таким встречам обеспечивается конфиденциальный характер (в отличие, скажем, от встреч с защитником или адвокатом<sup>7</sup>).

Единственное, но весьма существенное возражение в пользу тезиса об обеспечении полной конфиденциальности исповедной информации, которое возможно при данных обстоятельствах, – это распространительное толкование законодательной формулировки: «тайна исповеди охраняется законом», включающее в себя запрет на выявление и использование государственными органами и иными лицами сведений об обстоятельствах, сообщенных священнослужителю на исповеди. Такой подход, в частности, подразумевает применение аналогии закона (имеется в виду применение норм, гарантирующих адвокатскую тайну), что само по себе не является бесспорным в отношении отраслей публичного права в целом и уголовно-процессуального в частности.

Идеальным выходом из сложившейся ситуации представляется внесение необходимых изменений в законодательство, поясняющих (дополняющих) *принцип охраны тайны исповеди законом* либо же, наоборот, исключающих его.

Также необходимо правовое урегулирование вопроса о (не-) возможности священнослужителя распространять сведения, составляющие тайну исповеди, «по мотивам совести», когда его гражданский долг берет верх над профессиональными обязанностями. Вариантов здесь также два: либо запретить священнослужителю разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с осуществлением исповеди, без согласия доверителя, равно как и негласное сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность<sup>8</sup>; либо предусмотреть его право на обращение в правоохранительные органы и к представителям общественности и средствам массовой информации с соответствующими заявлениями.

Если обратиться к истории Русской Православной Церкви, то можно отметить, что ее отношение к подобным актам с течением времени существенным образом менялось. Так, «13 апреля 1722 года Петр I указом обязал духовенство полученные на исповеди сведения о «преднамеренных злодействах против службы государственной или церкви» немедленно сообщать властям. 2 мая 1722 года уже Святейший Синод, высший орган Русской Православной Церкви, своим указом разъясняет священникам, как следует выполнять царский указ: «Если кто при исповеди объявит духовному отцу своему какое-нибудь несовершенное, но замышленное им воровство, наиболее же измену или бунт на государя, или на государство, или на фамилию его величества, то о таком лице немедля

да объявлено будет властям предержащим. Сим объявлением духовник не преступает правила, но еще и исполняет веление господне»<sup>9</sup>.

В предреволюционной России в Русской Православной Церкви к лицам духовного звания применялись особые взыскания: 1) лишение священного сана; 2) запрещение в священнослужении; 3) лишение монашества; 4) запрещение участвовать в богослужении; 5) отстранение от должности и запрещение занимать церковно-административные должности.<sup>10</sup> Подобные же наказания применяются и сейчас, в том числе и за разглашение тайны исповеди.

Все это свидетельствует о необходимости законодательного определения института тайны исповеди *независимо* от существующих церковно-конфессиональных особенностей того или иного вероучения. Тем более что институт тайны исповеди характерен не только для православия, но для всего спектра христианских доктрин: протестантизма, католицизма, кальвинизма и т.п. В настоящий же момент данный институт в Российской Федерации характеризуется целым рядом правовых пробелов и юридических коллизий, особенно в отношении уголовно-процессуального права и оперативно-розыскной деятельности.

---

<sup>1</sup> Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. – М., 2001. – С.282.

<sup>2</sup> Ст.19 ФЗ от 3.04.1995 г. и ст.17 ФЗ от 12.08.1995 г. соответственно.

<sup>3</sup> Здесь, правда, есть некоторая непоследовательность законодателя, запрещающего органам внешней разведки обращаться в каком бы то ни было виде за конфиденциальным содействием к священнослужителям (ст.19 ФЗ от 10.01.1996 г. «О внешней разведке»).

<sup>4</sup> Ст.8 ФЗ от 12.08.1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности».

<sup>5</sup> Ст.13 ФЗ от 12.08.1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности».

<sup>6</sup> См., напр., ч.2 ст.12 ФЗ от 18.06.2001г. «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»; п.107 приказа Минюста РФ от 12.05.2000г. №148 «Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации».

<sup>7</sup> Ч.4 ст.46, ч.4 ст.47, ч.4 ст.92 УПК РФ и ч.3 ст.6 ФЗ от 31.05.2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ».

<sup>8</sup> По аналогии с ч.ч.4, 5 ст.6 ФЗ от 31.05.2002г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ».

<sup>9</sup> Субботин Ю.К. Православные таинства. – М., 1990 – С.69. Цит. по: Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. – М., 2001. – С.278.

<sup>10</sup> Варьяс М.Ю. Краткий курс церковного права. – М., 2001. – С.120. Цит. по: Романовский Г.Б. Указ.соч. – С.281.



## **КОНТРОЛЬ ЗА ДОХОДАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ**

Тушков М.С.

Юридический институт Красноярско-  
го государственного университета

Многими учеными отмечается особый рост коррупционных правонарушений в современной России как одно из следствий переходной фазы общественного развития, когда старые общественные структуры отмирают, а новые зарождаются в рамках еще сохраняющейся старой системы правовых отношений. Ситуация усугубляется в условиях слабого государства, когда при ослаблении контроля верховной власти над бюрократией последняя перестает быть законопослушной, игнорирует национальную стратегию развития, а ее отдельные представители используют свое служебное положение для личного обогащения.

При таких входящих условиях становятся очевидными неэффективность существующей системы мер по борьбе с коррупцией и необходимость применения новых подходов к решению данной проблемы.

В уголовно-правовом значении коррупция представляет собой общественно опасные деяния, которые совершаются посредством использования должностных полномочий из корыстной заинтересованности и в целях личного обогащения. Эти деяния именуются коррупционными преступлениями и составляют наиболее опасное проявление коррупции.

В юридической литературе отмечается, что недостаточно используются меры безопасности, в частности такая эффективная мера, как контроль за доходами и имуществом государственных служащих.<sup>1</sup>

Отмечая свойственную коррупции латентность, можно предвидеть, что контроль за доходами и имуществом (далее – контроль за доходами) повлечет за собой изменение этой характеристики коррупции, так как при применении контроля за доходами можно будет судить о причастности должностного лица к совершению коррупционных правонарушений, что, в свою очередь, повлечет для такого должностного лица последствия в виде уголовного преследования (при обнаружении следов преступления) либо дисциплинарную ответственность.

Очевиден и тот факт, что коррупция для государственных служащих становится привлекательной вследствие получения высоких доходов и возможности распоряжения ими. И невозможность распоряжения прибылями от осуществления коррупционной деятельности подорвет финансовую основу коррупции, будет недостижима ее цель – распоряжение незаконными доходами.

В рамках создания механизма по контролю за доходами государственных служащих по линии ООН был распространен документ под названием «Общие рекомендации в отношении мер борьбы с коррупцией». Среди рекомендаций данного документа особое значение имеют следующие:

- наличие специализированной государственной структуры, которая следит за исполнением положений кодексов этики поведения;
- наложение запретов на получение подарков и других благ;
- внедрение методов управления, которые делают коррупцию заметной;
- наличие правил, способствующих повышению гласности в управлении.

Данные рекомендации восприняты многими странами, но особого внимания заслуживает опыт государств бывшего СССР, поскольку в результате перехода к рыночной экономике и разгосударствления в этих странах возникли сходные проблемы и были допущены одинаковые просчеты, послужившие стимулом для резкого скачка должностных преступлений.

В рамках провозглашенной руководством республики Молдова кампании по борьбе с коррупцией принят закон «О декларировании и контроле за доходами и имуществом государственных деятелей, судей, прокуроров, государственных служащих, и некоторых руководящих работников» от 19.07.2002 г. №1264-XV. Указанный закон устанавливает обязанность, а также порядок декларирования и осуществления контроля за доходами и имуществом государственных деятелей, судей, прокуроров, государственных служащих и некоторых руководящих работников (ст.1).

Вышеперечисленные лица декларируют: 1) доходы на день подачи декларации; 2) движимое и недвижимое имущество всех видов; 3) финансовые обязательства, в т.ч. членов семьи; 4) доли ценных бумаг, в т.ч. членов семьи, в капитале хозяйствующих субъектов (ст. 4).

Декларация подается в течение 20 дней со дня назначения или избрания на должность, ежегодно актуализируется и подается

по истечении срока полномочий, а также по истечении года со дня срока окончания полномочий (ст. 8).

В настоящее время в РФ в системе контроля за доходами государственных служащих действуют следующие нормативные акты:

1. Указ Президента РФ от 04.04.1992 г. №361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы»;

2. Указ Президента РФ от 15.05.1997 г. №484 «О предоставлении лицами, замещающими государственные должности РФ, и лицами, замещающими государственные должности государственной службы и должностей в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе».

Но указанные нормативные акты не создают целостную систему по контролю за доходами. Федеральный закон «Об основах государственной службы в РФ» говорит о предоставлении сведений об имуществе, которое подлежит налогообложению, в налоговую службу. Как известно, на налоговые органы возложены многие полномочия, среди них контроль за крупными сделками физических лиц. Специалистами отмечается крайняя неэффективность такого контроля, невозможность отслеживания в его рамках источников доходов физических лиц. Точно так же получается и с доходами государственных служащих – функции контроля возложены на орган, который не в силах эти функции осуществлять.

В Указе №361 используются три формулировки: «государственная служба», «служащие государственного аппарата», «государственные служащие». Исходя из этих формулировок, не распространялись положения Указа до 27.05.2003 г. на лиц, замещающих государственные должности категории «А», то есть на Президента РФ, Председателя Правительства РФ, председателей палат ФС РФ, руководителей органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, депутатов, министров, судей и др.

Указом №484 проверка достоверности представленных сведений возлагается на кадровую службу соответствующего государственного органа, то есть на непосредственных подчиненных. Нельзя говорить об эффективности такого контроля.

Отмечая множество законодательных пробелов и недоработок, которые не позволяют построить эффективную систему контроля за доходами государственных служащих, хочется предложить следующие рекомендации для ее построения.

1. Изменение действующих нормативных актов с целью устранения пробелов и недоработок, создания комплекса нормативных актов, точно устанавливающих порядок подачи сведений;

круг лиц, подающих сведения; механизм применения последствий неподачи сведений либо подачи недостоверных сведений.

2. Создание специализированного государственного органа, ответственного за борьбу с коррупцией.

3. Введение системы оплаты труда с фиксированным окладом и отменой льгот.

4. Надлежащее обеспечение деятельности государственных служащих.

---

<sup>1</sup> Щедрин Н.В. Антикоррупционные меры безопасности // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000. – С.134.

**НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ  
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ  
В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ  
(на примере органов внутренних дел и налоговых органов  
субъектов Российской Федерации)**

Андреев Г.В., к.ю.н.

Академия экономической безопасности  
МВД России

Необходимость совершенствования борьбы с преступностью в сфере налогообложения требует полного и всестороннего использования всех возможностей органов внутренних дел и налоговых органов.

За десять лет количество возбужденных уголовных дел в сфере налогообложения увеличилось в 17 раз, что свидетельствует о низкой налоговой дисциплине и большой латентности преступлений в сфере налогообложения. Главный удар преступности, совершаемой в сфере налогообложения, направлен на материю социальных отношений общества.

К причинам и условиям, способствующим росту преступности в сфере налогообложения, относятся:

1) состояние экономики страны, предопределенное неподготовленностью реформ;

2) отсутствие хорошо согласованных правовых, организационных, организационно-тактических, оперативно-розыскных, процессуальных, информационно-аналитических мер, осуществляемых правоохранительными и иными государственными органами,

что позволяет недобросовестным налогоплательщикам уклоняться от уплаты налогов практически на всех стадиях налогового контроля;

3) отсутствие четко действующей системы взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при пресечении, раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений в сфере налогообложения;

4) негативное нравственно-психологическое отношение определенной категории граждан к налоговой системе, правовой нигилизм населения и его резкое имущественное расслоение, сосредоточение значительных имущественных ценностей в руках незначительной части общества при обнищании большинства граждан Российской Федерации;

5) отсутствие системы профилактики преступлений в сфере налогообложения и иных связанных с ней преступлений;

6) перманентная перестройка правоохранительных органов;

7) консолидация организованных преступных групп, сформированных по этническим или территориальным признакам, в том числе с транснациональными преступными сообществами по вопросам уклонения от уплаты налогов.

В этих условиях первостепенное значение приобретает задача предупреждения совершения преступлений в сфере налогообложения.

Исследования, проведенные автором статьи, позволяют сделать следующий вывод: в целях обеспечения системного подхода к предупреждению правонарушений, совершаемых налогоплательщиками, повышения правовой культуры населения и эффективности системы правового обеспечения налогообложения, декриминализации экономики исполнительным органам власти и правоохранительным органам субъектов нашей страны целесообразно разработать и утвердить комплексную программу работы с налогоплательщиками и мероприятия по повышению налоговой культуры.

Аналогичного мнения придерживается И.И.Кучеров, который полагает, что разработка федеральной программы борьбы с налоговой преступностью не вызывает сомнения.<sup>1</sup>

По моему мнению, данная система должна включать организационные меры, меры по обеспечению деятельности налогоплательщиков и воспитательно-предупредительные меры воздействия на юридических и физических лиц.

Организационные меры:

– перманентный контроль за процедурой регистрации фирм и других организаций, который исключал бы возможность исполь-

зования подложных или украденных паспортов и регистрацию сотен организаций по одному юридическому адресу;

– постоянное совершенствование организационных и иных форм участия общественности в борьбе с правонарушениями в сфере налогообложения (например, создание специализированных секций народных дружинников по оказанию содействия органам внутренних дел).

*Меры по обеспечению деятельности налогоплательщиков:*

– вручение при регистрации налогоплательщику списка законодательных и нормативных актов, регламентирующих порядок уплаты налогов в федеральный и местный бюджеты;

– проведение бесплатных семинаров для налогоплательщиков по актуальным вопросам налогообложения;

– регулярное обеспечение налогоплательщиков законодательной, иной нормативной и методической литературой.

*Воспитательно-предупредительные меры:*

– введение данной темы в учебные программы высших, специальных средних и общеобразовательных учебных заведений;

– повышение деловой репутации наиболее добросовестных налогоплательщиков;

– организация регулярных передач по радио и телевидению, а также регулярных сообщений в печати по вопросам объективного информирования населения о расходовании денежных средств, которые собраны в виде налогов, сборов и других обязательных платежей в субъекте нашей страны;

– своевременное направление соответствующих представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению налоговых и иных экономических преступлений;

– размещение на стендах в налоговых инспекциях приговоров по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст.198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), особенно в период подачи деклараций о доходах или сдачи балансов о финансово-хозяйственной деятельности организаций.

Данная система может быть унифицирована для субъектов Российской Федерации и самостоятельным разделом включена в программные документы по борьбе с преступностью в Российской Федерации, что позволит объединить силы и средства заинтересованных ведомств в предупреждении правонарушений и преступлений в сфере налогообложения.

В профилактических целях органам внутренних дел необходимо:

- систематически анализировать динамику преступности и вопросы организации деятельности по предупреждению и пресечению налоговых преступлений и наиболее опасных преступных проявлений с обсуждением результатов на координационных совещаниях правоохранительных органов;

- укреплять взаимодействие всех заинтересованных органов, служб и подразделений по профилактике правонарушений; вносить согласованные предложения в местные органы власти и управления по вопросам, выходящим за пределы компетенции правоохранительных органов.

Особое внимание необходимо обратить на взаимодействие органов внутренних дел с налоговыми органами с целью предупреждения преступлений, предусмотренных ст.ст.198 и 199 УК РФ, которые совершаются иностранными гражданами, в том числе гражданами стран Содружества Независимых Государств.

При регистрации граждан Содружества Независимых Государств, а также иных иностранных граждан и лиц без гражданства необходимо вручать памятки, разъясняющие ответственность, предусмотренную Уголовным кодексом Российской Федерации за уклонение от уплаты налогов.

Таким образом, по моему мнению, главной целью системы предупреждения преступлений в сфере налогообложения России является создание условий для добровольной, своевременной и правильной уплаты налогов.

В общественном сознании должен сформироваться принцип: «Кто не платит налоги – тот ворует деньги у государства и общества», «Каждый совершивший или совершающий преступление в сфере налогообложения должен осознавать, что наказание за противоправное деяния в сфере налогообложения неотвратимо».

---

<sup>1</sup> Кучеров И.И. Налоги и криминал. – М., 2000. – С.303.

## **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Филимонов Д.А.

Уральский юридический институт  
МВД России

Рост преступности в России и неспособность правоохранительных органов адекватно реагировать на этот процесс ставит перед обществом и государством ряд задач, от решения которых зависит будущее России как современного правового государства. Огромную роль в решении этих задач должен сыграть законодатель путем совершенствования существующего законодательства и разработки новых правовых норм, регулирующих правоотношения, складывающиеся в результате совершения противоправных действий. Нельзя сказать, что законодатель «уснул» в этом направлении. В УК РФ, который вступил в действие с 01.01.1997 г., на данный момент внесено более тридцати изменений и дополнений, в УПК РФ за полтора года его существования внесено более десяти изменений. То же самое можно сказать и о других нормативных актах публичного права, устанавливающих ответственность за противоправное поведение и порядок привлечения к этой ответственности. Помимо быстрого и эффективного реагирования на изменение общественных отношений, требующих правовой регламентации, путем принятия соответствующих правовых норм на законодателя лежит обязанность принимать определенные, прозрачные, с точки зрения обывателя, правовые нормы, так как, говоря словами И.А.Покровского, «всякая неясность... противоречит самому понятию правопорядка и ставит человека в неясное положение»<sup>1</sup>. Создавая нормы права, законодатель стремится урегулировать ими существующие общественные отношения и обеспечить условия для эффективности реализации правовой нормы путем установления конкретных прав и обязанностей, а также путем четкого установления последствий нарушения нормы права, что является существенным признаком правовых норм.<sup>2</sup>

Признавая главенствующую роль публичного права в борьбе с преступностью, нельзя обойти стороной и частное право, регулирующее в большинстве своем имущественные отношения, за нарушение которых в некоторых случаях может наступать уголовная или административная ответственность. Регулируя договорные и внедоговорные отношения, нормы частного права, используя свои



специфические приемы и способы регулирования, такие как равенство сторон и диспозитивность, позволяют участникам этих отношений самостоятельно устанавливать свои права и обязанности, а также устанавливают имущественную ответственность за их нарушение. Но при нарушении этих прав и обязанностей, признаваемых и охраняемых государством, частное право иногда уступает место публичному праву, которое имеет своей целью покарать нарушителя.

Публичное и частное право, помимо норм, устанавливающих ответственность за противоправное поведение, содержат также правовые нормы, регулирующие поведение людей, которое, на первый взгляд, является противоправным, но наступление ответственности за которое исключается. Наглядным примером таких норм выступают ст.37 УК РФ, в соответствии с которой не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия<sup>3</sup>, и ст.1066 ГК РФ, в соответствии с которой лицо, причинившее вред в состоянии необходимой обороны, освобождается от обязанности возмещения этого вреда. Статья 1066 ГК РФ содержит норму о причинении вреда в состоянии необходимой обороны, но при этом не дает ее легальное гражданско-правовое определение. В сложившейся ситуации, по моему мнению, следует руководствоваться определением, данным в ст.37 УК РФ. Думается, что такой подход к установлению смысла термина «необходимая оборона» в гражданском праве вполне обоснован, поскольку в УК РФ отсутствует оговорка об использовании предлагаемого определения «для целей настоящего закона».

Из указанных статей УК РФ и ГК РФ следует, что законодатель однозначно подошел к решению вопроса об ответственности за вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, освободив причинителя такого вреда как от уголовной ответственности, так и от обязанности по возмещению вреда, если при причинении вреда не были превышены пределы необходимой обороны.

К сожалению, о такой однозначности нельзя сказать по поводу последствий для причинителя вреда при причинении вреда в состоянии крайней необходимости. В соответствии со ст.39 УК РФ «не является преступлением причинение вреда охраняемым уго-

ловным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости». Статья 1067 ГК РФ: «вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред». И только суд, учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред.

Видно, что в этом случае подходы частного и публичного права к вопросу о последствиях правомерного причинения вреда в состоянии крайней необходимости различны.

Однако содержание ст.1067 ГК РФ крайне расплывчато. Статья не дает четкого ответа на вопрос: «Кто является субъектом возмещения вреда потерпевшему?». Ответ на этот вопрос отнесен законодателем на усмотрение суда. Является ли это обстоятельство положительным моментом гражданского законодательства и способствует ли эта норма развитию правовой активности граждан, которая является одним из инструментов в борьбе с преступностью? На мой взгляд, нет.

Действуя в состоянии крайней необходимости, лицо совершает правомерный поступок, который допускается государством, хотя при этом причиняется вред здоровью или имуществу другого лица. Но следует признать, что действие лица в состоянии крайней необходимости – субъективное право, а не обязанность. Субъективное право – это мера возможного, дозволенного поведения. Оно не подразумевает необходимость своей реализации; использовать или не использовать субъективное право – это дело самого субъекта. Поэтому неиспользование субъективного права не является противоправным поведением. Исходя из сказанного лицо, при наличии возможности устранить вред путем причинения менее значимого вреда, то есть совершить определенное действие в состоянии крайней необходимости, может не делать этого, то есть не воспользоваться своим субъективным правом, и при этом не будет нести какую-либо ответственность. В данной ситуации можно бу-

дет понять позицию этого лица, которое в соответствии с ч.1 ст.1067 ГК РФ будет обязано возместить причиненный ущерб. Да, суд при вынесении решения может воспользоваться правом, предоставленным ему ч.2 ст.1067 ГК РФ, и вынести решение исходя из обстоятельств дела. Помощь судьям в этом вопросе оказало постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъяснившее, что «если причинитель вреда действовал в состоянии крайней необходимости (ст.449 ГК РСФСР) как в своих интересах, так и в интересах третьего лица, суд может возложить обязанность возмещения вреда на них обоих по принципу долевой ответственности с учетом обстоятельств, при которых вред был причинен. Суд также вправе частично либо полностью освободить этих лиц или одного из них от обязанности по возмещению вреда. В частности, если причинение вреда имело место в результате правомерных действий гражданина по пресечению хулиганских, а также иных преступных проявлений или при задержании преступника, гражданин подлежит освобождению от возмещения вреда»<sup>4</sup>. Но и Верховный Суд не дает четкого ответа на вопрос: «Кто возмещает вред, если он причинен в интересах третьего лица, причинитель или третье лицо?».

На мой взгляд, с целью повышения правовой активности граждан, стимулирования к использованию своих субъективных прав, укрепления уверенности в правомерности своих действий необходимо на законодательном уровне регламентировать последствия совершения правомерных действий, так как «никакое решение отдельного судьи, как бы удачно оно ни оказалось, не будет иметь такого авторитета, каким обладала бы норма, установленная законом»<sup>5</sup>. Для достижения этой цели необходимо ст.1067 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен:

1) если причинитель вреда действовал в своих интересах – причинителем вреда;

2) если причинитель вреда действовал в интересах третьего лица – третьим лицом;

3) если причинитель вреда действовал как в своих интересах, так и в интересах третьего лица, суд может возложить обязанность возмещения вреда на них обоих по принципу долевой ответственности с учетом обстоятельств, при которых вред был причинен;

4) если причинение вреда третьему лицу имело место в результате правомерных действий гражданина по пресечению хулиганских, а также иных преступных проявлений или при задержании преступника – государством».

---

<sup>1</sup> Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – 4-е изд., испр. – М., 2003. – С.91.

<sup>2</sup> Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.М.Корельского и проф. В.Д.Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – М., 2002. – С.281.

<sup>3</sup> Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №25. – Ст. 2954; Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. №14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №5. – Ст.410.

<sup>4</sup> О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. №3// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – №7. Редакция ст. 449 ГК РСФСР соответствует редакции ст.1067 ГК РФ, за тем исключением, что в ст.1067 ГК РФ дано понятие крайней необходимости.

<sup>5</sup> Покровский И.А. Указ.соч. – С.105.

**К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ абз.2 ч.1 ст.10  
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ ПРИМЕНИТЕЛЬНО  
К ЗАКОНУ РФ «О КОНКУРЕНЦИИ И ОГРАНИЧЕНИИ  
МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
НА ТОВАРНЫХ РЫНКАХ» И ФЗ «О ЗАЩИТЕ  
КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ»**

Половинкина И.Н., к.ю.н.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Вопросы, касающиеся юридической природы злоупотребления правом, в настоящее время широко освещены в юридической литературе.<sup>1</sup>

Согласно первой точке зрения «злоупотребление правом» – это особый тип гражданского правонарушения, совершенного управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием незаконных форм в рамках дозволенного законом общего типа поведения.<sup>2</sup>

Суть второй точки зрения состоит в том, что действия, называемые злоупотреблением правом, совершаются за пределами права.<sup>3</sup>

В то же время подвергается критике вопрос отнесения к злоупотреблению правом определенных форм поведения, закрепленных в специальных нормах.<sup>4</sup>

Заслуживает внимания точка зрения С.А.Паращука, согласно которой незаконные конкретные формы поведения отсутствуют, но существует принципиальный общий запрет данного типа поведения.<sup>5</sup>

В настоящее время существует необходимость толкования ст.10 ГК РФ применительно к Закону РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и Федеральному закону «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг». Статьей 10 ГК РФ установлены границы осуществления гражданских прав. В ней предусмотрены в том числе «недопущение использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке» (абз.2 ч.1 ст.10 ГК РФ).

Закон РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» не соответствует указанному абз.2 ч.1 ст.10 ГК РФ, так как злоупотребление доминирующим положением – это частный случай монополистической деятельности (ст.5 и раздел 2 Закона РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»), а монополистическая деятельность – это действия, направленные на ... ограничение конкуренции (ст.4 Закона РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»).

Таким образом, думается, что смысл абз.2 ч.1 ст.10 ГК РФ в правоприменительной практике следует понимать как общий запрет использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, без выделения каких-либо частных случаев монополистической деятельности (таких как злоупотребление доминирующим положением на рынке). Расширительное толкование данного положения позволит применить статьи 5-8, 10 Закона РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», в которых перечислены следующие случаи ограничения конкуренции: злоупотребление хозяйствующим субъектом, доминирующим положением на рынке; соглашения (согласованные действия) хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию; акты и действия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской

Федерации, органов местного самоуправления, иных наделенных функциями или правами указанных органов власти органов или организаций, ограничивающие конкуренцию; соглашения или согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных наделенных функциями или правами указанных органов власти органов или организаций, ограничивающие конкуренцию, а также недобросовестная конкуренция.

Кроме того, расширительное толкование данного положения позволит применить ст.ст.5, 6, 12, 15 Федерального закона «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг», в которых перечислены следующие случаи ограничения конкуренции на рынке финансовых услуг: злоупотребление финансовой организацией доминирующим положением; соглашения или согласованные действия финансовых организаций, ограничивающие конкуренцию на рынке финансовых услуг; нормативные правовые акты и действия федеральных органов исполнительной власти, Центрального Банка РФ, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, направленные на ограничение конкуренции на рынке финансовых услуг; недобросовестная конкуренция.

---

<sup>1</sup> Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1967. – С.156-158; Морандьер Л.Ж. Гражданское право во Франции. – М., 1960. – Т.2. – С.391; Малиновский А.А. Злоупотребление правом. – М., 2000; Садиков О. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право. – 2002. – №2. – С.40-48.

<sup>2</sup> Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М., 1992. – С.31, 53.

<sup>3</sup> Агарков М.М. Проблема злоупотреблением правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – №6. – С.427.

<sup>4</sup> Садиков О. Указ. соч. – С.43.

<sup>5</sup> Паращук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). – М., 2002. – С.189.

## **К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ ВАЛЮТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ражков Р.А.

Сибирский юридический институт  
МВД России

В теории права традиционно правовые нормы разделены на обособленные группы – отрасли права, регулирующие общественные отношения. Также традиционным является и критерий объединения тех или иных норм в отрасли права: предмет и метод правового регулирования.<sup>1</sup> В системе права принято различать такие отрасли права, как государственное, административное, гражданское, уголовное, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное и т.д.

Наряду с делением норм на отрасли права существует также деление норм на отрасли законодательства. Данные категории тесно связаны между собой, однако являются самостоятельными. Если под отраслью права принято понимать «совокупность взаимосвязанных правовых институтов, регулирующих относительно самостоятельную обширную область, сферу общественных отношений»<sup>2</sup>, то под отраслью законодательства понимается совокупность законов, регулирующих какую-либо сферу общественных отношений. При этом необходимо учитывать, что деление норм на отрасли права осуществляется как по предмету, так и по методу правового регулирования, в то время как деление норм на отрасли законодательства осуществляется исключительно по предмету правового регулирования.

Кроме того, существует группа комплексных отраслей законодательства, которые включают в себя нормы различных отраслей права. Например, к комплексным отраслям законодательства традиционно относят банковское законодательство, аграрное, трудовое. Более того, некоторые ученые указывают на существование комплексных отраслей права (например, финансового). С.С.Алексеев пишет: «С развитием законодательства, обусловленного потребностями экономических, а также социально-политических и иных господствующих отношений, издаются комплексные акты, затрагивающие целые сферы общественной жизни... В этих случаях формируются комплексные отрасли законодательства, в которых объединяется по тому или иному предметному и целевому признаку юридически разнородный материал»<sup>3</sup>.

С учетом сказанного можно утверждать, что валютное законодательство относится к комплексным отраслям законодательства: нормы валютного законодательства можно распределить по таким отраслям права, как гражданское, административное, международное частное право и др. Некоторые исследователи валютных отношений характеризуют нормы, регулирующие данные отношения, как административные. На этом основании валютное законодательство не характеризуется как комплексная отрасль законодательства.

Исследователями валютного законодательства не выработано единого подхода к периодизации становления и развития валютного законодательства в Российской Федерации. Однако практически всеми признается тот факт, что принятие в 1992 г. Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» является знаковым событием, определившим начало нового этапа становления и развития валютного законодательства в Российской Федерации. Указанный закон является «долгожителем» – практически без существенных изменений он просуществовал более 11 лет. Такая его «устойчивость» объясняется обилием бланкетных норм. При этом одни ученые указывали на отсутствие детальных норм как на его недостаток, другие, наоборот, – как на достоинство, позволившее закону «пережить» переходный политический и экономический период.

В то же время необходимость реформирования валютного законодательства возникла практически сразу после принятия закона. Правовая база валютного регулирования оставалась недоработанной и содержала множество неразрешимых правовых коллизий, что подчас делало объективно невозможным осуществление полноценного регулирования валютных отношений. Эта ситуация объяснялась неожиданно резким переходом страны от режима валютной монополии к режиму валютного регулирования, а следовательно, и отсутствием опыта подобного законодотворчества.

За время существования закона в него 8 раз вносились изменения, еще 14 попыток не увенчались успехом, также в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации были принесены 2 проекта новой редакции закона «О валютном регулировании и валютном контроле»<sup>4</sup>. Первый – депутатом Государственной Думы Е.П.Ищенко, второй – Правительством Российской Федерации. Последний со значительными изменениями в представленном правительством варианте был принят Государственной Думой 21 ноября 2003 г., одобрен Советом Федерации 26 ноября, подписан Президентом Российской Федерации 10 декабря



2003 г. и вступает в законную силу по истечении 6 месяцев с момента опубликования, за исключением отдельных положений, указанных в ст.26 данного закона (далее – Закон).

Законом изменена ключевая категория валютного законодательства – валютные ценности. Необходимо отметить, что ст.141 ГК РФ устанавливает, что виды имущества, признаваемого валютными ценностями, и порядок совершения сделок с ними определяются Законом о валютном регулировании и валютном контроле. В соответствии с новым Законом к валютным ценностям относятся: иностранная валюта и внешние ценные бумаги. Таким образом, из состава валютных ценностей исключены драгоценные металлы и драгоценные камни, обращение которых фактически регулируется иным федеральным законом.

Новый Закон, как и прежний, не дает понятия валютной операции, но дает очень подробный перечень операций, относящихся к валютным (п.9 ст.1). Анализ норм Закона позволяет сделать вывод о том, что к валютным операциям относятся действия, направленные на исполнение или иное прекращение обязательств с валютными ценностями и использование их в качестве средства платежа, а также в иных случаях, предполагающих переход прав собственности на валютные ценности, а также ввоз на таможенную территорию России и вывоз с таможенной территории России валютных ценностей, а также валюты Российской Федерации.

Кроме того, законодатель отказался от ставшего уже привычным деления валютных операций на текущие и связанные с движением капитала. В то же время анализ норм Закона позволяет сделать вывод о том, что валютные операции фактически поделены на операции, осуществляемые без ограничений, операции, совершение которых запрещено, и операции регулируемые Правительством Российской Федерации и Центральным Банком Российской Федерации. Последние в Законе традиционно названы операциями движения капитала.

Очередным достижением на пути либерализации валютного рынка стало снижение уровня обязательной продажи валютной выручки до максимально возможных 30%.

Еще одним достижением можно назвать то, что резидентам со вступлением ст.12 данного Закона в силу будет предоставлено неограниченное право открывать счета в иностранной валюте в иностранных банках, расположенных на территории иностранных государств, являющихся членами Организации экономического

сотрудничества и развития (ОЭСР) или Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ).

Также следует отметить, что новым Законом вводится новый способ валютного регулирования – резервирование резидентом всей либо части суммы обязательства нерезидента до момента исполнения последним обязательства по сделке. В зависимости от вида валютной операции на резидента может быть возложена обязанность по резервированию 20, 50 либо 100% от суммы обязательства. При этом органам валютного регулирования запрещено превышать нормы резервирования, предусмотренные Законом.

Положительным следует также признать то, что с принятием и вступлением в силу нового Закона «о валютном регулировании и валютном контроле» довольно широкий круг нормативно-правовых актов признается утратившим силу, что, безусловно, упрощает правоприменительную практику.

И последнее, что необходимо отметить: в новом Законе указаны принципы валютного регулирования и валютного контроля. В целях либерализации валютного законодательства и создания максимально благоприятных условий для осуществления резидентами внешнеэкономической деятельности и привлечения иностранного капитала в Российскую Федерацию в основе подхода к регулированию порядка осуществления валютных операций движения капитала заложен общеправовой принцип «разрешено все, что не запрещено».

Принятие данного Закона создает благоприятные условия для инвестирования капитала в российскую экономику, развития международных связей, снятия напряженности в отношениях с иностранными партнерами и благотворно скажется на деловой активности иностранных граждан в Российской Федерации.

---

<sup>1</sup> Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Ю.А.Дмитриев, И.Ф.Казьмин, В.В.Лазарев и др.; под общ. ред. А.С.Пиголкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1996. – С.184-187.

<sup>2</sup> Там же. – С.182.

<sup>3</sup> Цит.: по Харатьян А.Ж. Регулирование оборота валютных ценностей: Дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 2000. – С.24-25.

<sup>4</sup> Данные приводятся по материалам правовой базы «Гарант».

## УМЫШЛЕННОЕ ЗАНИЖЕНИЕ РАЗМЕРОВ ПЛАТЕЖЕЙ ЗА ЗЕМЛЮ

Хлупина Г.Н., к.ю.н., доцент  
Юридический институт Красно-  
ярского государственного уни-  
верситета

Умышленное занижение размеров платежей за землю является одним из преступлений, предусмотренных ст.170 УК РФ. С учетом бланкетности диспозиции ст.170 УК РФ для раскрытия содержания признаков рассматриваемого преступления обратимся к земельному законодательству. И прежде всего выясним, что следует понимать под платежами за землю. В России вопросы платности регулируются Земельным кодексом РФ<sup>1</sup> (далее – ЗК), а также специальным законом «О плате за землю»<sup>2</sup> (далее – Закон «О плате за землю»). Статья 65 ЗК устанавливает две формы платы за землю: земельный налог и арендную плату. В специальной литературе к плате за землю относят также нормативную цену земли.<sup>3</sup>

**Земельным налогом** ежегодно облагаются все собственники земли, землевладельцы (то есть граждане, обладающие правом пожизненного наследуемого владения землей) и землепользователи (кроме арендаторов), за исключением тех, кто освобожден от налога на основании закона. Размер земельного налога не зависит от результатов хозяйственной деятельности и устанавливается в виде стабильных платежей за единицу земельной площади в расчете на год. За земли, переданные в аренду, взимается **арендная плата**. Плата за аренду земельного участка – одно из существенных условий договора. Размер, сроки и формы платежей устанавливаются по договоренности между арендодателем и арендатором. Несколько иной порядок установления арендной платы применяется при аренде земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Соответствующие органы исполнительной власти устанавливают базовые размеры арендной платы по видам земель и категориям арендаторов (ст.21 Закона «О плате за землю»), в пределах которых стороны договора аренды определяют размер арендной платы в конкретном случае. Ранее действовавшее законодательство в качестве формы платы за землю признавало **нормативную цену земли**. Ныне понятие «нормативная цена земли» заменено понятием «кадастровая стоимость земли». Однако согласно п.13 ст.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» в случаях,

если кадастровая стоимость не определена, для целей, указанных в ст.65 ЗК, применяется нормативная цена земли. Не означает ли это, что нормативная цена земли в случаях, предусмотренных законом, также является платой за землю? Полагаем, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. В ст.25 Закона «О плате за землю» нормативная цена земли определена как показатель, характеризующий стоимость участка определенного качества и местоположения, исходя из потенциального дохода за расчетный срок окупаемости. Нормативная цена земли вводится для обеспечения экономического регулирования земельных отношений при передаче земли в собственность, установлении коллективно-долевой собственности на землю, передаче по наследству, дарении и получении банковского кредита под залог земельного участка. Можно согласиться с мнением, что нормативная цена земли «... это не столько плата за землю, сколько способ определения стоимости земли»<sup>4</sup>. Не случайно в ст.65 ЗК формами платы за использование земли названы только земельный налог и арендная плата. Следовательно, предметом умышленного занижения размеров платежей за землю являются платежи в виде земельного налога и арендной платы.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в **занижении** размеров платежей за землю. Занизить – сделать ниже нормативного, необходимого; сделать ниже, чем нужно.<sup>5</sup> Представляется, что занизить размер земельного налога возможно только при его исчислении. Земельный налог исчисляется, исходя из налоговой базы (площади земельного участка, облагаемого налогом), утвержденных ставок земельного налога и налоговых льгот. Соответственно, занижение платежей земельного налога возможно путем уменьшения облагаемой налогом площади земельного участка, занижения ставок земельного налога и незаконного применения налоговых льгот.

Уменьшение налогооблагаемой базы как одной из составляющих при исчислении земельного налога, естественно, приведет к занижению налогового платежа. При определении налоговой базы учитывается облагаемая площадь земельного участка как в пределах нормы отвода земель, так и сверх этой нормы. Согласно ч.4 ст.8 Закона «О плате за землю» налог за часть площади земельных участков сверх установленных норм их отвода (за исключением участков, указанных ниже) взимается в двухкратном размере. Налог на часть площади дачных участков и индивидуальных гаражей, расположенных в городах и поселках, сверх установленных норм их отвода в пределах двойной нормы, взимается в

размере 15%, а свыше двойной нормы – по полным ставкам земельного налога, установленным для городских земель. Поэтому несоблюдение требований закона в этой части также приводит к занижению размера земельного налога.

Ставки земельного налога устанавливаются применительно к категориям земель и имеют свои особенности. К примеру, Законом «О плате за землю» установлены фиксированные значения средних ставок налога в расчете на 1 га немелиорированной пашни в разрезе субъектов РФ, которые, в свою очередь, дифференцируются ими по видам и подвидам угодий исходя из их кадастровой оценки. При этом к показателям кадастровой оценки вводятся поправочные коэффициенты на местоположение земель. Конкретная методика дифференцирования ставок, а также минимальные размеры ставок за 1 га пашни и других сельскохозяйственных угодий устанавливаются органами власти субъектов РФ. При исчислении земельного налога занижение его размеров возможно путем занижения базовых нормативов средних ставок налога, неприменения или занижения коэффициента, установленного на соответствующий год для ставок земельного налога, занижения налоговой ставки, применяемой при расчете налога на землю для части земельных участков сверх одной или двойной нормы отвода, и т.д.

Процесс исчисления земельного налога включает и стадию применения налоговых льгот. Установленные Законом «О плате за землю» льготы по земельному налогу делятся на федеральные, региональные и местные. По объему льгот они подразделяются на полные и частичные. Незаконное применение льгот по налогу может привести к занижению налогового платежа. Например, в случаях незаконного применения льгот в виде частичного освобождения от уплаты земельного налога, понижения ставки земельного налога и т.п.

Объективная сторона исследуемого преступления может выражаться и в занижении размеров **арендной платы**. В ст.21 Закона «О плате за землю» указано, что при аренде земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, соответствующие органы исполнительной власти устанавливают базовые размеры арендной платы по видам использования земель и категориям арендаторов. К настоящему времени, однако, нормативных правовых актов на уровне Правительства РФ по вопросам арендной платы за землю не принято. Отношения по аренде земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, регулируются пока в основном на уровне субъектов Российской Федерации. Занижение размеров арендной платы может быть, на-

пример, в результате занижения ставки арендной платы, устанавливаемой на год на единицу площади земельных участков по видам использования земель и категориям арендаторов.

Субъектом умышленного занижения размеров платежей за землю могут быть только должностные лица, использующие свое служебное положение: должностные лица налоговых органов РФ, должностные лица органов исполнительной власти, занижившие размеры арендных платежей. Если начисление земельного налога гражданам производится органами государственной налоговой службы, то земельный налог, уплачиваемый юридическими лицами, исчисляется непосредственно этими лицами. Поэтому умышленное занижение размеров налоговых платежей, совершенное управленческими работниками предприятий и организаций, влечет ответственность по ст.199 УК РФ.

---

<sup>1</sup> Земельный кодекс от 25.10.2001 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №44. – Ст.4147.

<sup>2</sup> О плате за землю: Закон РСФСР от 11.10.1991 г. (в ред. Федерального закона от 25.07.2002 г.) (с послед. изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Земельное право: Учебник / Под ред. С.А.Боголюбова. – М., 2003. – С.189; и др.

<sup>4</sup> Сыродоев Н. Земля и закон // Закон. – 1999. – №6. – С.37.

<sup>5</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – 22-е изд. – М., 1990. – С.216.

## **КАТЕГОРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК»: ПРОБЛЕМЫ В НАУКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА**

Сагиндыкова А.Н., д.ю.н., профессор  
Уральский юридический институт  
МВД России

Южаков А.Б.  
Уральский юридический институт  
МВД России

Понятие охраны общественного порядка в науке конституционного и административного права России долгое время рассматривалось в концептуальных рамках. Значительная часть исследований категорий «общественный порядок», «правопорядок»<sup>1</sup> носили теоретический характер, а в 90-х гг. исследования в рассматриваемой сфере практически прекратились. В связи с этим и с уче-

том роста количества административных правонарушений, посягающих на общественный порядок в Российской Федерации, в т.ч. в Сибирском регионе, напрашивается необходимость изучения рассматриваемой категории сквозь призму анализа норм Конституции РФ 1993 г., тем более перемены, произошедшие за последнее десятилетие, внесли свои коррективы в обсуждаемую проблему. Все это обуславливает целесообразность дальнейшего совершенствования понятия как «общественный порядок», так и вопросов его обеспечения. Качественные изменения административной практики, в частности правонарушений, посягающих на общественный порядок, привели к значительному изменению содержательного значения категории «общественный порядок».

Важнейшим методологическим основанием исследования в юриспруденции является научно-практическая идея, которая основывается на стремлении человека понять, объяснить изучаемое явление. Это, в свою очередь, требует системного анализа его становления и развития.

*В Конституции РФ понятие общественного порядка лишь обозначено, но не расшифровывается, что закономерно. Кроме того, в большинстве конституций зарубежных стран дефиниция рассматриваемой категории также отсутствует. В силу ее неопределенности возникла необходимость конституционного разъяснения понятия «общественный порядок», его отличительных особенностей от схожих категорий и институтов.*

Вместе с тем необходимо уточнить значение слова «порядок». В Толковом словаре русского языка под порядком понимается состояние благоустройства и налаженности, систематичности, правильности в расположении чего-нибудь. С.И.Ожегов обозначает порядок как правильное налаженное состояние, расположение чего-нибудь.<sup>2</sup>

Необходимо отметить, что некоторые конституционалисты в своих научно-учебных комментариях и пособиях затрагивают понятие общественного порядка, однако практически никто не пытался дать его подробное определение, выделить его конституционную основу и содержание. Вместе с тем в науке административного права существуют полярные точки зрения по исследуемым дефинитивным понятиям. Большинство ученых-юристов рассматривают общественный порядок в узком и широком смыслах. По видимому, для этого есть основания.

Так, М.И.Еропкин определяет общественный порядок как «обусловленную интересами всего народа... регулируемую нормами права, морали, правилами... общежития и обычаями систему

волевых общественных отношений, складывающихся главным образом в общественных местах, а также общественных отношений, возникающих и развивающихся вне общественных мест, но по своему характеру обеспечивающих охрану жизни, здоровья, чести граждан, укрепление народного достоинства, общественное спокойствие, создание нормальных условий для деятельности предприятий, учреждений и организаций»<sup>3</sup>.

По мнению А.В.Серегина, общественный порядок следует понимать как «урегулированную нормами права и иными социальными нормами систему общественных отношений, установление, развитие и охрана которых обеспечивают поддержание состояния общественного и личного спокойствия граждан, уважение их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности»<sup>4</sup>. Из указанных определений следует, что основным отличием является место возникновения правоотношений. М.И.Еропкин основным критерием считает место их возникновения и развития – общественные места, а А.В.Серегин – содержание этого отношения.

Мухаев Р.Т. отмечает, что при рассмотрении общественного порядка в узком значении необходимо говорить, прежде всего, об охране личности и прав граждан, нравственности и общественного спокойствия в быту и общественных местах.<sup>5</sup> По нашему мнению, такой подход обоснован и может использоваться в правоприменительной сфере, в том числе в юрисдикционной деятельности участковых уполномоченных милиции при охране общественного порядка в общественных местах: на улицах, площадях, вокзалах, в культурно-зрелищных заведениях. *Следовательно, данный аспект рассматриваемого института сопряжен с обеспечением соответствующих условий для отдыха граждан и нормального функционирования организаций. На наш взгляд, общественный порядок в этом аспекте обеспечивается и поддерживается государственно-принудительными мерами.* Кроме того, в большинстве нормативных актов правоохранительной сферы законодатель характеризует общественный порядок именно таким образом.<sup>6</sup>

Другая группа ученых в своих трудах рассматривает общественный порядок в широком смысле. По мнению И.Н.Даньшина, общественный порядок – это «порядок волевых общественных отношений, складывающихся в процессе сознательного и добровольного соблюдения гражданами установленных в нормах права и иных нормах неюридического характера правил поведения в области общения и тем самым обеспечивающих слаженную и устойчивую совместную жизнь людей в условиях развитого общества»<sup>7</sup>. В то время, в 1971 г.<sup>8</sup>, общественный порядок рассматривался ис-



ключительно в рамках господствующих стереотипов. В данном определении вызывает сомнение добровольность соблюдения гражданами правил поведения, так как обеспечение методами убеждения и принуждения общественного порядка было указано в тексте Конституции 1977 г. (ст.4, 77) в качестве функции правоохранительных органов.

К.Ф.Шеремет в комментарии к ст.132 Конституции РФ указывал, что «в данной статье понятие охрана общественного порядка включает в себя деятельность по обеспечению спокойствия и благополучия в общественных местах, недопущение и своевременное пресечение хулиганских действий, привлечение к административной ответственности лиц, нарушающих установленные правила поведения в общественных местах, во время уличных шествий и демонстраций, массовых гуляний, спортивных соревнований и т.п.».<sup>9</sup> Таким образом, по его мнению, сущность общественного порядка состоит в обстановке спокойствия и благополучия в общественных местах. Однако из этого определения сложно судить о позиции автора в вопросе разграничения категории «общественный порядок» со схожими терминами (правопорядок и общественная безопасность, которые также используются в тексте Основного Закона)<sup>10</sup>.

Анализ дефиниций в сфере охраны общественного порядка указывает на одну особенность, характерную для большинства определений, – места, в которых возникают исследуемые правоотношения. В качестве таковых, на основе рассмотренных понятий, можно выделить «общественные места» и «места уличных шествий, гуляний, демонстраций». Исходя из собственного опыта работы авторов в службе участковых уполномоченных милиции и участия в охране общественного порядка при проведении различных мероприятий заслуживают внимание факты нарушения прав граждан сотрудниками правоохранительных органов. В последние годы в Российской Федерации были проведены научные исследования, посвященные обеспечению прав граждан сотрудниками правоохранительных органов<sup>11</sup>, однако вопросы охраны и особенности обеспечения прав, свобод человека и гражданина в сфере охраны общественного порядка не рассматривались. Это, на наш взгляд, обуславливает необходимость отдельного и глубокого исследования.

На основе вышеуказанных подходов представляется возможным предложить свое понимание общественного порядка, объединяющее точки зрения как ученых-конституционалистов, так и ученых в сфере административного права.

*Общественный порядок – это совокупность правовых норм, регулирующих весь комплекс социальных отношений, возникающих в результате соблюдения человеком и гражданином Конституции и иных нормативно-правовых актов, направленных на создание благоприятных условий для нормальной деятельности учреждений, организаций и предприятий (то есть работодателей независимо от форм собственности), общественных объединений, отдыха граждан и обеспеченный мерами государственного принуждения<sup>12</sup>, осуществляемыми в основном службами органов внутренних дел.*

---

<sup>1</sup> Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, как известно, был отменен Федеральным законом от 30 декабря 2001 г. №196-ФЗ, в настоящее время действует Кодекс РФ об административных правонарушениях, вступивший в силу с 1 июля 2002 г. В КоАП РФ правонарушения, посягающие на общественный порядок, содержатся в гл. 20, составы правонарушений значительно отличаются по сравнению с КоАП РСФСР. Кроме того, в гл. 20 содержатся и новые правонарушения рассматриваемой сферы. Все это также предполагает переосмысление категории «общественный порядок» и способов его охраны.

<sup>2</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1972. – С. 529.

<sup>3</sup> Еропкин М.И. Управление в области охраны общественного порядка. – М., 1951. – С. 7.

<sup>4</sup> Серегин А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления. – М., 1975. – С.4.

<sup>5</sup> Мухаев Р.Т. Теория государства и права: Учебник. – М., 2001. – С.443.

<sup>6</sup> О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 12 февраля 1993 г. №209 (в редакции Указа Президента РФ от 2 декабря 1998 г. №1454) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – №7. – Ст.562; СЗ РФ. – 1998. – №49. – Ст. 6010.

<sup>7</sup> Даньшин И.Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – Харьков, 1971. – С.68.

<sup>8</sup> Там же. – С.69.

<sup>9</sup> Шеремет К.Ф. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М., 1994. – С.564.

<sup>10</sup> Соотношение категории «общественный порядок» и «общественная безопасность», на взгляд авторов, – это тема отдельного научного исследования.

<sup>11</sup> Напр.: Рыбак С.В. Органы внутренних дел в механизме обеспечения прав и свобод гражданина: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999; Руднев В.И. Санкционирование ареста судом как гарантия обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность // Адво-

кат. – 2002. – №8. – С.34; Ефремов А.М. Прокурорский надзор за обеспечением прав и свобод личности в оперативно-розыскной деятельности // Юрист-правовед. – 2001. – №1. – С.53; Арзамасов Ю.Г. Обеспечение прав человека и гражданина в нормотворческой деятельности органов внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1998; Анохин Ю.В. Обеспечение безопасности, прав и свобод личности в правоприменительной деятельности органов внутренних дел (на материалах предварительного следствия): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1999; Булатов В.А. Обеспечение следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей. – Волгоград, 1999.

<sup>12</sup> Анализ юридической литературы показывает, что при охране общественного порядка участковыми уполномоченными милиции, как правило, используется метод принуждения. Более подр. см.: Бельский К.С. О системе специальных методов полицейской деятельности / К.С.Бельский, Б.П.Елисеев, И.И.Кучеров // Государство и право. – 2003. – № 4. – С.11-18.

## **ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА НА «МЕСТАХ» (О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)**

Сидорова М.Л.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Известно, что охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и законности является одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Органы местного самоуправления во взаимодействии с правоохранительными и правоприменительными государственными органами обеспечивают общественную безопасность и общественный порядок на территории муниципального образования.

Интересы местного самоуправления в области охраны общественного порядка связаны с возможностью реализации конкретных потребностей населения, к которым можно отнести поддержание ситуации спокойствия в обществе, обеспечение уважения чести и достоинства, личной и имущественной безопасности граждан, создание условий для их нормального труда и отдыха, а также создание благоприятных условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций.

Конституция РФ закрепила охрану общественного порядка в качестве одного из вопросов местного значения. Данное положение получило свое развитие в федеральном и региональном законодательстве, в правовых актах органов местного самоуправления.

Так, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 г., Закон Красноярского края «О местном самоуправлении в Красноярском крае» 1996 г., Устав г.Красноярска 1997 г. относят к вопросам местного значения охрану общественного порядка, организацию и содержание муниципальных органов охраны общественного порядка, осуществление контроля за их деятельностью.

В г. Красноярске вопросами общественной безопасности и охраны общественного порядка на территории города занимаются наряду с другими структурами управление по охране общественного порядка городской администрации, милиция общественной безопасности УВД города, красноярская народная дружина.

Основными задачами управления являются обеспечение охраны общественного порядка в городе Красноярске, организация деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка, осуществление контроля за их работой и др.

Ведущую роль в охране общественного порядка на территории муниципального образования занимает, несомненно, милиция общественной безопасности городских, районных отделов (управлений) внутренних дел. В 1997 г. за счет введения дополнительной численности милиции общественной безопасности постановлением городской администрации был создан отдельный батальон местной милиции УВД г.Красноярска. Основными задачами данного подразделения является выполнение функций, возложенных на милицию общественной безопасности с учетом проблем, стоящих перед органами местного самоуправления и населением города.

В 2000 г. в соответствии с Указом Президента РФ «О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка» 1996 г. сформирована Красноярская муниципальная добровольная народная дружина. Цель создания данного общественного формирования – привлечение граждан к охране общественного порядка, усиление борьбы с преступностью и другими правонарушениями на территории города.

Таким образом, на данный момент в г. Красноярске (как и в других муниципальных образованиях различного уровня) сложилась более или менее эффективная система обеспечения охраны общественного порядка.

Однако принятый в октябре 2003 г. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (вступит в силу 1 января 2006 г.) содержит новеллы, которые при реализации, несомненно, окажут воздействие на данную систему.

Во-первых, все муниципальные образования подразделены на три основные категории (ст.2): поселение (городское или сельское поселение), муниципальный район (несколько поселений или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией, в границах которой местное самоуправление осуществляется в целях решения вопросов местного значения межпоселенческого характера) и городской округ (городское поселение, не входящее в состав муниципального района и органы местного самоуправления которого осуществляют полномочия по решению вопросов местного значения поселения и вопросов местного значения муниципального района).

Во-вторых, установлены принципиально новые требования определения границ муниципальных образований (ст.11). Вот некоторые из них: размеры территории поселения устанавливаются с учетом численности его населения; границы поселения, в состав которого входят два и более населенных пункта, устанавливаются с учетом пешеходной доступности до административного центра сельского поселения и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в состав поселения, а границы муниципального района – с учетом транспортной доступности до административного центра муниципального района и обратно в течение рабочего дня для жителей всех поселений, входящих в состав муниципального района, и др.

Органам государственной власти субъектов РФ, в ведении которых находится установление границ муниципальных образований, предстоит установить границы муниципальных образований в соответствии с требованиями нового закона до 1 января 2005 г.

Согласно Закону Красноярского края «Об административно-территориальном устройстве в Красноярском крае» 1995 г. «изменение границ муниципальных образований влечет за собой изменения в административно-территориальном устройстве края».

Следовательно, введение нового законодательства потребует радикального изменения административно-территориального устройства субъектов РФ, что, в свою очередь, неизбежно повлечет ломку и переустройство сложившейся системы как государствен-

ных правоохранительных органов, так и муниципальных органов, ведающих вопросами охраны общественного порядка на «местах».

В-третьих, содержание вопросов местного значения напрямую зависит от уровня муниципального образования (ст.ст.14-16). Следует подчеркнуть, что «организация охраны общественного порядка муниципальной милицией» будет осуществляться лишь на уровнях муниципального района и приравненного к нему городского округа. Жители поселения (низового уровня местного самоуправления) смогут решать данный вопрос «только при наличии собственных материальных ресурсов и финансовых средств».

В-четвертых, новая формулировка – «организация охраны общественного порядка» в сравнении с прежней («охрана общественного порядка, организация и содержание муниципальных органов охраны общественного порядка, осуществление контроля за их деятельностью») является весьма расплывчатой и требующей дополнительной конкретизации.

В-пятых, в анализируемом законе косвенно упоминается иной федеральный закон, «определяющий порядок организации и деятельности муниципальной милиции» (ч.3 ст.83). Представляется, что законодатель предусматривает принятие новых либо изменение действующих нормативных актов и в этой сфере (имеется в виду Закон РФ «О милиции» 1991 г. и Указ Президента РФ «О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации» 1993 г.). Формирование муниципальной милиции согласно новому законодательству, безусловно, повлияет на существующую систему охраны общественного порядка.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что вступление в законную силу Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. неизбежно повлечет изменения не только в сферах административно-территориального устройства субъектов РФ и муниципального строительства, но и в области обеспечения общественной безопасности, законности и охраны общественного порядка на местном уровне.

## **ВОЗРАСТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ**

Чумарова Е.Ю., к.ю.н.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Эффективное воспитание подрастающего поколения с целью последующего активного включения его представителей в созидательную жизнедеятельность общества является необходимым условием развития любого государства, потому что с каждым новым поколением культура народа, его воззрения, быт, его право возрождаются вновь.

Формирование личности несовершеннолетнего происходит под влиянием целого комплекса факторов и условий окружающей его социальной среды. Именно поэтому социально-экономические преобразования в России, повлекшие за собой снижение уровня жизни значительной части населения, изменение нравственно-ценностных ориентаций и, как следствие, ухудшение психологического климата в семье, не могли не отразиться на положении детей, правовая незащищенность и социальная обездоленность которых постоянно поддерживают условия для быстрого роста количества совершаемых ими правонарушений.

Говоря о предупреждении преступности, нельзя не учитывать, что путь несовершеннолетнего к преступлению, начинаясь нередко с нарушений школьной дисциплины, идет, как правило, через совершение административных проступков.

Особенность применения административно-принудительных мер к несовершеннолетним заключается в том, что характер и сила их воздействия должны, с одной стороны, соизмеряться с потребностями административно-юрисдикционной защиты соответствующих общественных отношений, а с другой – поощрять процесс изменения поведения, помогая подростку почувствовать ответственность за свои поступки и понять, как они отражаются на других. Очевидно, это обусловлено тем, что «поведение молодых людей, которое не соответствует общим социальным нормам и ценностям, во многих случаях связано с процессом их роста и, как правило, самопроизвольно изменяется по мере взросления»<sup>1</sup>.

Ученые, занимавшиеся исследованием данной проблемы, обратили свое внимание на это обстоятельство еще в середине XIX века. В частности, J.B.Friedreich отмечал, что противоправные деяния, совершаемые в отроческом возрасте, «предпринимаются обыкновенно не только без всякого умысла, но и без ясной цели,

единственно по какому-то неопределенному побуждению испробовать развивающиеся силы или выказать их крепость»<sup>2</sup>.

Фактическое совершение подростком административного правонарушения, в том числе и предусмотренного региональным законодательством, должно быть виновным, то есть предполагать способность несовершеннолетнего сознавать общественную вредность и противоправность своих деяний, а также предвидеть возможность наступления общественно вредных последствий. Только в этом случае применение к нему мер административной ответственности будет обоснованным и необходимым. В то же время не могут быть признаны виновными действия лица, хотя и совершившего противоправное деяние, но в силу возраста не обладающего достаточным комплексом знаний и навыков, жизненным опытом, позволяющим выбрать правомерный вариант поведения.

Следует заметить, что в литературе вопрос об установлении возраста административной деликтоспособности неоднократно дебатировался. Согласно действующему законодательству административной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет. Вместе с тем М.Н.Бирюков полагает, что нижнюю границу возраста административной деликтоспособности целесообразно установить с семнадцатилетнего возраста. Автор аргументирует свою позицию имущественной несостоятельностью лиц, не достигших этого возраста, то есть отсутствием самостоятельного заработка и в силу этого неспособностью претерпеть негативные последствия такого наиболее типичного административного взыскания, как штраф.<sup>3</sup>

Противоположную позицию занимает А.Б.Иванюженко, указывающий на необходимость введения административной ответственности для всех без исключения лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста, связывая это с расширением гражданской дееспособности.<sup>4</sup> Аналогичной точки зрения относительно общего возрастного уровня административной ответственности придерживаются также А.Е.Лунев<sup>5</sup> и Я.Н.Шевченко<sup>6</sup>.

Некоторые авторы предлагают установить возрастную градацию административной ответственности несовершеннолетних. Так, З.П.Морозова считает, что за нарушение общественного порядка, злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции, нарушение правил охраны природы и в ряде других случаев следует предусмотреть ее наступление с четырнадцати лет; за совершение мелких краж – с двенадцати, а общий возрастной уровень для наступления административной от-



ветственности, по ее мнению, должен начинаться все-таки с шестнадцатилетнего возраста.<sup>7</sup>

Полагаем, что возникновение административной деликтоспособности несовершеннолетних прежде всего необходимо связывать с уровнем психофизического и социального развития их личности. Способность несовершеннолетнего понимать общественную значимость своих действий, в том числе и общественно вредных, по нашему мнению, не может ставиться в зависимость от перемен в социально-экономической жизни общества.

Процесс социализации – это сложное, комплексное явление. Осознание подростком противоправности тех или иных деяний представляет собой не простую механическую рецепцию содержания нормативно закрепленного варианта должного поведения, а постижение его сути через осмысление. Именно поэтому трудно согласиться с З.П.Морозовой и рядом других авторов<sup>8</sup>, что есть все основания считать общественно вредные деяния двенадцатилетних подростков правонарушениями ввиду совпадения их объективной стороны с объективной стороной соответствующих административных деликтов. Хотя, как отмечают психологи, в возрасте от 11 до 13 лет у подростков интенсивно развивается функция сознания, связанная с анализом и контролем, и проявляется способность самостоятельно регулировать свое поведение<sup>9</sup>, судить о понимании ими характера своих антиобщественных действий как посягательств на охраняемые государством интересы общества и личности представляется преждевременным.

Допустим, что интеллектуальная и волевая способность произвольной регуляции поведения наступает гораздо ранее достижения четырнадцатилетнего возраста, но это только психологический и медицинский критерии.<sup>10</sup> Суть же спора о минимальном возрасте административной ответственности обусловлена отношением к самой ответственности и наполнением ее конкретным содержанием.

Рассуждая о возрасте уголовной деликтоспособности, А.Василевский справедливо отметил: «Если ответственность и наказание являются только карой, то можно понизить минимальный возраст ответственности, а если это только средство защиты общества от преступных посягательств, то общество должно воспитывать несовершеннолетних, а не наказывать. Мы прошли уже достаточный путь развития, чтобы не впадать в крайности и признать, что наказание является и карой, и средством защиты общества»<sup>11</sup>. Полагаем, что подобный подход к пониманию ответственности применим также и в административном праве.

Изменение установленного ст.2.3 КоАП РФ общего правила о привлечении к административной ответственности лица, достигшего шестнадцатилетнего возраста, является нецелесообразным еще и потому, что оно органично соответствует положениям гражданского, семейного и уголовного законодательства Российской Федерации.

Так, ст.26 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) устанавливает частичную гражданскую дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, которая может быть реализована посредством совершения сделок с письменного согласия законных представителей, а также в виде самостоятельного распоряжения своим заработком, стипендией и иными доходами. Кроме того, ст.27 ГК РФ позволяет признать несовершеннолетнего, достигшего шестнадцатилетнего возраста, если он работает по трудовому договору или с согласия законных представителей занимается предпринимательской деятельностью, полностью дееспособным. В ГК РФ особо подчеркивается, что родители, усыновители и попечители не несут ответственности по обязательствам полностью дееспособного (эмансипированного) несовершеннолетнего, в том числе по обязательствам, возникшим вследствие причиненного им вреда (ч.2 ст.27 ГК РФ).

Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) определяет брачный возраст наступлением восемнадцати лет (ч.1 ст.13 СК РФ). Однако при наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту государственной регистрации заключения брака вправе разрешить вступить в брак лицам, достигшим шестнадцати лет (ч.2 ст.13 СК РФ).

Согласно общему правилу, установленному Уголовным кодексом Российской Федерации, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

Сопоставление приведенных положений свидетельствует об однозначности занимаемой законодателем позиции в оценке дееспособности лица, достигшего шестнадцатилетнего возраста, и его возможности осознанно отвечать за совершенные им противоправные действия. Это позволяет сделать вывод, что установление минимального возраста административной ответственности с шестнадцати лет является наиболее обоснованным, поскольку соответствует межотраслевым категориям, характеризующим правовое положение несовершеннолетних, и в силу этого позволяет сформировать особую подотрасль делинквентного права для несовершенно-

летних правонарушителей<sup>12</sup>, которая могла бы стать юридической основой ювенальной юстиции в России.

То, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях остался верен моноуровневому подходу к возрасту лица, обладающего административной деликтоспособностью, и определил его наступлением шестнадцати лет (ч.1 ст.2.2), следует признать правильным. Более того, в соответствии с ч.2 ст.2.2 названного Кодекса предполагается, что с учетом конкретных обстоятельств дела и данных о лице, совершившем административное правонарушение в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав будут наделены правом освобождать последнего от административной ответственности с применением к нему мер, направленных на защиту его прав и оказание помощи. Полагаем, что такой подход законодателя к оценке действий несовершеннолетнего правонарушителя будет соответствовать тенденциям гуманизации института административной ответственности и позволит избежать карательного уклона при рассмотрении дел о совершенных подростками правонарушениях.

---

<sup>1</sup> Руководящие принципы Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риярдские руководящие принципы) (Резолюция 45/112 от 14 декабря 1990 г., приложение), п. «е» ст.5 // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк, 1992. – С.213.

<sup>2</sup> Friedreich. J.B. О значении возраста в области уголовного вменения / Пер. П.Колосовского (Compendium der gerichtlichen Anthropologie. 2-te A. Regensburg, 1853), без места и года издания. – С.24, 25.

<sup>3</sup> Бирюков М.Н. О совершенствовании законодательства об ответственности несовершеннолетних правонарушителей // Проблемы административной ответственности на современном этапе: Материалы теоретического семинара (июнь 1989 г.) – М., 1989. – С.19, 20.

<sup>4</sup> Иванюженко А.Б. К вопросу о возрасте, по достижении которого наступает административная ответственность // Ювенальная юстиция и профилактика правонарушений: Материалы международной научно-практической конференции 26-28 ноября 1999 г. / Под общ. ред. В.П.Сальникова; Б.П.Пустынцева. – СПб., 1999. – Ч.1. – С.122.

<sup>5</sup> Лунев А.Е. Проблемы административной ответственности // Социалистическая законность. – 1972. – №5. – С.64.

<sup>6</sup> Шевченко Я.Н. Указ. соч. – С.171.

<sup>7</sup> Морозова З.П. Административная ответственность несовершеннолетних и их родителей по советскому праву: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1972. – С.13.

<sup>8</sup> Бейсебаев К.М. Антиобщественное поведение и личность несовершеннолетнего правонарушителя: Учебное пособие / К.М.Бейсебаев, Н.И.Крюкова, Л.А.Рябис. – М., 1982. – С.10.

<sup>9</sup> Асеев В.Г. Формирование личности и структурный уровень мотивов. Проблемы личности: Материалы симпозиума. – М., 1969. – С.336-338.

<sup>10</sup> J.B. Friedreich в работе «О значении возраста в области уголовного вменения» отмечал, что хотя в медицине и скрываются данные, которые, будучи проверены тщательным наблюдением, одни только могут лечь в основу научного ответа о постепенном процессе органического развития человека, эта наука не в состоянии представить точно определенных выводов (Friedreich J.B. Указ. соч. – С.5).

<sup>11</sup> Василевский А. Возраст как условие уголовной ответственности // Законность. – 2000. – №11. – С.23.

<sup>12</sup> Подр. см.: Борисова Н.Е. Указ. соч. – С.15.

## **ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ МЕЛКОГО ХУЛИГАНСТВА (СТ. 20.1 КОАП РФ)**

Цуканов Н.Н., к.ю.н.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Важным событием в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью стало законодательное изменение понятия мелкого хулиганства. Согласно ст.20.1 КоАП РФ им признается «нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Указанная формулировка существенно изменяет целый ряд характеристик объективной стороны данного правонарушения, что, несомненно, имеет теоретическое и практическое значение.

1. Закон, как и прежде, не ограничивает способы совершения мелкого хулиганства. Однако согласно тексту ст.20.1 КоАП РФ

действия правонарушителя могут влечь соответствующую административную ответственность лишь в случае, если сопровождаются нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. В результате потенциал нормы оказывается существенно ограниченным, поскольку теперь ст.20.1 КоАП РФ не охватывает совершение таких действий, как демонстрация непристойных жестов, умышленное преграждение пути следования, бросание предметов в прохожих, публичное демонстрация половых органов (за исключением действий, предусмотренных ст.135 УК РФ), громкое пение, а равно громкое прослушивание вульгарных песен, хотя и не содержащих нецензурных фраз, но в силу заложенного в них смысла грубо нарушающих общественный порядок и спокойствие граждан, и т.д., если они не сопровождаются нецензурной бранью, оскорбительным приставанием к гражданам, уничтожением или повреждением чужого имущества. При этом очевидно, что субъекты Российской Федерации не могут в полной мере компенсировать данный пробел в силу ограниченности в выборе возможных санкций за совершение административных правонарушений.

Нецензурная брань, равно как и оскорбительное приставание к гражданам, может являться как квалифицирующим признаком, так и основным содержанием противоправных действий правонарушителя.

Противоправное употребление нецензурной лексики может выражаться в устной форме, в форме нанесения неприличных надписей для всеобщего обозрения в общественных местах (кроме случаев, предусмотренных ст.214 УК РФ), громкого прослушивания аудиозаписей, заведомо для нарушителя содержащих элементы нецензурной брани, и т.д.

С учетом конституционного запрета на осуществление цензуры термин «нецензурная брань» имеет условный характер. Важно отметить, что в правоприменительной практике используется фактическая презумпция общеизвестности нецензурной лексики и непристойных жестов. Этим объясняется отсутствие необходимости в законодательном определении данных категорий, а также непосредственной фиксации в материалах дела имевших место фраз и жестов, проведения в каждом конкретном случае филологической, культурологической и др. экспертиз.

Закон устанавливает ответственность за нецензурную *брань*, хотя соответствующая лексика может иметь и иное значение:

удивление, радость, восхищение и т.п. Думается, что если указанные действия (в том числе и использование нецензурных фраз «для связки слов») заведомо для лица, их осуществляющего, нарушают общественный порядок, ст.20.1 КоАП РФ может и должна применяться.

Словосочетание «уничтожением или повреждением чужого имущества» появилось в тексте ст.20.1 КоАП РФ в связи с изменением ст.213 УК РФ. Под уничтожением имущества понимается приведение вещи в полную негодность, когда она навсегда утрачивает свою хозяйственно-экономическую ценность и не может быть использована по своему назначению. Под повреждением – причинение вещи такого вреда, когда она без восстановления (ремонта) не может быть использована по своему обычному назначению. Важной проблемой, возникшей в связи с этим перед правоприменителем, является отграничение мелкого хулиганства, предусмотренного ст.7.17 КоАП РФ, от деяния, предусмотренного ст.167 УК РФ.

2. Объективная сторона является важным критерием отграничения мелкого хулиганства от преступления, предусмотренного ст.213 УК России (хулиганство). Уголовно наказуемым является грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.<sup>1</sup>

3. Статья 20.1 КоАП РФ дополнена ч.2, устанавливающей административную ответственность за мелкое хулиганство, сопряженное с неповиновением законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка.

Если относительно понятия «неповиновение представителю власти» уже сформировалась определенная практика (например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 г. №9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка»<sup>2</sup>), то термин «неповиновение лицу, пресекающему нарушение общественного порядка» требует дополнительного изучения. Так, остается неясным, невыполнение каких требований и в какой форме может влечь административную ответственность за данное правонарушение.

4. Законодатель, формулируя норму, включает в нее отдельные признаки материального состава, поскольку ядром объективной стороны мелкого хулиганства выступают **действия, повлекшие** нарушение общественного порядка, выражающие явное неуважение к обществу.

Трудно, например, оспорить тот факт, что нецензурная лексика – весьма своеобразный, но неотъемлемый элемент национальной культуры современной России, имеющий непосредственное отношение к жизнедеятельности самых широких слоев населения. Очевидно, что в этих условиях административную ответственность за мелкое хулиганство должна влечь не всякая нецензурная брань, а лишь та, которая нарушает общественный порядок. Кроме того, определенный повод задуматься дают и разработчики комментариев к КоАП РФ, указывающие на возможность совершения мелкого хулиганства с косвенным умыслом.<sup>3</sup> Известно, что последний несовместим с формальным составом правонарушения.

Однако традиционным для теории административного права является подход, согласно которому мелкое хулиганство представляет собой состав формальный. Именно так характеризуется и ст.213 УК РФ, формулировка которой легла в основу современной ст.20.1 КоАП РФ. Следует отметить, что признание мелкого хулиганства материальным составом в современных условиях поставило бы перед правоохранительными органами неразрешимую задачу: всякий раз доказывать факт нарушения общественного порядка в условиях отсутствия его нормативного определения и единого доктринального толкования.

Законодателем произведена попытка согласования терминологии уголовного закона и законодательства об административных правонарушениях. Объективная сторона мелкого хулиганства во многом сохранила свои прежние черты, однако изменения, внесенные законодателем, заслуживают неоднозначной оценки и требуют научного осмысления.

---

<sup>1</sup> О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Российская газета. – 2003. - № 252.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1989. – №6. – С.10.

<sup>3</sup> Напр.: Комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Под ред. Ю.М. Козлова. – М., 2002. – 843; Комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Ред. колл. И.И.Веремеенко, Н.Г.Салищева, Е.Н.Сидоренко, А.Ю.Якимов. – М., 2002. – 602 и др.

## **ДИСКВАЛИФИКАЦИЯ: ОСНОВАНИЯ, УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ**

Иванов А.Ю. , к.ф.н.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Дисквалификация является новым видом административного наказания для отечественного законодательства об административных правонарушениях. Дисквалификация предусматривается ст.3.11 КоАП РФ.

Дисквалификация применяется с 1 января 2002 г. и согласно ст.3.11 КоАП РФ заключается в лишении физического лица права занимать руководящие должности в исполнительном органе управления юридического лица. Его сущность состоит в прекращении трудового договора (контракта) с дисквалифицированным лицом, во внесении в его трудовую книжку записи, какие должности он лишен права занимать, в запрете входить в совет директоров, осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, а также осуществлять управление юридическим лицом в иных случаях, предусмотренных законодательством РФ. Это означает прекращение осуществления конкретного вида предпринимательской деятельности.

Иными словами, речь идет о запрете занимать определенные должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций юридического лица при осуществлении им предпринимательской деятельности. Два вида запрета тесно связаны между собой. Это обусловлено тем, что запрещение занимать определенные руководящие должности, как правило, предполагает и ограничение предпринимательской деятельности.

По своей сути дисквалификация представляет собой ограничение конституционного права на осуществление предпринимательской и иной, не запрещенной законом деятельности (ч.1 ст.34 Конституции РФ) за грубое или неоднократное злоупотребление указанным правом.

Дисквалификацию следует отличать от лишения специального права (см. комментарий к ст.3.8 КоАП РФ), а также от уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст.47 УК РФ).

Уголовное законодательство содержит общую характеристику перечня видов деятельности, на которые может распростра-



няться лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что позволяет применять данное наказание в любой сфере деятельности.

Дисквалификация устанавливается и назначается только в качестве основного административного наказания на срок от шести месяцев до трех лет, в то время как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания.

Дисквалификация может быть применена в том случае, если она предусмотрена в санкциях соответствующих статей КоАП РФ. В целом составы административных правонарушений, санкциями которых установлена данная мера административной ответственности, немногочисленны.

В данной статье субъектами административной ответственности мы называем лишь физические и юридические лица. Однако ст.2.4 КоАП РФ специально предусматривает положения об административной ответственности должностных лиц, определяет понятие должностного лица и устанавливает, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, приравниваются к должностным лицам. Руководители и другие работники, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих структурах, общественных объединениях, должностными лицами, согласно примечанию к ст.2.4, не являются. Однако когда встает вопрос об административной ответственности таких лиц, то КоАП РФ предусматривает возможность их привлечения к ответственности именно как должностных лиц. Поэтому в круг субъектов административной ответственности, возможно, следует включать и должностных лиц органов юридического лица.

В соответствии с п.3 ст.4.5 КоАП РФ за административное правонарушение, влекущее применение административного наказания в виде дисквалификации, лицо может быть привлечено к административной ответственности не позднее одного года со дня совершения административного правонарушения, а при длящемся правонарушении – одного года со дня его обнаружения.

Копия вступившего в силу постановления о дисквалификации направляется вынесшим его судом в орган, уполномоченный Правительством РФ, либо его территориальный орган. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2002 г. №805 «О формировании и ведении реестра дисквалифицированных лиц» уполномоченным федеральным органом исполнительной власти,

осуществляющим формирование и ведение реестра дисквалифицированных лиц, является Федеральная служба России по финансовому оздоровлению и банкротству и его территориальные подразделения.

Постановление о дисквалификации должно быть немедленно исполнено лицом, привлеченным к административной ответственности, путем прекращения управления юридическим лицом (ст.32.11 КоАП РФ). Исполнение постановления о дисквалификации производится путем прекращения договора (контракта с дисквалифицированным лицом) на осуществление им деятельности по управлению юридическим лицом.

В соответствии со ст.32.11 КоАП РФ органом, уполномоченным Правительством РФ, должен быть сформирован реестр дисквалифицированных лиц, информация из которого должна быть открытой для ознакомления. Информация из такого реестра в виде выписок о конкретных дисквалифицированных лицах предоставляется за плату в размере одного минимального размера оплаты труда, которая подлежит зачислению в федеральный бюджет. Органам государственной власти и органам местного самоуправления указанная информация предоставляется бесплатно.

Лицо, заключающее договор (контракт) на осуществление деятельности по управлению юридическим лицом, обязано запросить информацию о наличии дисквалификации физического лица в органе, ведущем реестр дисквалифицированных лиц. В связи с этим особое внимание следует обратить на ст.14.23 КоАП РФ, предусматривающую административный штраф за осуществление дисквалифицированным лицом деятельности по управлению юридическим лицом в течение срока дисквалификации. Заключение дисквалифицированным лицом договора (контракта) на управление юридическим лицом, а также неприменение последствий прекращения его действий влечет наложение на юридическое лицо штрафа в размере до одной тысячи МРОТ.

Суд, устанавливая административное наказание в виде дисквалификации, руководствуется тем, что характер правонарушения, личность виновного, обстоятельства дела не позволяют сохранить за нарушителем право занимать определенные должности или заниматься предпринимательской деятельностью.

По смыслу данной статьи речь идет о запрете заниматься не в целом предпринимательской деятельностью, а конкретным ее видом. Запрещение осуществлять предпринимательскую деятельность распространяется на виды деятельности, для занятия которыми необходимы определенные навыки, требующие специальной

подготовки или позволяющие совершать определенные действия, или принимать решения, характер которых устанавливается законодательством. Например, законодательством предусмотрено, что для проведения процедур банкротства судом назначается арбитражный управляющий: временный, внешний или конкурсный. Арбитражным управляющим может быть назначено физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, обладающее специальными знаниями и не являющееся заинтересованным лицом в отношении должника и кредитора. Совершение указанным лицом противоправных действий может повлечь дисквалификацию в виде запрета заниматься конкретным видом предпринимательской деятельности.

Таким образом, законодатель предусмотрел создание механизма контроля, направленного на недопущение к профессиональной деятельности дисквалифицированных лиц в течение срока дисквалификации. Однако ряд вопросов, связанных с исполнением постановлений о назначении дисквалификации и требующих дополнительного правового регулирования, пока не решены. Например, не отражены правовые последствия дисквалификации в гражданском, трудовом законодательстве и в законодательстве о регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Без решения перечисленных вопросов возможность эффективного исполнения постановлений о дисквалификации, а также формирования эффективной правоприменительной практики вызывает определенные сомнения.

## **УЖЕСТОЧЕНИЕ САНКЦИЙ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: ЗА И ПРОТИВ**

Рубин А.В., к.т.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

В настоящее время ежегодный прирост автомобильного парка в нашей стране составляет около 1,3 млн. единиц.

Одним из негативных последствий автомобилизации России является высокая аварийность на дорогах. За последнее десятилетие в Российской Федерации произошло 1,8 млн. дорожно-транспортных происшествий (ДТП), в которых погибли более 330 тыс. и ранены почти 2 млн. человек. Только за 10 месяцев текуще-

го года в России произошло свыше 168 тыс. ДТП, а число погибших в них превысило 29 тыс. человек.<sup>1</sup>

Не лучше обстоят дела и на дорогах города Красноярска. По данным ГИБДД, за 11 месяцев этого года в городе произошло 1380 ДТП (что на 23,8% больше, чем за такой же период прошлого года), в которых погибли 143 и ранены 1482 человека. Из них 862 ДТП (или 62,4%) произошло по вине водителей транспортных средств, остальные – по вине пешеходов (36,5%) и пассажиров (1,1%).

Как правило, каждое ДТП обусловлено несколькими причинами: несоблюдением Правил дорожного движения, техническими неисправностями транспортных средств (ТС), неудовлетворительным состоянием дорожного покрытия, погодными условиями.

Однако, как показывает статистика, основной причиной ДТП является несоблюдение Правил дорожного движения как водителями ТС, так и пешеходами.

Одним из направлений обеспечения безопасности дорожного движения является совершенствование законодательной и нормативно-правовой базы. Так, согласно постановлению Правительства России с 1 января 2004 г. вступили в силу обновленные Правила дорожного движения, которые содержат ряд изменений и дополнений.<sup>2</sup> Помимо этого Минтранс РФ предлагает еще несколько изменений: узаконить обязательное использование ближнего света фар при движении в любое время суток в период с 1 октября по 15 апреля, снизить максимальную скорость в населенном пункте до 50 км/час.<sup>3</sup> Не случайно подобные ограничения действуют во многих странах мира.

Экономическим рычагом влияния на аварийность служит закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности водителей транспортных средств», а также вступление в действие с 1 июля 2002 г. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

На последнем документе хотелось бы остановиться подробнее.

КоАП РФ предусматривает основную административную ответственность за правонарушения на транспорте в виде предупреждения или штрафа. Однако за некоторые правонарушения предусмотрены и более жесткие санкции: лишение права управления ТС.

При этом сумма штрафа за многие правонарушения незначительна. Так, проезд на запрещающий сигнал светофора карается штрафом в размере 100 рублей, превышение скорости на 40-60 км/час – от 100 до 300 рублей, управление ТС в состоянии алкогольного опьянения – от 1000 до 2000 рублей.

Вместе с тем, как показывают статистические данные по городу Красноярску (см. табл.), по многим видам правонарушений на дорогах города наблюдается рост их количества.

| Административные правонарушения                  | 11 месяцев<br>2002 г. | 11 месяцев<br>2003 г. | Прирост,<br>% |
|--------------------------------------------------|-----------------------|-----------------------|---------------|
| Всего правонарушений                             | 299842                | 332416                | 12,4          |
| Нарушений водителями ТС                          | 187925                | 215016                | 14,4          |
| Управление ТС в состоянии алкогольного опьянения | 12496                 | 13002                 | 4,0           |
| Превышение скорости                              | 88530                 | 91893                 | 3,8           |
| Проезд пешеходных переходов                      | 18918                 | 18692                 | -1,2          |
| Проезд на запрещающий сигнал светофора           | 5097                  | 6596                  | 29,4          |
| Нарушение указаний дорожных знаков и разметки    | 14572                 | 14783                 | 1,4           |
| Выезд на полосу встречного движения              | 2062                  | 4497                  | 118,1         |
| Проезд железнодорожных переездов                 | 661                   | 753                   | 13,9          |
| Нарушение правил обгона                          | 9657                  | 9861                  | 2,1           |

Особенно заметно увеличение количества грубых правонарушений в области дорожного движения, таких как выезд на полосу встречного движения (прирост составил 118,1%), проезд на запрещающий сигнал светофора (прирост 29,4%), проезд железнодорожных переездов (прирост 13,9%) и нарушение скоростного режима движения (прирост 3,8%). Особую тревогу вызывает количество водителей, задержанных за управление ТС в состоянии опьянения, – 13002 за 11 месяцев! Причем, как показывают расчеты, из-за недостаточной плотности постов ГИБДД в городах водитель, который ежедневно садится за руль автомобиля в нетрезвом состоянии, может быть остановлен инспектором ДПС ГИБДД не более двух-трех раз в течение года.<sup>4</sup>

Поэтому не случайно Минтранс РФ совместно с МВД РФ готовят изменения в КоАП РФ, которые предусматривают значительное увеличение штрафов за такие нарушения, как выезд на полосу встречного движения, нарушение скоростного режима, неправильную парковку, управление ТС в состоянии опьянения, проезд на запрещающий сигнал светофора.<sup>5</sup> Конкретный размер штрафов определит Правительство РФ при внесении законопроекта в Государственную Думу. Предполагается исчислять штрафы, исходя из расчета нового минимального размера оплаты труда

(МРОТ), составляющего 600 рублей. В настоящее время штрафы исчисляются исходя из МРОТ, равного 100 рублям. Таким образом, величина штрафа может возрасти в 5-6 раз, то есть, например, выезд на полосу встречного движения обойдется нарушителю в 1800-3000 рублей, а желание прокатиться за рулем автомобиля в состоянии опьянения – в 6-12 тыс. рублей.

В других странах грубые правонарушения караются не менее жестко. Так, за управление автомобилем в нетрезвом состоянии в Японии взимается штраф до 400 долларов, либо нарушитель может быть лишен права управления на срок до 6 месяцев, или лишен свободы на срок до 2 лет с привлечением к тяжелым работам. В США средний размер штрафа составляет от 250 до 1000 долларов (в зависимости от штата). Водитель может быть также лишен права управления ТС на срок до 6 месяцев или наказан лишением свободы на срок до 1 года. При повторном нарушении в течение 10 лет водитель может быть наказан штрафом до 5 тыс. долларов или лишением свободы на срок до 5 лет.<sup>6</sup>

Естественно, у нового законопроекта есть и свои защитники, и свои противники. В той же «Российской газете»<sup>7</sup> представлены различные точки зрения. По мнению одних, штраф «...должен быть доступен среднему водителю». Но если он будет «доступен», как в настоящее время, то многих водителей такой штраф даже не заставит задуматься – он будет продолжать нарушать Правила дорожного движения. Но сумма штрафа, значительная и накладная для семейного бюджета, заставит многих водителей (не всех, конечно) более ответственно подходить к движению по дороге.

Вместе с тем все, дававшие интервью, высказывают мысль, что многое будет зависеть и от самих сотрудников ГИБДД. Есть опасность, по их мнению, что «...штрафы будут повышаться, но не в доход государства, а в личный карман инспектора ДПС». Несомненно, такая опасность существует. И здесь задачи кадрового обеспечения и воспитания личного состава, развитие контрольно-профилактической службы становятся одними из приоритетных направлений.

В целом же, на мой взгляд, ужесточение санкций за отдельные, самые грубые нарушения Правил дорожного движения давно назрело. И не надо воспринимать их однозначно как жестокие, карательные меры. Ибо эти и иные административно-предупредительные меры направлены на обеспечение безопасности дорожного движения и являются средствами не наказания, а предупреждения возможного возникновения аварийной ситуации и более тяжелых последствий в результате совершения дорожно-транспортного происшествия.

<sup>1</sup> Штрафы превысили скорость // Российская газета. – 2003. – 27 ноября.

<sup>2</sup> Правительство России внесло изменения в Правила дорожного движения // Красноярский рабочий. – 2003. – 2 октября.

<sup>3</sup> Ближний свет – в законе? // Авторевю. – 2003. – №20.

<sup>4</sup> Тишаев В.В. Проблема пьянства и алкоголизма в контексте обеспечения безопасности дорожного движения // Социальные, правовые, технические и экологические проблемы безопасности дорожного движения: Материалы международной научно-практической конференции. – Орел, 1996.

<sup>5</sup> Штрафы превысили скорость.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же.

## **ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА, КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ**

Таскаев Н.Н., к.ю.н., доцент  
Восточно-Сибирский институт  
МВД России

Потребительский рынок представляет собой один из наиболее криминализированных секторов сферы экономики. В основе криминализации потребительского рынка лежат безучетные наличные расчеты между хозяйствующими субъектами. Именно они определяют такие негативные тенденции в сфере торговли, как рост незаконного предпринимательства, взяточничества, реализации товаров низкого качества, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

Одним из приоритетных направлений в борьбе с административными правонарушениями и преступлениями на потребительском рынке является пресечение незаконного оборота этилового спирта и алкогольной продукции, нередко фальсифицированной или низкого качества. В 2002 г. в России от употребления алкоголя умерли около 36 тыс. человек. Государство ежегодно терпит от нелегального оборота алкоголя убытки в 12 млрд. рублей.<sup>1</sup> Тем самым экономическим интересам государства наносится огромный ущерб. По экспертным оценкам, чистая прибыль криминальных

структур, занятых в алкогольном бизнесе, ежемесячно составляет миллиард рублей. Доля нелегальной продукции в общем объеме реализации алкогольной продукции на потребительском рынке России достигает 40-50%.

Немалый вред здоровью людей наносится рекламой лекарств, которая в последнее время имеет тенденцию к расширению, тогда как сведения о тех или иных медикаментах должны быть в первую очередь закрытым знанием сугубо профессионального сообщества, а не использоваться для коммерческого продвижения лекарств на потребительском рынке.

Именно поэтому врачи всех специальностей считают рекламу лекарственных препаратов в средствах массовой информации не просто вредной, а наносящей прямой ущерб здоровью россиян.

Однако согласно Закону «О рекламе» запрещено рекламировать в средствах массовой информации только те лекарственные препараты, которые отпускаются по рецепту врача (хотя, как показывает практика, зачастую и это положение обходят). Получается, что фармацевтические предприятия, рекламируя в средствах массовой информации свою безрецептурную продукцию, ровным счетом ничего не нарушают. В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в Закон «О рекламе» с тем, чтобы о достоинствах и недостатках любого лекарственного препарата можно было узнать только из специализированных изданий. В аспекте рассматриваемой проблемы заслуживает поддержки предложение Минздрава РФ о необходимости убрать с радио и телевидения рекламу лекарственных средств. Однако непонятно, почему предложение Минздрава касается только радио и телевидения. Не меньший вред здоровью наносит и реклама в других средствах массовой информации, исключая, естественно, те, которые рассчитаны на врачей и фармацевтов.

Представляется поэтому, что законодательное запрещение рекламы лекарств послужит одним из условий обеспечения безопасности потребительского рынка, а в конечном счете – здоровья населения страны.

Что касается преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка, то их классификация, на наш взгляд, должна строиться по принципу построения системы преступлений, основанной на непосредственном и дополнительном объекте посягательства, каковым являются законные интересы потребителя.

Непосредственный объект преступления – охраняемое законом общественное отношение, на которое прямо или непосредственно направлено определенное преступление<sup>2</sup> (непосредственным



объектом обмана потребителей являются законные интересы потребителей). В данном случае указанное преступление посягает на один объект. Однако в ряде случаев одно преступное деяние посягает сразу на несколько отношений. В указанных случаях непосредственный объект преступления делится на основной и дополнительный. Дополнительному объекту также причиняется определенный вред, но при этом для данного преступления он является производным от основного объекта общественным отношением. Так, основным объектом незаконного использования товарного знака (ст.180 УК РФ) являются общественные отношения, возникающие в связи с регистрацией, правовой охраной и использованием товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест прохождения товаров, а дополнительным объектом могут выступать интересы потребителей, приобретающих абсолютно не тот товар, на который они рассчитывали. Непосредственным основным объектом заведомо ложной рекламы (ст.182 УК РФ) являются отношения добросовестной конкуренции, а дополнительным объектом – интересы потребителей.

Противодействие административным правонарушениям и преступлениям, совершаемым в сфере потребительского рынка, кроме мер организационного и профилактического характера, мер, направленных на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, предполагает также деятельность по выявлению, устранению или нейтрализации причин указанных административных правонарушений и преступлений, условий, им способствующих, явлений и процессов, обуславливающих рост отдельных видов административных правонарушений и преступлений, факторов, влияющих на формирование у определенных категорий лиц (прежде всего потребителей) не критичного, пассивного отношения к фактам обмана в торговле, реализации некачественных товаров и услуг. Меры, связанные с позитивной активизацией потребителей, составляют виктимологическую профилактику.

---

<sup>1</sup> Водке доверяй, но этикетку проверяй // Российская газета. – 2003. – 10 июля.

<sup>2</sup> Гельфер М.А. Объект преступления. – М., 1960. – С.11.

## **СРОКИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Шишунова Е.В.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

В соответствии с КоАП РФ установление порядка производства по делам об административных правонарушениях, а значит, и определение процессуальных сроков отнесено к ведению Российской Федерации (п.4 ч.1 ст.1.3). Сроки совершения процессуальных действий, обозначенные Кодексом РФ об административных правонарушениях, подлежат соблюдению также при применении законов субъектов РФ об установлении административной ответственности. Тем более важно, чтобы эти сроки были реально обоснованными.

Одним из принципов производства по делам об административных правонарушениях является оперативность: дела должны решаться быстро, в возможно более короткие временные промежутки. Оперативность производства по делам об административных правонарушениях обеспечивается законодательным закреплением, как правило, небольших сроков совершения различного рода процессуальных действий. В какой-то степени это объясняется тем, что административные дела в основном просты по своему содержанию, а потому правовая оценка поведения сторон не требует скрупулезности, характерной для уголовного процесса.

Юридический срок – это определенный нормативным актом отрезок времени, исчисляемый по определенным правилам. Среди значительного количества сроков различают сроки общие и специальные; процессуальные, давностные и принудительные.

*Процессуальные сроки* закрепляют временные отрезки, в рамках которых уполномоченные должностные лица, органы, другие участники производства по делам об административных правонарушениях обязаны осуществить определенные процессуальные действия. Нарушение этих сроков влечет для виновных неблагоприятные последствия (например, наложение дисциплинарного взыскания на должностных лиц; принудительное взыскание административного штрафа при неуплате его в установленный ст.32.2 КоАП РФ срок).

Примечательно, что Кодекс РФ об административных правонарушениях установил значительное число процессуальных сроков, в том числе не известных КоАП РСФСР, ограничив времен-

ными рамками действия должностных лиц юрисдикционных органов в большей мере (например, сроки, установленные ст.ст.26.9, 26.10, 28.4, 28.5, 28.7, 30.2 КоАП РФ). Полагаем, следует рассматривать как положительную тенденцию увеличения законодателем количества процессуальных сроков в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

*Сроки давности* являются разновидностью процессуальных сроков. Пропуск сроков давности делает невозможным совершение предусмотренных законом процессуальных действий, в этом случае производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое подлежит прекращению (п.6 ст.24.5 КоАП РФ).

*Срок давности привлечения к административной ответственности* ограничен в основном двумя месяцами со дня совершения правонарушения (ст.4.5 КоАП РФ). Этот срок распространяется, как правило, на первые две стадии производства по делу об административном правонарушении (возбуждения и рассмотрения дела), в отдельных случаях может охватывать и стадию пересмотра вынесенного по делу постановления. КоАП РФ устанавливает единственно возможный случай приостановления течения этого срока – при удовлетворении ходатайства лица, в отношении которого ведется производство, о рассмотрении дела по месту жительства срок давности приостанавливается до поступления материалов в орган, уполномоченный рассматривать дело (ч.5 ст.4.5 КоАП РФ).

Анализ статей Кодекса, устанавливающих процессуальные сроки, показал, что порой сроки не согласуются между собой, в них не всегда можно реально уложиться. Так, например, продолжительность административного расследования по делу о нарушении правил пожарной безопасности не должна превышать *двух месяцев* с момента возбуждения дела (ч.5 ст.28.7 КоАП РФ). Известно, что административное расследование характеризует собой лишь один из периодов стадии возбуждения дела об административном правонарушении. В приведенном примере в случае проведения административного расследования в максимально возможный срок *двухмесячный срок* давности привлечения к административной ответственности не будет соблюден.

Другой пример. В ходе разрешения дела об административном правонарушении возможна ситуация, когда лицо, в отношении которого ведется производство, скрывается, уклоняется от явки или умышленно затягивает рассмотрение дела. В силу того, что срок привлечения правонарушителя к административной ответственности в основном составляет два месяца и что КоАП РФ не по-

звояет рассматривать дело в отсутствие этого лица (кроме случаев, указанных в ч.2 ст.25.1 КоАП РФ), представляется целесообразным принятие нормы, предусматривающей возможность приостановления производства по делу об административном правонарушении, а также срока давности привлечения к административной ответственности, если лицо умышленно скрывается или уклоняется от явки для рассмотрения дела.

**Секция**  
**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**  
**БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**  
**СООБЩЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЯ**  
**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И СОГЛАСОВАНИЯ УПК РФ**  
**С УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

Ожкало В.В.  
Московский университет МВД  
России

В рамках проводимой в стране судебно-правовой реформы в течение последних лет приняты и действуют все три кодекса (Уголовный, Уголовно-исполнительный, Уголовно-процессуальный), которые образуют основное содержание законодательства о борьбе с преступностью.

Решая единую, общую для них задачу борьбы с преступностью, названные законы объективно взаимосвязаны, причем эта взаимосвязь имеет множество форм, проявлений, граней. Это предполагает четкую согласованность их норм, исключение дублирования, конкуренции, противоречий между ними, что в законодательской деятельности, к сожалению, достигается не всегда. Плохо «налаженные» связи между отраслями законодательства уголовно-правового комплекса, их недостаточная согласованность затрудняют практическое правоприменение, повышают риск принятия ошибочных решений, порождают тупиковые, порой парадоксальные правовые ситуации. Несогласованность норм, относящихся к разряду общих, исходных положений данных отраслей законодательства (задачи, принципы), приводит еще к более серьезным последствиям – изменению назначения той или иной отрасли законодательства, смещению акцентов и приоритетов в шкале охраняемых ею ценностей.

В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на имеющиеся «нестыковки», определенные расхождения уголовного материального и процессуального права (законодательства).

Законодательная база названных отраслей обновлялась не одновременно. Принцип «пакетного» принятия родственных законов не сработал. Обновление уголовно-процессуальных норм произошло со значительным отставанием от произведенных преобразований в сфере уголовно-правового регулирования. В результате целый ряд важнейших вопросов, находящихся на стыке отраслей законодательства уголовно-правового комплекса, оказался не уре-

гулирован или решен законодателем явно неудачно. Поэтому теоретическое осмысление, исследование различных аспектов взаимосвязей и согласования уголовно-процессуального и уголовного законодательства стало особенно важным и своевременным. Оно имеет и чисто практическую сторону: минимизация несогласованностей и противоречий данных законодательных актов создаст условия для более точного, правильного и эффективного применения правовых норм, тем самым ускорится реагирование на факты совершения преступлений, а практические работники, реально осуществляющие борьбу с преступностью, не будут дезориентированы законодателем.

Уже давно не оспаривается тезис, что имеющие самостоятельный характер уголовно-процессуальные нормы в конечном итоге предназначены для установления и реализации уголовно-правовых отношений. Сопоставление ст.3 УК РФ («Основания уголовной ответственности») и ст.73 УПК РФ («Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу») наглядно иллюстрирует служебную роль уголовно-процессуального законодательства по отношению к уголовному.

В юридической литературе справедливо отмечается, что недооценка глубинного характера связей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, конкретных форм и средств их реализации «вызывает не только ошибки в разработке теории уголовного и уголовно-процессуального права и правоотношений, но и в формировании адекватных систем норм уголовного и уголовно-процессуального права»<sup>1</sup>. Можно добавить, что формулирование в УПК конкретных правил установления оснований уголовной ответственности, объема уголовной ответственности и освобождения от нее без согласования их с соответствующими уголовно-правовыми конструкциями приводит и к внутренним противоречиям уголовно-процессуальных норм, поскольку в целом УПК, его разделы, главы построены «с оглядкой» на уголовный закон.

В плане обеспечения согласованности уголовного материального и процессуального законодательства представляется актуальным исследование и решение следующих вопросов, которые сегодня расцениваются в качестве сдерживающих факторов эффективного применения важнейших институтов уголовного и уголовно-процессуального права:

а) определение целей уголовного судопроизводства, его назначения (ст. 6 УПК РФ) в контексте задач Уголовного кодекса (ст.2 УК РФ);

б) установление оснований и условий прекращения уголовного преследования (уголовного дела) в точном соответствии с основаниями и условиями освобождения от уголовной ответственности, в том числе с основаниями освобождения от уголовной ответственности, предусмотренными примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ;

в) отражение в уголовном законе правил назначения наказания подсудимому при его согласии с предъявленным ему обвинением (гл.40 УПК РФ);

г) приведение уголовно-процессуальных правил назначения наказания подсудимому при признании его судом присяжных заслуживающим снисхождения (ч.2 ст.349 УПК РФ) с корреспондирующими им предписаниями уголовного закона (ст.65 УК РФ);

д) согласование условий применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, по-разному регулируемых уголовно-процессуальным (ч.1 ст.431 УПК РФ) и уголовным (ч.2 ст.90 УК РФ) законами.

Отработка взаимосвязей уголовного и уголовно-процессуальных законов требуется и применительно к конкретным видам (группам) преступлений.

Так, например, с учетом нормативного закрепления в УПК РФ функции уголовного преследования более точным и соответствующим содержанию уголовно-процессуальной деятельности, направленной на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, будет закрепление в ст.299 УК РФ такого состава преступления, как «Уголовное преследование заведомо невиновного», что позволит охватить не только собственно выдвижение обвинения, но и выдвижение против лица подозрений в совершении преступления в результате его задержания, возбуждения против него уголовного дела.

Повышению эффективности уголовно-правовой охраны интересов правосудия будет способствовать изменение объективной стороны состава преступления «Незаконное освобождение от уголовной ответственности». Принимая во внимание предусмотренные уголовно-процессуальным законом виды решений прокурора, следователя, дознавателя, которые ведут к освобождению от уголовной ответственности, представляется возможным ст.300 УК РФ сконструировать как «Вынесение заведомо незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного преследования».

<sup>1</sup> См.: Божьев В.П. К вопросу о соотношении норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации // Государство и право. – 2002. – №9. – С.101.

## **ЗАДАЧИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Володина Л.М., д.ю.н., профессор  
Институт государства и права Тю-  
менского государственного универ-  
ситета

Эффективность применения закона должна определяться через достижение целей, и от того, как определены эти цели, зависит многое. Цель правосудия – защитить личность и общество от последствий преступного деяния, восстановить нарушенное право, возместить причиненный преступлением вред путем доказывания обстоятельств дела и виновности лица, совершившего преступление, в конечном счете путем установления истины по делу. Достижение поставленной цели возможно путем решения конкретных задач, возложенных на органы предварительного расследования, суд, прокуратуру. Новый уголовно-процессуальный закон, определив назначение (цель) уголовного судопроизводства, не закрепил его задачи.

Роль правоохранительных структур в сфере уголовного судопроизводства различна, следовательно, отличаются и задачи, возлагаемые на них. Задача, в отличие от цели, всегда конкретна. Задачи уголовного процесса вытекают из функционального назначения органов, осуществляющих производство по уголовному делу. Органы предварительного расследования призваны раскрыть преступление, установить лицо, его совершившее, привлечь его к уголовной ответственности. При этом задачи органов следствия и дознания некоторым образом отличаются, несмотря на их единство. Известно, что органы дознания, осуществляя расследование, действуют не только в рамках УПК РФ, но и выполняют оперативно-розыскные мероприятия. Задачи органов дознания, предварительного следствия, суда и прокуратуры в заданном отношении выступают в качестве средств достижения общей цели уголовного процесса: выполнение поставленных задач означает достижение цели.



Статья 2 УПК РСФСР, устанавливавшая задачи уголовного судопроизводства, не разграничивала задачи по функциональному признаку органов, осуществлявших производство по делу. Именно поэтому задачи звучали декларативно. Назначение, сущность деятельности, методы работы органов расследования, прокуратуры и суда различны.

УПК РФ, определив сущность деятельности следователя как лица, осуществляющего уголовное преследование, законодательно закрепил тот обвинительный уклон, который резко критиковали в прошлом.

Возбуждая уголовное дело, органы предварительного расследования осуществляют систему действий, направленных на установление лица, подозреваемого в совершении преступления. Эти действия носят как процессуальный, так и непроцессуальный характер. Обнаружение лица дает возможность органам предварительного расследования целенаправленно собирать доказательства его причастности к совершению преступления для привлечения его в качестве обвиняемого. Окончательным актом, завершающим уголовное преследование на стадии предварительного расследования, является обвинительное заключение (или обвинительный акт). Эти виды деятельности следователя (дознателя), безусловно, направлены на обеспечение уголовного преследования. Но в ходе производства по делу следователь собирает информацию, характеризующую обвиняемого и с положительной стороны (она может быть получена в ходе допросов различных участников процесса), сведения об обстоятельствах, смягчающих наказание, данные об обстоятельствах, исключающих преступность деяния или свидетельствующих о возможности освобождения лица от уголовной ответственности.

Уголовно-процессуальный закон, регламентируя начало производства по делу, как и ранее, недостаточно четко определяет порядок принятия и оформления первичной информации о совершенном или готовящемся преступлении, порядок проведения ее проверки. Он регламентирован фрагментарно. Оценивая ныне действующее законодательство, приходится констатировать, что процедура возбуждения уголовного дела так и осталась как бы за рамками уголовно-процессуальной формы.

Важнейшим показателем эффективности работы органов расследования является раскрываемость преступлений. К сожалению, уровень раскрываемости в целом по стране далек от желаемого. По результатам обобщения следственной практики по Тюменской области за 11 месяцев 2003 г. почти 40% уголовных дел приоста-

новлено ввиду неустановления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого, и неустановления их места нахождения. Одной из причин подобного положения является отсутствие жестко определенных законом задач, которые должны быть возложены на органы предварительного расследования. При этом следует обратить внимание на необходимость коренного преобразования задач органов дознания, ибо они должны обеспечить оперативность раскрытия каждого преступления «по горячим следам». Они должны, действуя в рамках закона, быть мобильными. Закон, определив задачи органов дознания, должен одновременно создать условия для быстрого реагирования, предоставить возможность действовать активно, не запрещая производить требуемые в заданной ситуации следственные действия, оговорив лишь некоторые ограничения, касающиеся вторжения в конституционные права человека. Статус следователя, независимо от того, будет ли он преобразован в следственного судью (а такие предложения звучат все чаще), требует изменения: он не должен быть обвинителем. Задачи, которые он призван решать, значительно шире: полное, всестороннее, беспристрастное исследование всех обстоятельств уголовного дела.

### **К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОМ СОДЕРЖАНИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

Субботина И.Г., к.ю.н., доцент  
Байкальский государственный университет экономики и права

Действующая в настоящее время правовая система закреплена в ст.15 Конституции РФ и включает в себя непосредственно Конституцию РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, законы, а также различные подзаконные акты.

Безусловно, юридическая сила нормативно-правового акта предполагает его соответствие предъявляемым требованиям, в том числе и таким, как совершенство формы и содержания, а также непререкаемость соблюдения положений нормативного акта. В связи с этим при описании основных отличительных черт, характеризующих право и нравственность, в специальной литературе

указывалось на то, что только нравственность ориентирует на совершенные воплощения норм. Поэтому, на мой взгляд, юридическая сила любого нормативно-правового акта, в том числе и регулирующего уголовно-процессуальную деятельность, объективно определяет не только место акта в действующей правовой системе, но и указывает на объем нравственного содержания, присущий данному акту.

Полученный вывод подтверждает и тот факт, что специфика российского менталитета детерминирует безусловное соблюдение гражданами только тех законов, которые соответствуют, по их мнению, критерию справедливости<sup>1</sup>, а категория «справедливость» относится к числу основных категорий этики. Таким образом, непротиворечивость нормативно-правового акта моральным нормам обуславливает непрерываемое исполнение его положений. Следовательно, юридическая сила любого нормативно-правового акта является мерилom его нравственного содержания.

Конституция РФ, обладая высшей юридической силой, выступает нравственным критерием, фиксатором моральных ценностей, охрана которых гарантирована государством. Безусловным достижением развития общества следует признать включение в действующую Конституцию РФ положения, объявляющего принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации частью ее правовой системы (ч.4 ст.15 Конституции РФ). Согласно указанной норме международные договоры обладают приоритетом только по отношению к правилам, закрепленным во внутренних законах страны. Это означает, что Конституция РФ не только содержит в себе положения, направленные на охрану прав и законных интересов участников уголовного процесса, но и оберегает особенности социокультурного развития страны, так как содержание нравственности напрямую зависит от политических, экономических, духовных и иных условий функционирования и развития конкретного общества.

В специальной литературе не раз высказывалось мнение о несоответствии отдельных положений Конституции РФ мировым стандартам.<sup>2</sup> Однако с учетом вышеизложенного следует отметить, что необдуманное подчинение внутригосударственной правовой системы международным принципам, нормам и договорам не только не соответствует цели права – сформировать социально целесообразные координаты жизнедеятельности общества, но и является неоправданным с нравственной точки зрения.

Основываясь на анализе отдельных положений таких международно-правовых актов, как Всеобщая декларация прав человека

от 10 декабря 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г., Конвенция против пыток и других, унижающих человеческое достоинство, видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., Европейская конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г., Свод принципов защиты всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме от 9 декабря 1988 г.<sup>3</sup>, а также некоторых других, можно сформулировать следующие выводы по данному вопросу.

1. Закрепленные в Конституции РФ принципы, в отличие от некоторых положений международных актов, характеризуются большой точностью формулировок, содержащих основания и условия, при которых допускается ограничение основных законных прав и свобод человека и гражданина. Так, ст.51 Конституции РФ закрепляет право лица не свидетельствовать против себя, своего супруга или близких родственников. Аналогичное положение, содержащееся в Международном пакте о гражданских и политических правах, является только гарантией от самообвинения: «каждый имеет право... не быть понуждаемым к даче показаний против самого себя» (п.3 ст.14 Пакта). Принцип презумпции невиновности, зафиксированный в ст.49 Конституции РФ, получил свое юридическое закрепление также и в международных правовых актах (ст.11 Всеобщей декларации прав человека, п.2 ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод<sup>4</sup>, ч.2 п.84 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными от 13 мая 1977 г.<sup>5</sup>, Принцип 36 Свода принципов защиты всех лиц, подвергшихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме). Однако ни одна норма международных актов, регулирующих принцип презумпции невиновности, не содержит указания на момент признания лица виновным, хотя и закрепляет правило о том, что виновность устанавливается в законном порядке путем гласного судебного разбирательства с обеспечением реализации всех возможностей для защиты.

2. Каждый отдельно взятый международно-правовой акт не в состоянии урегулировать, охватить все те положения, которые нашли свое закрепление в Конституции РФ. Так, несмотря на то что в настоящее время действуют акты, направленные на защиту прав лиц, потерпевших в результате совершенного преступления<sup>6</sup>, их положения предусматривают только саму необходимость компенсации ущерба, а также закрепляют свободный доступ к правосудию в отличие от ст.52 Конституции РФ, которая содержит об-

щий принцип охраны прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью.

3. Неопределенность формулировок основополагающих принципов, содержащихся в международно-правовых актах, способствует, с одной стороны, расширению сферы их применения, с другой – не учитывает специфики развития общества в рамках отдельно взятого государства, на что зачастую указывается в самих актах. Например, п.2 Предварительных замечаний Минимальных стандартных правил обращения с заключенными от 13 мая 1977 г. указывает на то, что «принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно».

Соглашаясь в целом с высказанным в процессуальной литературе мнением о проявлении нравственности субъектов уголовно-процессуальной деятельности не только в соблюдении буквы закона, но и духа права<sup>7</sup>, можно конкретизировать данный тезис в части соблюдения духа внутригосударственного права, а не только стремления к соблюдению общепризнанных принципов и норм.

---

<sup>1</sup> Николаева О.П. Исследование этнопсихологических различий морально-правовых суждений // Психологический журнал. – 1995. – Т.16. – №4. – С.82-85.

<sup>2</sup> Чиркин В.Е. О некоторых проблемах реформы российской Конституции // Государство и право. – 2000. – №6. – С.5.

<sup>3</sup> Международные акты о правах человека. – М., 1999. – С.39-43, 53-68, 208-216, 226-237, 606-609.

<sup>4</sup> Права человека / Сост. Л.Н. Шестаков. – М., 1990. – С.85-117.

<sup>5</sup> Международные акты о правах человека. – М., 1999. – С.190-205.

<sup>6</sup> Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 г. // Там же. – С.165-167.

<sup>7</sup> Белоносов В.О. Конкретизация и аналогия в уголовно-процессуальном праве / В.О Белоносов, Н.А. Громов, Ю.В.Францифоров // Известия вузов. Правоведение. – 2000. – №2. – С.209.

## **О СООТВЕТСТВИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИНЦИПАМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Сурихин П.Л., к.ю.н.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Принципы уголовного судопроизводства – это основополагающие начала, которые в самых общих формах и правилах закрепляют концептуальные положения о деятельности в связи с возбуждением, расследованием, разрешением уголовных дел. В соответствии с принципами законодатель должен конструировать закон, правоприменитель – осуществлять уголовно-процессуальную деятельность. Система принципов посредством всестороннего, последовательного регулирования общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства обеспечивает успешное решение специфических задач, а в итоге – достижение поставленной цели.

Законодатель в УПК РФ существенно преобразил процесс доказывания – основу, сердцевину уголовного судопроизводства. Совершенствование данного института продолжается и в настоящее время – в закон периодически вносятся поправки, так или иначе связанные с регламентацией процесса доказывания. В связи с этим предмет научных дискуссий – доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве – в настоящее время продолжает оставаться наиболее актуальным.

Нам интересен отдельный аспект данного предмета – соответствуют ли в полной мере нормы данного института принципам уголовного судопроизводства?

Проанализируем некоторые частные положения закона, связанные с доказыванием.

Так, п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ предусматривает, что показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым. Положения данной нормы свидетельствуют, на наш взгляд, о попытке законодателя процессуальными средствами исключить принуждение подозреваемого, обвиняемого к даче показаний.

В практическом же плане данная прогрессивная норма превратилась, по существу, в формальное основание, причину вынесения необоснованных, несправедливых решений судом. Дело в

том, что подозреваемому, обвиняемому весьма выгодно отказываться от услуг защитника на предварительном расследовании, поскольку в связи с этим сохраняется возможность в процессе судебного разбирательства отказаться от собственных показаний. Следствием подобного заявления обвиняемого является утрата существенной части доказательств по уголовному делу, а в итоге – возможен оправдательный приговор.

Сотрудники органов предварительного расследования по своему отреагировали на ситуацию. Они стали «навязывать» подозреваемым, обвиняемым услуги защитника, если последние были согласны давать обвинительные показания. Законодатель поддержал инициативу правоприменителя – ч.2 ст.52 УПК РФ претерпела изменения и в редакции Федерального закона от 4 июля 2003г. №92-ФЗ предусматривает, что отказ подозреваемого, обвиняемого от защитника не обязателен для дознавателя, следователя, прокурора. Смысл нового положения заключается в том, что возможность отказа от защитника теперь зависит от волеизъявления органа предварительного расследования, а не подозреваемого, обвиняемого.

Казалось бы, все встало на свои места, проблема себя исчерпала. Но таким образом образовалась коллизия между полномочием следователя, предусмотренным ч.2 ст.52 УПК РФ, и правом подозреваемого, обвиняемого на отказ от услуг защитника, предусмотренным ч.1 ст.52 УПК РФ. Отказ становится невозможным. Законодатель, по всей видимости, не учел, что «право» должно обеспечиваться «обязанностью». Более того, защитник в результате данной поправки будет обязан теперь способствовать следователю в собирании обвинительных доказательств.

Думаем, пока законодатель в попытке «выровнять» ситуацию не принял очередную поправку, необходимо оценить уже существующие нормы на предмет соответствия их системе принципов уголовного судопроизводства.

Обратимся сначала к анализу ч.2 ст.52 УПК РФ. В действующей редакции, мы считаем, норма противоречит принципам охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ч.1 ст.11 УПК РФ), обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ч.1 ст.16 УПК РФ) и состязательности сторон (ч.2 ст.15 УПК РФ). Полномочие следователя препятствует реализации права подозреваемого, обвиняемого, в частности, на отказ от защитника либо осуществление защиты лично. В том числе защитник своим нежелательным для подозреваемого, обвиняемого участием лишает последнего возможности осуществ-

лять защиту посредством отказа от собственных показаний в судебном разбирательстве. Более того, защитник, способствуя, таким образом, следователю в доказывании виновности подозреваемого, обвиняемого, отходит от реализации функции защиты, а это противоречит положениям состязательности сторон.

При анализе п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ выявляется несоответствие его требований принципам свободы оценки доказательств (ч.ч.1, 2 ст.17 УПК РФ) и назначению уголовного судопроизводства (ч.ч.1, 2 ст.6 УПК РФ). Правило, предусмотренное в данном пункте, императивно предписывает «изъятие» доказательства из процесса доказывания, что исключает возможность, собственно, его оценить по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Более того, обоснованность подобного предписания весьма спорна. Дело в том, что под недопустимыми в ч.1 ст.75 УПК РФ понимаются только те доказательства, которые получены с нарушением требований УПК РФ, но получение показаний у подозреваемого, обвиняемого в отсутствие защитника, *когда имел место отказ от защитника*, не является нарушением требований УПК РФ.

Таким образом, рассматриваемое правило заранее устанавливает силу доказательства, полученного при соблюдении требований УПК РФ, а точнее – отсутствие у него всякой силы, юридического значения.

Надо признать, что в таких условиях, когда личность (преступника) защищена законом от законного же и обоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, то есть реализация назначения уголовного судопроизводства, является невозможной.

Какой выход видится нам из сложившейся патовой ситуации. Конечно же, п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ необходимо привести в соответствие с системой принципов уголовного судопроизводства посредством исключения из данного положения такого признака недопустимого доказательства, как «дача показаний подозреваемым, обвиняемым без защитника, в случае отказа от него». А вот основание – получение показаний у подозреваемого, обвиняемого без предоставления ему возможности воспользоваться правом на защитника, считаем вполне справедливым. При этом отказ от показаний в суде как условие подобной оценки доказательства уже будет излишним, поскольку подобная процедура получения показа-



ний и без этого содержит существенные нарушения требований УПК РФ.

Если учесть наше предложение, то ч.2 ст.52 УПК РФ вполне приемлема в старой редакции.

Неподдельный интерес в плане оценки соответствия принципам уголовного судопроизводства вызывают положения ч.4 ст.235 УПК РФ. Законодатель предлагает при рассмотрении ходатайства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований УПК РФ, возложить бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, на прокурора.

Нас смущает то обстоятельство, что нарушения требований УПК РФ могут носить в том числе характер умышленных действий, а следовательно, образовывать состав преступления, а соучастниками в его совершении, соответственно, будут являться представители со стороны обвинения – прокурор, следователь и др.

Будет ли прокурор полномочен после подобного заявления продолжать свое участие в процессе? Допустим, продолжит. Он будет объективен? Каким способом он будет опровергать доводы стороны защиты? Предложит заслушать свидетельские показания следователя, оперативного уполномоченного? Очевидно. Возникает вопрос: насколько все это соответствует принципам уголовного судопроизводства?

Мы считаем, данное положение, предусмотренное ч.4 ст.235 УПК РФ, не соответствует требованиям принципов состязательности сторон (ч.ч.2, 3 ст.15 УПК РФ), обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ч.ч.1, 2 ст.16 УПК РФ), презумпции невиновности (ч.ч.1, 2 ст.14 УПК РФ).

Прежде всего, суд не полномочен рассматривать подобное заявление, поскольку оно является, по сути, поводом для возбуждения уголовного дела. В противном случае, устанавливая нарушения требований УПК РФ при собирании доказательств – признаки преступления против правосудия, суд фактически возлагает на себя функцию обвинения. Прокурор же, опровергая обвинительные доводы стороны защиты, начинает при этом выполнять функцию защиты.

Заметим, что все это происходит в рамках процедуры предварительного слушания, где фактически подозреваемое лицо не имеет соответствующего процессуального статуса, соответственно, права на защиту. Причем на него возложена обязанность доказывать свою невиновность. Учитывая эти обстоятельства, непонятно, как будут или как должны развиваться уголовно-процессуальные отношения по факту совершения преступления

против правосудия, если доказательство будет признано недопустимым, а, соответственно, деятельность по его собиранию фактически уже преступлением.

Как нам видится, подобные заявления стороны защиты должны рассматриваться в рамках процедуры возбуждения уголовного дела, а при необходимости – предварительного расследования, судебного разбирательства, и надлежащим субъектом. И только при вынесении обвинительного приговора либо иного не реабилитирующего решения вопрос о недопустимости доказательства может быть рассмотрен на предварительном слушании. При отказе же в возбуждении либо прекращении уголовного дела должен быть рассмотрен вопрос о привлечении заявителя к уголовной ответственности за заведомо ложный донос. И не стоит при этом освобождать ложного доносчика от уголовной ответственности, руководствуясь п.21 ч.4 ст.47 УПК РФ, предусматривающим право обвиняемого защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ. Заведомо ложный донос запрещен ст.306 УК РФ, причем в отдельных случаях является тяжким преступлением.

В заключение отметим следующее. Уголовно-процессуальный закон – новый. Причем новизна значительной части положений УПК РФ является принципиальной. Это есть причина наличия противоречий в тексте закона. Противоречия необходимо устранять, но последовательно, строго придерживаясь системы принципов уголовного судопроизводства. А на период их существования необходимо ориентировать практических работников на фактическое, прямое применение положений принципов уголовного судопроизводства при осуществлении правоприменительной деятельности. Думаем, будет целесообразным закрепить подобное правило в общей норме УПК РФ – принципе разрешения коллизий.

## **ПОНЯТИЕ, ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ СПОСОБОВ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Баранов А.М., к.ю.н., доцент  
Омская академия МВД России

Галайда Ю.А.  
УВД Омской области

Правосознание современных юристов характеризуется тем, что если какое-либо положение или термин вошли в содержание

закона, они обретают общеобязательный характер. В отношении уголовного судопроизводства это свойство правосознания еще более выражено. В уголовно-процессуальном законе (точнее, в сознании юриста, использующего закон) понятие, термин, правило приобретают характер обязательной процедуры и, более того, становятся священными, подобно религиозным заветам.

Должен ли уголовно-процессуальный закон содержать в себе понятия, давать определения тем или иным терминам, действиям, процедурам или же это удел учебной и научной литературы. Со всем избежать необходимости разъяснения содержания какого-либо правила не удалось ни одному закону. Современный законодатель пошел по пути расширения круга понятий, содержащихся в УПК. Если в УПК РСФСР в ст.34 «Разъяснение некоторых наименований, содержащихся в настоящем Кодексе» содержалось толкование 16 наименований, то в УПК РФ их уже более шестидесяти. Справедливости ради отметим, что такой подход наблюдается в большинстве стран СНГ; так, УПК Республики Кыргызстан содержит разъяснение тридцати девяти понятий, а УПК Республики Казахстан – сорока трех.

Стремление современных юристов разъяснить в законе названия и термины вызвано потребностями их единообразного понимания правоприменителем, преодоления существующего различий толкований в теории, разграничения смежных, вытекающих одного из другого понятий, которые множатся в теории уголовного процесса, подобно снежной лавине.

Становясь на путь разъяснения в законе понятий и терминов, необходимо отдавать себе отчет, что ему нет предела и возникает опасность превратить закон в учебник.

Следует признать, что наши предки в этом вопросе были мудрее нас, нынешних, оставляя задачу разъяснения и определения понятий науке, а не закону, исходя, видимо, из того, что процедурный закон предназначен, прежде всего, для юристов и *sapienti sat*\*.

Собирание доказательств осуществляется с той поры, как существует сам процесс. Всю ли историю человечества существовали одни и те же способы собирания доказательств? Ответ на этот вопрос зависит от того, что мы положим в основу понятия «собирание доказательств» – право или философию, а в праве – содержание или форму.

---

\* *Sapienti sat* /лат./ – понимающему, знающему достаточно.

С точки зрения философии доказывание – разновидность познания окружающего мира. В познании окружающего мира нет ограничений в способах и средствах. Познание окружающего мира ограничено только физическими способностями и имеющимся знанием человека, а также имеющимися у него средствами познания.

Изначально и в праве нет ограничений в доказывании (познании). Все существующие ограничения в средствах и форме доказывания в уголовном процессе появились в результате установления форм и процедур, призванных обеспечить достоверность доказывания и избежать ошибочного или умышленного привлечения к ответственности невиновного.

Собирание доказательств согласно ч.1 ст.86 УПК РФ возможно «...путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом». Закон не содержит понятия следственных действий. В п.32 ст.5 под процессуальным действием понимается «следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом». Содержание закона таково, что не только не способствует пониманию, с помощью каких действий собираются доказательства, а, наоборот, еще более запутывает правоприменителя. При формальном подходе получается, что собирание доказательств происходит при производстве любых процессуальных действий.

Уголовно-процессуальный кодекс регламентирует производство многих процессуальных действий, в том числе и тех, которые никоим образом не направлены на получение доказательств. К процессуальным действиям, с помощью которых собираются доказательства, можно отнести те, которые направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Таким образом, определяющим свойством выступает познавательная направленность.

Постепенно свойство познавательной направленности отдельных процессуальных действий стали приписывать еще более узкому кругу действий, которые получили название «следственные». В действующем УПК эти действия указаны в ст.ст.176-207.

К числу используемых в ходе расследования процессуальных действий, направленных на сбор доказательств, правосознание правоприменителя относит: получение объяснений и запрос (истребование). Ни об одном из этих процессуальных действий нет упоминания в действующем законе. УПК РСФСР в ст.ст.70, 109 предусматривал такие способы собирания доказательств. Формально сегодня нет законной процедуры для сбора доказательств путем производства этих действий, они перестали быть процессу-

альными. В действительности, поскольку законодатель не предложил ничего взамен, рассматриваемые способы повсеместно применяются на практике. Ни у одной из сторон процесса не возникает вопросов о признании результатов этих действий недопустимыми. Отличительным признаком этих, да и многих других процессуальных способов собирания доказательств, которые упомянуты в Кодексе, выступает отсутствие в законе процедуры их производства, следовательно, при соблюдении иных требований закона результаты этих действий всегда будут допустимыми. Именно так и происходило на практике вплоть до появления ч.3 ст.69 УПК РСФСР и нового толкования нормы. Успешно применяемое на практике действие – «проверка показаний на месте» – вдруг стало незаконным. Было провозглашено, что коль такой порядок получения доказательств не указан в законе, следовательно, при его производстве, безусловно, нарушается закон, а полученные сведения не имеют доказательственного значения. Правило о том, что доказательства могут быть получены только средствами и в порядке, прямо указанными в законе, стало священным для правосознания современных юристов. В ч.1 ст.86 УПК РФ оно нашло свое нормативное закрепление. Тем самым законодатель строго ограничил возможность правоприменителя в средствах получения доказательств, допустив методологическую ошибку и выбрав ошибочный путь толкования рассматриваемых понятий. Объективных причин для такого подхода у законодателя абсолютно нет. Напомним, что исторически ограничения в средствах и порядке доказывания объяснялись стремлением обеспечить достоверность полученных сведений и оградить невиновного от привлечения к ответственности. Под воздействием смены правовой теории произошло изменение в сознании правоприменителя. Поскольку в теории нет четкости в понятиях рассматриваемых явлений, предпочтения стали отдавать форме в ущерб содержанию. Содержание же деятельности нисколько не изменилось.

УПК РФ впервые в ст.ст.164-170 столь детально сформулировал общие правила производства следственных действий, а точнее, производства процессуальных действий, направленных на сбор доказательств. Представляется, что законодатель должен совершить в этом направлении еще два шага. Во-первых, главы и нормы, касающиеся общих правил и самого порядка производства следственных действий, поместить в Общую часть, в раздел III «Доказательства и доказывание». Во-вторых, по аналогии с ч.2 ст.74, где приведены виды доказательств, ввести в ст. 86 часть 4, в которой дать перечень следственных и процессуальных действий,

направленных на сбор доказательств. В последнем пункте обязательно указать «иные процессуальные действия», подразумевая под ними любые действия, которые осуществит правоприменитель. Только при таком подходе и существующих понятиях о способах собирания доказательств и их допустимости форма закона не будет подавлять содержание деятельности, гарантируя соблюдение прав участников процесса.

## **К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ ОБВИНЕНИЯ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ**

Лавдаренко Л.И., к.ю.н.

Иркутский юридический институт  
Генеральной прокуратуры РФ

Правильное представление о такой процессуальной категории, как обвинение, для теории и практики уголовного процесса немаловажно. Так, В.М.Савицкий отмечал: «Исследовать обвинение – значит исследовать пусковой механизм уголовного процесса, подвергнуть анализу самые основные, наиболее существенные его понятия»<sup>1</sup>. Особую актуальность исследование института обвинения приобретает в свете концепции отделения друг от друга функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела (ч.2 ст.15 УПК РФ).

В п.22 ст.5 УПК РФ обвинение определяется как «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом», то есть как акт предъявления обвинения. Предложенное законодателем определение не охватывает функцию обвинения. Как одноактное действие определяют обвинение международные организации по правам человека. В частности, по делу, рассмотренному Международным Судом по правам человека, указано, что «уголовное обвинение представляет собой официальное уведомление лица компетентным органом о том, что оно подозревается в совершении уголовного преступления». В другом деле суд расширил это понятие, включив в него «другие меры, подразумевающие подозрение, которые могут серьезно повлиять на положение лица, подозреваемого в совершении преступления»<sup>2</sup>.

В отечественной теории уголовного процесса получила распространение точка зрения о таких значениях категории «обвинение», как обвинительная деятельность (уголовно-процессуальная

функция) и «предмет обвинения, содержание обвинения, иначе – обвинительный тезис, утверждение о виновности обвиняемого в совершении преступления»<sup>3</sup>. П.С.Элькинд, ссылаясь на УПК РСФСР 1960 г., под обвинением понимала: «содержание инкриминируемых обвиняемому обстоятельств» (ст.5 УПК); «акт предъявления определенному лицу постановления о привлечении к уголовной ответственности» (ст.90 УПК); «содержание такого постановления» (ст.ст.143, 148 УПК); обвинительный тезис, «который обвинитель поддерживает перед судом» (ст.ст.248, 250 УПК); обвинение как формулировку решения по делу (ст.298 УПК)<sup>4</sup>.

Некоторые процессуалисты, определяя уголовно-процессуальную функцию как «специальную роль и назначение участника уголовно-процессуальной деятельности», полагают, что в уголовном процессе нет функции обвинения, обвинением является «особое процессуальное отношение, возникающее между государством в лице его уполномоченных органов и лицом, которое привлекается в качестве обвиняемого по поводу совершенного преступления»<sup>5</sup>. Однако, исходя из общепринятого определения функций как основных направлений процессуальной деятельности, очевиден вывод: обвинение, являясь одним из направлений этой деятельности, обуславливает возникновение определенной системы уголовно-процессуальных отношений, но само по себе правоотношением не является. Как направление деятельности следует понимать определение уголовного преследования, трактуемое как обвинение, данное в п.55 ст.5 УПК РФ: «уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления».

Поскольку в УПК РФ не содержится определения функции обвинения, возникают вопросы о ее содержании, о соотношении с функцией уголовного преследования и моменте возникновения.

В процессуальной теории в настоящее время определились следующие позиции по вопросу соотношения понятий названных функций:

1) функция уголовного преследования и функция обвинения совпадают<sup>6</sup>;

2) функция уголовного преследования соотносится с функцией обвинения как общее с частным: обвинение является одной из форм уголовного преследования<sup>7</sup>;

3) функция уголовного преследования помимо обвинения и подозрения охватывает функцию предварительного расследования, начинается с момента возбуждения уголовного дела.<sup>8</sup>

Представляется, что понятия «уголовное преследование» и «обвинение» тождественны. Обвинение как уголовно-процессуальная функция – процессуальная деятельность стороны обвинения, заключающаяся в конструировании и выдвижении обвинения, изобличении обвиняемого в инкриминируемых ему преступлениях и обосновании его уголовной ответственности с целью осуждения и наказания. Следовательно, хотя и отнесен законодателем к субъектам стороны обвинения, осуществляет самостоятельную функцию в уголовном процессе – предварительного расследования. В основе организации института предварительного следствия лежит идея, согласно которой достижение истины находится в руках судьи (силу судебных доказательств имеют процессуальные акты, составленные особыми представителями судебной власти). В процессе доказывания, являющемся основным содержанием деятельности следователя, следователь направляет свою деятельность не на обвинение или защиту, а на выяснение истины, принимая то или иное решение (о направлении уголовного дела в суд или его прекращении) в зависимости от результатов полного, объективного, всестороннего расследования уголовного дела (именно таким предполагается расследование согласно требованиям ст. 73 УПК РФ). В процессе доказывания следователь ищет конечный вывод, а не отстаивает заранее сформулированный тезис. Предъявление обвинения не связывает следователя определенной позицией, не превращает его в обвинителя. На предварительном расследовании усилия обвиняемого и защитника направлены не против осуществляемой следователем деятельности (возможно, в результате ее осуществления будут установлены реабилитирующие обвиняемого доказательства), а против обвинительного тезиса, сформулированного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Защищаться от объективного, полного и всестороннего расследования невозможно и бессмысленно. Иначе это будет не защита, а, скорее, воспрепятствование полному, объективному и всестороннему расследованию дела. Следователя необходимо освободить от обвинительных полномочий: от обязанности конструировать и предъявлять обвинение, составлять обвинительное заключение. Эти полномочия должны быть возложены на прокурора, что логично вытекает из его полномочий поддерживать государственное обвинение в суде.

Не уголовное преследование, а судебно-беспристрастное исследование обстоятельств уголовного дела будет подлинной предпосылкой вынесения объективного, законного и справедливого приговора.



<sup>1</sup> Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. – М., 1971. – С.5.

<sup>2</sup> Алексеева Л.Б. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации / Л.Б.Алексеева, В.М.Жуйков, И.И.Лукашук. – М., 1996. – С.169.

<sup>3</sup> Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – Т.1. – С.190.

<sup>4</sup> Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. – Л., 1963. – С.60-61.

<sup>5</sup> Даев В.Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Известия вузов. Правоведение. – 1970. – №1. – С.85; Джатиев В.С. Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Владикавказ, 1995. – С.25.

<sup>6</sup> Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. – М., 1951.

<sup>7</sup> Лупинская П.А. Уголовный процесс. – М., 1995. – С.48; Халиулин А.Г. Проблемы осуществления уголовного преследования // Вестник Нижегородского университета. – 1997. – С.115.

<sup>8</sup> Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – М., 1951. – С.88-89; Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. – М., 1961. – С.69-70; Еникеев З.Д. Актуальные вопросы уголовного преследования в свете судебно-правовой реформы // Известия вузов. Правоведение. – 1995. – №4-5. – С.86.

## ПРОБЛЕМЫ ДОЗНАНИЯ ПО УПК РФ

Энгель А.А.

Абаканский филиал заочного обучения  
Сибирского юридического  
института МВД России

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации значительные изменения претерпел порядок досудебного производства по уголовным делам в форме дознания. Появились ряд новелл: расширен круг органов дознания по сравнению со ст.117 УПК РФ; в уголовном процессе появился субъект-дознаватель; подследственность дознания значительно расширена; изменились сроки проведения дознания; законодатель отказался от термина «дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно», наделив органы дознания правом возбуждения уголовных дел и производства неотложных следственных

действий при наличии признаков преступлений, по которым предварительное следствие обязательно.

В уголовном судопроизводстве, как и прежде, предусмотрены две формы предварительного расследования преступлений – предварительное следствие и дознание.

Дифференциация предварительного расследования путем использования формы расследования – дознания предполагает сокращение сроков расследования и приближение момента передачи дела в суд, определенный экономический эффект за счет упрощения производства и исключения дорогостоящей процедуры предварительного следствия. При этом необходимо обеспечить максимальную защиту прав и законных интересов всех участников процесса.

Проблемами, затрудняющими достижение назначения уголовного судопроизводства при предварительном расследовании в форме дознания, являются несбалансированность соотношения дознания и предварительного следствия.

Пунктом 8 ст.5 УПК РФ дознание определено как форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно.

В сравнении со следствием дознание является сокращенной по сроку формой расследования. Согласно ч.3 ст.223 УПК РФ дознание проводится в течение 20 суток с момента возбуждения уголовного дела. Этот срок может быть продлен прокурором, но не более чем на 10 суток.

Дознание осуществляется по уголовным делам небольшой и средней степени тяжести по преступлениям, перечисленным в ч.3 ст.150 УПК РФ, возбуждаемым в отношении конкретных лиц. Дознание может осуществляться по уголовным делам и об иных преступлениях небольшой и средней тяжести, но только по письменному указанию прокурора. К подследственности дознания отнесены свыше 130 составов преступлений. Законодатель, увеличивая подследственность дознания, стремился ускорить судопроизводство по делам, разгрузить следственный аппарат от несложной категории дел для качественного расследования более сложных дел.

На практике выполнение данных задач затруднено, поскольку к подследственности дознания отнесены некоторые преступления, которые в ускоренном порядке расследовать зачастую невозможно, например дела, при расследовании которых необходимо производство судебно-медицинских экспертиз, производство ко-

торых возможно после излечения потерпевших (ст.ст.112, 118, части первые ст.ст.264, 266, 268 УК РФ и др.). Спорно отнесение к подследственности дознания, проводящего ускоренное и упрощенное расследование, дел о преступлениях несовершеннолетних, поскольку по этим делам необходимо доказать расширенный объем обстоятельств, связанных с изучением личности подозреваемого, а равно установить, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими вследствие отставания в психическом развитии при достижении возраста уголовной ответственности, что требует проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

На практике цели ускорения судопроизводства, разгрузки следственного аппарата для расследования более сложных дел остаются не достигнутыми, поскольку значительное количество дел от органа дознания поступает в следственные подразделения для завершения производства по делу по причине невозможности завершить дознание в установленные законом сроки, вследствие этого нагрузка на следователей только увеличивается, снижая эффективность их деятельности при расследовании уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях. При этом передача дел от одного органа расследования к другому значительно увеличивает сроки расследования и отражается на качестве следствия.

Так, по данным статистического отчета о следственной работе формы 1Е, в Республике Хакасия за 11 месяцев 2003 г. из органов дознания в следствие поступили 1609 уголовных дел в отношении конкретных лиц.

Анкетирование дознавателей и следователей некоторых ГОРОВД Республики Хакасия показало, что большинство дознавателей положительно относятся к УПК РФ в части, позволяющей передавать уголовные дела для завершения расследования в следствие, следователи же, наоборот, относятся к этому отрицательно, полагая, что это порождает безответственность дознавателей, отмечая при этом низкое качество проведения расследования органами дознания.

Необходимо сократить подследственность органов дознания, оставив производство только по тем делам, по которым реально расследование в сокращенные сроки, чтобы исключить или хотя бы свести к минимуму передачу дел от органа дознания в следствие, предоставить прокурору право продления срока дознания до 2 месяцев. Учитывая рост преступности несовершеннолетних, экономия процессуальных затрат при расследовании этой категории

дел в настоящее время неоправданна и не способствует назначению уголовного судопроизводства.

В УПК РФ введен термин «дознатель», который определен как должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Правовой статус дознателя определен ст.41 УПК РФ.

Дознание, согласно п.8 ст.5, ч.3 ст.151 УПК РФ, производится дознателем (следователем). К числу субъектов дознания, по УПК РФ, добавился следователь, однако эти участники уголовного судопроизводства различаются процессуальным статусом. Следователь обладает процессуальной самостоятельностью, позволяющей ему в случае несогласия с действиями (бездействием) и решениями прокурора об обстоятельствах, указанных в ч.3 ст.38 УПК РФ, приостановить их исполнение, представить уголовное дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. Дознатель процессуальной самостоятельностью не обладает, обязан выполнить любые указания прокурора независимо от их обжалования.

Дознатель наделен следующими основными правами и обязанностями:

1) рассматривать и проверять сообщения о совершенных и готовящихся преступлениях и принимать по ним решения в срок не позднее 3 суток, при проверке сообщения вправе требовать производства документальных ревизий, проверок и привлекать к участию специалистов в порядке, установленном ч.1 ст.144 УПК РФ;

2) ходатайствовать о продлении трехсуточного срока проверки сообщений до 10 суток, а при необходимости проведения документальных ревизий и проверок до 30 суток (ч.3 ст.144 УПК РФ);

3) производить дознание в порядке, предусмотренном гл.32 УПК РФ, при этом исходить из назначения уголовного процесса и руководствуясь его принципами;

4) при производстве дознания доказывать обстоятельства, предусмотренные ст.73 УПК РФ, по правилам, установленным гл.11 УПК РФ;

5) осуществлять производство неотложных следственных действий по поручению органа дознания (ст.157 УПК РФ);

6) применять меры уголовно-процессуального принуждения, руководствуясь требованиями гл.12-14 УПК РФ;

7) осуществлять иные полномочия и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

По завершении расследования дознавателем составляется обвинительный акт в соответствии со ст.225 УПК РФ.

Процессуальное положение дознавателя, на которого, как и на следователя, возложено доказывание обстоятельств, указанных в ст.ст.73 и 421 УПК РФ, не всегда позволяет выполнить требование закона, поскольку дознаватель при производстве расследования по уголовному делу не наделен правом давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, в то же время ему запрещено проводить оперативно-розыскные мероприятия по находящемуся в производстве делу (ч.2 ст.41 УПК РФ).

Данное обстоятельство является препятствием для установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Исходя из анализа норм УПК РФ, при необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий, например для отыскания похищенного имущества, задержания подозреваемого и при даче поручения о доставлении к дознавателю подозреваемого и др., дознавателю остается только передать уголовное дело в следствие для завершения расследования.

Еще одной проблемой производства дознания является неурегулированность в уголовно-процессуальном законе соотношения прав начальника органа дознания и дознавателя. Закон в большинстве случаев говорит об органе дознания в целом или о лице, производящем дознание.

УПК РФ (п.17 ст.5 УПК РФ), определяя понятие «начальник органа дознания», не содержит нормы, закрепляющей полномочия начальника органа дознания как участника уголовного судопроизводства. Законом не определены конкретные процессуальные решения, принимаемые дознавателем, которые требуют согласия начальника органа дознания. На практике, сложившейся в подразделениях дознания, начальник органа дознания утверждает все процессуальные решения дознавателя. Согласно же ч.4 ст.225 УПК РФ лишь обвинительный акт, составленный дознавателем, утверждается начальником органа дознания.

Нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующие дознание, нуждаются в совершенствовании для повышения его эффективности и уголовного судопроизводства в целом.

## НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ

Раднаев Д.Б.

Улан-Удэнский ФЗО Восточно-  
Сибирского института МВД России

Интересы обнаружения истины, защиты прав участвующих в деле лиц, обеспечения предупредительного воздействия судебных процессов требуют, чтобы дела расследовались и рассматривались в возможно краткие сроки.

Вопрос о процессуальных сроках как необходимой составляющей процессуального права самым серьезным образом соотносится с процессуальным формализмом и процессуальной экономией.

Принятый в июле 2002 г. УПК РФ, так же как и УПК РСФСР, по-прежнему содержит в себе значительное число правовых норм, содержащих многочисленные бюрократические условности, влекущие за собой длительные сроки расследования уголовных дел и содержания обвиняемых под стражей, а также другие правовые уложения, не позволяющие реально обеспечить права и свободы гражданина, оказавшегося вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства. Можно сказать, что в УПК РФ таких норм значительно больше, чем в УПК РСФСР.

По сути, сам процесс расследования и рассмотрения уголовных дел с принятием УПК РФ не изменился. Порядок судопроизводства остался тем же, только в УПК РФ большее предпочтение отдается правам обвиняемых и уменьшаются права следователя.

Вместо того чтобы сделать следствие независимым, УПК РФ превратил следователя в «мальчика на побегушках», который должен стоять перед каждой дверью и ждать, когда его примут, чтобы получить санкцию или согласие на проведение следственных действий. Следователь оказывается в состоянии сделать лишь то, что ему разрешат обвиняемый и его адвокат, прокурор и судья, потерпевший и его представитель. Такой процесс приводит к неоправданным затратам времени, бюрократической волоките и снижению эффективности судопроизводства. Требование удобства процесса, его эффективности (т.е. возможности достичь наилучших результатов с наименьшими усилиями) и составляет процессуальную экономию.

Процессуальная экономия выражается, во-первых, в разумном смягчении процессуальных формальностей, продуманности процессуальных правил, установлении таких норм, без которых

действительно никак нельзя обойтись, и, во-вторых, в ускорении (быстроте) процесса.

Так, на протяжении многих лет остается острой проблема обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела. С одной стороны, она обусловлена непрекращающимся укрытием преступлений от учета, в том числе путем незаконных и необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел, с другой стороны – их незаконным и необоснованным возбуждением.

Стадия возбуждения уголовного дела – время очень непродолжительное, в УПК РФ ей отведено всего лишь 10 статей (раздел 7 УПК РФ).

В ст.144 УПК РФ указано, что дознаватель, орган дознания, следователь и прокурор обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах своей компетенции принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Указанный срок может быть продлен прокурором, начальником следственного отдела, начальником органа дознания до 10 суток. Следовательно, 10-суточный срок является окончательным. Несоблюдение этого срока означает нарушение закона.

Анализ уголовных дел и материалов об отказе в возбуждении уголовного дела показал, что наряду с нарушениями сроков, которые произошли по вине следователей или лиц, производящих дознание (волокита, формальное отношение к заявлению и др.), в 39% случаев нарушения допущены по обстоятельствам, не зависящим от лица, производящего предварительную проверку информации о преступлении. Это касается, прежде всего, материалов о причинении вреда здоровью, где идет речь о разграничении тяжести нанесенного вреда и, соответственно, о решении, к какой категории относится это дело. Разрешить эти материалы в установленный законом срок не представляется возможным в силу определенных медицинских временных критериев. С нарушением установленных законом сроков осуществляется проверка информации о совершении преступлений в сфере экономики (около 95 %), расследования дорожно-транспортных правонарушений и ряда других видов преступлений.

Проверка информации о совершении такого рода преступлений требует проведения целого комплекса мероприятий с целью выяснения, что в данном случае совершено именно уголовно наказуемое преступление и имеются достаточные основания для возбуждения уголовного дела либо, наоборот, состав преступления в совершенном деянии отсутствует.

Существуют и иные обстоятельства, не позволяющие принять правильное и обоснованное решение, не нарушая сроков предварительной проверки, например при передаче заявления или сообщения по территориальности или ввиду временного отсутствия пострадавшего, и т.д.

На основании изложенного можно утверждать, что причина нарушения сроков разрешения вопросов о возбуждении уголовного дела состоит в практической невозможности проверки части заявлений или сообщений в указанный в законе срок. Поэтому практические работники оказываются в данном случае в затруднительном положении. Они либо продолжают проверку и нарушают тем самым требование закона о сроках, либо принимают недостаточно обоснованное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в нем.

Кроме этого, отправление правосудия должно происходить в определенном порядке, с особой последовательностью действий и гарантировать участникам надежную защиту собственных интересов.

Уголовно-процессуальное право устанавливает определенные формальные требования, касающиеся порядка возбуждения уголовного дела, производства предварительного следствия, рассмотрения уголовного дела в суде, обжалования, пересмотра и исполнения приговора. В основе этого и заключается процессуальный формализм. Его суть состоит в том, что процессуальное право устанавливает определенные правовые формальности – обязательные формы, сроки и способы совершения процессуальных действий, которые должны соблюдаться в обязательном порядке, в надлежащей, предписанной процессуальным законом форме.

Например, ст.146 УПК РФ, устанавливающая порядок возбуждения уголовного дела с согласия прокурора. Необходимо отметить, что с проблемой получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела возникает проблема срока начала предварительного расследования и срока выполнения следственных действий. Как быть, если преступление совершено, или преступник задержан ночью, в выходной или праздничный день, или в населенном пункте, расположенном за много километров от места нахождения прокурора? Не получив согласие прокурора на возбуждение уголовного дела, следователь не может задержать подозреваемого, допросить потерпевшего, свидетеля, провести обыск и выполнить ряд других следственных действий. В результате следователь теряет, порой, бесценное время, так необходимое для установления истины. За время, пока следователь получает согласие прокурора, могут быть сокрыты следы преступления, уничтожены



доказательства, может произойти сговор преступников о дальнейшем поведении на следствии.

И таких норм в УПК РФ, создающих трудности для работы следователя и обеспечения прав граждан, более чем достаточно.

Необходимо достичь гармоничного сочетания процессуального формализма и процессуальной экономии, рационально упростив процесс судопроизводства.

## УСТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Григорьев В.Н., д.ю.н., профессор  
Московский университет МВД  
России

*Определение основания для возбуждения уголовного дела.* В соответствии со ст.146 УПК РФ уголовное дело возбуждается при наличии повода и основания. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие фактических данных, достаточных для вероятного вывода о существовании общественно опасного деяния, содержащего признаки состава конкретного преступления.

*Структура основания для возбуждения уголовного дела.* Установление основания для возбуждения уголовного дела включает в себя: а) выяснение совершенного деяния; б) установление в этом деянии признаков состава преступления; в) сбор достаточных данных, указывающих на признаки этого преступления. В реальной действительности указанные элементы неразделимы и предстают как единый процесс мыслительной и предметной деятельности.

*Выяснение совершенного деяния при возбуждении уголовного дела.* Устанавливая основания к возбуждению уголовного дела, необходимо прежде всего выяснить, что произошло, какое действительное событие кроется за теми или иными явлениями. Действительное событие воссоздается на основе анализа и проверки полученных данных. Воссозданное событие служит основой для установления в нем признаков состава преступления. Чем полнее и точнее происшедшее событие установлено, тем обоснованнее будет суждение о наличии в нем признаков состава преступления.

*Установление в деянии признаков состава преступления при возбуждении уголовного дела.* В выясненном деянии выделяются черты, совпадающие с чертами какого-либо указанного в уголовном законе преступления, то есть в нем устанавливаются признаки

состава преступления. Это делается по правилам квалификации преступлений. Для установления в каком-либо деянии признаков состава преступления достаточно иметь о нем общее представление. Точный размер похищенного, места хранения, каналы сбыта, соучастники могут быть выяснены в ходе последующего расследования. Уголовное дело может быть возбуждено и при отсутствии сведений об этих обстоятельствах. Однако в ряде случаев отдельные обстоятельства должны устанавливаться достаточно точно. Например, утверждать о наличии признаков преступления в некоторых деяниях можно лишь при существенном вреде, значительном размере или тяжких последствиях. Вывод о наличии признаков преступления в подобных случаях может быть сделан только после проверки соответствующих обстоятельств.

Установив в деянии признаки состава преступления, необходимо квалифицировать его по соответствующим пункту, части, статье Уголовного кодекса РФ. Бывает, что деяние подпадает под признаки сразу нескольких составов преступлений. В этом случае надо руководствоваться сочетанием двух критериев: какой состав в наибольшей степени соответствует деянию и какая квалификация будет способствовать наиболее эффективному расследованию.

*Сбор достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при возбуждении уголовного дела.* Выяснение самого деяния и установление в нем признаков состава преступления предпринимается на основе полученных данных. Необходимо, чтобы их было достаточно для обоснованного вывода. Достаточность данных достигается путем установления логических связей между ними, устранения противоречий, подкрепления обстоятельств комплексом источников. Какие-либо единые критерии для определения достаточности данных не могут быть сформулированы. В каждом конкретном случае достаточность данных для обоснованного вывода о наличии признаков преступления определяется уполномоченным должностным лицом по своему внутреннему убеждению. С этой целью каждое сообщение о преступлении должно быть тщательно рассмотрено, первичные материалы внимательно изучены, проанализированы и оценены, при необходимости получены объяснения, потребованы дополнительные материалы. Вывод о наличии признаков преступления не может опираться на слухи или иные сомнительные источники, непроверенные данные оперативно-розыскной деятельности.

Вместе с тем получение необходимых данных должно быть ограничено задачами стадии возбуждения уголовного дела. Не требуется, чтобы вывод о наличии признаков преступления был

достоверным, в первой стадии он может носить вероятностный характер. Необоснованное расширение пределов проверки затягивает решение вопроса о возбуждении уголовного дела, создавая условия для уничтожения следов и сокрытия преступления.

*Способы собирания данных, указывающих на признаки преступления, при возбуждении уголовного дела.* С целью проверки сообщения о преступлении не могут производиться следственные действия, которые закон допускает только после возбуждения уголовного дела. Исключение составляет осмотр места происшествия. В соответствии с ч.2 ст.176 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Случаи производства до возбуждения уголовного дела иных следственных действий, в том числе необоснованно называемых осмотром места происшествия, противоречат закону.

До получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела (но после вынесения постановления о возбуждении дела) закон предусматривает возможность производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего, – осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы (ч.4 ст.146 УПК РФ).

С целью проверки сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов (ч.1 ст.144 УПК РФ). По закону могут производиться иные процессуальные действия, к числу которых относятся требования, поручения, запросы (ст.21 УПК РФ). В частности, в соответствии с ч.2 ст.144 УПК РФ по требованию прокурора, следователя или органа дознания редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать имеющиеся в их распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации. Предметы и документы могут быть представлены также потерпевшим, его адвокатом и другими лицами (ст.86 УПК РФ).

В целях проверки поступивших сообщений о преступлении и решения вопроса о наличии либо отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела орган дознания, прокурор могут использовать имеющиеся в их распоряжении средства администра-

тивной, оперативной, прокурорской проверки, применение которых (не обусловленное наличием производства по уголовному делу) входит в их компетенцию в соответствии с Законом РФ от 18 апреля 1991 г. «О милиции», Федеральным законом от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Законом РФ от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 17 ноября 1995 г. №168-ФЗ).

### **УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО**

Никитина А.С.

Байкальский государственный  
университет экономики и права

УПК РФ не содержит аналога ст.20 УПК РСФСР, то есть обязанность принятия всех предусмотренных законом мер для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела ни на кого не возложена. Здесь необходимо отметить, что такое положение не случайно, поскольку из числа обстоятельств, влекущих отмену приговора в кассационном и надзорном порядках, исключена односторонность или неполнота дознания предварительного или судебного следствия.

Кому из участников уголовного судопроизводства выгодно такое положение вещей? Думается, ответ очевиден: обвиняемому. А страдает более всего потерпевший, становясь заложником нерадивого следователя, дознавателя, прокурора. Если следователь не захочет собирать доказательства или просто, не вникая в существо вопроса, сообщит потерпевшему, что его дело не имеет судебной перспективы, как пострадавшее от преступного посягательства лицо сможет реально защитить свои права, если закон не требует всестороннего и полного разбирательства?

Конечно, закон предусматривает возможность обжалования действий и решений должностных лиц органов дознания и предварительного следствия прокурору или в суд. Однако как быть суду и прокурору, если следователь просто не хочет работать? Каким образом можно принудить следователя к исполнению обязанностей, если у него нет ориентира и он никак не мотивирован к установлению всех сведений, которые могут быть получены по делу.

Иными словами, следователь потерпевшему ничем не обязан. Именно это следователь прежде всего и сообщает потерпевшему при неформальном разъяснении ему правового статуса потерпевшего.

Отсутствие истины как ориентира уголовно-процессуального доказывания при сохранении за следователем, дознавателем и прокурором права, не считаясь с волей потерпевшего, прекратить уголовное дело и является основным препятствием к истинному установлению обстоятельств уголовного дела.

Самое неприятное для потерпевшего, что бездействие дознавателя, следователя и прокурора не запрещено законом.

Все дальнейшие препятствия на пути истинного установления обстоятельств уголовного дела являются производными разной степени от главной проблемы – отсутствие в уголовно-процессуальном законе требования истинного установления фактов, хотя они значимы и сами по себе.

Следующим препятствием на пути верного установления обстоятельств уголовного дела, а следовательно, и надлежащей защиты прав потерпевшего, является чрезмерно усложненный порядок возбуждения уголовного дела с согласия прокурора, чего по правилам ст.112 УПК РСФСР не требовалось.

Любое процессуальное действие ведет к определенным временным затратам, а процедура согласования вопроса о возбуждении уголовного дела объективно удлиняет этот временной промежуток.

За время, которое следователь и дознаватель непродуктивно тратят на согласование с прокурором решения о возбуждении уголовного дела, потенциальные подозреваемые и обвиняемые разъясняют потенциальным свидетелям, что данные ими объяснения не имеют значения доказательств и их можно изменить без опасений по поводу уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Этот временной промежуток для собирания доказательств безвозвратно потерян.

Любой следователь знает, что все действия, произведенные до возбуждения уголовного дела, придется переделать, придав им процессуальную форму. Поэтому вместо усложнения процедуры возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, следовало бы данную стадию сократить по тем же соображениям, по каким Президент Российской Федерации упразднил Федеральную службу налоговой полиции, – за ненадобностью.

Думается, что само существование стадии возбуждения уголовного дела создает препятствие на пути нормальной процессу-

альной деятельности. Как правило, именно на первоначальном этапе свидетели и потерпевшие наиболее готовы к даче показаний ввиду свежести впечатлений от произошедшего.

Не способствует истинному установлению фактов и формулировка ч.2 ст.159 УПК РФ, говорящая о том, что ходатайства, направленные на собирание доказательств, подлежат удовлетворению только в том случае, когда они имеют значение для дела. Подобная оговорка позволяет дознавателю, следователю и прокурору отказать в любом ходатайстве, так как по прошествии времени доказательство будет утрачено и, действительно, перестанет иметь значение.

Существенно уменьшились возможности установления истины в уголовном судопроизводстве из-за ликвидации института дополнительного расследования.

Выявившиеся в ходе судебного следствия неполнота, односторонность или необъективность предварительного расследования, а также допущенные в досудебном производстве существенные нарушения уголовно-процессуального закона перестали быть основанием возврата уголовного дела для дополнительного расследования. В итоге не только скрытые, но и явные огрехи досудебного производства остаются не устраненными на законных основаниях.

Отсутствие возвратного механизма устранения ошибок предварительного расследования особенно остро чувствуется в случаях, когда деяние обвиняемого квалифицировано более мягко, чем этого требует уголовный закон. В настоящее время в связи с отсутствием возможности возврата дела на дополнительное расследование для предъявления более тяжкого обвинения следователь старается квалифицировать содеянное как можно мягче, так как переквалификация деяния в сторону усиления в суде стала считаться следственной ошибкой.

Таковы некоторые аспекты установления истинных обстоятельств уголовного дела, выступающие необходимым условием защиты прав потерпевшего.

## **НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФОРМ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Гецманова И.В., к.ю.н.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Как известно, содержание специальных знаний, используемых в уголовном судопроизводстве, неоднородно, а на форму их использования оказывают влияние сфера их применения, цель и назначение полученного результата. Специальные знания в уголовном процессе используются лишь при содействии лиц, ими обладающих, то есть таких участников процесса, как эксперт и специалист.

В связи с закреплением в июле 2003 г. в ст.ст.74, 80 УПК РФ новых видов доказательств – заключение и показания специалиста – можно констатировать появление в уголовном процессе соответствующих двух новых форм использования специальных знаний. Данные законодательные новеллы нацеливают на поиски разграничения новых и традиционных форм использования специальных знаний.

До указанных изменений считалось, что вопросы, задаваемые специалисту, не могут входить в компетенцию эксперта, а постановка перед специалистом вопросов, относящихся к компетенции эксперта, недопустима. Действующий уголовно-процессуальный закон стирает данное отличие. Для уяснения этого положения достаточно представить ситуацию, когда по инициативе стороны защиты привлеченный в процесс специалист дает оценку экспертного заключения другого лица; соответственно, вопросы, по которым он дает заключение, будут сходными с теми, которые ставились на разрешение экспертизы.

Попытаемся разграничить заключение и показания специалиста от соответствующих форм участия эксперта по предметному признаку и процедуре.

1. Заключение специалиста, как представляется, может даваться по вопросам справочного характера, для ответов на которые не требуется специального исследования, значительных временных затрат. Но довольно часто специалист не просто сообщает сведения справочного характера, а приводит какие-либо выводы о конкретных обстоятельствах дела, основываясь на его материалах. Это сближает его деятельность с экспертизой, проводимой исклю-

чительно по материалам дела. В связи с закреплением в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности» материалов дела в качестве объектов судебной экспертизы перед теорией уголовного процесса ставится вопрос: как отличить заключение специалиста по материалам дела от экспертизы, проводимой исключительно по материалам дела (например, посмертной судебно-психологической экспертизы)? Думается, что немалое значение здесь имеют организационные условия: если деятельность сведущего лица не требует особых усилий и времени, должностные лица, ведущие процесс, приглашают специалиста для дачи заключения, в противном случае назначают экспертизу. Другим важным аргументом в пользу назначения экспертизы является потребность в коллективном мнении сведущих лиц, а не в выводах одного из них, тем более что по закону общий вывод могут делать только эксперты, но не специалисты. Но все же такой критерий нельзя признать всеобъемлющим, поскольку значительное количество экспертных исследований проводится одним лицом.

2. Экспертиза проводится по постановлению следователя (дознавателя) либо по определению суда; для дачи заключения специалистом не предусмотрена подобная процедура.

3. Отличие можно проследить и в том, что если следователь не воспользуется предложенной специалистом формулировкой вопроса эксперту, то он не обязан это официально мотивировать, как это имеет место при отклонении жалобы или ходатайства участника судопроизводства.

Вместе с тем составить системное представление о назначении и формах участия специалиста в уголовном процессе, особенно на стадии предварительного расследования, в настоящее время значительно сложнее, чем до принятия УПК РФ. Причины этого кроются в непродуманности многих положений закона и наличии в нем многочисленных пробелов.

Так, в части 2 ст.58 УПК РФ указано, что вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются ст.ст.168 и 270 УПК РФ. Из сопоставления указанных норм и ч.5 ст.164 следует, что специалист привлекается только для содействия следователю в проведении следственного действия, то есть для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств. О том, в каком порядке специалист помогает следователю или суду решать другие задачи, обозначенные в ч.1 ст.58 УПК РФ (ставить вопросы перед экспертом и разъяснять вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию), в ст.ст.168 и 270 УПК РФ ничего не сказано. Заявленные новые цели привлечения специалиста не по-



лучили соответствующего процедурного механизма и уже не могут осуществляться в рамках ст.168 УПК РФ, где речь идет о традиционной форме участия специалиста в следственных действиях. Это связано, во-первых, с тем, что в новых формах участия специалист (а не следователь) выступает объектом исследования, во-вторых, специалист выступает здесь и источником информации. Очевидно, что показания можно давать лишь посредством допроса, однако среди процессуальных действий в стадиях предварительного расследования (гл.22-27 УПК РФ) и судебном следствии (гл.37 УПК РФ) допроса специалиста нет. Не вносит ясности и новелла, закрепленная в ч.4 ст.271 УПК РФ: «Суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон». Поскольку данная норма является частной по отношению к ст.58 УПК РФ, а порядок проведения допроса специалиста не закреплен в гл.37 УПК РФ «Судебное следствие», можно утверждать, что в законе отсутствует разрешение на его проведение. Поэтому следует ввести в УПК допрос специалиста, регламентировав его процедуру для предварительного расследования и судебного следствия. Не менее значимым является и восполнение пробелов, связанных с отсутствием регламентации привлечения специалиста в другой новой форме участия специалиста – даче заключения.

Основания привлечения специалиста, указанные в ст.58 УПК РФ, не включают оснований для привлечения психолога и педагога, но и среди участников уголовного процесса о данных лицах не упоминается. Таким образом, основания привлечения в процесс психолога и педагога в законе вообще отсутствуют. О разъяснении им весьма усеченного, по сравнению с правами специалиста, круга прав сказано лишь в статье о допросе подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (ч.5 ст.425 УПК РФ); в то же время в статье о допросе потерпевшего, свидетеля о правах педагога ничего не сказано. Такая ситуация усиливает в большей степени, чем до принятия УПК РФ, сомнения в том, что педагог (психолог) является специалистом в процессуальном смысле.

Анализ ст.57 УПК РФ («Эксперт»), ст.58 УПК РФ («Специалист»), ст.199 УПК РФ («Порядок направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы») обнаруживает наличие пробелов в части указания на форму предупреждения эксперта и специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения на стадии предварительного расследования. Регламентация указанного вопроса применительно к эксперту час-

тично дана в ст.14 Федерального закона «О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации».<sup>1</sup> В данной статье закреплена обязанность руководителя государственного судебно-экспертного учреждения после получения постановления или определения о назначении судебной экспертизы предупредить эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, взять у него соответствующую подписку и направить ее вместе с заключением в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу. Вместе с тем остается непонятным, кто и в какой форме будет предупреждать эксперта, не работающего в экспертном учреждении.

Требуют корректировки положения ч.4 ст.146 УПК РФ, где упоминается о возможности назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела, поскольку появились варианты толкования данной нормы. Один из них, более приемлемый, усматривает возможность назначения и проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела, другой ограничивается лишь ее назначением. В самом деле теряет смысл назначение экспертизы с вполне определенной целью – установить наличие (отсутствие) оснований для возбуждения уголовного дела – без достижения данной цели. В данном случае буква закона приходит в противоречие с его смыслом. Вместе с тем реализация первого варианта ведет к ограничению прав будущего подозреваемого в связи с назначением экспертизы, что тоже требует соответствующей проработки.

Думается, что одной из причин неоднозначного толкования является упоминание об этой достаточно «революционной» для нашего закона норме как-то походя, вместе с давно существующей возможностью проведения осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела, что с точки зрения законодательной техники неприемлемо. Этой новелле не посвящено не только отдельного пункта, части, но и даже отдельного предложения; место ей нашлось лишь в скобках: «...а в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), – соответствующие протоколы и постановления».

Таким образом, регламентация норм, связанных с использованием специальных знаний в уголовном процессе, сложна для уяснения, содержит многочисленные пробелы, порой допускает двоякое толкование, а потому нуждается в совершенствовании. С большой долей вероятности можно предположить, что предновогодний вал законодательных изменений является далеко не по-

следним. Критические публикации, появляющиеся в ответ на очередные изменения и дополнения, устаревают на стадии опубликования, что дезорганизует не только правоприменителей, но и теоретиков-правоведов. Хочется высказать сожаление по поводу непродуманности УПК РФ, непростительно малого срока, отделяющего второе и третье чтения его проекта, и уникальности данного закона по числу пробелов и противоречий.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ (с измен. от 30 декабря 2001 г.).

## ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Юркевич Н.А., к.ю.н., доцент  
Кемеровский государственный  
университет

Длительное время в науке уголовного процесса общепринятой была точка зрения, согласно которой систему уголовного процесса составляли: **обычные** стадии – возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, предания обвиняемого суду, судебного разбирательства, кассационного производства, исполнения приговора, а также исключительные – пересмотра вступившего в законную силу приговора в порядке надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам.<sup>1</sup> Однако еще до принятия УПК РФ справедливо отмечалось, что подобный подход страдает упрощенчеством. Так, при производстве по вновь открывшимся обстоятельствам «... вместо стадии возбуждения уголовного дела, – отмечал Ю.К.Якимович, – имеется стадия возбуждения производства по делу, которая не урегулирована уголовно-процессуальным законом, однако ее сущность от этого не меняется»<sup>2</sup>. Необходимость формирования новых подходов к структуре и системе уголовного процесса усилилась с принятием нового уголовно-процессуального закона, который разделил уголовно-процессуальную деятельность на два этапа – досудебное и судебное производство, плюс специальная деятельность – международное сотрудничество. При этом в рамках указанных производств можно выделить привычные, казалось бы, для нас стадии. Однако более тщательный анализ показывает, что это не совсем так. К

примеру, в рамках судебного производства закон выделяет не стадии, а производства.

Названные причины побуждают переосмыслить подходы к оценке деятельности на этапе, расположенном между окончанием предварительного расследования и началом судебного разбирательства.

Так, по нашему мнению, деятельность прокурора при утверждении обвинительного заключения не охватывается задачами стадии предварительного расследования, хотя, безусловно, входит в досудебную деятельность. С другой стороны, деятельность судьи при назначении дела к слушанию совершенно необоснованно отнесена к производству в суде первой инстанции, поскольку в п.52 ст.5 УПК РФ прямо говорится, что суд первой инстанции – это суд, правомочный вынести приговор или иное решение на досудебном производстве. «Хотя названная стадия является «судебной», – справедливо замечает В.М.Бозров, – но, строго говоря, к сфере правосудия она не относится, поскольку в процессе ее не происходит разрешения уголовного дела по существу»<sup>3</sup>.

Между тем нельзя не отметить того обстоятельства, что как деятельность прокурора при утверждении обвинительного заключения, так и деятельность судьи при назначении дела к слушанию имеют много общего. Общей здесь является, прежде всего, цель – установить возможность окончательного формулирования обвинения и направления в суд для рассмотрения требований стороны обвинения судом первой инстанции. Именно на это сходство обращал внимание М.М.Выдря, который указывал на единство задач, выполняемых при утверждении прокурором обвинительного заключения и в стадии предания суду. Он также сделал вывод о том, что в данном случае имеет место двойной (двухэтапный) контроль за полнотой и объективностью предварительного следствия.<sup>4</sup> Мы присоединяемся к этой позиции и считаем, что достижение главной задачи промежуточного производства происходит поэтапно.

На первом этапе происходит окончательное оформление предъявляемого обвинения и выдвижение его перед судебными органами для отстаивания в суде. Осуществляют эту деятельность государственный или частный обвинитель. После этого начинается следующий этап промежуточного производства – судебный. Здесь проверяется подсудность поступившего обвинения, а затем и само обвинение. УПК РФ закрепил идею отказа от проверки обоснованности обвинения, оставив лишь проверку его формальной стороны.

Итак, возможность и необходимость выделения промежуточного производства обуславливаются: необходимостью нового подхода к представлениям о системе и структуре уголовного процесса; наличием процессуальной деятельности, которая может быть объединена общими задачами, условиями процессуальной деятельности. При этом под промежуточным производством предлагается понимать этап в движении уголовного дела, характеризующийся:

а) особым назначением – формирования и предъявления в суд обвинения;

б) особым характером процессуальной деятельности, которая хотя и осуществляется различными субъектами, однако является единой по своей сути и функциональной направленности – правообеспечение;

в) особым характером познавательной деятельности, состоящей в специфике направленности и средствах доказывания;

г) наличием единого для этого этапа процессуального акта, без которого дело не поступит в другой этап. Таким процессуальным актом является постановление о назначении судебного заседания<sup>5</sup>, поскольку этап оформления обвинения не завершается отдельным актом, а производится путем утверждения обвинительного заключения (акта).

---

<sup>1</sup> См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – Т.1. – С.66-69.

<sup>2</sup> Ленский А.В. Дифференциация уголовного процесса / А.В.Ленский, Т.В.Трубникова, Ю.К.Якимович; под общ. ред. М.К.Свиридова. – М., 2000. – С.11.

<sup>3</sup> Бозров В.М. Стадия назначения судебного заседания // Российская юстиция. – 1996. – № 3. – С. 48.

<sup>4</sup> Выдря М.М. Стадия предания суду должна быть состязательной // Вопросы кодификации советского права. Вып.3. – Л., 1960. – С.88-91.

<sup>5</sup> На наш взгляд, прежнее наименование в большей мере отражало сущность данного института. Назначение судебного заседания не является задачей данного этапа, а отражает скорее техническую сторону рассматриваемой деятельности – ее результат. Основным же здесь является формирование и направление в суд обвинения – предание обвиняемого суду.

## **К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Черняков М.М.

Сибирский юридический институт  
МВД России

В теории и практике уголовного судопроизводства до сих пор остаются актуальными вопросы, связанные с осуществлением прокурорского надзора за органами, осуществляющими предварительное следствие и дознание. При этом большинство авторов говорят о необходимости совершенствования данного института уголовно-процессуального права. Это, прежде всего, связано с Концепцией судебной реформы в РФ и тем, что начиная с 1965 г. процессуальные полномочия начальника следственного отдела значительно расширились. При этом полномочия прокурора не только не уменьшались, но, наоборот, принимали все более властно-распорядительный характер по отношению к органам предварительного следствия.

Подобные тенденции развития института процессуального контроля, на наш взгляд, привели к совершенно излишнему «двойному контролю» предварительного следствия со стороны начальника следственного отдела и прокурора, некоторые полномочия которых практически совпали.

Мы разделяем точку зрения А.А.Клейна о том, что всякое расширение полномочий субъекта, осуществляющего процессуальный контроль, неизменно влечет за собой уменьшение процессуальной самостоятельности и независимости следователя.<sup>1</sup>

Однако нельзя недооценивать и роль прокурора при расследовании преступлений, так как он является важным гарантом соблюдения конституционных прав и свобод граждан и стоит над ведомственными интересами органов, осуществляющих предварительное следствие, направленными чаще всего не на объективное расследование уголовных дел, а на достижение установленных показателей работы по итогам отчетного периода.

Кроме того, прокурорский надзор имеет свои особенности. Так, в отличие от процессуального ведомственного контроля объектом прокурорского надзора является только процессуальная деятельность, так как прокурор не вправе вмешиваться в организационную деятельность руководителей следственных подразделений, мероприятия по материально-техническому обеспечению, кадровую работу следственного аппарата.

Ряд авторов к обязательным объектам прокурорского надзора относят следующие элементы предварительного расследования: возбуждение уголовного дела или отказ в его возбуждении; задержание и арест подозреваемого и обвиняемого; привлечение к уголовной ответственности; обеспечение прав и законных интересов обвиняемого, потерпевшего и других участников процесса; всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств преступления; разрешение дела по существу.<sup>1</sup>

Однако позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, так как в соответствии с Конституцией РФ и Законом «О прокуратуре РФ» объектом прокурорского надзора является исполнение законов органами дознания и предварительного следствия по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Тем не менее понятие «объект надзора» еще не раскрывает содержание деятельности прокурора. Это содержание конкретизирует категория «предмет надзора». Г.И.Скаредов совершенно справедливо отмечает: «Если объект надзора указывает на характер деятельности по исполнению законов, то предмет надзора обусловлен конкретными правовыми нормами, за исполнением которых осуществляется надзор»<sup>2</sup>.

В ст.29 Закона «О прокуратуре РФ» предмет прокурорского надзора за исполнением закона при расследовании преступлений указан в общем виде. Им является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Предварительное следствие представляет собой деятельность не только следователя, но и других участников уголовного судопроизводства, таких как начальник следственного отдела, потерпевшие, обвиняемые, защитники, специалисты, эксперты и др. Поэтому предметом прокурорского надзора является исполнение конкретных требований закона не только должностными лицами органов расследования, но и всеми указанными участниками процесса. В связи с чем есть основания полагать, что предметом прокурорского надзора являются законность действий по обнаружению и закреплению доказательств, правильность отражения в протоколах результатов процессуальных действий; законность решения о возбуждении уголовного дела, привлечения к уголовной ответственности, привлечения в качестве обвиняемого, задержания и избрания меры пресечения, мер, принимаемых для раскрытия преступления и расследования уголовного дела, и т.п.

<sup>1</sup> Клейн А.А. Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователей органов внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – С.45-49.

<sup>2</sup> Соловьев А.Б. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений / А.Б.Соловьев, М.Е.Токарева, А.Г.Халиулин. – М., 2000. – С.69.

<sup>3</sup> Скаредов Г.И. Участие прокурора в следственных действиях. – М., 1987. – С.10.

## **ОСОБЕННОСТИ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Веретенникова Е.В.

Байкальский государственный  
университет экономики и права

В уголовно-процессуальной литературе неоднократно дискутировались вопросы: что такое реабилитация; является ли реабилитация самостоятельным уголовно-процессуальным институтом; к какой отрасли права относятся нормы о реабилитации невиновных граждан непосредственно от ее юридических последствий?

Такие вопросы следует рассматривать, в первую очередь, с позиции отраслевой принадлежности реабилитационных норм и того, являются ли они институтом или же субинститутом права, комплексным или межотраслевым правовым явлением.

По мнению отдельных авторов, реабилитация – это институт, регулирующий порядок восстановления прав и свобод лица.<sup>1</sup>

Подтверждением тому, что реабилитация является самостоятельным правовым институтом, служит ее соответствие признакам института права:

– во-первых, нормы, регламентирующие реабилитацию, имеют самостоятельный общий предмет правового регулирования и единую функцию – восстановительную;

– во-вторых, реабилитационные нормы заключают в себе большой блок правовых норм;

– в-третьих, названные нормы имеют свое оформление и законодательную обособленность.

Основные споры в юридической литературе сводятся к тому, являются ли реабилитационные правоотношения гражданско-



правовыми или уголовно-процессуальными, поскольку отдельные нормы о восстановлении нарушенных прав невиновных регламентируют и ГК РФ, и УПК РФ. К тому же такие понятия, как «имущественный ущерб», «моральный вред», «пенсионные, трудовые, жилищные права», «юридическое лицо», непосредственно относятся к цивилистической науке.

В связи с этим А.Д.Любавский еще в 1873 году писал: «...вопрос о вознаграждении кого-либо за причинение ему вреда или убытков стоит на границе права гражданского и права уголовного»<sup>2</sup>.

По мнению Ч.С.Касумова, институт реабилитации имеет общеправовой характер, он присущ любой отрасли права, в которой решается вопрос об ответственности за совершенные противоправные деяния.<sup>3</sup> Однако в дальнейшем Ч.С.Касумов пришел к выводу, что институт реабилитации является уголовно-процессуальным, указав при этом на то, что для реализации реабилитационных мер возможно использование норм гражданского, трудового, жилищного или норм других отраслей права. Кроме того, процесс реабилитации отвечает требованиям отдельной стадии уголовного процесса: в нем действуют специальные субъекты; субъекты состоят в специфических правоотношениях; стадия оформляется определенным юридическим актом (постановлением следователя, определением суда), в котором приводится подробный расчет подлежащих выплате сумм и разъясняется порядок и срок его обжалования и опротестования.<sup>4</sup>

М.Ф.Полякова в подтверждение того, что реабилитация является уголовно-процессуальным институтом, полагает, что уголовно-процессуальный характер реабилитации выражается в специфике общественных отношений, которые возникают в уголовном процессе и являются правовой формой деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, осуществляющих возложенные на них законом задачи в сфере борьбы с преступностью. Вместе с тем нормы, с помощью которых осуществляется реабилитация невиновных, объединяет и их уголовно-процессуальная природа, и то обстоятельство, что они направлены на одну цель – восстановление прав гражданина, пострадавшего от необоснованной судебной или следственной ошибки.<sup>5</sup>

На основании приведенных аргументов можно прийти к выводу, что восстановление нарушенных прав невиновного является сугубо уголовно-процессуальным институтом. В какой-то мере это подтверждается тем, что, во-первых, основатели так называемой теории государственного вознаграждения – Н.И.Лазаревский,

П.И.Люблинский, Н.Н.Розин, Н.Т.Ткачев, И.Я.Фойницкий – представители уголовно-процессуальной науки.

Во-вторых, предмет возникновения реабилитационных отношений – это основания, которые возникают при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности и регламентированы УПК РФ. Причем одно из назначений уголовного судопроизводства – не допустить привлечения к уголовной ответственности невиновного, не подвергать его незаслуженному наказанию, реабилитировать пострадавшего в результате судебной или следственной ошибки (ст.6 УПК РФ).

В-третьих, определения, которые составляют терминологический аппарат института реабилитации: «реабилитирующие и не реабилитирующие основания», «оправданный», «оправдательный приговор», «обвинительный приговор», «самооговор» и другие, являются уголовно-процессуальными понятиями. Однако, как уже было отмечено ранее, может возникнуть вопрос: не подтверждают ли такие понятия, как возмещение имущественного ущерба и компенсация морального вреда, регламентированные ГК РФ и являющиеся составной частью реализации реабилитационных мер, принадлежность реабилитации к гражданско-правовой науке? С моей точки зрения, возмещение имущественного ущерба и компенсация морального вреда в плане своей реализации являются межотраслевыми комплексными объединениями и их нельзя причислить только к какой-то одной отрасли права.

И, кроме того, разработчики УПК РФ также придерживаются позиции, что реабилитация является уголовно-процессуальным институтом. Подтверждением этому служит тот факт, что реабилитация регламентирована отдельной главой УПК РФ.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод: совокупность правовых норм, регламентирующих реабилитационные правоотношения в уголовном судопроизводстве, представляет отдельный институт права, имеющий свой предмет и определенную функциональную направленность, регламентированный УПК РФ, что свидетельствует о его уголовно-процессуальном характере и предназначении. Следовательно, без всякого сомнения, реабилитация является уголовно-процессуальным институтом права.

---

<sup>1</sup> Вандышев В.В. Уголовный процесс в схемах. – 2-е изд. – СПб., 2003. – С.463.

<sup>2</sup> Любавский А. Д. Вознаграждение за вред и убытки как последствие гражданского правонарушения // Юридический вестник. – 1873. – Кн. 10 и 11. – С.78.

<sup>3</sup> Новое мышление и проблемы общественных наук / Ред. кол. А.А.Асланов и др. – Баку, 1989. – С.93.

<sup>4</sup> Касумов Ч.С. Гарантии прав реабилитированного по советскому праву // Развитие социалистической демократии и укрепление законности. – Баку, 1998. – С.27.

<sup>5</sup> Полякова М.Ф. Возмещение имущественного ущерба в случаях реабилитации – одна из гарантий прав личности в советском уголовном процессе: Учебное пособие. – М., 1986. – С.11.

## **К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО**

Николаева Н.М., к.ю.н  
Сибирский юридический институт  
МВД России

*Постановление о привлечении в качестве обвиняемого* – один из наиболее важных процессуальных документов предварительного расследования хотя бы потому, что его описательная часть является неотъемлемым составным фрагментом обвинительного заключения и оглашается в зале суда.

Уголовно-процессуальный закон (ст.171 УПК РФ, Приложение 92), определяя юридическую конструкцию, устанавливает трехчастную форму указанного постановления, предъявляя к его содержанию лишь некоторые требования.

Наиболее сложной является описательная часть, в которой излагаются обстоятельства совершенного деяния определенным лицом (лицами) с указанием времени, места и другие сведения о совершенном преступлении, а также статьи уголовного закона, предусматривающей ответственность за данное деяние. По меткому выражению Л.М.Карнеевой, эта часть занимает в постановлении главное место, она «должна содержать ответ на вопрос о том, какое преступление совершено, а также сведения о времени и месте его совершения, каким образом и при помощи каких средств оно совершено, а в ряде случаев – какие мотивы руководили лицом, совершившим преступление, и какой ущерб причинен его действиями»<sup>1</sup>. Другими словами, в описательной части надо отразить, на что было направлено преступное посягательство (объект преступления), в чем конкретно оно проявилось (объективную

сторону), а также способ совершения преступления и наступившие последствия. Необходимо указать на совершение преступления конкретным лицом, то есть назвать субъекта преступления, раскрыть субъективную сторону деяния, то есть определить форму вины, мотив преступления. Важно обозначить обстоятельства, обусловливающие квалификацию содеянного (отягчающие или, наоборот, смягчающие наказание).<sup>2</sup> Формулировка обвинения является выводом следователя о совершении преступления конкретным лицом и содержит указание на признаки состава преступления в действиях привлекаемого лица, обосновывающие этот вывод.

Чтобы рассмотреть несколько проблемных ситуаций, обратимся к технологии составления текстов описательной части постановлений о привлечении в качестве обвиняемого.

Во-первых, при формулировании обвинительного тезиса из фактических обстоятельств дела необходимо выделять существенные, которые должны четко соотноситься с признаками составов преступлений, раскрывать их. При этом состав обвинения должен быть описан таким образом, чтобы из него логично вытекала определенная правовая оценка, то есть юридическая квалификация.

Во-вторых, фабулу обвинения следует составлять из всем понятных выражений, нельзя использовать не принятые сокращения, неприемлемые в официальных документах слова, а также загромождать ее описанием обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу.<sup>3</sup> Обстоятельства совершения преступления излагаются так, «чтобы обвиняемый имел возможность уяснить смысл обвинения и выдвинуть свою версию – версию защиты»<sup>4</sup>. Таким образом, в описательной части постановления необходимо отразить как минимум все установленные законом обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст.ст.73, 421, 434 УПК РФ).

Как показывает анализ возвращенных для дополнительного расследования уголовных дел, одной из основных причин признания постановлений о привлечении в качестве обвиняемых вынесенными с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона является несоблюдение правил изложения правового акта: их неконкретность или внутренняя противоречивость.

В описательной части постановления должны быть отражены все существенные признаки, указанные в диспозиции статьи УК РФ, в рамках которой инкриминируется деяние обвиняемому. Примером неконкретности этих существенных признаков служит постановление о привлечении в качестве обвиняемого по уголовному делу об умышленном убийстве, рекомендованное в качестве

образца. Приведем выдержку из его описательной части: «1 мая 1997 г. после совместного распития спиртных напитков между Чеботаревым М.Г. и его женой Чеботаревой Е.С. 1965 г. рождения возникла ссора с взаимными оскорблениями, перешедшая в драку. Во время драки Чеботарев кухонным ножом ударил жену в грудь, от полученного ранения Чеботарева Е.С. на месте скончалась.

В указанных действиях усматривается состав преступления, предусмотренный ст.105 УК РФ, то есть умышленное причинение смерти другому лицу»<sup>5</sup>.

Здесь не только не указано время суток и место совершения преступления, на что был направлен умысел обвиняемого, какой вред здоровью причинен потерпевшей и какова причина смерти, но и действия обвиняемого квалифицированы без указания части ст.105 УК РФ.

В п.13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 декабря 1999 г. №84 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования»<sup>6</sup> говорится: «Дело подлежит возвращению для производства дополнительного расследования, если ...при предъявлении обвинения допущены нарушения требований статьи 144 УПК РСФСР (не указаны статья УК, часть ... статьи, конкретные действия обвиняемого ...)».

Таким образом, указанное выше постановление обрекало следователя на получение дела для производства дополнительного расследования.

Те же упущения были допущены органом следствия при предъявлении Сыркову обвинения в изнасиловании малолетней И. Отсутствие в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого данных о том, в чем конкретно проявились насильственные действия Сыркова (угрозы, физическое воздействие и т.п.), повлекло возвращение дела на дополнительное расследование.<sup>7</sup>

В постановлениях по некоторым категориям дел, в частности по обвинению в незаконном приобретении оружия, боеприпасов, наркотических средств, встречаются формулировки, утверждающие, что преступление совершено «в неустановленное следствием время, в неустановленном месте и при неустановленных обстоятельствах».

Допустимо ли предъявление обвинения, если невозможно установить время и место совершения преступления, с какой точностью должны быть установлены место и время совершения преступления? Универсальных предписаний на этот счет в законе не

закреплено. Понятно, что трудности точного формулирования во многих случаях связаны с проблемами доказывания. К примеру, если по делу о продолжительном, состоящем из многих эпизодов хищении чужого имущества с предприятия достаточно определить день, а то и месяц каждого эпизода, то по факту убийства время совершения преступления иногда важно знать с точностью до минуты. Только подробная хронология поведения подозреваемого позволяет доказать несостоятельность его алиби и возможность привлечения его в качестве обвиняемого.<sup>8</sup>

Нам представляется, что на вопрос о границах перехода от неконкретности к конкретности правильно отвечает судья Тульского областного суда О. Павловский: «если полученные доказательства не дают возможности изложить обвинительный тезис с такой конкретностью, которая дает возможность выработать точную линию защиты (например, выдвинуть алиби), то для предъявления обвинения нет оснований»<sup>9</sup>.

Не стоит забывать также о том, что время совершения преступления позволяет определить, какой материальный закон (старый или новый УК) в тот период действовал и достиг ли обвиняемый к моменту совершения преступления возраста, по достижении которого возможно привлечение его к уголовной ответственности. В связи с этим согласимся с Ю.И.Стецовским, полагающим, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого несовершеннолетнего следует указывать данные о его возрасте, которые необходимы для обвинения и защиты от обвинения.<sup>10</sup> Уточним, что в случаях, когда несовершеннолетний совершил преступление в возрасте, с которого наступает ответственность за данное преступление (ст.20 УК РФ), в постановлении должна быть отражена дата его рождения, а не только год.

По нашему мнению, было бы рациональным в ситуациях, когда нет возможности точно определить время, место совершения преступления, рекомендовать отражать в постановлении тот временной отрезок или то место совершения преступления, которые представилось возможным установить в ходе расследования. Например, «в период с мая по август 2003 г.», «на одном из рынков г.Красноярска».

Уголовно-процессуальный закон не обязывает следователя излагать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого доказательства, обосновывающие обвинение, но и не запрещает это делать. Однако все утверждения, содержащиеся в постановлении, не могут быть голословными, они должны основываться на имеющихся в деле доказательствах, а не на предположениях. Прак-

тикой составления описательной части постановлений о привлечении в качестве обвиняемого выработаны следующие положения:

1) при бланкетных диспозициях принято указывать содержание допущенного нарушения каких-либо инструкций, правил и т.п. Например, если обвиняемому вменяется ст.264 УК РФ (нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения), то в постановлении приводятся не только пункты нарушенных правил дорожного движения, но и их содержание. Наличие такого пункта в Правилах дорожного движения будет подтверждено в деле доказательством – выпиской из ПДД РФ;

2) по делам, где квалификация преступления связана с заключением эксперта, в постановлении принято отражать почти дословно выводы из соответствующих заключений экспертов. Например, если преступными действиями причинен физический вред, то в постановлении приводится вывод из заключения судебно-медицинского эксперта. По делам, связанным с огнестрельным или холодным оружием, боеприпасами, наркотическими средствами, принято указывать в постановлении выводы из соответствующих заключений экспертов, подтверждающих, что изъятые в ходе расследования предметы действительно являются оружием, боеприпасами или наркотическими средствами;

3) в постановлении никогда не делаются ссылки на показания, протоколы предъявления для опознания, следственного эксперимента, осмотра и другие доказательства.

Что касается последнего правила, считаем необходимым отметить: законодатель нейтрально относится к вопросу об изложении доказательств в рассматриваемом постановлении. В УПК РФ на этот счет какие-либо требования отсутствуют. С нашей точки зрения, вопрос о целесообразности ссылки в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого на наличие в деле отдельных доказательств в каждом конкретном случае должен решать следователь. Эту же позицию высказывали П.И.Тарасов-Родионов, Л.М.Карнеева, В.Ф.Статкус и М.С.Строгович, полагаящие, что в указанном постановлении следователь может привести доказательства, если он сочтет это необходимым.<sup>11</sup>

Если по делу привлекаются несколько обвиняемых, то в силу индивидуализации обвинения в отношении каждого из них должно быть составлено отдельное постановление о привлечении его в качестве обвиняемого.<sup>12</sup> При этом постановления не будут идентичными, в каждом из них главной фигурой будет тот соучастник, в отношении которого вынесен данный документ. Действия всех об-

виняемых должны быть строго разграничены, конкретизированы для каждого из них.<sup>13</sup>

<sup>1</sup> Карнеева Л.М. Особенности предъявления обвинения и допрос обвиняемого в условиях деятельности органов внутренних дел: Учебное пособие. – М., 1989. – С.16.

<sup>2</sup> Ефимичев С.П. Процессуальное оформление привлечения лица в качестве обвиняемого // Предварительное следствие в условиях правовой реформы: Сборник научных трудов / Ред. кол. В.С. Шадрин (отв. ред.) и др. – Волгоград, 1991. – С.83.

<sup>3</sup> Рыжаков А.П. Обвиняемый. – М., 1999. – С.21.

<sup>4</sup> Павловский О. Формулирование обвинения // Законность. – 2000. – №11. – С.16.

<sup>5</sup> Сборник образцов уголовно-процессуальных документов / Под ред. Ю.Н.Белозерова. – М., 1998. – С.55.

<sup>6</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №2. – С.2-4.

<sup>7</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – №10. – С.9.

<sup>8</sup> Рыжаков А.П. Указ. соч. – С.23.

<sup>9</sup> Павловский О. Указ. соч. – С.17.

<sup>10</sup> Стецовский Ю.И. Если человек обвинен в преступлении. – М., 1988. – С.154.

<sup>11</sup> Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие: Пособие для следователей / Под ред. Г.Н.Александрова, С.Я.Розенблита. – М., 1955. – С.199; Карнеева Л.М., Статкус В.Ф. Предъявление обвинения. – М., 1973. – С.40-42; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1970. – Т.2. – С.87.

<sup>12</sup> Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М.Лебедева; науч. ред. В.П.Божьев. – М., 2002. – С.339.

<sup>13</sup> Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – М., 1995. – С.215.

## **СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ ЧЛЕНА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ И ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

Литвинцева Н.Ю.

Байкальский государственный  
университет экономики и права

Свидетельский иммунитет депутата является следствием депутатской неприкосновенности и частью парламентского иммунитета.



Самостоятельным основанием установления свидетельского иммунитета депутата является особый характер выполняемых им государственных и общественных обязанностей. Депутаты высшего законодательного органа обладают иммунитетом, который представляет собой совокупность правовых гарантий, направленных на обеспечение возможности беспрепятственного осуществления своих обязанностей.

Парламентский иммунитет – это не личная привилегия, а гарантия деятельности парламентария, призванная служить публичным интересам. Она обеспечивает повышенную охрану законом личности депутата в силу осуществляемых им государственных функций, способствуя его беспрепятственной деятельности, самостоятельности и независимости.<sup>1</sup>

В юридической литературе одни авторы нормы о депутатском иммунитете рассматривают как установление изъятий из общих правил и принципа равенства всех перед законом и судом (ст.19 Конституции РФ)<sup>2</sup>, другие – как исключительное дополнение общего правила в целях обеспечения беспрепятственного выполнения депутатами своих обязанностей<sup>3</sup>, третьи – иммунитет депутата связывают лишь с гарантией против самообвинения<sup>4</sup>.

Думается, приведенные суждения не являются взаимоисключающими и отражают различные стороны проблемы. С одной стороны, иммунитет – это изъятие из общих правил, определенное исключение из принципа равенства всех перед законом и судом. С другой – это дополнение, конкретизация общего установления. Вместе с тем это необходимое условие для реализации депутатом Федерального Собрания Российской Федерации своих профессиональных обязанностей.

В ст.98 Конституции РФ содержится общее решение вопроса о парламентском иммунитете (неприкосновенности) членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Право на отказ от дачи свидетельских показаний члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы закреплено в ст.19 Федерального закона «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 8 мая 1994г.<sup>5</sup> (ст.21 – в редакции Федерального закона от 30 июня 2003 г.).

Конституционный Суд РФ, разъясняя наделение свидетельским иммунитетом депутата, указал в постановлении от 20 февраля 1996г. №5-П, что в соответствии с ч.2 ст.51 Конституции РФ в число лиц, которые обладают свидетельским иммунитетом, вклю-

чаются и те, кто обладает доверительной информацией. Доверительную информацию может получить и депутат. Распространение такой информации в форме свидетельских показаний по существу означает, что лицо, сообщившее ее, фактически свидетельствует против самого себя (посредством того, кому эта информация доверена).<sup>6</sup>

Соответствие положениям ст.51 Конституции РФ правила о том, что субъекты свидетельского иммунитета, получившие его в связи со своими профессиональными обязанностями, могут отказаться от дачи свидетельских показаний только в части информации, полученной именно в связи с исполнением этих обязанностей, было подтверждено указанным постановлением Конституционного Суда РФ, в соответствии с которым не допускается расширительного толкования ст.19 Федерального закона от 8 мая 1994г., а следовательно, и отказ от дачи свидетельских показаний депутата об обстоятельствах, не связанных с осуществлением депутатской деятельности.

В ч.3 ст.56 УПК РФ содержится перечень лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетелей (обладают абсолютным свидетельским иммунитетом). Однако в п.5 ч.3 ст.56 УПК РФ предусмотрено, что не могут быть допрошены в качестве свидетелей член Совета Федерации, депутат Государственной Думы *без их согласия* об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий. Из данной нормы следует, что член Совета Федерации и депутат Государственной Думы наделены относительным свидетельским иммунитетом. Здесь нет императивного запрета на их допрос в качестве свидетеля, если же член Совета Федерации или депутат Государственной Думы согласны на допрос, то какие-либо препятствия для осуществления данного следственного действия отсутствуют.

Представляется логичным исключить депутата из перечня лиц, обладающих абсолютным иммунитетом, и, соответственно, включить эту норму в ч.4 ст.56 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Свидетель вправе отказаться давать показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с осуществлением полномочий члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы».

---

<sup>1</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №9. – Ст.828.

<sup>2</sup> Журавлев М. К вопросу о правовом иммунитете членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ // Уголовное право. – 2000. – №1. – С.90.

<sup>3</sup> Саушкин С.А., Гришина Е.П. Правовое обеспечение свидетельского иммунитета: современное состояние и вопросы развития // Адвокатская практика. – 2002. – №5. – С.29.

<sup>4</sup> Агаев Ф. Институт депутатской неприкосновенности // Уголовное право. – 1998. – №2. – С.54.

<sup>5</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №2. – Ст.74.

<sup>6</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №9. – Ст.828.

## **ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ**

Овчинников Ю.Г.

Владивостокский филиал Дальневосточного Юридического института МВД России

В настоящее время в юридической литературе, средствах массовой информации активно обсуждается вопрос о мерах по обеспечению безопасности<sup>1</sup> и защиты свидетелей, потерпевших на досудебных и судебных стадиях. Обострение данной проблемы подтверждает тенденция увеличения числа выявленных фактов понуждения потерпевших, свидетелей к даче ложных показаний: в 1994 г. – 228<sup>2</sup>, в 1995 г. – 310, в 2000 г. – 715<sup>3</sup>. Как следствие, увеличивается количество отказов и уклонений этих лиц от дачи показаний. Не случайно 34,8% из 40 тыс. человек на вопрос об их действиях в случае, если они станут свидетелями преступления, ответили, что в правоохранительные органы о случившемся не сообщат.<sup>4</sup> Неявка по вызову к следователю или в суд превратилась в заурядное, привычное явление.

Большинство участников дискуссии сходятся в том, что необходимо принятие специального федерального закона, реализация которого гарантировала бы защиту свидетелей и потерпевших.<sup>5</sup> Проект такого закона («О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») был внесен Президентом РФ на рассмотрение в Госдуму в

октябре 2003 г.<sup>6</sup> По мнению специалистов, цена законопроекта составит 740 млн. руб. в год.<sup>7</sup>

1 июля 2002 г. вступил в силу УПК РФ. Данный закон содержит широкий перечень принципиально новых институтов и норм, не известных УПК РСФСР 1960 г., среди которых – институт мер безопасности (ч.3 ст.11 УПК РФ), возведенный в принцип уголовного процесса.

В современных условиях следственные органы испытывают серьезные трудности, связанные с защитой участников уголовного процесса и их близких. Государственные органы оказались слабо подготовленными к решительным действиям по их защите.

В УПК РФ отведено место процессуальным мерам защиты, но, по мнению О.А.Зайцева<sup>8</sup>, положение осложняется отсутствием необходимых методических рекомендаций по защите субъектов уголовно-процессуальных отношений. Хотя определенные шаги в этом направлении уже делаются.<sup>9</sup>

Число международных соглашений и документов, содержащих принципы обеспечения безнадзорности участников уголовного судопроизводства, имеющих общее и частное применение в исследуемой области, весьма велико. В определенной степени некоторые из них даже дублируют друг друга. Поэтому в настоящее время перед мировым сообществом стоит проблема имплементации норм международного права.<sup>10</sup>

В последние годы были приняты некоторые нормативные акты (Закон РСФСР «О милиции», Федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности», «О безопасности», «О судебных приставах», «О государственной защите судей, работников правоохранительных и контролирующих органов» и др.), но предлагаемые меры обеспечения безопасности участников процесса имеют декларативный характер. Поэтому правоохранительные органы до принятия УПК РФ вынуждены были последние 15 лет заниматься «местным законотворчеством», каждый на свой лад решая эту проблему.

Например, прокурором Кировской области еще 27 марта 1995 г. было дано указание «О мерах по защите прав потерпевших в уголовном судопроизводстве». В Омской области по делам о групповых вымогательствах существовала практика, когда в интересах защиты свидетелей и потерпевших сведения о них, кроме фамилии, имени и отчества, из дела изымались и передавались в суд отдельно. Аналогичные примеры имелись в г.Москве, в Липецкой, Орловской областях и во многих других субъектах Федерации.<sup>11</sup>

Говоря о практической деятельности, нельзя обойти вниманием очень важное, с точки зрения становления в нашей стране института защиты свидетелей, постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.09.96 г.<sup>12</sup>, согласно которому приложение к обвинительному заключению подсудимым не вручалось.

Подводя итог, необходимо признать, что хотя в настоящее время почти отсутствуют методические наработки, подготовленные практическими работниками в области защиты потерпевших и свидетелей, но все же уже около 15 лет (а именно столько меры защиты реализуются в России) институт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству, хотя и очень медленно, но развивается.

---

<sup>1</sup> В качестве синонима «меры безопасности» мы используем также термины «меры защиты», «защитные меры (средства)».

<sup>2</sup> Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: временной и субъективные аспекты // Государство и право. – 1996. – №9. – С.77.

<sup>3</sup> Зайцев О.А. Содержание и значение концепции государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М., 2000. – С.14.

<sup>4</sup> Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М., 2001. – С.9.

<sup>5</sup> Сильнов М.А. Проблемы государственной защиты участников процесса // Юрист. – 2000. – №4. – С.23.

<sup>6</sup> Что будет в Думе в ноябре // Российская газета. – 2003. – 31 октября. – С.9.

<sup>7</sup> Куликов В. Опасный свидетель // Российская газета. – 2003. – 28 ноября. – С.1.

<sup>8</sup> Зайцев О.А. Механизмы государственной защиты участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник научных трудов. – М., 1999. – С.3.

<sup>9</sup> Напр.: Брусницын Л.В. О порядке применения мер безопасности к лицам, содействующим уголовному правосудию // Государство и право. – 1997. – №2. – С.92-97; Кулаков Д. Процессуальная защита свидетелей и потерпевших // Законность. – 2000. – №4. – С.35-37; Зайцев О.А. Механизмы государственной защиты участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования. – С.3-16 и др.

<sup>10</sup> Зайцев О.А. Содержание и значение концепции государственной защиты участников уголовного судопроизводства. – С.10-11.

<sup>11</sup> Мазеин В.Т., Шевелев С.М. Некоторые проблемы представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в

уголовном процессе и их процессуальной защиты // Российский следователь. – 2002. – №2. – С.17.

<sup>12</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – №2.

## **НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ «ДРУГИХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ВЗЫСКАНИЙ» ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Аршба Г.В.  
Прокуратура г. Москвы

Согласно ч.1 ст.115 УПК РФ арест на имущество, наряду с другими целями, налагается и для обеспечения исполнения приговора в части иных видов имущественных взысканий. В УПК РСФСР (ст.175) подобного указания не содержалось, в нем предусматривалась возможность ареста имущества лишь в целях обеспечения гражданского иска и конфискации имущества. Поэтому данное нормативное предписание, включенное в ст.115 УПК РФ, несомненно, является законодательной новеллой.

К иным имущественным взысканиям могут быть отнесены: процессуальные (судебные) издержки; денежное взыскание, которому участники процесса подвергнуты судом за ненадлежащее выполнение процессуальных обязанностей (ст.ст.117-118 УПК РФ); штраф в качестве возможного уголовного наказания. С формально-юридических позиций исполнение решений суда в этой части потенциально должно обеспечиваться еще в стадии предварительного расследования.

Для реализации положений ч.1 ст.115 УПК РФ о наложении ареста на имущество в обеспечение исполнения приговора в части названных видов имущественных взысканий дознавателю, следователю в ходе расследования преступления необходимо устанавливать данные, указывающие на возможный объем расходов, связанных с производством по уголовному делу, которые взыскиваются с осужденных. При этом надлежит руководствоваться предписаниями ст.ст.131, 132 УПК РФ.

При наложении судом денежного взыскания в порядке ст.ст.117, 118 УПК РФ арест имущества гипотетически может выступать как мера, обеспечивающая фактическое взыскание с лица соответствующей суммы, верхний предел которой установлен для

отдельных участников уголовного процесса в сто минимальных размеров оплаты труда (ст.103 УПК РФ).

В уголовно-процессуальной теории этот вопрос в самом общем виде обсуждался Ф.Н.Багаутдиновым. Им отмечено, что поскольку закон разрешает арест имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих материальную ответственность за их действия, то наложение ареста на имущество в целях обеспечения исполнения приговора суда в части имущественных взысканий, предусмотренных ст.117 УПК РФ, возможно только в отношении указанных выше лиц.<sup>1</sup>

Однако денежное взыскание в порядке ст.ст.117, 118 УПК РФ, по нашему мнению, не может налагаться на подозреваемого, обвиняемого, что исключает и арест имущества этих лиц в целях обеспечения возможных денежных взысканий.

Систематический анализ соответствующих норм, включенных в ч.4 ст.103, ч.3 ст.105, ст.ст.115, 117 УПК РФ, позволяет предположить, что наложение ареста на имущество для обеспечения денежного взыскания может иметь место лишь в случаях, когда последнее применяется: 1) к поручителю при избрании меры пресечения в виде личного поручительства; 2) к лицам, взявшим на себя обязательства по присмотру за несовершеннолетним обвиняемым при избрании меры пресечения в виде отдачи под присмотр. Причем данные лица должны нести материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого.

При расследовании уголовного дела о преступлении, за совершение которого предусмотрено основное или дополнительное наказание в виде штрафа, дознаватель, следователь, по нашему мнению, также обязаны принять меры по обеспечению исполнения приговора в части штрафа путем наложения ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого.

Штраф находится в УК РФ на первом месте в перечне видов наказаний. По данным отчета о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел (форма №1), в 2001 г. в качестве основного и дополнительного наказания штраф был назначен 118157 осужденным, конфискация имущества – 37633 осужденным. В 2002 г. 66710 осужденных были подвергнуты штрафу, в отношении 29580 осужденных применена конфискация имущества.

В связи с внесенными в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. изменениями и дополнениями сфера применения штрафа в судебной практике будет значительно расширена.

Таким образом, потребность в обеспечении исполнения приговора в части взыскания с осужденного штрафа возникает по

большому количеству уголовных дел. Поскольку ч.1 ст.63 Уголовно-исполнительного кодекса РФ предусматривает, что в случае неуплаты осужденным штрафа взыскание производится судебным приставом в принудительном порядке, в том числе путем обращения взыскания на имущество осужденного, наложение ареста на данное имущество в стадии предварительного расследования оправданно и необходимо.

---

<sup>1</sup> Багаутдинов Ф.Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ // Российский следователь. – 2002. – №10. – С.5.

### **К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ГРАЖДАНАМ И ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ НЕЗАКОННЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

Сосновик Н.Ф.

Главное управление внутренних  
дел г. Москвы

В развитие положений ст.53 Конституции РФ, в которой закреплено право граждан на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, в ч.4 ст.11 УПК РФ предусмотрено, что вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, установленном УПК РФ.

Конкретизируя данную норму, законодатель в ч.3 ст.133 УПК РФ закрепил не известное прежнему уголовно-процессуальному законодательству правило, согласно которому право на возмещение вреда имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Появление в УПК РФ данной нормы породило комплекс теоретических и практических вопросов, а проблема возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, стала одной из самых актуальных при реализации нового уголовно-процессуального законодательства.

Основной вопрос, возникающий при анализе ч.3 ст.133 УПК РФ, заключается в определении сферы ее действия. Ответ на него



непосредственно в самой норме не дан. Он может быть получен при точном истолковании ее содержания, в частности следующих нормативных положений:

1) возмещению подлежит вред, причиненный мерами процессуального принуждения;

2) правом на возмещение вреда, причиненного в результате незаконного применения меры процессуального принуждения, наделяется «любое лицо», т.е. не только подозреваемый или обвиняемый;

3) при производстве по уголовному делу должна быть установлена незаконность имевшего место принуждения.

В УПК РФ выделен раздел 4 «Меры процессуального принуждения», в котором приведен перечень принудительных процессуальных мер, призванных обеспечить надлежащее поведение участников уголовного судопроизводства, нормальный ход производства по уголовному делу, исполнение приговора. В него включены задержание (глава 12), меры пресечения (глава 13), иные меры процессуального принуждения в виде обязательства о явке, привода, денежного взыскания, временного отстранения обвиняемого от должности и наложения ареста на имущество (глава 14). Поэтому возмещение причиненного перечисленными мерами процессуального принуждения вреда участнику уголовного судопроизводства происходит по правилам главы 18 УПК РФ.

В теории уголовного процесса меры процессуального принуждения понимаются шире. Кроме названных, к ним также относят помещение лица в медицинское учреждение для проведения стационарного обследования и большинство следственных действий. Законодатель придерживается другой точки зрения и не относит их к числу мер процессуального принуждения. Поэтому в случаях причинения вреда гражданину в результате производства следственных действий, помещения его в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы все вопросы, касающиеся возмещения вреда, если точно следовать закрепленным в ч.3 ст.133 УПК РФ положениям, должны разрешаться в соответствии с правилом, предусмотренным ч.5 ст.133 УПК РФ, то есть в порядке гражданского судопроизводства.

Употребленное в ч.3 ст.133 УПК РФ выражение «любое лицо» не позволяет без комплексного анализа ряда норм уголовно-процессуального законодательства определить круг лиц, которые вправе рассчитывать на возмещение вреда, вызванного применением к ним мер процессуального принуждения. При формулировании ч.3 ст.133 УПК РФ законодатель вряд ли смог бы привести

исчерпывающий перечень таких лиц, поскольку применение мер процессуального принуждения законом разрешено в отношении как участников уголовного судопроизводства, так и иных лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность или косвенно прикосновенных к ней.

Так, арест может быть наложен не только на имущество подозреваемого или обвиняемого, но и на имущество других лиц (ч.ч.1 и 3 ст.115 УПК РФ). За нарушение порядка в судебном заседании денежному взысканию могут подвергаться присутствующие в зале суда лица из числа «публики» (ч.1 ст.258 УПК РФ).

Поэтому для того чтобы признать за гражданином право на возмещение причиненного ему в ходе применения мер процессуального принуждения вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ, необходимо подтвердить факт и незаконность его применения, а также установить, в чем конкретно выразился реально причиненный вред. Требование о возмещении вреда, причиненного лицу при применении к нему меры процессуального принуждения, может исходить от граждан, которые вообще не подвергались и не могли быть подвергнуты уголовному преследованию.

Например, лицо, у которого арестовано и изъято имущество, предположительно полученное в результате преступных действий обвиняемого (подозреваемого), может потребовать возмещения наступившего в связи с этим вреда. Требование о возмещении вреда может быть заявлено свидетелями, потерпевшими, «пострадавшими» в результате незаконных действий в рамках исполнения постановления о приводе.

Реализация ч.3 ст.133 УПК РФ предполагает обязательное установление незаконности применения меры процессуального принуждения.

В главе 18 УПК РФ нет норм, которые были бы предназначены для проверки законности применения при производстве по уголовному делу меры процессуального принуждения, что является существенным пробелом уголовно-процессуального законодательства.

В рамках действующего уголовно-процессуального законодательства может быть использован, как представляется, следующий порядок рассмотрения вопросов законности избравшейся при производстве по уголовному делу меры процессуального принуждения.

В соответствии с ч.1 ст.125 УПК РФ участники уголовного судопроизводства вправе обжаловать в суд по месту производства предварительного расследования решения и действия (бездейст-

вие) дознавателя, следователя, прокурора, которые способны причинить или причинили им ущерб. Нет никаких сомнений в том, что на основании ст.125 УПК РФ любое лицо, независимо от его процессуального положения в уголовном деле, имеет право обжаловать и применение к нему меры процессуального принуждения. Такая жалоба проверяется судьей в судебном заседании по правилам, содержащимся в ч.ч.3-5 ст.125 УПК РФ.

Если по результатам рассмотрения жалобы судья своим постановлением признает, что лицо было подвергнуто мере процессуального принуждения незаконно, у последнего возникает право на возмещение вреда, причиненного данной принудительной процессуальной мерой. Вступившее в законную силу постановление судьи о признании незаконности применения к лицу меры процессуального принуждения надлежит расценивать в качестве формально-юридического акта признания за ним права на возмещение вреда, позволяющего ему обратиться в орган или к должностному лицу, применявшим меры процессуального принуждения, с требованием о возмещении нанесенного вреда. Заявленное требование подлежит рассмотрению и разрешению по правилам и в сроки, установленные ст.135 УПК РФ.

Жалобы на законность мер принуждения, которые применяются по постановлению судьи, должны подаваться в вышестоящий суд, который в порядке, предусмотренном ст.125 УПК РФ, обязан вынести решение об их законности либо незаконности. Аналогичным должен быть и порядок оценки законности принудительного привода, если он производился судебными приставами по постановлению судьи или определению суда.

Требование о возмещении вреда, причиненного гражданину незаконным применением к нему мер процессуального принуждения, избранных непосредственно судом либо по постановлению судьи, предъявляется в суд, принявший соответствующее решение, после признания этих мер незаконными вышестоящим судом. Оно разрешается в порядке, установленном ст.399 УПК РФ для рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора (ч.5 ст.135 УПК РФ).

## **ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С СОТРУДНИКАМИ ГОСОХОТНАДЗОРА ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ**

Егошин В.В., к.ю.н.  
Барнаульский юридический  
институт МВД России

В литературе существует множество понятий взаимодействия. Так, например, Г.Г. Зуйков дает такое определение: «основанная на законе и подзаконных нормативных актах, согласованная по целям, месту и времени деятельность различных звеньев системы, не находящихся в подчинении друг у друга, в интересах достижения общей цели». В.Ф.Статкус рассматривает взаимодействие в двух аспектах: «Взаимодействие в широком смысле – это деловой контакт и согласованная работа различных подразделений органов внутренних дел в борьбе с преступностью. В узком смысле – это отношения следователя и органа дознания, возникающие в процессе рассмотрения материала о совершенном преступлении или определенного уголовного дела, регулируемые уголовно-процессуальным законодательством или ведомственными актами»<sup>1</sup>.

По делам о незаконной охоте следователю приходится взаимодействовать не только с другими подразделениями органов внутренних дел, но и с сотрудниками госохотнадзора (работниками охотобществ, Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов). Конечно, такое взаимодействие не лишено недостатков.

Во-первых, хочется отметить, что далеко не все следователи (дознаватели) обладают знаниями в области охотничьего дела, не всем приходилось расследовать дела по незаконной охоте. Всего 17,8% опрошенных обладают знаниями в области охотоведения, 66,9% знакомы с охотничьим делом в общих чертах и 15,3% не владеют указанными знаниями. Так, лишь 10,1% из числа опрошенных нами сотрудников прежде принимали участие в расследовании дел о незаконной охоте; только 42,7% приходилось выявлять нарушения правил охоты.

Сотрудники госохотнадзора нередко предъявляют претензии к сотрудникам милиции по поводу несвоевременного реагирования на их заявления, прекращения или приостановления возбужденных дел по фактам браконьерства (на это указали 84% опрошенных сотрудников госохотнадзора). По мнению 3% опрошен-

ных сотрудников госохотнадзора, работники правоохранительных органов вообще не реагируют на заявления о фактах браконьерства.

Один из сотрудников госохотнадзора написал в анкете следующее: «Зачем мне передавать материалы в органы дознания или следствия? Ведь когда об этом становится известно браконьерам, они сразу же категорически отрицают свою вину, отказываются возместить ущерб, причиненный правонарушением. Сотрудники милиции ничего не могут сделать и прекращают дела».

Конечно, с таким подходом нельзя согласиться. В результате создается искусственная латентность незаконной охоты, у работников милиции пропадает уверенность в собственных силах, а зачастую и желание взаимодействовать с сотрудниками госохотнадзора. Недаром 21,7% из числа опрошенных работников милиции указали на недостатки во взаимодействии с сотрудниками госохотнадзора.

В то же время существуют все возможности для эффективного взаимодействия органов милиции и госохотнадзора. Так, 93% опрошенных нами сотрудников госохотнадзора заявили, что они постоянно взаимодействуют с сотрудниками милиции. Один из опрошенных работников милиции привел следующий пример. На территории охотничьих угодий Можайского района Московской области сотрудниками госохотнадзора при обходе территории были обнаружены шкура и внутренности лося и след гусеничного трактора. Егеря немедленно сообщили о случившемся в милицию. На место происшествия прибыла следственно-оперативная группа. Специалист-криминалист определил модель трактора, которым были оставлены следы. В ходе неотложных оперативно-розыскных и следственных действий было установлено, что таких тракторов в хозяйствах района всего два. На одном из них были обнаружены пятна бурого цвета и частички шерсти. В результате браконьеры были установлены и изобличены в преступлении.

По данным опроса сотрудников милиции и госохотнадзора, наиболее часто встречаются такие формы взаимодействия:

- осуществление совместных рейдов по выявлению фактов браконьерства (эту форму назвали 73,9% сотрудников милиции и 92% сотрудников госохотнадзора);

- участие сотрудников госохотнадзора в производстве следственных действий (82,2% и 72% соответственно), они могут быть свидетелями, принимать участие в осмотре места происшествия, иных видах осмотра, проверке показаний на месте, следственном эксперименте, осуществлять охрану места происшествия и т. д.;

– обмен информацией в ходе расследования уголовных дел о незаконной охоте (75,8% и 36% соответственно). В частности, сотрудники госохотнадзора могут, например, дать следователю информацию о численности животных на конкретном участке, о сроках охоты, о разрешенных и запрещенных в данной местности способах охоты, размере причиненного ущерба и т.д. В свою очередь, работники милиции должны сообщать о результатах расследования по уголовным делам о незаконной охоте.

Особой формой взаимодействия, заслуживающей внимания, является проведение охотоведческой экспертизы сотрудниками госохотнадзора. В качестве экспертов могут быть приглашены охотоведы, егеря, которые, по мнению следователя, в достаточной мере обладают специальными знаниями в области охотоведения.

Имеется ряд особенностей назначения и проведения охотоведческой экспертизы. Вопросы эксперту рекомендуется ставить более подробно, чем обычно. Перед постановкой вопросов следователю иногда нужно получить соответствующую консультацию по вопросам охотничьего дела. Не исключено, что такую консультацию дадут, в том числе, и лица, которым в дальнейшем будет поручено проведение экспертизы (в соответствии со ст.ст.70 и 71 УПК РФ предыдущее участие лица в производстве по уголовному делу в качестве специалиста не является основанием для его отвода в качестве эксперта). Необходимо убедиться, что экспертом правильно понят каждый вопрос, все обстоятельства преступления, имеющие отношение к экспертизе. Несомненно, эксперты-охотоведы чаще всего нуждаются в содействии следователя для обеспечения их необходимыми средствами оргтехники; за их работой нужны наблюдение и контроль в целях соблюдения ими требований УПК РФ, правильного обращения с вещественными доказательствами.<sup>2</sup> В случае необходимости следователь дает им консультации по правовым вопросам и знакомит их с материалами дела.

На разрешение экспертизы можно поставить следующие вопросы:

1. Какова причина и давность гибели животного? (Вопрос разрешается совместно с экспертом-ветеринаром).
2. Какое животное добыто (его вид, род, семейство)?
3. Каков размер популяции данного вида животного (птицы) в данном регионе?
4. Для добычи каких животных используются изъятые у подозреваемого оружие, боеприпасы, орудия и приспособления?

5. Каков размер ущерба, причиненного государственному охотничьему фонду? Можно ли признать причиненный ущерб крупным?

---

<sup>1</sup> Цит. по работе: Каплан Л.С. Взаимодействие следователя с органами дознания: Учебное пособие / Под ред. В.Е.Севрюгина. – Тюмень, 1988. – С.10-11.

<sup>2</sup> См.: Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: Монография. – М., 2000. – С.206.

## **ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В СВЕТЕ НОВОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Буфетова М.Ш.

Байкальский государственный  
университет экономики и права

УПК РФ закрепил производство о применении принудительных мер медицинского характера как особый порядок уголовного судопроизводства, проводя идею о возможности дифференциации уголовного судопроизводства. Тем не менее в уголовно-процессуальном законодательстве существует ряд противоречий, которые не позволяют рационально реализовать указанное направление. В частности, ст.433 УПК РФ закрепляет положение о том, что производство о применении принудительных мер медицинского характера осуществляется в общем порядке с изъятиями, предусмотренными главой 51 УПК РФ. На мой взгляд, такое положение может касаться только лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство. Что касается лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, то в отношении них должен быть предусмотрен четко определенный дифференцированный подход, который бы выражался не в возбуждении уголовного дела, а в возбуждении именно производства о применении принудительных мер медицинского характера.

В науке уголовного процесса достаточно давно ведется дискуссия по вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. Т.А.Михайлова и А.И.Галаган полагают, что душевная бо-

лезнь не может служить основанием для отказа в возбуждение уголовного дела.<sup>1</sup> П.С.Элькинд писала: «В некоторых случаях данные о душевном заболевании лица, совершившего общественно опасное деяние, определяют нецелесообразность возбуждения уголовного дела. Однако наличие у судебно-следственных органов таких данных, как правило, не исключает не только возможность, но и необходимость возбудить уголовное дело, так как трудно бывает определить, вменяемо это лицо или нет»<sup>2</sup>.

В.В.Николюк и В.В.Кальницкий отмечают, что нередко встречаются случаи, когда без проведения расследования вполне очевидно, что деяние совершено лицом, не отдающим себе отчет в своих действиях из-за душевной болезни. Это лицо не представляет опасности для общества и при этом теряется смысл возбуждения уголовного дела и проведения расследования.<sup>3</sup>

С последней точкой зрения трудно согласиться. Возбуждение производства о применении принудительных мер медицинского характера необходимо, прежде всего, для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, дабы исключить причастность других лиц к совершенному деянию.

Представляется целесообразным обязательное участие специалиста-психолога на первоначальных этапах производства, мнение которого следователь должен учитывать при решении вопроса о возбуждении уголовного дела либо возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера. В данном случае речь идет не об обязательном назначении амбулаторной или стационарной судебно-психиатрической экспертизах в отношении каждого лица, совершившего преступление, а только о консультации специалиста. Вместе с тем проведение этих экспертиз должно быть назначено сразу после возбуждения производства о применении принудительных мер медицинского характера.

Следует поддержать позицию А.В.Ленского и Ю.К.Якимовича о возможности проведения особого процессуального действия – освидетельствования психического состояния лица, в том числе и до возбуждения уголовного дела или производства по применению принудительных мер медицинского характера. На основании результатов освидетельствования, иных имеющихся материалов лицо, ведущее процесс, должно иметь право принять одно из следующих решений: 1) отказать в возбуждении уголовного дела и производства о применении принудительных мер медицинского характера; 2) возбудить уголовное дело; 3) возбудить производство по применению принудительных мер медицинского характера.<sup>4</sup>



В свете вышеизложенного актуален вопрос о процессуальном статусе лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. В проекте УПК РФ, подготовленном Государственно-правовым управлением Президента РФ, предусматривалась статья, наделяющая такое лицо правами и обязанностями. К сожалению, новое уголовно-процессуальное законодательство отказалось от этого варианта, оставив открытым вопрос: в качестве какого участника процесса выступает лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости.

Полагаю необходимым закрепить в законодательстве процессуальное положение лица, в отношении которого возбуждено производство о применении принудительных мер медицинского характера. Такая позиция обусловлена, прежде всего, фактически бесправным положением этих лиц на предварительном следствии и в суде. Зачастую лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, является, скорее, не участником процесса, не субъектом уголовно-процессуальной деятельности, а объектом этой деятельности, что, безусловно, недопустимо в правовом демократическом государстве.

И еще, на мой взгляд, необходимо дополнить приложения к уголовно-процессуальному законодательству бланками следующих процессуальных документов: 1) постановление о возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера; 2) постановление о привлечении к уголовному судопроизводству лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости; 3) постановление о невозможности участия в следственных действиях лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. Небезынтересно отметить, что фактически такое производство существует как особый порядок уголовного судопроизводства, однако это производство недостаточно регламентировано с точки зрения его процессуального оформления. Только при окончании предварительного расследования выносится постановление о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, которое формально подтверждает, что осуществлялось именно такое производство.

Думается, что указанные предложения будут способствовать более эффективной защите лиц, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

<sup>1</sup> Михайлова Т.А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера: Методическое пособие. – М., 1987. – С.32.

<sup>2</sup> Элькин П.С. Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых. – М., 1959. – С.8.

<sup>3</sup> Николук В.В., Кальницкий В.Р. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. – Омск, 1990. – С.7.

<sup>4</sup> Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К.Якимович, А.В.Ленский, Т.В.Трубникова; под ред. М.С.Свиридова. – Томск, 2001. – С.187.

## **ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ БОРЬБЫ С КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП, СФОРМИРОВАВШИХСЯ НА ЭТНИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ**

Ничик Е.А.  
Восточно-Сибирский институт  
МВД России

Опыт многих стран мира свидетельствует, что в борьбе с организованной преступностью чрезвычайно важную роль играют уголовно-процессуальные средства, позволяющие полиции, следователям, прокурорам и судьям должным образом и с высокой эффективностью проводить расследование и судебное разбирательство по данной категории уголовных дел.

Существуют несколько точек зрения на развитие законодательства в этой области. В соответствии с одной из них необходимо создание комплексного законодательного акта (уголовно-правового, процессуального, исполнительного, административного, гражданского).<sup>1</sup> Противники этой точки зрения указывают, что такой акт будет ущемлять права человека (ужесточать судопроизводство, противоречить УК РФ и УПК РФ, нарушит равенство всех перед законом и судом).<sup>2</sup> Некоторые авторы предлагают создать концепцию борьбы с организованной преступностью, составной частью которой является преступность организованных преступных групп, сформировавшихся на этнической основе, определяющую направление изменений тех отраслей законодательства, которые можно использовать в качестве рычагов воздействия на организованную преступность.<sup>3</sup> Также предлагается изменение

процедуры судопроизводства по этим делам: наличие двух этапов расследования (первый – от возбуждения дела до предъявления обвинения, собирание доказательств, задержание подозреваемого, второй – предъявление обвинения следственным судьей в устном состязательном порядке, краткий объем обвинения, а с полным – обвиняемый знакомится в суде). На наш взгляд, столь значительное отличие от общего порядка судопроизводства не является целесообразным, поскольку предполагает слишком существенное изменение расследования в целом и по делам обозначенной категории в частности, ничем, кроме объективной стороны преступления, не обоснованное.

Представляется излишним вводить «постоянно действующие судебные присутствия»<sup>4</sup>, а также устанавливать такую процедуру легализации материалов оперативно-розыскной деятельности, как фиксация посредством видеозаписи, звукозаписи, фотодокументов показаний оперативных работников с использованием адвокатов-посредников (без фиксации в протоколах данных о носителе информации, с тем чтобы адвокат огласил информацию в суде).<sup>5</sup> Эти предложения, во-первых, не характерны для действующего порядка судопроизводства, поскольку предлагают ввести в судах общей юрисдикции особое производство, черты которого напрямую связаны с уголовно-правовой квалификацией деяния, которая в окончательном варианте в большинстве случаев и определяется в судебном разбирательстве, а во-вторых, из предложения использовать таких «посредников» не ясно, как именно может быть оформлена такая правовая помощь со стороны адвоката и в связи с чем такая помощь может понадобиться оперативному работнику, чьи права в ходе производства по делу реализуются лично и чьим охраняемым законом интересам ничто не угрожает.

Совершенствование расследования по уголовным делам, связанным с совершением корыстно-насильственных преступлений организованными преступными группами, сформировавшимися на этнической основе, повышение его эффективности должно, на наш взгляд, сочетать использование всего комплекса следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, и результатов оперативно-розыскной деятельности с учетом общественной опасности этих преступлений, особенностей позиции по делу, возможностей оказания давления на участников процесса со стороны преступной группы, для чего должны быть выработаны специальные формы следственной работы и меры безопасности.

<sup>1</sup> Федоров А.В. О формировании законодательства по борьбе с организованной преступностью и коррупцией // Законодательство РФ, регламентирующее борьбу с организованной преступностью и коррупцией и его соответствие международным правам и нормам. – СПб., 1996. – С.118.

<sup>2</sup> Организованная преступность – 3. – М., 1996.

<sup>3</sup> Топильская Е.В. Организованная преступность. – СПб., 1999. – С.157.

<sup>4</sup> Организованная преступность – 2. – М., 1993. – С.159-167.

<sup>5</sup> Там же.

## **УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НАРКОПРИТОНОВ**

Воронин С.Э., д.ю.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Щукин А.М.  
Индустриальный РОВД г. Барнаула

Уголовно-процессуальная ситуация есть «... тип следственной ситуации, складывающейся в процессе поисково-познавательной деятельности участника уголовного судопроизводства в зависимости от уголовно-процессуальной характеристики преступления при принятии и фиксации процессуальных решений, а также производстве следственных и процессуальных действий»<sup>1</sup>, ее выделение как научной категории стало результатом экстраполяции криминалистических категорий на понятийный аппарат теории уголовного процесса.

В связи с этим определенный научно-практический интерес, на наш взгляд, представляет вопрос о классификации уголовно-процессуальных ситуаций. По сути, речь здесь идет о ситуационном моделировании в уголовном процессе. И хотя законодательно закрепить все уголовно-процессуальные ситуации невозможно, научно обоснованная классификация позволит лучше понять природу данных явлений и разработать оптимальные пути разрешения проблемных ситуаций, возникающих в практике расследования отдельных видов преступлений.

Рассмотрим некоторые типичные уголовно-процессуальные ситуации, возникающие при расследовании деятельности наркопритонов.

Как известно, организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ, то есть преступление, предусмотренное ст.232 УК РФ, относится к делам публичного обвинения. Это обязывает правоохранительные органы принимать меры к проверке любых заявлений и сообщений о деятельности наркопритона. Как показали наши исследования, наиболее распространенным поводом для возбуждения данной категории дел является сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (п.3 ч.1 ст.140 УПК РФ), – 83% изученных материалов. Более редким поводом является заявление о преступлении (п.1 ч.1 ст.140 УПК РФ) – 17% от общего количества изученных материалов. В основном речь здесь идет о соседях хозяина наркопритона, испытывающих бытовые «неудобства», связанные с его деятельностью. И практически не встречается такой повод для возбуждения уголовного дела, как явка с повинной (п.2 ч.1 ст.140 УПК РФ). Теоретически такая уголовно-процессуальная ситуация возможна, если оперативный работник решает легализовать своего конфиденнта с введением его в орбиту уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальные ситуации, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, по исследуемой категории дел связаны с возможностями процессуальной проверки заявления и сообщения о деятельности наркопритона. Возбуждение уголовного дела является первой стадией уголовного процесса, задача которой – установить, имеются ли правовые основания для того, чтобы начать уголовное судопроизводство и осуществить процессуальные действия в полном объеме, включая применение мер принуждения. Содержание стадии возбуждения уголовного дела составляют: получение и фиксация первичной информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении; осуществление проверочных действий на предмет, имел ли в действительности место факт общественно опасного деяния, на который указано в информации; вынесение решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела.

Если вопрос о возбуждении уголовного дела решается положительно, то возникающие здесь уголовно-процессуальные ситуации достаточно ясные и прогнозируемые. Если же прокурор отказывает в даче согласия на возбуждение уголовного дела по факту организации и содержания наркопритона, закономерен вопрос: что

делать с материалами предварительной проверки и могут ли они быть использованы в уголовном судопроизводстве в перспективе?

Представляется, что данный вопрос должен разрешаться следующим образом. Расследование преступлений, связанных с организацией и содержанием наркопритонов, предполагает систему в документировании фактов подобных правонарушений. Это означает, что в течение определенного времени необходимо два и более раза зафиксировать факт существования наркопритона. На наш взгляд, в этом смысле материалы по отказам в возбуждении уголовного дела являются достаточными доказательствами факта существования наркопритона, а взятые в совокупности отвечают требуемой системе документирования. По смыслу закона такие материалы относятся к иным документам (ст.84 УПК РФ) и вполне могут быть использованы в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств.

Как известно, УПК РФ отказался от регламентации проверочных мероприятий, находящихся в распоряжении органа дознания и следователей. Однако практика уже давно выработала приемы получения и проверки информации на стадии возбуждения уголовного дела: поручение специалисту производства так называемого предварительного исследования веществ, предметов и документов; судебно-медицинское освидетельствование; изъятие (истребование) материалов и веществ. Кроме того, ч.4 ст.146 УПК РФ, помимо осмотра места происшествия, до возбуждения уголовного дела разрешает производство освидетельствования и назначения судебной экспертизы. Данное положение, по нашему мнению, не корреспондирует с другими положениями уголовно-процессуального закона, что в практике, в том числе расследования деятельности наркопритонов, порождает проблемные ситуации.

Так, освидетельствование и назначение экспертизы – наиболее частые следственные действия, производимые по исследуемой категории дел. Они, безусловно, содержат элементы уголовно-процессуального принуждения, что, полагаем, может служить основанием для допуска защитника на стадии возбуждения уголовного дела, что УПК РФ не предусматривает.

Далее, положения ст.ст.179 и 195 УПК РФ, регламентирующих порядок производства следственных действий – освидетельствования и экспертизы, предусматривают проведение их лишь в отношении определенных участников судопроизводства, таких как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель. Однако на стадии возбуждения уголовного дела данных участников процесса

не существует, они появляются позже, с возбуждением уголовного дела.

Наибольшие трудности и уголовно-процессуальные ситуации проблемного типа порождает в расследовании деятельности наркопритонов реализация механизма процессуального согласования решения о возбуждении уголовного дела и незамедлительного направления постановления о возбуждении уголовного дела прокурору, как того требуют ч.ч.1, 4 ст.146 УПК РФ.

Во-первых, понятие «незамедлительно» весьма относительно и на практике позволяет прокурорам затягивать решение вопроса о возбуждении уголовного дела. Это особенно актуально для исследуемой категории дел, где большинство проверочных материалов получены в результате оперативно-розыскных мероприятий.

Во-вторых, уголовно-процессуальная ситуация проблемного типа возникает и в том случае, если прокурор откажет в даче согласия на возбуждение уголовного дела. В данной ситуации не понятны судьба и юридические оценки постановления о назначении судебной экспертизы и протокола освидетельствования. Являются ли они доказательствами, и если да, то какого факта, когда уже состоялся отказ в возбуждении уголовного дела?

Достаточно много уголовно-процессуальных ситуаций проблемного типа возникают в связи с предварительным исследованием материалов и веществ. По исследуемой категории уголовных дел это весьма распространенное проверочное мероприятие, так как необходим экспресс-анализ наркотического вещества еще до возбуждения уголовного дела. Такого рода действия, не регламентированные ни УПК РФ, ни иными федеральными законами, являются если и не незаконными, то во всяком случае и не процессуальными, и вряд ли могут рассматриваться как основания для назначения и производства соответствующих судебных экспертиз.

Во-первых, при предварительном исследовании, проведенном до возбуждения уголовного дела, вскрывается упаковка, в которой содержится объект, что само по себе впоследствии вызывает сомнения в его относимости к событию преступления.

Во-вторых, нарушается первичное состояние исследуемого объекта – уменьшается в объеме, повреждается или приводится в состояние, в дальнейшем лишаящее эксперта возможности дать объективное заключение по результатам исследования.

Сложности в оценке доказательственного значения справки так называемого предварительного исследования порождает и законодательная новелла, согласно которой специалист вправе давать заключения (ч.3 ст.80 УПК РФ). Таким образом, нивелируют-

ся различия в процессуальных статусах эксперта и специалиста и возникают уголовно-процессуальные ситуации, связанные с оценкой доказательственного значения справки предварительного исследования до возбуждения уголовного дела и ее дифференциации от экспертного заключения, данного на стадии предварительного расследования.

По исследуемой категории дел весьма распространенным проверочным действием, безусловно, являются истребование материалов и документов, свидетельствующих о болезни наркомана.

Проблемная ситуация здесь возникает в связи с тем, что от врачей, работающих в наркологических учреждениях, а также в центрах по профилактике и борьбе со СПИДом и другими инфекционными заболеваниями, отбирается подписка о неразглашении информации, содержащей сведения о проведении медицинского освидетельствования лиц на заражение вирусом иммунодефицита человека (заболевание ВИЧ-инфекции), а также на наркозависимость. При этом подписка предупреждает, что за разглашение указанных сведений в зависимости от последствий может наступить дисциплинарная (замечания, выговор, строгий выговор, увольнение), гражданско-правовая имущественная (ч.1 ст.1064 Гражданского кодекса РФ) либо уголовная ответственность (ст.137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни»). Последний вид ответственности, естественно, особенно тревожит врачей, которые отказывают следователю и дознавателю в предоставлении необходимых сведений по уголовному делу. Однако следует обратить внимание, что эта подписка носит ведомственный характер и правовых последствий для врачей не порождает. В противовес этому следователь (дознаватель) несет ответственность по ст. 310 УК РФ за разглашение данных предварительного расследования. Эта ответственность реальна и напрямую связана с тайной, охраняемой федеральным законом.

На стадии предварительного расследования часто возникают уголовно-процессуальные ситуации, связанные с подследственностью дел исследуемой категории.

В соответствии с ч.3 ст.150 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч.1 ст.232 УК РФ, предварительное расследование проводится в форме дознания. В соответствии с ч.2 ст.151 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч.2 ст.232 УК РФ, производится предварительное следствие, которое возлагается на следователей органов внутренних дел. Это, безусловно, предопределяет специфику следственных действий по исследуемой категории дел, так как формы



предварительного расследования отличаются друг от друга как по процессуальным срокам, так и по возможностям дознавателей и следователей в собирании, проверке и оценке доказательств. Отсутствие эффективных процессуальных механизмов в УПК РФ привело к тому, что в подследственности следователей МВД реально оказались уголовные дела, возбужденные по признакам ч.1 ст.232 УК РФ. Что, в свою очередь, приводит к потере мотивации у дознавателей расследовать дела, возбужденные по фактам организации и содержания наркопритонов, в том числе и при производстве неотложных следственных действий.

Мы назвали лишь некоторые уголовно-процессуальные ситуации, возникающие в практике расследования деятельности наркопритонов. Полагаем, данное научное направление является перспективным и нуждается в дальнейшей разработке.

---

<sup>1</sup> Воронин С.Э. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной ситуации // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. – Красноярск, 2003. – С.108.

### **ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИЦ, ДОБРОВОЛЬНО СДАВШИХ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ, БОЕВЫЕ ПРИПАСЫ ИЛИ ВЗРЫВЧАТЫЕ ВЕЩЕСТВА**

Сандрукян Э.С.

Следственное управление при Московском управлении внутренних дел на водном и воздушном транспорте

С учетом высокой общественной опасности преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, особо внимательно должны приниматься решения об освобождении от уголовной ответственности лиц в соответствии с примечанием к ст.222 УК РФ, то есть лиц, добровольно сдавших огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства.

В 2001 г. были зарегистрированы 65,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2002 г. – около 60 тыс. Раскрываемость этих преступлений в 2001г. составила 72,0%, в 2002 г. – 89,8%. В 2001 г. за указанные преступления осуждены 26,3 тыс. лиц, в 2002 г. – 20,1 тыс.

Из приведенных данных видно, что при высокой раскрываемости преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в отношении достаточно большого количества лиц, совершивших подобные деяния, уголовное преследование прекращается по различным основаниям (ст.ст.24-28 УПК РФ). До нескольких тысяч уголовных дел прекращается на основании ч.2 ст.75, примечания к ст.222 УК РФ, ст.28 УПК РФ – в связи с добровольной сдачей предметов, перечисленных в ст.ст.222, 223 УК РФ, что расценивается законом как деятельное раскаяние.

Уголовно-процессуальное законодательство (ч.2 ст.28 УПК РФ) устанавливает принципиальную возможность прекращения уголовного преследования по специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности, которые предусмотрены примечаниями к соответствующим статьям УК РФ. В этих случаях применяются общие положения, определяющие процессуальный порядок прекращения уголовных дел в связи с деятельным раскаянием. Они сформулированы в ст.28 УПК РФ.

Однако прекращение уголовного преследования по специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности имеет свою специфику. Она состоит в том, что доказыванию подлежит строго определенный круг фактических обстоятельств, указанных в примечании к конкретной статье Особенной части УК РФ. В рассматриваемом нами случае – в примечании к ст.222 УК РФ.

Кроме того, положения, включенные в примечание к ст.222 УК РФ, разъяснены в п.19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. №5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», что обуславливает необходимость учета таких разъяснений при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к названной статье УК РФ.

Предмет доказывания по делам, прекращаемым на основании примечаний к ст.ст.222, 223 УК РФ, помимо обстоятельств, указанных в ст.73 УПК РФ, дополнительно образуют обстоятельства (условия), которые перечислены в названном примечании.

Ключевым вопросом, подлежащим выяснению при принятии решения о прекращении уголовного преследования лица на основании примечаний к ст.ст.222 и 223 УК РФ, является добровольность действий лица по выдаче оружия (боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств). Добровольность в контексте примечания к названным статьям УК РФ означает, что лицо имело

реальную возможность поступить иначе, а выбрало прекращение, признание и раскрытие своего участия в преступлении.

Согласно п.19 упоминавшегося постановления Пленума Верховного Суда РФ сдачу огнестрельного оружия и других предметов, перечисленных в ст.ст.222 и 223 УК РФ, надлежит считать добровольной, если лицо выдает их по своей воле или сообщает о месте их нахождения органам власти при реальной возможности дальнейшего хранения вышеуказанных предметов. При этом добровольность сдачи оружия оценивается применительно к конкретным обстоятельствам дела, юридического значения не имеют мотивы поведения лица, а также обстоятельства, предшествовавшие сдаче оружия или повлиявшие на принятое решение.

Оптимальным способом процессуального закрепления добровольности сдачи оружия в уголовном деле являются: а) отражение добровольности сообщения (указания) о местонахождении оружия в протоколе допроса подозреваемого, обвиняемого; б) приведение в постановлении о производстве выемки или обыска в качестве основания их производства указания лица на местонахождение оружия, наркотиков.

Если сделанное лицом сообщение о местонахождении оружия предполагает проведение не выемки или обыска в помещении либо у конкретного лица, а осмотр местности, зданий, тогда факт добровольной сдачи оружия фиксируется лишь в протоколе допроса подозреваемого, обвиняемого. При этом внимание должно быть обращено на установление действительно реальной возможности распорядиться лицом оружием иным образом (они надежно спрятаны, укрыты, об их местонахождении известно узкому кругу доверенных лиц; к ним имеется доступ для их использования непосредственно у подозреваемого, обвиняемого или через других лиц).

Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. №162 примечание к ст.222 УК РФ дополнено новым положением, согласно которому не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в ст.ст.222 и 223 УК РФ, их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию. Данное дополнение уголовного закона позволяет теперь однозначно разрешать на практике ситуации, то есть признавать действия лица добровольными или недобровольными, когда выдача оружия происходит в рамках производства следственных действий либо при задержании лица по подозрению в совершении преступления.

Примечание к ст.ст.222, 223 УК РФ сформулировано таким образом, что позволяет освобождать от уголовной ответственности лиц, добровольно сдавших оружие, без каких-либо дополнительных условий. В примечании к ст.228 УК РФ, например, в качестве условия освобождения лица от уголовной ответственности выступает не только добровольная сдача наркотических средств, но и способствование раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем.

Поскольку в примечании к ст.ст.222, 223 УК РФ оговорено, что лицо освобождается от уголовной ответственности при условии, если в его действиях не содержится состава иного преступления, в предмет доказывания по этим делам входит установление и данного обстоятельства. Однако при установлении добровольности сдачи лицом оружия уголовное преследование в отношении него за совершение деяний, предусмотренных ст.ст.222, 223 УК РФ, должно быть прекращено независимо от привлечения его к ответственности за совершение иных преступлений.

При добровольной сдаче оружия важным является правильное процессуальное оформление их получения органом расследования. В зависимости от того, в какой момент (до или после возбуждения уголовного дела) сдано оружие, используются и адекватные способы процессуального закрепления фактов добровольной его сдачи.

До возбуждения уголовного дела процессуальный порядок удостоверения факта выдачи оружия законом не регламентирован, что обусловило многовариантность его применения на практике. Преимущественно должностные лица ОВД составляют в этих случаях протоколы или акты добровольной выдачи, характеризующиеся типичными недостатками (не указываются причины и мотивы выдачи; подробно не приводятся сведения, индивидуализирующие добровольно выданное лицом оружие; добровольность действий лица в части выданных объектов ставится под сомнение другими данными, содержащимися в протоколе («на требование выдать...», «по моему требованию...» и др.)).

В целях наиболее полного и правильного закрепления обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение, факты добровольной сдачи оружия надлежит отражать в протоколах добровольной сдачи (а не выдачи), что в большей степени подчеркивает инициативу сдающего в передаче названных объектов.

Когда действия лица, добровольно сдающего оружие, соответствуют предписаниям ст.142 УПК РФ, надлежит составлять протокол явки с повинной с указанием и описанием в нем добровольности представления оружия, его индивидуальных признаков.

Добровольная сдача лицом оружия в ходе расследования уголовного дела может быть процессуально закреплена следующим образом.

При непосредственной передаче лицом находящегося в его владении оружия наиболее предпочтительным и «вписывающимся» в рамки уголовно-процессуального закона будет составление протокола представления со ссылкой на ч.2 ст.86, ст.166 УПК РФ. Наряду со сведениями, общими для всех протоколов следственных действий, в протоколе представления оружия должны найти отражение: заявление о добровольной его передаче следователю, факт передачи и обстоятельства принятия, происхождения данного объекта (если они известны), результаты осмотра, их индивидуальные признаки.

### **ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ**

Шинкевич Д.В.

Сибирский юридический институт  
МВД России

С каждым годом сотрудничество с правоохранительными органами зарубежных стран при расследовании преступлений расширяется. О тенденциях, присущих международному сотрудничеству правоохранительных органов России и зарубежных стран при расследовании преступлений, свидетельствуют статистические данные: в 2001-2002 гг. Следственным комитетом при МВД России направлено 1735 международных запросов о производстве процессуальных действий на территории иностранных государств.

Необходимость такого сотрудничества вызывается, прежде всего, потребностями практической деятельности национальных правоохранительных органов в получении доказательств на территории других государств, в обеспечении реализации предусмотренных законом уголовно-процессуальных функций и осуществления правосудия.

Вместе с тем законодательное регулирование процессуальных аспектов сотрудничества с зарубежными странами в получении и использовании доказательств, собранных на территории иностранных государств, фактически сводится только к определению самых общих начал порядка сношений с их компетентными органами и в некоторых случаях вступает в противоречия с нормами международного права.

В соответствии с ч.1 ст.453 УПК РФ при необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, суд, прокурор, следователь вносит запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором РФ, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

По нашему мнению, позиция законодателя, зафиксированная в указанной норме, является неверной, противоречащей основным положениям международных договоров и принципов международного права и создающей трудноразрешимые проблемы в практике.

Все международные договоры РФ содержат основополагающие принципы, обеспечивающие суверенитет, безопасность, стабильность, единство и целостность правовых систем договаривающихся суверенных государств.

Впервые основные принципы современного международного права были сформулированы в ст.2 Устава ООН, к их числу были отнесены: 1) суверенное равенство членов ООН; 2) добросовестное выполнение принятых на себя обязательств по Уставу ООН; 3) разрешение международных споров мирными средствами; 5) оказание помощи ООН во всех действиях, предусмотренных ею в соответствии с Уставом, и воздержание от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера; 6) обеспечение действий государств – не членов ООН в соответствии с принципами, поскольку это необходимо для поддержания международного мира и безопасности; 7) невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства.<sup>1</sup>

Аналогичные принципы были сформулированы в Декларации о принципах международного права 1979 г., касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г.<sup>2</sup>, в Хельсинском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 г.

При этом наиболее важную роль в международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства играет принцип невмешательства во внутренние дела других государств.

В соответствии с принципом невмешательства во внутренние дела других государств следует учитывать, что борьба с преступностью – национальная прерогатива. Каждая страна самостоятельно определяет вопросы, объем, формы сотрудничества и степень участия в международных программах и договорах.

Именно с принципом невмешательства связано положение о том, что по условиям абсолютного большинства многосторонних международных договоров и согласно правилам, установленным всеми без исключения двусторонними международными договорами РФ, действующими в рассматриваемой сфере, при исполнении запросов иностранных государств применению подлежит уголовно-процессуальное законодательство запрашиваемой стороны.

Согласно данному принципу при необходимости собирания доказательств на территории иностранных государств, по запросу о правовой помощи оно должно осуществляться компетентными органами иностранного государства в соответствии со своим внутренним законодательством.

Таким образом, следственное действие в смысле ч.1 ст.453 УПК РФ приобретает абсолютно иное содержание при направлении запроса на территорию иностранного государства, где способ получения доказательства (допрос, обыск, выемка) не имеет значения для внутреннего национального законодательства запрашиваемого государства и познавательные приемы свободны от процессуальной формы, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

На территории иностранных государств могут быть исполнены запросы о проведении только тех процессуальных действий, которые предусмотрены законодательством запрашиваемого государства, международным договором и включены в объем правовой помощи. Так, в частности, в соответствии со ст.6 Минской конвенции «договаривающиеся стороны оказывают друг другу правовую помощь путем выполнения процессуальных и иных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой договаривающейся стороны».

Вместе с тем получение определенных материалов (носителей доказательственной информации) на территории запрашиваемых государств с соблюдением требований национального процессуального законодательства может существенно отличаться от требований, предъявляемых к порядку проведения следственных

действий на территории Российской Федерации. При этом очевидно, что различия уголовного судопроизводства государств не исключают их сотрудничества по уголовным делам.

Так, во-первых, названия следственных действий на территории запрашиваемого государства могут варьироваться в соответствии со спецификой национального уголовного процесса, в их формулировки в разных правовых системах могут вкладываться различные смысловые нагрузки. Во-вторых, получение сведений компетентными органами иностранного государства путем проведения конкретного следственного действия может быть не предусмотрено уголовными процедурами запрашиваемого государства. В то же время обычно получение требуемого доказательства возможно, но другим способом.<sup>3</sup>

Таким образом, употребление специальной лексики, называющей виды следственных действий, не всегда уместно без разъяснения цели запроса, поскольку, возможно, идентичное действие или документы могут носить совсем другое наименование в запрашиваемом государстве.<sup>4</sup> Именно поэтому форма помощи должна отражать не дефиницию, а существо действия, результат, на который оно направлено.

Таким образом, формулировка ч.1 ст.453 УПК РФ о порядке истребования сведений на территории иностранного государства противоречит принципу невмешательства во внутренние дела, и в частности положениям международных договоров о применении внутреннего законодательства при исполнении запроса об оказании правовой помощи зарубежного государства.

Представляется более правильным указанную норму изложить в следующей редакции: «При необходимости производства на территории иностранного государства процессуальных действий суд, прокурор, следователь, дознаватель вносит запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором РФ, международным соглашением или на основе принципа взаимности».

Исходя из вышеизложенного, в запросе об оказании правовой помощи исключительно важно указывать его цель или тот результат, который планируется достичь, и источник получения доказательственной информации, а не просто называть то или иное следственное действие, с помощью которого этот результат может быть достигнут.

В настоящее время в УПК РФ в главе 10 «Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве» не затрагиваются и



не устанавливаются ни уголовно-материальные, ни уголовно-процессуальные основания, ни условия и порядок получения доказательств из уголовно-процессуальных источников зарубежных стран.

Непосредственные результаты проведения процессуальных действий на территории иностранных государств в порядке оказания правовой помощи по уголовным делам являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований международных договоров, национального уголовно-процессуального законодательства, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона.

Поскольку обнаружение, получение и закрепление определенных материалов (носителей доказательственной информации), осуществляемое на территории иностранных государств по запросу об оказании правовой помощи, может существенно отличаться от требований, предъявляемых к собиранию доказательств на территории РФ, в УПК РФ необходимо предусмотреть нормы, позволяющие в надлежащей форме адаптировать сведения, полученные на территории иностранных государств, в качестве доказательств.

Так, полученные на территории иностранных государств сведения должны быть собраны в уголовно-процессуальном порядке, то есть истребованы в соответствии со ст.ст. 86, 453 УПК РФ и закреплены в соответствующей процессуальной форме, предусмотренной ст.ст. 81, 84 УПК РФ. После этого они могут приобрести статус таких источников сведений, как иные документы (ст. 84 УПК РФ) или вещественные доказательства (ст. 83 УПК РФ).

В связи с вышесказанным считаем целесообразным дополнить ст. 81 УПК РФ частью пятой следующего содержания: «В качестве вещественных доказательств могут быть допущены материальные объекты, полученные в порядке, установленном главой 53 УПК РФ, обладающие признаками, указанными в части первой настоящей статьи», а также ст. 84 УПК РФ частью пятой следующего содержания: «В качестве иных документов допускаются сведения, полученные, истребованные и представленные в порядке, установленном главой 53 УПК РФ, проверенные и оцененные в установленном порядке».

К числу действий, направленных на процессуальную адаптацию сведений, полученных на территории иностранных государств, относятся:

1) перевод протоколов следственных действий и документов на русский язык или иной язык, на котором ведется судебное разбирательство;

2) осмотр предметов и документов, обладающих признаками вещественных доказательств, и приобщение их к делу особым постановлением (определением).

Согласно требованиям указанных норм УПК РФ подлежит оценке и допустимость данных доказательств.

---

<sup>1</sup> Волженкина В.М. Международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции. Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Науч. ред. проф. Б.В. Волженкин. – СПб., 1998. – С. 17.

<sup>2</sup> Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – №16. – Ст.263.

<sup>3</sup> О порядке подготовки и направления запросов о правовой помощи в страны Европы, ратифицировавшие Европейскую Конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года и Дополнительный протокол к ней: Методические рекомендации: Подготовлены Международно-правовым отделом СК при МВД РФ // Информационный бюллетень при ГСУ при ГУВД Красноярского края. – №2 (13). – 2002. – С. 104.

<sup>4</sup> Методические рекомендации о порядке подготовки и направления ходатайств о взаимной правовой помощи по уголовным делам. – С.104.

## **К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ГЛАВОЙ 40 УПК РФ**

Монид М.В.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Глава 40 УПК РФ вводит принципиально новую для российского уголовного процесса процедуру принятия ключевого процессуального решения по уголовному делу (признания обвиняемого виновным и вынесения обвинительного приговора) в упрощенном порядке. Даже меры, предпринятые законодателем в рамках УПК РСФСР к сокращению судебного следствия в суде присяжных и при производстве у мирового судьи, не носили столь радикального характера, так как не предусматривали полный отказ от судебного следствия. Обязательными условиями при этом являют-

ся согласие сторон на подобный порядок производства и признание обвиняемым своей вины.

Теоретические представления и прогнозы ученых о процедуре особого порядка принятия судебного решения, предусмотренной главой 40 УПК РФ, характеризуются слабой систематизированностью и неоднозначностью вплоть до диаметрально противоположных суждений. Отдельные авторы оценивают положения главы 40 УПК РФ как нормы, имеющие прогрессивное значение. Другие – как возможность торговли с правосудием и дискредитацию его основ.

Сама правовая природа особого порядка принятия судебного решения в уголовном судопроизводстве вызывает множество дискуссий. Некоторые ученые склонны приравнивать ее к так называемым сделкам о признании вины, применяемым в классическом состязательном процессе, где подобные сделки преследуют совершенно определенные цели. Так, профессор Сент-Луисского университета Стивен Тейман писал: «Корни системы сделок следует искать скорее в «ненаучности» англосаксонской юриспруденции, где судебное следствие осуществляется, главным образом, для решения общественных конфликтов и установления общественного спокойствия, в то время как установление истины является лишь второстепенным средством для осуществления этих целей». Известный американский историк уголовного права Джон Лангбейн считает, что сделки о признании вины заменили собой пытку как способ принудить подозреваемого к самооговору.<sup>1</sup>

Вместе с тем существуют мнения, что особая процедура принятия судебного решения не относится к сделкам о признании вины, поскольку не отвечает самой сути понятия «сделка», не предусматривает предварительных согласительных процедур, касающихся сути дела, квалификации деяния, объема обвинения. Предполагается, что при наличии признания обвиняемым своей вины все эти вопросы снимаются автоматически. Достаточно лишь согласия сторон для решения вопроса о формальных особенностях принятия судебного решения.

По нашему мнению, порядок принятия судебного решения, предусмотренный главой 40 УПК РФ, все же может рассматриваться как своеобразная сделка между сторонами в рамках судебной стадии. Отсутствие предварительного «торга» в процедуре не исключает достижения взаимовыгодного для сторон соглашения, что и является сутью сделки. В российской трактовке сделка носит усеченный характер, поскольку касается лишь выбора процедуры принятия решения.

Стоит обратить внимание, что при этом признание обвиняемым своей вины может рассматриваться как основное доказательство по уголовному делу. Естественно, решение о признании вины и ходатайство об особом порядке принятия судебного решения – свободное волеизъявление личности, с которым законодатель обязывает правоприменителя считаться, и необходимы дополнительные гарантии, обеспечивающие добровольность принятия обвиняемым такого решения. В то же время достаточность подобного волеизъявления для отказа от судебного следствия вступает в конфликт с такими ключевыми принципами уголовного процесса, как презумпция невиновности, непосредственность судебного исследования доказательств, состязательность сторон. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, когда отдельная процедура выпадает из общей системы принципов уголовного процесса.

Но так ли это в преломлении назначения уголовного судопроизводства, продекларированного действующим УПК РФ? При исключении требования установления объективной истины по уголовному делу, свойственного для публичного процесса, и снижении активной роли суда становится фактически не важным, было на самом деле совершено преступление и кто виновен в его совершении. Дополнительным подтверждением этому является сделанное законодателем изъятие из перечня оснований для отмены или изменения судебного решения, принятого в особом порядке. Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела не может стать основанием для пересмотра такого приговора.

Предполагается, что в случае наличия признания обвиняемым вины отсутствует правовой спор между государством и личностью, между обвинением и защитой, следовательно, возможно вынесение приговора с минимальными затратами. Если уголовное дело по существу не сложное, факт преступления очевиден, имеется в наличии признание обвиняемым своей вины, то нет необходимости соблюдать сложные формальные процедуры по установлению истины. Разрешению подлежит конкретный уголовно-правовой конфликт, при этом его социальная значимость как бы не представляет интереса для правосудия. Казалось бы, эффективность правосудия в рамках такой трактовки его целей возрастает при применении особого порядка принятия судебного решения.

Однако, как представляется, существует проблема и несколько другого рода. Возможность сделки в уголовном судопроизводстве, более свойственная традициям англосаксонского процесса, является логическим завершением определенного порядка осуще-

ствления предварительного расследования. В российском уголовном процессе состязательность на стадии предварительного расследования в настоящее время является во многом декларативной, механизмы непосредственной реализации этого принципа на досудебных стадиях в полной мере не разработаны. Практически произошло искусственное внедрение в российский уголовный процесс процедуры, слабо обусловленной предшествующими стадиями.

Более того, невозможно в одночасье изменить сознание и менталитет как правоприменителя, наделенного властными полномочиями, так и любого другого лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, будь то обвиняемый или потерпевший. Эту проблему также нельзя оставить без внимания, поскольку решение о вынесении приговора в рамках особого порядка принимается единолично судьей на основании собственного убеждения, сформировавшегося при изучении материалов уголовного дела. Признание обвиняемого также является субъективным мнением, высказываемым под влиянием порой абсолютно не адекватных ситуации мотивов.

Тем не менее все это не помешало внедрению в отечественное уголовно-процессуальное законодательство процедуры особого порядка принятия судебного решения. Однако даже применение данного института на практике не обязательно свидетельствует о социальной оправданности и ожидаемости этих норм. Умозрительные ссылки теоретиков на эффективность и экономичность процедуры особого порядка принятия судебного решения едва ли можно считать достаточным резонансом, оправдывающим ее существование. Нормы права не могут становиться безоговорочной данью сиюминутно сложившейся в стране политической и социально-экономической ситуации, но и абсолютное игнорирование политической конъюнктуры в правотворческой деятельности в сегодняшних условиях тоже вряд ли возможно.

Дополнительной проблемой является, на наш взгляд, недостаточная регламентация в действующем законодательстве самого порядка применения этой процедуры, действий, предпринимаемых при этом участниками судопроизводства. Требуется более детальная разработка унифицированной процедуры, отражающей основные провозглашенные правовые принципы, социальные ожидания, социальные реалии и возможности достижения целей уголовного судопроизводства в рамках особого порядка принятия судебного решения, что позволит обеспечить законность его принятия.

Использование особого порядка принятия судебного решения в судебной практике практически с первого года действия УПК

РФ, а также довольно широкое применение согласительных процедур различного уровня сложности в судопроизводстве многих зарубежных стран, в том числе и с постинквизиционным уголовным процессом, позволяют сделать вывод о том, что данная правовая конструкция в принципе жизнеспособна и имеется потенциал для ее развития и совершенствования, в том числе и в российском уголовном процессе.

Дальнейшие углубленные научные исследования данного правового института и практики его применения позволят судить о его легитимности и эффективности с позиций назначения уголовного судопроизводства.

---

<sup>1</sup> Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. – 1998. – №10. – С.36-37.

## **ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА В ЧАСТИ ПРЕДЪЯВЛЕННОГО ОБВИНЕНИЯ**

Воронин С.Э., д.ю.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Александрова О.Ю.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Проблема оправдательных приговоров особенно актуальна для современных правовых условий России. Для теории и практики уголовного процесса важное значение имеет ответ на вопрос: что такое оправдательный приговор вообще – результат судебной ошибки или попытка исправить ошибки предварительного расследования? Очевидно, что в условиях состязательного уголовного судопроизводства однозначного ответа на этот вопрос нет. Особенно это касается оправдательного приговора, постановленного в части предъявленного обвинения.

Общеизвестно, что каждое обвинение в материально-правовом смысле едино и при судебном разрешении неделимо. Комбинированный приговор, содержащий выводы и об оправдании и об осуждении подсудимого, отнюдь не означает, что возможно раздельное разрешение обвинения по частям. Здесь речь идет не об одном, а о нескольких обвинениях, хотя и объединен-

ных в силу указанных в законе причин в одно производство, однако вполне самостоятельных по своему существу. В таких случаях принятие в одном приговоре различных решений, касающихся разных обвинений, вполне правомерно, так как по каждому из предъявленных подсудимому обвинений должно приниматься отдельное, вполне самостоятельное решение, исключающее другие возможные выводы суда по данному обвинению. Когда же берется одно и то же обвинение, подвергнутое в суде изменениям, то никаких двух решений по поводу него недопустимо. Оправдание подсудимого, виновного в преступном деянии, по одной статье уголовного закона и осуждение его за те же действия по другой статье означает не только принятие судом двух диаметрально противоположных, взаимоисключающих решений по одному и тому же поводу, но и противопоставление фактической фабулы обвинения остальным его элементам. Если суд сам изменяет обвинение, оправдание подсудимого за те же действия логически исключается, поскольку суд не будет формулировать обвинение по признакам, безразличным с точки зрения уголовного закона. Кроме того, такое оправдание противоречит преюдиции приговора, соответствующей которой лицо, оправданное по делу, не может быть осуждено по тому же обвинению в измененном виде.

Отсутствует основание для частичного оправдания подсудимого и по тем делам, по которым суд, не соглашаясь с выводами стороны обвинения о наличии в содеянном признаков идеальной совокупности преступлений или обнаружив неправильную квалификацию при конкуренции норм, исключает из обвинения одну из статей Уголовного кодекса РФ, по которым лицо обвиняется. На наш взгляд, представляется неточной редакция ч.2 ст.308 УПК РФ, которая устанавливает правило, согласно которому «если подсудимому предъявлено обвинение по нескольким статьям уголовного закона, то в резолютивной части приговора должно быть точно указано, по каким из них подсудимый оправдан и по каким осужден». Данная норма, по существу, предназначена для тех случаев, когда подсудимому предъявлено не одно, а несколько самостоятельных обвинений. По подобным делам, бесспорно, в резолютивной части приговора суд обязан четко решить, по какой статье уголовного закона, обозначающей самостоятельное обвинение, подсудимый оправдан и по какой – осужден. Но вопрос решается несколько иначе, если единое преступление, охватываемое одним обвинением, неправильно квалифицировано по двум и более статьям, несмотря на отсутствие в нем признаков совокупности преступления. Полагаем, при такой ситуации речь идет лишь об

изменении предъявленного обвинения, об исправлении допущенной ошибки в правовой квалификации содеянного, и для этого вовсе не требуется постановление оправдательного приговора. Между тем данное положение в судебной практике иногда не учитывается, вследствие чего без достаточных оснований постановляется частично оправдательный приговор.

Практика вынесения частично оправдательных приговоров по делам, по которым тем же самым фактам со стороны суда дается иная юридическая оценка и ввиду чего встает вопрос об исключении из обвинения тех или иных статей, по данным наших исследований, является достаточно распространенной в отечественном судопроизводстве. При этом фабула предъявленного лицу обвинения в суде остается неизменной, а все те действия и вызвавшие их обстоятельства, которые имелись в виду стороной обвинения при формулировании обвинения, в судебном заседании находят полное подтверждение. Здесь суд сталкивается только с ошибкой в применении норм материального права, выразившейся в стремлении квалифицировать единое преступное деяние по ряду статей уголовного закона. Для исправления таких ошибок достаточно изменения обвинения, исключения из правовой квалификации содеянного тех уголовно-правовых норм, которые применены по делу неуместно. Тем не менее суды принимают решение об оправдании подсудимого, хотя тем же приговором последний признается виновным в совершении всех тех действий, которые ему инкриминировались. В результате искусственно создается коллизия – за одни и те же действия подсудимый по одной статье уголовного закона признается виновным, а по другой – оправдывается. Искажается также подлинная «картина» удельного веса оправдательных приговоров в уголовном судопроизводстве.

Согласно п.3 ч.1 ст.307 УПК РФ в случае установления неправильной квалификации преступления описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать основания и мотивы изменения обвинения. Однако при этом суд не должен принимать решение о частичном оправдании виновного лица.

Ситуация несколько осложняется по тем делам, в процессе судебного рассмотрения которых сужение правовой квалификации содеянного вызывается отпадением обстоятельств, учтенных органами предварительного расследования при формулировании обвинения, допустим, декриминализация события преступления, здесь возможны различные решения вопроса.



Например, в ходе судебного разбирательства может не найти подтверждения часть инкриминируемых подсудимому составов, образующих реальную совокупность преступлений. Так, по уголовному делу 1-849/02 Воронюк органами предварительного расследования обвинялась по ст.196 и ст.160 ч.2 п.«в» УК РФ в преднамеренном банкротстве и растрате, то есть хищении чужого имущества, вверенного виновному, с использованием своего служебного положения в размере 2680 рублей. В судебном заседании первое из преступлений подтвердилось, а второе, то есть растрата, – нет. Поэтому Вологодский городской суд в своем приговоре признал подсудимую Воронюк виновной по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст.196 УК РФ, а по ст.160 ч.2 п. «в» УК РФ оправдал за отсутствием в ее действиях состава преступления. Проведенные нами исследования показали, что по большинству дел (81,6%) суд пришел к выводу о необходимости постановления оправдательных приговоров в части обвинения на основании тщательного исследования доказательств, добытых в процессе предварительного следствия и дознания. Выводы судов были основаны на показаниях в судебных заседаниях подсудимых (68,2%), свидетелей (64,8%), потерпевших (21,5%), на заключениях экспертиз (16,3%), исследованиях документов и на иных доказательствах (28,7%). На наш взгляд, во всех этих случаях постановление судом частично оправдательного приговора вполне закономерно. Лицо предано суду за различные по своей уголовно-правовой природе действия, образующие реальную совокупность преступлений. В судебном заседании одно из этих деяний, содержащее признаки определенного состава преступления и составляющее всю фабулу самостоятельного обвинения, полностью не находит своего подтверждения. Вывод суда о неприемлемости какой-либо статьи Уголовного кодекса РФ по делу означает отпадение соответствующего обвинения полностью. Поэтому суд должен принять решение не об изменении обвинения, а об оправдании подсудимого по той статье уголовного закона, под которую должны были подпасть не нашедшие подтверждения обстоятельства дела.

Однако подход к вопросу меняется, когда в судебном заседании признаются недоказанными факты и обстоятельства, которые хотя вместе с другими действиями подсудимого и давали возможность усматривать в них совокупность преступлений, однако все же сами по себе не могут рассматриваться как отдельное преступное деяние.<sup>1</sup> Например, специальный мотив преступления, который не нашел подтверждения в судебном заседании, не может рас-

смастиваться как отдельное преступное деяние, составляющее всю фабулу самостоятельного обвинения. Хотя отпадение этого факта и влечет за собой отказ от применения к действиям подсудимого одной уголовно-правовой нормы, однако отсюда еще не следует, что выявилось основание для частичного оправдания подсудимого. Все действия, инкриминируемые подсудимому, в суде подтвердились, изменились лишь данные о мотиве их совершения. Основа предъявленного обвинения – его фабула – осталась прежней, она только несколько видоизменилась. Недоказанность мотива сказалась, главным образом, на правовой квалификации, предполагая исключение из обвинения специального мотива (соответствующей статьи УК РФ). В таких случаях, полагаем, суд должен в своем приговоре принять решение не об оправдании подсудимого, а об исключении из обвинения той статьи Уголовного кодекса РФ, в которой отпала необходимость, и о признании подсудимого виновным по остающейся уголовно-правовой норме, охватывающей всю доказанную часть содеянного.

Полагаем, аналогичным образом следует поступать и в тех случаях, когда в судебном заседании обнаруживается недоказанность тех действий подсудимого, которые квалифицировались стороной обвинения в качестве самостоятельного преступного деяния, несмотря на то что в действительности эти действия должны были рассматриваться как часть преступного деяния, нашедшего подтверждение в суде. Может показаться, что в данном случае имеется основание для частичного оправдания подсудимого, поскольку вывод суда о неприемлемости по делу одной из статей уголовного закона, указанных в обвинительном заключении, связан с недоказанностью тех фактов, которые стороной обвинения были подведены под эту уголовно-правовую норму. Однако по существу такой подход к решению вопроса был бы неверным. Здесь в действительности нет ни реальной совокупности преступлений, ни двух самостоятельных обвинений. Недоказанность факта несколько сужает фабулу обвинения, но она не является подлинной причиной отпадения необходимости в применении статьи уголовного закона, так как уголовно-правовая норма стороной обвинения была включена в обвинение просто ошибочно. Для исправления такой ошибки, касающейся правовой квалификации содеянного, полагаем, не требуется постановления оправдательного приговора, так как это должно осуществляться путем изменения обвинения непосредственно в самом обвинительном приговоре.

Таким образом, нельзя усмотреть основание для частичного оправдания подсудимого ни при изменении простого обвинения,

ни сложного обвинения, содержащего в своей правовой квалификации указание на несколько статей уголовного закона. Частично оправдательный приговор возможен лишь по делам, где из нескольких самостоятельных обвинений, выражающих реальную совокупность преступлений, в судебном заседании некоторые или одно из них отпадают полностью. Если же суд, не соглашаясь с выводами стороны обвинения о наличии в содеянном признаков идеальной совокупности преступлений или обнаружив неправильную квалификацию при конкуренции норм, исключает из предъявленного подсудимому обвинения одну или некоторые из статей Уголовного кодекса РФ, то он принимает решение не об оправдании подсудимого, а об изменении предъявленного ему обвинения, отметив это в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора.<sup>2</sup>

Следует поступать точно так же, когда вывод суда о неприменимости к содеянному какой-либо уголовно-правовой нормы, указанной в обвинительном заключении, обусловлен либо отпадением в судебном заседании определенного факта (например, специального мотива совершения деяния), который сам по себе, взятый в отдельности, не может образовать самостоятельный состав преступления, либо обнаружением ошибки стороны обвинения, из-за которой она считала отдельным преступление и квалифицировала по особой статье Уголовного кодекса РФ действия подсудимого, в действительности являющиеся частью другого его преступного деяния, нашедшего подтверждение в суде. Во всех этих случаях налицо изменение обвинения в судебном заседании, причем в различных вариантах. Некоторые из таких изменений связаны с отпадением из «обвинения по нескольким статьям» определенных уголовно-правовых норм, но тем не менее они не могут повлечь за собой вынесение в отношении подсудимого частично оправдательного приговора.

Полагаем, необходимо уточнить формулировку ч.2 ст.308 УПК РФ, чтобы в ней говорилось не об обвинении по нескольким статьям, а о нескольких обвинениях, которые выражают реальную совокупность преступлений. В данной норме следовало бы предусмотреть: «Если бы подсудимому было предъявлено несколько обвинений и некоторые из них в судебном заседании отпали, то в резолютивной части приговора должно было быть указано, по каким из них подсудимый оправдан, а по каким – осужден». Такая редакция, более точно отражая процессуальную природу регламентируемых этой правовой нормой явлений, способствовала бы уст-

ранению тех недостатков, которые в судебной практике связаны с постановлением частично оправдательных приговоров.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что постановление оправдательного приговора в части предъявленного обвинения представляет собой одну из форм реализации судебного контроля, направленную на предотвращение судебных ошибок и исправление ошибок предварительного расследования.

---

<sup>1</sup> Фаткулин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. – Казань, 1965. – С.366.

<sup>2</sup> Там же. – С.369.

## **ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В УПК РФ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Пастухов И.В.

Омская академия МВД России

В УПК РФ реализован новый подход к правовому регулированию судебного производства по вопросам, связанным с исполнением приговора. Приняты во внимание относительная самостоятельность и независимость от производства по уголовному делу судебной деятельности в сфере исполнения приговора, что повлекло включение в раздел 14 УПК РФ «Исполнение приговора» дополнительных нормативных предписаний и позволило устранить определенные законодательные пробелы. Законодателем учтено также, что действия по обращению к исполнению приговоров носят организационный и одноактный характер, не всегда осуществляются судом и имеют уголовно-процессуальную форму. Вместе с правилами о вступлении судебных решений в законную силу они регламентированы специальной главой 46 «Обращение к исполнению приговоров, определений и постановлений».

Раздел 14 УПК РФ «Исполнение приговора» по большинству позиций согласован с уголовным и уголовно-исполнительным законами, в нем удалось избежать свойственного УПК РСФСР дублирования многих норм 3 и 4 разделов Общей части УК РФ при регламентации вопросов освобождения осужденных от отбывания наказания, замене назначенного наказания другим его видом.

Несмотря на то что в УПК РФ достигнуто существенное улучшение правового регулирования рассмотрения судом вопросов исполнения приговора, отдельные пробелы действующего процессуального закона не устранены и можно предполагать возникновение трудностей и появление ошибок в ходе практического применения положений раздела 14 УПК РФ «Исполнение приговора».

Отнеся к компетенции суда рассмотрение многочисленных вопросов, связанных с исполнением приговора, **закон не установил срока их разрешения.** Вследствие этого в судебной практике не исключены волокита, нарушение прав участников уголовно-исполнительного судопроизводства из-за длительного оставления без «движения» внесенных в суд представлений. Нередко в судах их накапливается до нескольких десятков, рассматриваются они в одном судебном заседании, часто формально, поверхностно, порой неправильно.

Очевидным пробелом является и отсутствие в законе нормы, которая определяла бы полномочия судьи по поступившему в суд ходатайству, представлению. С учетом последовательного внедрения в уголовный процесс начал состязательности в разделе 14 УПК РФ целесообразно перечислить виды решений, которые судья вправе принять в результате рассмотрения ходатайства осужденного, представления органа, исполняющего наказание. В контексте ст.15 УПК РФ «Состязательность сторон» по-новому должна оцениваться сложившаяся практика возвращения судьями представлений учреждениям и органам, исполняющим наказания, для устранения недостатков, допущенных при их подготовке, приобщения к ним дополнительных материалов. По поступившему ходатайству, представлению, если буквально следовать предписаниям ст.15 УПК РФ, судья вправе и обязан принять решение по существу, то есть удовлетворить, либо отказать в удовлетворении ходатайства, представления, или отложить их рассмотрение (например, из-за неявки участников, извещенных о времени судебного заседания).

Статья 397 УПК РФ «Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора» сформулирована неудачно. С одной стороны, ее содержание не охватывает всего круга вопросов, которые отнесены законом к компетенции суда при исполнении приговоров. Приведенный в ней перечень не является исчерпывающим. С другой стороны, в названную статью включены вопросы, которые суду не подведомственны.

Законодательная регламентация в УПК РФ деятельности суда по разрешению сомнений и неясностей, возникающих или обна-

руживающихся при исполнении приговора, фактически не претерпела изменений. Конкретные виды сомнений и неясностей, которые суд вправе устранять при исполнении приговора, в ст.397 УПК РФ не перечислены. Их перечень давался в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г. №18 «О некоторых процессуальных вопросах, возникающих в судебной практике при исполнении приговоров», но он устарел за прошедшие с момента принятия постановления почти 30 лет. Более того, в него оказались включенными и вопросы, которые затрагивают существо приговора и являются следствием ошибок, допущенных судом при разбирательстве уголовного дела, не могут рассматриваться в порядке исполнения приговора. Поэтому УПК РФ надлежит дополнить самостоятельной статьей, где целесообразно дать примерный перечень сомнений и неясностей, подлежащих разъяснению судом при исполнении приговора, а также регламентировать особенности порядка принятия по ним судьей решения.

Положения ст.399 УПК РФ (некий аналог ст.369 УПК РСФСР) не в полной мере согласованы с уголовно-исполнительным законодательством, а по некоторым вопросам и прямо противоречат ему.

Так, в ч.1 ст.399 УПК РФ записано, что вопросы, связанные с исполнением приговора, рассматриваются судом по представлению учреждения или органа, исполняющего наказание, а в случаях, указанных в п.п. 3, 5, 6, 11-15 ст.397 и ч.ч.1, 2 ст.398 УПК РФ, – по ходатайству осужденного. В п.3 ст.397 УПК РФ речь идет об изменении вида исправительного учреждения осужденным к лишению свободы, в том числе осужденным, являющимся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Перевод таких осужденных в исправительное учреждение с более «жесткими» условиями отбывания наказания рассматривается как мера взыскания и никак не может согласовываться с самим осужденным. Поэтому от него в таких случаях не требуется никакого ходатайства, что и не требует ст.78 УИК РФ.

На этапе исполнения судебных приговоров в результате принимаемых судьями решений правовое положение осужденных, зафиксированное вступившим в законную силу приговором суда, часто изменяется, порой существенно. В 2002 г. российскими судьями рассмотрены почти 160 тыс. представлений об условно-досрочном освобождении от наказания, свыше 20 тыс. представлений об отмене условного осуждения, 15,2 тыс. представлений о досрочном освобождении от условного осуждения, 10,2 тыс. представлений о замене исправительных работ лишением свободы.

Всего в прошедшем году судьями разрешены свыше 230 тыс. представлений и ходатайств по вопросам исполнения приговоров (не считая вопросов о применении акта об амнистии), из которых 92,5% удовлетворены, около 5 тыс. представлений и ходатайств судьями рассмотрены в отношении осужденных несовершеннолетних.

По данным Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в Пермской области судьями названного региона рассмотрены в 2002 г. 4604 представления об условно-досрочном освобождении от наказания (удовлетворены 4226 или 91,2%), 443 представления об отмене условного осуждения (удовлетворены 311 или 70,2%), 291 – о досрочном освобождении от условного осуждения (удовлетворены 283 или 99,6%), 327 – о замене исправительных работ лишением свободы (удовлетворены 256 или 78,3%). Всего за 2002 г. судьями Пермской области рассмотрены и разрешены около 6,5 тыс. представлений и ходатайств по вопросам исполнения приговоров. Для сравнения отметим, что за этот же период в судах Пермской области рассмотрены и разрешены по существу 24,6 тыс. уголовных дел.

Приведенные статистические данные указывают на важность судебной деятельности в стадии исполнения приговора, что предполагает детальную ее законодательную регламентацию, согласование соответствующих уголовно-процессуальных норм с нормативными предписаниями уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

## **ТЕОРИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ ЧАСТНЫХ ТЕОРИЙ И УЧЕНИЙ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, КРИМИНАЛИСТИКИ, ОРД**

Низамов В.Ю.

Байкальский государственный  
университет экономики и права

В науках уголовного процесса и криминалистике проблемы изучения понятия и системы следственных действий традиционно были и остаются дискуссионными. Рамки уголовного процесса определяют следственные действия, основания и порядок их производства, а также нормативно закрепляют в УПК РФ порядок и способы фиксации результатов следственных действий. Но тактика производства следственных действий, внутренняя их сторона лежит в спектре криминалистики, а точнее, в ее самостоятельном

разделе – криминалистической тактике. Некоторые авторы выделяют тактику производства следственных действий в особый раздел криминалистической тактики, а И.Ф.Герасимов небезосновательно определил ее как самостоятельное учение о следственных действиях.<sup>1</sup>

Накопленный следственной практикой эмпирический материал позволяет утверждать о наличии определенных объективных закономерностей в производстве следственных действий. Выявление, формулировка, анализ, прогнозирование этих закономерностей составляют предмет теории следственных действий. В рамках теории следственных действий изучаются следующие вопросы:

- понятие следственного действия и критерии отнесения процессуального действия следователя к следственному;
- виды и классификация следственных действий;
- система следственных действий;
- тактика выбора следственного действия;
- тактика производства отдельных следственных действий;
- эффективность следственных действий и др.

Представляет интерес вопрос о месте теории следственных действий в системе частных учений и теорий, служащих основой уголовного процесса, криминалистики, ОРД. В уголовном процессе выделяют самостоятельную область знаний, называемую теорией доказательств, и следственные действия, представляющие собой, в свою очередь, основные способы собирания и проверки доказательств. Например, С.А.Шейфер рассматривает теорию следственных действий в определенных аспектах как элемент теории доказательств.<sup>2</sup>

Разграничить теорию доказательств и теорию следственных действий позволяет то, что она включает в себя криминалистические знания, относящиеся к разделу тактики. Бесспорно, криминалистика, несмотря на ее научную обособленность, является прикладной наукой уголовного процесса, и криминалистические разработки не могут противоречить уголовно-процессуальным нормам. Но изучение частной криминалистической теории должно способствовать получению более глубокого и объективного знания именно тактического характера.

Актуальным представляется вопрос и о соотношении теории следственных действий с теорией оперативно-розыскной деятельности. На заре советской криминалистики доминирующей была точка зрения И.Н.Якимова, считавшего оперативно-розыскную деятельность частью криминалистики.<sup>3</sup> Сейчас ОРД – самостоятельная наука.



Составной частью конкретных криминалистических методик расследования преступлений являются круг первоначальных и последующих следственных действий и оперативно-розыскных мер, а также особенности тактики производства следственных действий. При этом тактика их производства предусматривает привлечение к участию в следственных действиях оперативных работников и определение их функций. Также сближению теории следственных действий во многом способствует сравнительно недавнее появление в уголовно-процессуальном законодательстве нового следственного действия – контроль и запись переговоров (ст.187 УПК РФ). Во многом данное следственное действие обнаруживает черты оперативно-розыскного мероприятия. Но глубокого взаимопроникновения теории оперативно-розыскной деятельности с теорией следственных действий все же не наблюдается, поскольку всегда есть четкая граница между следственной деятельностью и оперативно-розыскной.

А.Н.Васильев и Н.П.Яблоков указывают, что криминалистика помогает общей организации расследования, а также проведению следственных действий, участвуя своими методами «внутри» следственных действий в рамках процессуального их проведения, тогда как оперативно-розыскные действия производятся в особой форме взаимосвязи со следственными «вне» их процессуального порядка проведения.<sup>4</sup> В связи с этим будет правильным определить, что согласованная деятельность следователя и оперативных работников при производстве следственных действий является частью предметов самостоятельных наук криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности.

Представляет научное значение анализ понятия **общей** теории следственных действий. А.И.Баянов выделяет самостоятельную тактическую теорию следственных действий, являющуюся частью общей теории следственных действий.<sup>5</sup> Такая позиция приводит к усложнению предмета теории следственных действий, что, на наш взгляд, не совсем оправданно, так как понятие теории уже включает в себя различные концепции и определенную систему знаний, позволяющие четко определить единый предмет и методы исследования. Не совсем аргументированной выглядит позиция, указывающая, что теория следственных действий должна носить не только криминалистический характер. Безусловно, следует учитывать и уголовно-процессуальную сторону, поскольку следственное действие не сводится к совокупности тактических и технико-криминалистических операциональных действий, но также яв-

ляется практическим актом применения уголовно-процессуального закона следователем.

С позиций системного подхода Г.С.Казинян, А.Б.Соловьев развивают теорию эффективности следственных действий, выделяя ее как часть теории эффективности предварительного следствия, разработанную А.И.Михайловым.<sup>6</sup> Авторы теории эффективности следственных действий справедливо акцентируют внимание на результатах следственных действий, и данная теория, безусловно, имеет важное научное значение, хотя и несколько односторонне подходит к проблемам следственной деятельности вообще. С другой стороны, теория следственных действий также занимается изучением проблем, связанных с эффективностью следственных действий. Таким образом, теория следственных действий шире, чем теория эффективности следственных действий и, на наш взгляд, более логично, если исследование вопросов, связанных с системой следственных действий, будет проводиться в рамках отстаиваемой нами теории.

---

<sup>1</sup> Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. – Свердловск, 1975. – С.61.

<sup>2</sup> Шейфер С.А. Теория следственных действий как элемент теории доказательств // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий. – Ташкент, 1982. – С.12.

<sup>3</sup> Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. – М., 1929.

<sup>4</sup> Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984. – С.50.

<sup>5</sup> Баянов А.И. Информационное моделирование в тактике следственных действий: Автореф. дисс. ...канд.юрид.наук. – М., 1978. – С.2.

<sup>6</sup> Казинян Г.С., Соловьев А.Б. Проблемы эффективности следственных действий. – Ереван, 1987. – С.35-36.

**Секция**  
**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**  
**БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**  
**СООБЩЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЯ**  
**О ПРАВЕ ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ НА ПОЛУЧЕНИЕ**  
**ИНФОРМАЦИИ ОБ УСЛУГАХ СВЯЗИ**

Чечетин А.Е., к.ю.н., профессор,  
заслуженный юрист РФ  
Барнаульский юридический инсти-  
тут МВД России

Современная преступность активно использует в противоправных целях современные средства связи, прежде всего сотовой, а поэтому органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, должны активно использовать информационные ресурсы операторов связи. Сегодня телефонные компании имеют уникальные возможности контроля за своими абонентами посредством внедрения так называемых биллинговых систем – специальных автоматизированных программных комплексов обслуживания пользователей услугами сотовой связи. Биллинг позволяет не только идентифицировать абонента, но и владеть информацией о его контактах с другими пользователями связи, местонахождении, передвижениях, платежах и некоторых других действиях, имеющих важное значение в раскрытии преступлений и розыске преступников. Однако доступ к информации биллинговых систем для сотрудников оперативных аппаратов существенно ограничен, как ограничен и доступ к сведениям о пользовании услугами обычной телефонной связи.

Чаще всего оперативные подразделения испытывают потребность в получении сведений о так называемой детализации телефонных переговоров, включающих данные о телефонных контактах конкретного абонента с иными абонентами телефонных сетей. По сложившейся в последние годы практике операторы связи предоставляют запрашиваемую информацию только при наличии судебного решения. Данная проблема поднималась Н.С.Железняком на прошлогодней международной конференции в Сибирском юридическом институте<sup>1</sup>, однако целесообразно вернуться к ней вновь, поскольку принятый 7 июля 2003 г. новый Федеральный закон «О связи» №126-ФЗ существенно изменил правовое регулирование данного вопроса.

В ст.32 прежнего Федерального закона «О связи» 1995 г. действительно содержалось предписание, требующее получения судебного решения не только на прослушивание телефонных переговоров, но и на «получение сведений о них». Данное предписание было воспроизведено в п.8 Правил оказания услуг телефонной связи, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. №1235, а также в приказе Мин-связи РФ от 25 июля 2000 г. №130. Таким образом, у операторов связи имелись определенные правовые основания для отказа в предоставлении сведений о детализации телефонных переговоров.

Однако следует отметить, что ст.32 закона «О связи» 1995 г. исходила из необоснованно расширительного толкования нормы, содержащейся в ч.2 ст.23 Конституции РФ. Если в Конституции РФ провозглашено право граждан на тайну «телефонных переговоров», то прежний закон «О связи» распространял это право и на сведения о таких переговорах, что представляется нам не вполне правомерным.

Эта ошибка законодателя была исправлена в новой редакции Федерального закона «О связи», вступившего в действие с 1 января 2004 г. В этом законе, на наш взгляд, достаточно четко проведено разграничение между правом граждан на тайну телефонных переговоров и правом оперативных аппаратов на получение информации о пользователях услугами связи.

Статья 63 нового закона в отличие от статьи 32 прежнего иначе определила виды ограничения права на тайну связи, требующие судебного решения, исключив из них сведения о пользователях связи и оказанных им услугах. В то же время в ч.1 ст.64 нового закона «О связи» закреплена **обязанность** операторов связи **«предоставлять** уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, **информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи** (выделено нами – А.Ч.), а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами». При этом обязанность предоставления информации не связывается с наличием судебного решения, которое требуется лишь в тех случаях, когда возникает необходимость ознакомления с содержанием телефонных переговоров и иных сообщений.

Рассматривая вопрос о праве оперативных аппаратов на получение информации об услугах связи, необходимо четко определить, в рамках какого оперативно-розыскного мероприятия данное право реализуется. Следует отметить, что детализация телефонных переговоров отграничивается от их прослушивания в Настав-

лении о порядке организационного обеспечения оперативно-технических мероприятий, утвержденном приказом МВД России от 10 апреля 2003 г. В этом ведомственном нормативном акте совершенно правильно отмечено, что ограничение права граждан на тайну телефонных переговоров **включает в себя только их прослушивание и запись**. Отсюда следует вывод, что получение технических сведений о соединениях абонента с другими пользователями телефонных сетей не входит в понятие прослушивания телефонных переговоров, а относится к другому оперативно-розыскному мероприятию. Таким образом, если ознакомление с содержанием передаваемых по каналам электрической и почтовой связи сообщений происходит в рамках таких оперативно-розыскных мероприятий, как контроль почтовых отправлений, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи, то получение информации о пользователях связи и оказанных им услугах входит в содержание другого ОРМ – наведение справок.

Именно такое толкование предлагалось в разъяснении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации М.Б.Катышева от 19.03.1999 г. №36-609/166-99, направленном первому заместителю министра внутренних дел В.И.Колесникову. Однако в более позднем разъяснении от 19.12.2001 г. №16/3-р-01, подписанном начальником управления по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью в органах внутренних дел Генеральной прокуратуры России, давалась совершенно противоположная трактовка, согласно которой истребование сведений о входящих и исходящих звонках относилось к прослушиванию телефонных переговоров и без решения суда признавалось неправомерным. Сопоставление этих двух документов вызывает удивление тем, что вопреки всякой субординации начальник управления Генеральной прокуратуры подписал документ, по существу, аннулирующий положения предыдущего официального документа, утвержденного вышестоящим должностным лицом – заместителем Генерального прокурора. Нам представляется, что отменить первоначальное разъяснение мог либо сам их автор, либо Генеральный прокурор Российской Федерации. Именно на этот нелегитимный, на наш взгляд, документ как на истину в последней инстанции ссылаются операторы связи, отказывая оперативным аппаратам в предоставлении информации об услугах и абонентах связи без соответствующего судебного решения.

По всем правовым канонам вступление в силу нового закона «О связи» автоматически лишает юридической силы последний из указанных документов Генеральной прокуратуры, ограничиваю-

щий доступ оперативных аппаратов к информации об услугах связи, поскольку он основывался на ст. 32 прежнего закона. Кроме того, новый закон аннулирует и прежние положения подзаконных нормативных актов, упомянутых нами выше.

Однако приведенные рассуждения вряд ли убедят операторов связи в необходимости отказа от сложившейся практики предоставления сведений о телефонных переговорах и данный вопрос вряд ли разрешится сам собой. Учитывая российский менталитет, для операторов связи, на наш взгляд, потребуется новое разъяснение Генеральной прокуратуры со ссылками на вновь принятый закон «О связи», в котором надо будет четко указать на право органов, осуществляющих ОРД, получения без судебного решения информации о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи. Думается, что МВД России как ведомство, более других заинтересованное в разрешении затронутой проблемы, должно инициировать обращение в Генеральную прокуратуру с соответствующим запросом.

Вполне естественно, что информация о пользователях услугами связи должна включать в себя любые сведения об абонентах, предусмотренные ст.53 закона «О связи», включая фамилию, имя, отчество, адрес, абонентские номера, данные о соединениях, трафике и платежах. Отнесение этих сведений к конфиденциальной информации не является препятствием их передачи в распоряжение оперативных служб при наличии официальных запросов с указанием оснований для наведения справок.

Право оперативных аппаратов на получение конфиденциальной информации об услугах связи, на наш взгляд, напрямую вытекает из положений ч.3 ст.55 Конституции РФ, допускающей возможность ограничения прав и свобод граждан в целях защиты общественных отношений от преступных посягательств. В комментариях к Конституции РФ неоднократно отмечалось, что в целях пресечения преступлений допускается сбор персональных данных без согласия лица и соответствующая информация о частной жизни лица может собираться в процессе оперативно-розыскной деятельности.<sup>2</sup> Это полностью соответствует и международным нормам в области прав человека, которые признают допустимость вынужденного вмешательства в неприкосновенность частной жизни в сфере борьбы с преступностью и рассматривают такие ограничительные меры необходимыми в демократическом обществе.

Наличие у правоохранительных органов права на сбор конфиденциальной информации о частной жизни граждан, видимо, предполагалось авторами Федерального закона от 12 августа 1995г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее

– Закон об ОРД) само собой разумеющимся, поскольку в ч.8 ст.5 установлен запрет на разглашение сведений, затрагивающих неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, которые стали известны в процессе проведения ОРМ. Однако такие предположения в законодательной технике вряд ли заменят собой правовые нормы. Поэтому для более четкого юридического закрепления рассматриваемого права представляется необходимым дополнить ст.15 Закона об ОРД специальной нормой, разрешающей оперативным аппаратам собирать конфиденциальную информацию.

---

<sup>1</sup> Железняк Н.С. К проблеме детализации телефонных переговоров // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сборник материалов международной научно-практической конференции (7-8 февраля 2003 г.). – Красноярск, 2003. – Ч.2. – С.219-223.

<sup>2</sup> Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под ред. Б.Н.Топорнина, Ю.М.Батурина, Р.Г.Орехова. – М., 1994. – С.156; Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.А.Окунькова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 1996. – С.91.

## **О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

Ермолаев И.Е.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Со времени принятия и вступления в действие первого открытого нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере оперативно-розыскной деятельности, прошло более одиннадцати лет.<sup>1</sup> Его значение для решения задач построения правового государства трудно переоценить.

Впервые в истории современной России в нормативном правовом акте высшей юридической силы были закреплены правовой статус оперативно-розыскной деятельности, сформулированы основные положения, устанавливающие правомерность, условия и пределы проведения оперативно-розыскных мероприятий, возможность использования их результатов в решении задач по борьбе с преступностью.

Отдавая должное названному закону, вместе с тем нельзя не сказать и о том, что он не был лишен существенных недостатков. Научный анализ данного закона и оперативно-розыскная практика предопределяли необходимость внесения в него определенных изменений. Эта задача была решена в 1995 г., когда был принят и вступил в действие Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), который расширил перечень оперативно-розыскных мероприятий, уточнил основания и условия их проведения, предусмотрел возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и осуществления не только следственных, но и судебных действий.

Вместе с тем следует отметить, что современное правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности не отвечает потребностям сегодняшнего дня и нуждается в совершенствовании. В частности, это касается вопросов регламентации оперативно-технических мероприятий, связанных с негласной видео- и аудиозаписью.

Статья 1 Закона об ОРД определяет, что оперативно-розыскная деятельность (ОРД) осуществляется посредством проведения *оперативно-розыскных мероприятий* (ОРМ), предусматривающих (согласно ч.3 ст.6 Закона об ОРД) использование в ходе их проведения информационных систем, видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также других технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде. Закон, не ограничивая перечня ОРМ, в ходе которых возможно использование технических средств, позволяет сделать вывод, что они могут использоваться при проведении *любого* ОРМ, предусмотренного ст.6 Закона об ОРД.

Из ряда существующих в теории ОРД классификаций ОРМ по видам санкционирования наиболее распространенной является следующая:

- ОРМ, не требующие санкционирования;
- ОРМ, требующие ведомственного санкционирования (проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД);
- ОРМ, требующие судебного санкционирования (проведение допускается на основании судебного решения).

Оперативно-розыскные мероприятия, связанные с видео- и аудиозаписью, как правило, проводятся при осуществлении наблюдения. Данное ОРМ относится к мероприятиям, не требующим санкционирования, но являющимся в ряде случаев мероприятием ограниченного использования (когда задействуются силы и сред-



ства оперативно-технических подразделений правоохранительных органов для слежения за действиями подозреваемого лица в помещениях).<sup>2</sup> Но в тех случаях, когда речь идет о необходимости осуществления наблюдения в жилых помещениях, неизбежно возникает вопрос о получении судебного решения и данное ОРМ переходит в другую категорию.

Определение организационно-тактических форм проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с использованием технических средств, является прерогативой государственных органов, уполномоченных на осуществление ОРД, что отвечает реалиям сегодняшнего дня, но необходимость их обозначения в Законе об ОРД явно назрела. По нашему мнению, заслуживает внимания точка зрения, изложенная С.Б.Салаховым, который предлагает в целях устранения различного рода проблем и противоречий при решении вопроса о наличии правовых оснований проведения оперативно-технических мероприятий, в том числе связанных с ограничением конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища, раскрыть понятие такого оперативно-розыскного мероприятия, как «наблюдение», не только на ведомственном, но и на законодательном уровне. И исходя из этого, вместо наблюдения в состав оперативно-розыскных мероприятий (ст.6 Закона об ОРД) включить визуальный, слуховой, электронный и иные виды контроля.<sup>3</sup>

Для наглядности приведем типичную ситуацию из деятельности оперативных подразделений государственных органов, уполномоченных на осуществление ОРД. При возникновении необходимости осуществление видео- и аудиозаписи действий и переговоров лица, в частности, являющегося адвокатом (в том числе в жилом и служебном помещении, используемом им для осуществления адвокатской деятельности), допускается только на основании судебного решения.<sup>4</sup> Сотрудник оперативного подразделения, приняв решение о проведении наблюдения либо лично, либо с использованием сил и средств специализированного подразделения, обязан получить разрешение судьи. Но судья отказывает, исходя из того, что в Законе об ОРД не предусмотрена необходимость судебного санкционирования этого оперативно-розыскного мероприятия.

Из изложенного можно сделать следующие выводы:

– оперативно-розыскные мероприятия, связанные с использованием технических средств, являются по своей сути организационно-тактической формой ОРМ, предусмотренных Законом об ОРД;

– оперативно-розыскное мероприятие – наблюдение, связанное с использованием средств видео- и аудиозаписи, нуждается в своем законодательном определении.

---

<sup>1</sup> Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 13.03.1992 №2506-1 «».

<sup>2</sup> Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. А.Е. Чечетина. – С.68.

<sup>3</sup> Салахов С.Б. Правовая, организационная и тактическая основы проведения оперативно-технических мероприятий: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – М., 1998. – С.14.

<sup>4</sup> Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ, ч.3 ст.8.

## **ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ**

Трифонова Н.А.

Байкальский государственный  
университет экономики и права

По нашему мнению, назрела насущная необходимость разработки Государственной доктрины борьбы с организованной преступностью в сфере экономики, предусматривающей официальную систему взглядов на состояние и тенденции развития организованной преступности, систему борьбы с нею, формы, методы, средства этой борьбы и устанавливающей конкретные временные рамки достижения окончательной и промежуточных целей, а также переосмысления роли правоохранительных органов в обществе, принципов их взаимоотношений с личностью, выработки качественно новой концепции функционирования этой государственной структуры, что, в свою очередь, требует радикального пересмотра существующей основы организации ее деятельности. Действующая организационно-правовая база правоохранительных органов не отвечает современным требованиям и не гарантирует защиту фундаментальных ценностей и обеспечение экономической безопасности государства.

Для того чтобы правильно оценить содержание организационно-правовых мероприятий, необходимо, по нашему мнению, разработать целостную концепцию борьбы с организованной пре-

ступностью в сфере экономики, на основе которой подготовить комплексную государственную программу.

В концепции должны быть представлены конструктивные меры по значительному улучшению борьбы с организованной преступностью в сфере экономики, а также материально-технического обеспечения, особенно его информационно-технического аспекта. При разработке концепции борьбы с организованной преступностью в сфере экономики необходимо, по нашему мнению, решение следующих основных задач:

- проведение разведывательно-поисковых мероприятий, направленных на добывание, сбор и анализ сведений об организованных преступных группах и сообществах в сфере экономики, оперативно-розыскное проникновение в их структуры, выработка мер противодействия;
- борьба с устойчивыми преступными сообществами и их коррумпированными связями;
- направление соответствующей информации в подразделения уголовного розыска, БЭП, совместное проведение крупномасштабных операций по разоблачению организованных групп и сообществ, совершивших преступления в сфере экономики;
- информирование органов власти и управления о состоянии и тенденциях развития организованной преступности в сфере экономики.

Концепция должна четко определить и главные направления работы, к числу которых следует отнести:

- выявление и разоблачение преступных структур, возникших в результате «сращивания» общеуголовной и экономической преступности; недопущение возможности отмывания денег, добытых преступным путем; документирование преступной деятельности членов организаций, предприятий, созданных на незаконно нажитые средства;
- изобличение коррумпированных лиц в органах власти и управления, способствующих совершению преступлений в сфере экономики;
- сбор информации об авторитетах теневой экономики, способных организовывать и финансировать преступные сообщества, документирование их противоправной деятельности в сфере экономики и противодействие вырабатываемой ими преступной стратегии.

Необходимо принятие мер по совершенствованию форм специализации следственной и оперативной работы, направленной на борьбу с экономическими преступлениями, в том числе носящих организованный характер.

Немаловажным является реформирование правоохранительной системы в целях обеспечения системного подхода к организации деятельности правоохранительных органов с учетом рациональных расходов на их содержание, исключения дублирования в работе.

Главная цель этих преобразований – совершенствование системы борьбы с организованной преступностью в сфере экономики, приведение ее в состояние, позволяющее своевременно, адекватно и целенаправленно реагировать на изменение характера преступности, появление новых видов экономических преступлений, на действия лидеров и авторитетов преступной среды; использование всего потенциала системы для ее нейтрализации и эффективной борьбы с организованной преступностью в сфере экономики, ее «вытеснения» в традиционно криминальные сферы деятельности, для обеспечения реальной защищенности личности, общества и государства от любых преступных проявлений в сфере экономической безопасности.

Важную роль в предупреждении организованной преступности в сфере экономики должно играть информационно-аналитическое обеспечение, создание банков данных, включающих сведения о преступных структурах, направлениях их деятельности, лидерах и уголовных авторитетах, складывающихся между ними отношениях и т.п. При этом следует учитывать, что основные устремления организованных преступных формирований направлены в настоящее время на захват ключевых позиций в наиболее доходных сферах экономики, на проникновение во властные структуры, прежде всего на региональном уровне.

Информационно-аналитическая работа подразделений по борьбе с организованной преступностью в сфере предупреждения ее проявлений должна, по нашему мнению, преследовать следующие цели:

- выявление причин и условий, способствующих проявлениям организованной преступности в сфере экономики, и лиц – потенциальных участников преступных формирований;

- сбор, получение и анализ сведений о процессах и тенденциях, происходящих в преступной среде; намерениях, материальных и иных возможностях, связях, а также доказательствах противоправных деяний в сфере экономической деятельности, концентрация их в массивах автоматизированных банков данных (АБД) и использование для проведения оперативно-розыскных и профилактических мероприятий в отношении лидеров и участников организованных преступных формирований в сфере экономической деятельности;

– организация информационного обмена с другими правоохранительными органами, контролирующими и иными ведомствами и осуществление совместных мероприятий по предупреждению проникновения организованных преступных формирований в сферу экономики.

Для правильной ориентации правоохранительных органов, поставленных перед проблемой раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, с помощью средств компьютерной технологии необходимо создать конкретные методики расследования, которые в своей совокупности частично восполнят проблемы организации расследования преступлений в банковской сфере, а именно: данные об особенностях производства следственных действий при выявлении подобного рода преступлений, техника и технологии совершения конкретных преступлений в сфере экономики, приемы и методы по их выявлению, раскрытию и доказыванию.

Перечисленные и другие проблемы, как нам думается, настолько сильно взаимосвязаны и взаимозависимы, что решать их должны совместно специалисты разных научных отраслей и направлений: правоведы – теоретики, криминологи, социологи, криминалисты и специалисты в области информационных технологий.

## **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ВНЕДРЕНИЯ КАК ОДНОГО ИЗ УСЛОВИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Макаров Д.А.  
Восточно-Сибирский институт  
МВД России

Важным элементом правовой основы оперативного внедрения являются ведомственные нормативные акты. Их анализ позволяет констатировать неточность формулировки определения оперативного внедрения и явную недостаточность закрепления его организационно-тактических основ. Данное обстоятельство существенно затрудняет практику использования рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия оперативными подразделениями. Поэтому, определяя направления совершенствования правовой основы оперативного внедрения, автор разделяет позицию ученых (например, В.А.Лукашова), связывающих совершенствование правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в первую очередь с повышением качества ведомственных

нормативных актов, их эффективности и научной обоснованности, приближением к потребностям практики.

Слабая нормативная регламентация оперативного внедрения на ведомственном уровне приводит к выводу о необходимости разработки и принятия отдельной Инструкции (так как имеющиеся ведомственные нормативные акты объективно не могут включать в себя все вопросы, касающиеся рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия, поскольку регламентируют лишь основы организации и тактики ОРД соответствующих органов, наделенных правом осуществления ОРД), в которой следует закрепить понятие и виды данного оперативно-розыскного мероприятия, определить субъектов, регламентировать особенности организации и тактики его проведения и использования результатов.

Такой же точки зрения придерживаются В.М.Атмажитов и В.Г.Бобров, которые предлагают разработать подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие наиболее сложные оперативно-розыскные мероприятия (*оперативное внедрение* (выделено нами – Д.М.), контролируемая поставка и т.д.).<sup>1</sup>

В числе аргументов в пользу создания такого нормативного акта расплывчатость и недостаточная четкость определения сущности оперативного внедрения, организации и тактики его проведения, а также порядка оформления результатов и необходимость объединения этих положений в одном нормативном акте.

Важно в подобного рода нормативном акте поставить акцент на том, что оперативное внедрение – один из наиболее продуктивных способов решения задач ОРД. В предлагаемом документе необходимо также указать, что для успешного его проведения подлежат соблюдению следующие условия:

- согласие внедряемого; наличие имеющегося в производстве дела оперативного учета; разрешение компетентного руководителя органа, наделенного правом осуществлять ОРД;
- невозможность достижения указанных целей иными оперативно-розыскными мероприятиями;
- наличие гарантий того, что оперативное внедрение не сопряжено с угрозой расшифровки внедряемого оперативного работника или конфиденента.

Оперативно-розыскная практика свидетельствует также и о том, что подлежит регламентации процедура подготовки данного оперативно-розыскного мероприятия.

Она может быть следующей: при возникновении необходимости оперативного внедрения оперативного работника в преступную группу инициатор должен доложить об этом одному из руководителей, компетентных санкционировать данное мероприя-

тие, и, получив предварительное разрешение на его проведение, создать из числа наиболее опытных оперативных работников и лично возглавить специальную оперативную группу.

Далее необходимо перечислить обязанности членов специальной оперативной группы, готовящей оперативное внедрение.

Необходимым аспектом ведомственной регламентации оперативного внедрения является определение порядка и содержание инструктажа лиц, участвующих в проведении данного оперативно-розыскного мероприятия.

Помимо вышеуказанных положений ведомственная регламентация оперативного внедрения должна предусматривать и меры, обеспечивающие контроль за обстановкой, в которой находится внедренный в преступную группу, на объект, в криминогенную среду.

Ведомственная регламентация оперативного внедрения должна предусматривать и вариант реализации сведений, полученных в ходе его осуществления.

Одновременно должен быть установлен запрет на проведение в отношении объектов оперативного внедрения гласных мероприятий, если они могут привести к расшифровке внедренного работника, разглашению применяющихся методов и тактических приемов ОРД.

Предлагаемая инструкция, на наш взгляд, должна регулировать основные вопросы использования штатных негласных сотрудников всеми оперативными службами криминальной милиции (не ограничиваясь только подразделениями по борьбе с организованной преступностью).

Важной проблемой является упорядочение ведомственной системы нормативного регулирования вопросов и тактики ОРД в целом и оперативного внедрения в частности.

Структурная неупорядоченность ведомственного нормативного регулирования вопросов ОРД, естественно, затрудняет обозрение и познание исходных положений, нормативных требований, организационных, оперативно-тактических рекомендаций, вызывает трудности в их применении и реализации, порождает в ряде случаев ошибочные действия оперативных работников, влекущие нарушение законности.

Применительно к оперативному внедрению возникают проблемы, связанные с негласностью этого оперативно-розыскного мероприятия, необходимостью обеспечения должного режима секретности и конспирации как при изложении нормативного материала, так и при пользовании им.

Именно поэтому упорядочение и совершенствование системы ведомственного нормативного регулирования ОРД в целом и оперативного внедрения в частности, приведение нормативно-правовых актов в стройную, внутренне согласованную, легко обозримую и строго адресную систему являются объективной практической необходимостью.

---

<sup>1</sup> Атмажитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. – М., 2003. – С.23.

## **АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГАРАНТИЙ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ НА КОНТРАКТНОЙ ОСНОВЕ ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Беер В.Н.

Сибирское УВД на транспорте

В настоящее время нельзя сказать, что действующие оперативно-розыскные законы, касающиеся как различных видов сыскной деятельности, так и ее основных категорий и институтов, гармоничны и совершенны, что они полностью отвечают актуальным потребностям оперативно-розыскной практики, а их реализация неизбежно обеспечит социальную и правовую защиту лицам, сотрудничающим по контракту с оперативными подразделениями органов внутренних дел.

Вместе с тем ключевую роль в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, борьбе с терроризмом, незаконным оборотом оружия и наркотиков, с организованной преступностью, в раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, безусловно, играет негласный аппарат, которому в настоящее время с учетом социальных и экономических процессов, произошедших в последние десятилетия в России, должно быть придано новое содержание.

С учетом этого одной из актуальных проблем, в настоящее время стоящих перед оперативными подразделениями органов внутренних дел, является значительное повышение уровня оперативно-розыскной деятельности, в частности организации работы по привлечению и использованию квалифицированного негласно-



го аппарата. Общеизвестно, что использование квалифицированных негласных сотрудников позволяет органам внутренних дел успешно решать сложные задачи борьбы с преступностью, в том числе и с латентной.

Использование негласного аппарата в настоящее время необходимо не только для раскрытия преступлений общеуголовной направленности в мирное время, но и во время проведения контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона.

Практика показывает, что важнейшими рычагами повышения результативности работы негласного аппарата являются материальное и моральное стимулирование, гарантии социального и правового обеспечения.

С учетом сложившегося на протяжении десятилетий опыта работы с негласным аппаратом вышеуказанные методы стимулирования в настоящее время имеют под собой правовую основу.

Правовой основой финансового обеспечения негласного аппарата необходимо считать, прежде всего, ст.19 Федерального закона от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), раздел 13 Наставления тактики оперативно-розыскной деятельности в ОВД, объявленного приказом МВД РФ от 22 мая 1996 г. №004, в котором конкретизируются и развиваются законодательные положения, а также приказ МВД РФ от 30 июня 1994 г. №026 «О расходовании средств по ст.9 сметы ОВД».

Вопросы морального стимулирования, гарантий социального обеспечения негласного аппарата предусмотрены ч.ч.6, 8, 9 ст.18 Закона об ОРД в части наличия прав на получение пенсий по старости и выплату единовременного пособия в случае получения инвалидности, а также потери кормильца.

Однако вопросы гарантий социального обеспечения лиц, оказывающих содействие на контрактной основе оперативным подразделениям органов внутренних дел, пока еще не нашли достаточного освещения в научной и учебно-методической литературе по оперативно-розыскной деятельности, а только обозначены штрихами в ряде законов и ведомственных приказов как права, не имеющие в настоящее время единого организационного механизма их реализации. Подтверждением этому служит ряд правовых и законодательных пробелов. Так, инициатива и оформление указанных выплат и пенсий конкретному отвечающему за это субъекту ОВД не делегированы, оформление осуществляется на личное усмотрение сотрудника оперативного подразделения. Наряду с этим ч.6 ст.18 Закона об ОРД имеет изначально отсылочно-бланкетный

характер: сотрудничество конфидентов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в качестве основного рода занятий включается в трудовой стаж этих граждан и указанные лица имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации.

Таким образом, Закон об ОРД, нормативно-правовые акты МВД России регламентируют лишь общие вопросы пенсионного обеспечения лиц, оказывающих содействие на контрактной основе оперативным подразделениям органов внутренних дел. Решение же частных вопросов у сотрудников оперативных подразделений на практике вызывает массу проблем, связанных с определением оснований возникновения права на пенсию, ее качественного расчета, условий и порядка организации по единообразной подготовке, изготовлению, предоставлению необходимых документов в местные территориальные органы пенсионного обеспечения РФ, налоговой инспекции РФ, медицинские и социальные учреждения РФ, которые бы не противоречили трудовому, налоговому и пенсионному законодательству, а также приказам и постановлениям вышеуказанных инстанций.

## **НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Волынкин Е.Н., к.ю.н.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Одним из направлений профилактической деятельности органов внутренних дел является предотвращение правонарушений со стороны несовершеннолетних. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что противоправные деяния несовершеннолетних – это постоянный резерв пополнения преступности в целом. Сокращение правонарушений и преступлений среди подростков является важным условием в борьбе с антиобщественными проявлениями в нашей стране.

В настоящее время важным аспектом этой работы становится возрождение и развитие социальной профилактики преступности несовершеннолетних, для чего используются скоординированные возможности воздействия правоохранительных органов на правотворческую деятельность управомоченных субъектов, возрождение общественных институтов, участвующих в социальной профилактике.

Необходимо заметить, что в нашем регионе в последние годы разработаны интересные направления и формы использования общественности в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Уже в 2000 г. в Красноярском крае функционировали 148 общественных формирований, подобраны и оформлены 269 внештатных сотрудников милиции (к сожалению, в основном сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних).

Почти во всех городах и районах нашего края достаточно хорошо развита инфраструктура предупреждения преступлений среди несовершеннолетних. Работают центры помощи семье и детям, на базе которых созданы службы социальной реабилитации и профилактической работы с семьями групп «риска», медико-психолого-педагогических и юридических услуг; функционируют социальные приюты, транзитные отделения реабилитационного центра. Создана система непрерывного оперативного обмена информацией между учреждениями здравоохранения, образования, социальной защиты населения о следующих категориях граждан: лицах, злоупотребляющих алкоголем, наркотиками, лицах, склонных к правонарушениям, безнадзорных подростках, семьях социального риска.

Вместе с тем исследованиями последних лет установлено, что принимаемые подразделениями по делам несовершеннолетних (ОДН) и уголовным розыском (ОУР) решения по улучшению качества работы в данном направлении носят формальный характер. Причем надо заметить, что в ряде горрайорганов внутренних дел предложения по внедрению и использованию новых форм и методов работы, передового опыта в борьбе с преступностью несовершеннолетних в органы исполнительной власти и местного самоуправления в течение 2000-2003 гг. не вносились. Подобное происходит из-за того, что вопросам эффективности профилактической деятельности органов внутренних дел не придается особого значения. Такая ситуация не единична, те же просчеты наблюдаются и в других регионах.<sup>1</sup> Приведенные данные свидетельствуют, что в работе ряда органов внутренних дел по расширению и укреплению взаимодействия с общественными формированиями имеет место недооценка роли и возможностей участия общественности в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Необходимым условием повышения эффективности указанной деятельности, на наш взгляд, является перевод всей работы на качественно новый уровень, придание ей характера системности и комплексности. Вместе с тем с учетом реалий сегодняшней жизни многие ученые совершенно справедливо ставят вопрос о материальном стимулировании этой деятельности. Их поддерживают и

правоохранительные органы отдельных регионов нашей страны. Так, к примеру, в региональной программе противодействия и предупреждения преступности Магаданской области нашли отражения предложения правоохранительных органов о повсеместном создании внебюджетных фондов содействия по борьбе с преступностью, изучению положительного опыта предприятий, организаций, общественных формирований и граждан, участвующих в деятельности по предупреждению преступлений. Комплексная программа борьбы с преступностью Тульской области содержит раздел «Развитие негосударственной системы борьбы с преступностью и правового информирования населения», в котором предполагается поощрять граждан, участвующих в охране правопорядка, и т.д.<sup>2</sup>

Мы полагаем, что при проведении мер предупреждения преступлений несовершеннолетних наиболее продуктивна деятельность муниципальных образований. Именно здесь органы местного самоуправления в состоянии адекватно определить приоритетные направления предупредительной работы в указанной сфере, организовать население, использовать материальные ресурсы.<sup>3</sup>

На наш взгляд, именно взаимодействие объединяет усилия органов внутренних дел и вышеуказанных субъектов, способно обеспечить комплексное выполнение задач в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Предупреждение противоправной деятельности несовершеннолетних будет эффективным при условии сочетания административных, общественных норм воздействия на сознание и поведение подростков. Значительное место должно уделяться координации деятельности правоохранительных органов, государственных органов и общественных организаций по предупреждению преступлений несовершеннолетних, изучению причин и условий, способствующих совершению правонарушений подростками, и их устранению. Эти задачи состоят в том, чтобы повысить коэффициент полезного действия профилактической деятельности субъектов, участвующих либо содействующих в борьбе с преступностью несовершеннолетних, добиться такого положения, при котором в центре внимания оказалось бы не раскрытие уже совершенных преступлений, а перевоспитание подростков, вывод из-под отрицательного влияния взрослых правонарушителей.

Важной нормативно-правовой формой является разработка и принятие совместных решений правоохранительных органов и различных государственных органов и общественных организаций, направленных на усиление воспитательно-профилактической работы, совершенствование методов предупреждения отклонений

от норм поведения со стороны подростков, улучшение воспитания подрастающего поколения, организацию работы с несовершеннолетними в свободное время и по месту жительства.

Опыт борьбы с безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних в рассмотренных нами регионах убедительно свидетельствует, что достижение положительных результатов в этой работе возможно лишь при четком взаимодействии всех субъектов, участвующих в профилактике преступности несовершеннолетних, и только при поддержке и активном участии общественности.

Таким образом, можно заключить, что в современных условиях результативная деятельность по предупреждению преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних возможна лишь на государственной основе с разумным привлечением населения, использованием материального стимулирования. Центр тяжести этой деятельности должен приходиться на органы местного самоуправления и органы территориального общественного самоуправления муниципальных образований.

---

<sup>1</sup> Забрянский Г.И. Статистика преступности несовершеннолетних в России: Аналит. обзор. – М., 2000. – С.10-14; Преступность и правонарушения: Статистический сборник. – М., 2001. – С.49-55; Хоботов А. Предупреждению преступности несовершеннолетних особое внимание // Профессионал. – 2003. – №5. – С.32-34.

<sup>2</sup> Косоплечев Н., Измайлова Ф. Воссоздать систему предупреждения преступлений // Законность. – 1999. – №3. – С.2-6.

<sup>3</sup> Там же. – С.4.

## **О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ БОРЬБЫ С КРАЖАМИ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА НА ОБЪЕКТАХ ОБСЛУЖИВАНИЯ СИБИРСКОГО УВДТ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Килин А.З.

Сибирское УВД на транспорте

Анализ результатов работы в сфере борьбы с кражами чужого имущества в 2003 г. на объектах обслуживания Сибирского УВДТ (как и прогнозировалось) свидетельствует об устойчивом сохранении тенденции к увеличению их количества и некотором снижении раскрываемости, что вызывает серьезную озабоченность, в первую очередь, со стороны тех служб и подразделений, на которые возлагается обязанность надлежащей организации работы по борьбе с ними.

По сравнению с прошлым годом количество краж в целом увеличилось с 273 до 453 (на 34%). От общего количества зарегистрированных краж 83 составляют преступления, по делам о которых следствие обязательно (компетенции КМ), и 370 преступлений, по делам о которых следствие необязательно (компетенции МОБ).

В структуре краж 33,3% непосредственно составляют хищения личного имущества граждан, в том числе в вокзалах, поездах (деньги, документы, ценные вещи), 44,8% – преступления связанные с хищением изделий, содержащих цветные и черные металлы, 21,9% связаны с хищением грузов с подвижных железнодорожных составов, воздушных судов.

При увеличении раскрываемости краж компетенции КМ с 73% до 96,4% раскрываемость краж компетенции МОБ снизилась с 56% до 52,8%.

Увеличение уровня нераскрытых краж чужого имущества компетенции МОБ, отсутствие в службах милиции общественной безопасности оперативных подразделений, которые могли бы осуществлять оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию преступлений, не относящихся к категории тяжких, особо тяжких, расследование уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч.ч.1 и 2 ст.158 УК РФ, органами дознания и передача их в случае неустановления лица по истечении установленных УПК РФ сроков по подследственности следственными подразделениями требуют сосредоточения усилий по комплексному использованию сил и средств в борьбе с ними на основе всестороннего анализа организации данной линии работы и выработки соответствующих мер.

Анализ причин и условий, способствующих росту краж чужого имущества на объектах обслуживания и снижению их раскрываемости по линии МОБ, показал, что частично негативные результаты борьбы с преступлениями данного вида свидетельствуют о недостаточном влиянии линейных отделов внутренних дел на оперативную обстановку, не всегда адекватном и своевременном реагировании на ее изменение с задействованием необходимых сил и средств криминальной милиции, милиции общественной безопасности; ненадлежащей организации общих профилактических мер по линии МОБ и индивидуально-профилактических мер по линии КМ; низком уровне работы по обнаружению и изъятию вещественных доказательств при осмотрах мест происшествия при проведении первоначальных следственных действий, что затрудняет дальнейшую работу по установлению в короткие сроки лица, совершившего преступление.

Детальное изучение безопасности пассажирских перевозок показало, что предотвращение и пресечение краж в пассажирских и пригородных поездах затрудняется рядом объективных и субъективных причин, к числу которых можно отнести и то, что графики сопровождения поездов разрабатываются без надлежащего учета в них криминогенной обстановки. При увеличении количества краж чужого имущества в поездах по отдельным направлениям маневр силами патрульно-постовой службы, задействованными в их сопровождении, производится не всегда вовремя. Слабо используются конфиденциальные источники с маршрутными возможностями с целью сбора оперативно-значимой информации в пассажирских поездах, во время их движения и стоянки на станциях, что не способствует пресечению данного вида преступлений по «горячим следам».

Наряду с этим анализ динамики роста краж на объектах обслуживания Сибирского УВДТ за последние 8 лет показал, что отдельные их виды носят сезонный характер. В частности, в период с марта по ноябрь имеет место рост краж, связанных с хищением цветного металла; с ноября по март увеличивается рост хищений личного имущества граждан в закрытых помещениях (вокзалах, поездах), что требует соответствующего маневра силами и средствами с учетом сезонности.

Вместе с тем, на наш взгляд, негативную роль в борьбе с кражами чужого имущества на объектах обслуживания сыграло применение некоторых норм нового УПК, а также перевод ч.1, 2 ст.158 УК РФ в разряд менее тяжких преступлений, неприменение судами такой меры наказания, как арест, из-за отсутствия на территории Красноярского края надлежащих помещений для отбывтия наказания, что не позволяет организовать надлежащим образом оперативно-розыскную работу с задержанными и арестованными, а также непринятие исчерпывающих мер со стороны подразделений МОБ по отысканию дополнительных резервов по полному выполнению ст.8 Закона «О милиции» в части, касающейся решения задач, связанных с предупреждением, выявлением, раскрытием преступлений, следствие по делам о которых необязательно, в связи с чем подразделения криминальной милиции вынуждены достаточно большие силы использовать для раскрытия преступлений не по приоритетным направлениям.

Несомненно, снизили наступательность в работе по изобличению подозреваемых в совершении краж чужого имущества требования ст.92 УПК РФ, согласно которой через 3 часа доставленный должен быть допрошен в качестве подозреваемого, а также ст.91 УПК РФ, разрешающей задержание на срок лишь на 48 ча-

сов, в результате чего резко снизились число задержанных, а также результативность проведения в отношении них оперативно-розыскных мероприятий.

Фактически не дают позитивной результативности требования ст.172, 108 УПК РФ, запрещающие заочное предъявление обвинения и избрания меры пресечения, в том числе в отношении лиц, обоснованно подозреваемых в совершении краж.

С введением в действие ст.146 УПК РФ крайне осложнилась процедура возбуждения уголовных дел по кражам, связанная с согласованием с надзирающими прокурорами, а соответственно, и своевременное проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В целях активизации работы по снижению уровня краж чужого имущества на объектах обслуживания Сибирского УВДТ, разграничения полномочий служб и подразделений в этом направлении борьбы с преступностью, на наш взгляд, необходимо:

- разработать и внедрить автоматизированную программу для проведения ежесуточного анализа оперативной обстановки, связанной с совершением преступлений имущественного характера;

- обеспечить проведение комплекса оперативно-профилактических мероприятий по предупреждению и пресечению преступлений имущественного, корыстно-насильственного характера в вокзалах, пассажирских и электропоездах, в других общественных местах, расположенных в зоне обслуживания;

- наладить постоянный обмен оперативно-розыскной информацией с территориальными ОВД и сопредельными ЛОВД, УВДТ в отношении лиц, подозреваемых в совершении краж, скупке и сбыте краденного на объектах транспорта;

- в соответствии с приказом МВД России №752 организовать постоянный контроль за постановкой в АБД ИЦ ГУВД Красноярского края «Номерные вещи» похищенных и утраченных документов, предметов, имеющих серии, номера;

- закрепить необходимое количество личного состава оперативных подразделений КМ и сотрудников МОБ непосредственно за организацией работы по раскрытию неочевидных преступлений имущественного характера по уголовным делам, следствие по которым необязательно;

- обеспечить обязательное участие начальников линейных пунктов милиции в раскрытии краж чужого имущества;

- создать постоянно действующие совместные оперативно-поисковые группы из числа сотрудников милиции общественной безопасности, криминальной милиции, иных подразделений линорганов для проведения обследования на обслуживаемых объек-



тах транспорта с целью выявления мест концентрации лиц без определенного места жительства (БОМЖ), несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений;

– организовать с учетом сезонности совершения краж проведение пеших эстафет силами подразделений МОБ на наиболее криминогенных участках в зоне обслуживания линорганов, обратив особое внимание на обработку участков, где регистрируются преступления имущественного характера, связанные с хищением цветных металлов, средств связи и сигнализации;

– принять исчерпывающие меры к сокращению числа неочевидных преступлений и уголовных дел, приостановленных в связи с розыском лиц, совершивших преступления, путем проведения целенаправленных оперативно-розыскных мероприятий по установлению их местонахождения и задержанию в короткие сроки;

– по каждому регистрируемому неочевидному преступлению компетенции МОБ, возбужденному по ч.ч.1, 2 ст.158 УК РФ, обеспечить создание следственно-оперативных групп, в состав которых включать сотрудников криминальной милиции, начальников ЛМП, определив руководителями групп дознавателей, в чьем производстве находится дело;

– на еженедельных оперативных совещаниях при руководителях служб КМ и МОБ линорганов заслушивать членов следственно-оперативных групп о результатах расследования и раскрытия преступлений, следствие по которым необязательно, давая принципиальную оценку качеству расследования и конечным результатам работы по их раскрытию;

– обеспечить применение судами такой меры наказания за совершение преступлений, предусмотренной ч.1 и ч.2 ст.158 УК РФ, как арест сроком на 6 месяцев, в том числе при совершении преступлений при отягчающих обстоятельствах, что в конечном итоге позволит оперативным работникам в более благоприятных условиях обеспечивать проверку привлекаемых к уголовной ответственности на причастность к другим преступлениям.

В данной статье мы попытались привлечь внимание к проблеме борьбы с кражами чужого имущества на объектах обслуживания и предложить некоторые меры по борьбе с ними в современных условиях.

## НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ КРЕДИТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Смирнов И.А., к.ю.н.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Последние годы в экономике России динамика и направленность криминальных процессов обусловлена институциональными преобразованиями, и прежде всего реформированием отношений собственности. Происходящие в обстановке правовой неурегулированности и общего экономического кризиса реформы объективно обусловили рост преступности до масштабов угрозы национальной безопасности, способной дезорганизовать хозяйственную жизнь. Особенностью современной криминальной ситуации в России является зависимость общего уровня преступности (заказных убийств, взрывов, поджогов, других насильственных действий) от степени распространенности экономических преступлений. Одной из причин складывающейся оперативной обстановки в сфере борьбы с экономической преступностью является постоянный рост завладений собственностью. Экономический кризис в августе 1998 года и дальнейшая финансовая нестабильность общества повлекли за собой совершения вымогательства не только жилья, но и средств от его криминальной реализации. На сегодняшний день единственное и достаточно дорогое имущество у населения – это жилище. Многие из потерпевших, вставшие на путь предпринимательства в годы становления малого бизнеса, брали кредиты как у частных лиц, так и у различных коммерческих структур, которые в дальнейшем вернуть вследствие кризиса не представилось возможным.

Потерпевшие, взяв деньги в долг, не подразумевали, что в соответствии с общими принципами гражданского законодательства физические и юридические лица отвечают по обязательствам всем своим имуществом.

Рассматривая обязательственное право гражданского законодательства, мы приходим к выводу, что при отсутствии у должника денежных средств, достаточных для удовлетворения требований истца, взыскание обращается на иное принадлежащее должнику имущество, за исключением того, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание.

Таким образом, правовых норм, запрещающих обращение взыскания на находящееся в собственности должника жилье, пусть даже единственное для него и членов его семьи, в законодательст-

ве не содержится. В связи с этим на вопрос о возможности обращения взыскания на квартиру или ее часть, находящуюся в собственности должников, следует дать положительный ответ. Причем взыскание может быть обращено не только на излишки жилой площади, но и на всю квартиру в целом.

В то же время обращение взыскания на имущество должника состоит в его аресте, изъятии и принудительной реализации. При этом в зависимости от размера взыскания в опись включается все принадлежащее должнику жилье или только его часть. Причем реализация недвижимого имущества должника осуществляется путем проведения публичных торгов специализированными организациями, имеющими право совершать операции с недвижимостью, с предварительной оценкой имущества специально назначенным специалистом по рыночным ценам, действующим на момент исполнения исполнительного документа.

Вместе с тем возникает вполне законный вопрос: как быть в случае, если для должника и членов его семьи (в т.ч. несовершеннолетних детей) жилье, на которое обращено взыскание, является единственным? Не нарушается ли в указанном случае норма, содержащаяся в ст.40 «О праве граждан на жилище» Конституции Российской Федерации?

Так, переход права собственности на жилое помещение к другому лицу не является основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника. Кроме того, продажа с публичных торгов жилого помещения не порождает установленных оснований для снятия проживающих в нем лиц с регистрационного учета (выписки) по месту жительства. Такие основания возникнут лишь в случае выселения указанных лиц из квартиры. Законодатель установил, что выселение граждан из занимаемых ими жилых помещений производится только в судебном порядке и только по основаниям, установленным законом, а таких оснований в рассматриваемой ситуации нет.

Таким образом, сам факт обращения взыскания на единственное жилище не влечет автоматической утраты права пользования жилым помещением со стороны должника и членов его семьи. В то же время существенным условием договора продажи жилого помещения, в котором остаются проживать лица, сохраняющие в соответствии с законом право пользования этим помещением после его приобретения покупателем, является включение в договор перечня таких лиц с указанием их права на пользование продаваемым жильем. Это условие продажи жилого помещения должно быть объявлено при проведении торгов. Естественно, что при таких обстоятельствах покупателей на квартиру «с начинкой» найти

будет довольно трудно. Сразу подчеркнем, что после продажи квартиры должник будет вынужден заключить с новым собственником письменный договор найма жилого помещения всей квартиры или отдельных комнат и регулярно вносить определенную этим договором плату.

Помимо вышеизложенного, необходимо учитывать, что отчуждение жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние члены семьи собственника, допускается только с письменного согласия органов опеки и попечительства. В условиях, когда дети фактически лишаются единственного жилья, получить согласие указанных органов практически невозможно. Вместе с тем если в договоре купли-продажи будет оговорено право прежних жильцов пользоваться продаваемым жилым помещением, получить это согласие будет значительно проще.

Оптимальным выходом из сложившейся непростой ситуации было бы обращение взыскания не на всю квартиру, а на одну или несколько комнат либо на долю квартиры. При таких обстоятельствах не ущемляется конституционное право на жилище должника и членов его семьи, так как в их распоряжении остается часть жилого помещения. Продать на торгах свободную от прав третьих лиц комнату также проще, чем обремененную такими правами квартиру. Однако подобное решение должно приниматься с учетом размера общей суммы долга, подлежащего принудительному взысканию с должника по исполнительному документу.

Однако кредитор по отношению к должнику не желает обременять себя судебными тяжбами, добиваясь не только возврата долга, но и процентов, путем цивилизованного «наезда», тем самым порождая насилие и самоуправство в отношении собственника жилья. Поэтому, нам представляется, что в нашем «правовом» государстве именно таким образом совершается одно из опасных проявлений на рынке жилья – самоуправство, нередко сопряженное с вымогательством.

Принимая во внимание изложенное и основываясь на судебной практике рассмотрения подобной категории дел, полагаем необходимым предложить рекомендации как общего, так и частного характера.

Оперативные подразделения органов внутренних дел обязаны принимать превентивные меры упреждающего характера.

Заемщику следует предусмотреть страхование не только кредита, но бизнеса от случайного риска и форс-мажорных обстоятельств.

Кредитору необходимо тщательно подвергать проверке платежеспособность потенциального клиента и его поручителей.

## ЛЕГАЛИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Зникин В.К., к.ю.н., доцент  
Кемеровский государственный  
университет

Данная стадия является одной из самых значимых в оперативно-розыском процессе, так как представлять органу дознания, следователю, прокурору или в суд можно только легализованную информацию.

Следует отметить, что до настоящего времени не выработана единая терминология, которая бы обеспечивала и обозначала стадии оперативно-розыского процесса в ходе реализации и использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Среди ученых и практиков наибольшее распространение получили такие термины, как документирование, легализация, трансформация и уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности.

Причем последний определяется ими наиболее приемлемым для обеспечения нужд уголовного процесса посредством результатов оперативно-розыскной деятельности. При этом легализация и трансформация рассматриваются как определения – синонимы. Действительно, трансформация есть преобразование, и можно допустить, что легализация – это то же самое, так как легализованная информация – значит преобразованная информация и преданная определенной гласности.

Но это, на наш взгляд, не совсем бесспорная аргументация. Обоснование автором своей позиции выглядит следующим образом. При легализации фактическая оперативная информация частично преобразуется в доступную для потребителя форму, но как была непроцессуальной, так ею и остается. При трансформации непроцессуальная, но уже легализованная фактическая оперативная информация после представления потребителю преобразуется им в процессуальную доказательственную информацию или используется как повод и основание к возбуждению уголовного дела либо как ориентирующая информация, то есть преобразование осуществляется по существу. По нашему убеждению, документирование, легализация и трансформация являются стадиями оперативно-розыского процесса, а уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности – это его основная цель и состояние после циклического завершения всех

стадий. Дадим авторские определения легализации и трансформации с учетом высказанных суждений.

Легализация фактической оперативной информации – это процедурная стадия оперативно-розыскного процесса, направленная на придание гласности (рассекречивание) перед потребителем оперативной информации с сокрытием при необходимости тех категорий источников, которые подлежат разглашению с их письменного согласия.

Трансформация – это часть процедурной стадии использования результатов оперативно-розыскной деятельности потребителем, направленная на преобразование непроцессуальной фактической оперативной информации в процессуальную форму.

При рассмотрении вопроса о легализации оперативной информации в ходе предварительного следствия необходимо определиться с вопросом: «Кто – следователь или оперативный работник – легализует оперативную информацию в предварительном расследовании?».

Существует мнение, которое автору неоднократно приходилось слышать на научно-практических семинарах и конференциях из уст аспирантов и молодых следователей, что оперативный работник только представляет следователю оперативную информацию, облеченную в материальную форму (рапорты, справки, меморандумы, видео-, аудиокассеты и т.д.), а уже следователь, используя оперативную информацию как результат оперативно-розыскной деятельности, легализует ее, придавая ей процессуальную форму.

С этой точкой зрения нельзя согласиться. Во-первых, кто рискнет передать секретные сведения следователю, нарушив тем самым закон о государственной тайне? Во-вторых, это невозможно, потому что в данном случае происходит подмена понятия «доказывание» понятием «использование результатов оперативно-розыскной деятельности в предварительном расследовании». Следователь, являясь лицом, самостоятельно направляющим ход расследования, в процессе предварительного следствия использует оперативную информацию либо для формирования доказательств в общем процессе доказывания, либо в качестве ориентирующей информации. Легализацией оперативной информации занимается оперативный работник как лицо, непосредственно занимающееся сбором, получением и изучением оперативной информации, значимой для выявления, предупреждения пресечения и раскрытия преступной деятельности, за исключением случаев, когда оперативный работник случайно становится очевидцем криминального события, что может повлечь последующее приобретение им про-

цессуального статуса одного из участников уголовного судопроизводства.

Легализованной оперативной информацией в ходе предварительного расследования будет являться только та оперативная информация, которая закреплена на материальных носителях (справках, актах, технических средствах фиксации и т.д.) и передана в распоряжение следователя в установленном законодательством порядке. Почему легализованной будет являться только вышеназванная информация, можно объяснить тем, что в процессе предварительного расследования наряду с опосредованным происходит непосредственное взаимодействие в форме общения следователя и оперативного работника, в процессе которого происходит обмен информацией по уголовному делу, в ходе которого оперативный работник зачастую может преподнести следователю информацию, преломленную через личностное восприятие, то есть свою субъективную. Но такая информация, как говорилось выше, не будет легализованной с соблюдением закона и для следователя будет выступать в качестве ориентирующей информации, подразделяющейся на условно называемые категории: процессуальную и не-процессуальную. Определить категорию данной информации предстоит следователю в ходе предварительного расследования.

## **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЕТЕ НОВОГО УПК**

Ефремов А.М., д.ю.н., профессор  
Восточно-Сибирский институт  
МВД России

Правовой основой использования результатов ОРД являются уголовно-процессуальный закон (ст.89 УПК РФ)<sup>1</sup>, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст.11) (далее – Закон об ОРД), нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, регулирующие отношения в сфере осуществления оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности<sup>2</sup>.

В рамках решения задач раскрытия преступлений результаты ОРД могут быть использованы: для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; как повод и основание для возбуждения уголовного дела; для доказывания по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ.

Для решения задач доказывания используется оперативно-розыскная информация, содержащая сведения о конкретных лицах, преступных группировках, событиях, подлежащих изучению, проверке и использованию.

Информация такого типа подразделяется на два вида: 1) которая может иметь доказательственное значение (фактические данные); 2) которая носит вспомогательный характер (т.е. указывает на возможные источники фактических данных, служит для определения организационных и тактических приемов проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий).

Указание Закона об ОРД на то, что результаты ОРД могут быть использованы при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, необходимо рассматривать как общее дозволение. Применительно к следственным и судебным действиям сама возможность и пределы использования результатов ОРД определяются уголовно-процессуальным законом, так как именно в нем регламентированы основания производства следственных и судебных действий.

Результаты ОРД могут служить основой для всех видов доказательств, создавать условия и предпосылки их установления.<sup>3</sup> А положения ст.89 УПК РФ следует истолковывать как запрет использования результатов ОРД в доказывании, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

На этапе подготовки к проведению следственных действий оперативно-розыскная информация имеет значение преимущественно в организационно-тактическом аспекте.

Под использованием результатов ОРД для осуществления следственных действий имеется в виду возможность учета этих результатов: а) при принятии решения о производстве этих действий; б) при непосредственном их проведении.

Принципиальная возможность использования результатов ОРД при принятии решения о проведении следственных действий заложена в самом уголовно-процессуальном законодательстве. При конструировании оснований для производства следственных действий законодатель исходит из того, что основанием для проведения любого следственного действия (а следовательно, и для принятия решения об этом) является совокупность фактических данных, указывающих на возможность достижения определенных целей, получения новых сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Основанием для проведения других следственных действий может служить совокупность доказательств и фактических данных, почерпнутых из оперативно-розыскных источников.



Например, такая оперативно-розыскная информация может служить основанием для производства обыска, если она не противоречит (соответствует) установленным по делу обстоятельствам и не вызывает сомнений в достоверности.

Аналогичным образом оперативно-розыскная информация может использоваться для принятия решения о производстве осмотра, назначении экспертизы, получении образцов для сравнительного исследования и о некоторых других следственных действиях (например, вызов и допрос свидетеля).

Результаты ОРД, выразившиеся в непосредственном обнаружении признаков преступления, могут служить поводом к возбуждению уголовного дела – Закон об ОРД в этой части дополняется п.3 ч.1 ст.140 УПК РФ, где речь идет о сообщении о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников, кроме перечисленных в п.п.1 и 2 этой же статьи. В данном случае признаки преступления могут быть обнаружены непосредственно властными участниками уголовного процесса, в том числе в результате получения конфиденциальной информации, о чем в соответствии со ст.143 УПК РФ составляется рапорт оперативного работника, непосредственно проводившего оперативно-розыскные мероприятия, адресованный начальнику органа дознания.

В том случае, когда органы, осуществляющие ОРД, направляют фактические данные, полученные оперативным путем, следователю или прокурору с обобщающим рапортом, такой источник сведений о преступлении следует рассматривать в качестве сообщения, поступившего из иных источников (п.3 ч.1 ст.140 УПК РФ). При необходимости поступившая следователю или прокурору информация проверяется в порядке ст.144 УПК РФ.

Предписание ч.2 ст.11 Закона об ОРД о том, что результаты ОРД могут служить основанием для возбуждения уголовного дела, вполне согласуется с уголовно-процессуальным законом (ч.2 ст.140 УПК РФ), в котором обоснованность возбуждения уголовного дела связывается с наличием «достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Для использования в уголовном судопроизводстве оперативно-розыскная информация, содержащая сведения доказательственного значения, должна быть оформлена в соответствии с требованиями закона (ст.ст.74, 75 УПК РФ).

---

<sup>1</sup> Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. №124-ФЗ.

<sup>2</sup> Межведомственная инструкция о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следова-

телю, прокурору или в суд: Объявлена приказом ФСНП, ФСБ, МВД, ФСО, ФПС, ГТК, СВР РФ №175/226/336/201/286/410/56 от 13 мая 1998 г.

<sup>3</sup> О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РФ в связи с ратификацией Конвенции о защите прав и свобод человека и основных свобод: Федеральный закон от 21 февраля 2001 г. // Собрание законодательства РФ. – №13. – Ст.1140.

## **ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ ДАННЫЕ КАК ФАКТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Меремьянина О.В.

Сибирский юридический институт  
МВД России

В условиях неконтролируемого роста преступности особую остроту приобретают методы и средства борьбы, базирующиеся на оперативно-розыскных началах. Ученые заявляют, что «эра антикриминального универсализма уголовного процесса медленно, но безвозвратно уходит в прошлое»<sup>1</sup>. В то же время результаты проводимых исследований по имеющимся проблемным вопросам, существующим при использовании<sup>2</sup> результатов ОРД как одного из основных средств борьбы с преступностью, в совокупности с методами и средствами уголовного процесса показывают, что «специализация производства информации о преступлении пока не продвинулась далее этапа добывания сведений о криминале, что касается переработки добытой информации до состояния юридической констатации криминальных фактов, то она по-прежнему находится в безраздельном ведении уголовного процесса»<sup>3</sup>. М.П.Поляков, определяя круг задач, разрешение которых зависит от степени использования познавательных возможностей оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, сформулировал, как нам представляется, приоритетное назначение этого взаимодействия, которое может быть общецелевым для любой правовой отрасли: «...оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс ... выступают главной стратегией войны с преступностью и полностью предназначаются для обеспечения информационного превосходства органов, ведущих антикриминальный процесс, перед субъектами криминальной деятельности»<sup>4</sup>.

В свое время теоретиками доказательств была провозглашена формула, согласно которой главенствующая роль в познании события преступления отводилась уголовно-процессуальным средствам. Использование в этих целях в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности допускалось лишь в подсобном качестве.<sup>5</sup> Этот этап развития научных представлений об оперативно-розыскной деятельности характеризуется делением оперативно-розыскных сведений по трем направлениям. За основу данной градации принималась процессуальная полезность оперативно-розыскных данных. Так, первую группу оперативно-розыскных сведений составляли «сведения, освещающие событие преступления и отдельные обстоятельства, ограничивающие круг подозреваемых». Практическая полезность сведений этой группы заключалась в возможности их использования, в первую очередь, в тактических целях: при построении версий, для определения направления расследования и розыска виновных, для выбора тактических приемов и средств.<sup>6</sup> Вторая группа была представлена сведениями, «непосредственно указывающими на фактические данные, которые, будучи закрепленными посредством процессуальных средств, могли служить доказательствами по делу». Но тем не менее и здесь оперативно-розыскные мероприятия рассматривались лишь как средство, облегчающее отыскание доказательств. В качестве третьего варианта средства ОРД предлагали рассматривать как составную часть первоначального этапа доказывания, связанного с обнаружением доказательств материального характера.<sup>7</sup> Параллельно с этим в научной среде формируется принципиально новый подход к возможности и способам использования в уголовном процессе результатов ОРД. Новый виток роста научного интереса был инициирован результатом, к которому пришел в процессе осуществленного исследования Д.И.Бедняков, суть новаторского исследования сводилась к тому, что разработкой приемов и способов использования результатов ОРД в доказывании должна заниматься, наряду с оперативно-розыскной, и уголовно-процессуальная наука. Во многом такой подход объясняется основными направлениями использования результатов оперативно-розыскной деятельности, определяемыми Федеральным законом от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД).

Для нас интерес представляет возможность использования оперативно-розыскных данных не в процессе доказывания вообще, а лишь в части использования данных ОРД при подготовке и проведении следственных действий. Закон об ОРД, установив, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть исполь-

зованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, в какой-то степени решил эту проблему. Тем не менее, по представлению ученых, вопросы использования оперативно-розыскной информации в качестве оснований для производства тех или иных следственных действий не лишились своей проблемности по причине неполной информативной определенности самой правовой нормы. В ст.11 Закона об ОРД сказано, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий. При подготовке к проведению следственных действий оперативно-розыскная информация имеет важное значение в организационно-тактическом аспекте.<sup>8</sup> Здесь надлежит отметить, что в тактических и организационных целях оперативно-розыскная информация, предоставляемая следователю, может и должна быть им использована по отношению ко всем без исключения следственным действиям. Под использованием результатов оперативно-розыскной деятельности для осуществления следственных действий понимается возможность учета названных результатов: а) при принятии решения о производстве этих действий; б) при непосредственном их проведении.<sup>9</sup>

Так, по мнению В.А.Азарова, редакция ст.11 Закона об ОРД «оставляет возможность использования оперативных материалов лишь в качестве дополнительной факультативной информации, например для подготовки плана проведения обыска, определения и тактики плана задержания, допроса подозреваемого и т.д. Однако из содержания... статьи не вытекает, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основанием для производства обыска, задержания подозреваемого в совершении преступления и т.п.»<sup>10</sup>. А.В.Земскова, напротив, считает, что «не следует недооценивать нормативное значение правил ч.1 ст.11 Закона об ОРД, как достаточно четко указывающих на правомерность производства следственных действий на основе оперативно-розыскных данных»<sup>11</sup>. Вместе с тем большинство авторов склоняются к тому, что соответствующее предписание Закона об ОРД отнюдь не означает возможность производства на основе оперативно-розыскной информации всех без исключения следственных действий.

Длительный период времени в теории уголовного процесса существовала точка зрения, согласно которой любые следственные действия (за исключением осмотра места происшествия) могут осуществляться только на основе имеющихся в деле доказательств. Тем самым априори исключалась возможность использования оперативно-розыскной информации в качестве оснований

для принятия решений о проведении следственных действий. Наряду с этим некоторыми учеными (Д.И.Бедняковым, Б.Б.Булатовым, Ю.Ф.Кареловым, А.А.Чувилевым) еще до принятия законов об оперативно-розыскной деятельности (1992 г. и 1995 г.) отстаивалась противоположная позиция. В частности, Д.И. Бедняков, исходя из теоретико-правовой установки, согласно которой не всякое решение в уголовном судопроизводстве должно опираться на совокупность доказательств, сделал вывод, что отдельные решения могут основываться на базе оперативно-розыскной информации, в том числе и решения о производстве некоторых следственных действий. Констатируя, что основания следственных действий сформулированы в тексте закона с различной степенью формальной определенности и ни в одной статье прямо не сказано о возможности проводить следственные действия на основании оперативно-розыскной информации, А.В.Земскова делает вывод, что именно этим можно объяснить отсутствие среди процессуалистов, допускающих такую возможность, единства взглядов на проблему правомерности использования в качестве оснований оперативно-розыскной информации и применительно к каким следственным действиям.

Соглашаясь в целом с аргументацией, предлагаемой учеными, следует отметить, что применительно к процессу принятия решения о производстве следственных действий закон не во всех случаях связывает обоснованность принимаемого решения с непременным наличием доказательств в качестве достаточного основания. На наш взгляд, заслуживает внимания точка зрения А.А.Чувилева, согласно которой к определению круга оперативно иницилируемых следственных действий надлежит подходить дифференцированно.<sup>12</sup> Необходимо также отметить, что мнения ученых, склоняющихся к тому, что результаты ОРД могут быть приняты за основу решения о производстве следственных действий, разделяются по вопросу о том, в основу принятия решения о производстве каких следственных действий может быть заложена оперативно-розыскная информация.

Ряд ученых полагают, что при решении вопроса о возможности использования в качестве оснований для проведения следственных действий оперативно-розыскной информации следует прежде всего исходить из анализа цели, стоящей перед каждым конкретным следственным действием. Так, почти единогласно признается, что результаты ОРД могут быть положены в основу решений о производстве следственных действий, направленных на обнаружение и закрепление доказательств.<sup>13</sup> К таким действиям относят осмотры, допрос свидетеля и потерпевшего, выемку,

обыск, освидетельствование. Следственные действия, целью которых выступает проверка собранных доказательств (очная ставка, следственный эксперимент, предъявление для опознания, производство экспертизы), могут иметь в качестве оснований производства только данные, полученные процессуальным путем.<sup>14</sup> Другая точка зрения состоит в признании необходимости учета характера самой оперативно-розыскной информации, достаточный объем которой следователь намеревается использовать в процессе доказывания по уголовному делу. Безусловно, каждая из рассмотренных позиций имеет право на существование.

Мы согласны со взглядами тех представителей уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной наук, которые указывают на необходимость избирательного подхода при решении вопроса о возможности использования в качестве оснований оперативно-розыскной информации. Подтверждение тому необходимо искать не только в плоскости теории, но прежде всего в самом законе и в практической деятельности правоохранительных органов.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Азаров В.А. Изобличение виновного и раскрытие преступления: уголовно-процессуальный и оперативно-розыскной аспекты // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.4. – Красноярск, 2001. – С.189-201; Зажицкий В.И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Российская юстиция. – 2001. – №3. – С.45-47 и др.

<sup>2</sup> До сегодняшнего дня оперативно-розыскная деятельность не имеет единой терминологии. В настоящее время имеют место быть обороты – «документирование», «легализация», «трансформация» и просто «использование», мы берем за основу термин, предложенный законодателем. По мнению М.П. Полякова, «...слово без оттенка специфики – «использование результатов ОРД в (для) ...». Указанный термин будет употреблен нами в значении «воспользоваться (пользоваться) кем-чем-нибудь, употребить с пользой». См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995. – С.248.

<sup>3</sup> Поляков М.П. Основы уголовно-процессуальной интерпретации результатов оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под науч. ред. проф. В.Т.Томина. – Н.Новгород, 2000. – С. 9.

<sup>4</sup> Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Автореф. дисс. ... докт.юрид.наук. – Н.Новгород, 2002. – С.12.

<sup>5</sup> Поляков М.П. Указ. соч. – С.74.

<sup>6</sup> Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973. – С.528-529.

<sup>7</sup> Винберг А. Актуальные вопросы теории судебных доказательств / А.Винберг, Г.Кочаров, Г.Миньковский // Социалистическая закон-

ность. – 1963. – №3; Робозеров А.Ф. Оперативно-розыскные меры в системе судебного доказывания // Правоведение. – 1978. – №6. – С.106-108.

<sup>8</sup> ФЗ «Об ОРД»: Научно-практический комментарий / Под ред. В.В.Николюка, В.В.Кальницкого, А.Е. Чечетина. – Омск, 1999. – С. 98.

<sup>9</sup> Комментарий к ФЗ «Об ОРД». С постатейным приложением нормативных актов и документов / Авт. – сост. А.Ю.Шумилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2000. – С.124; ФЗ «Об ОРД»: Научно-практический комментарий / Под ред. В.В.Николюка. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2002. – С.108-109.

<sup>10</sup> Азаров В.А. Уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные средства выполнения задачи раскрытия преступлений // Вопросы применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – Омск, 1998. – С. 8-9.

<sup>11</sup> Земскова А.В. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании: Монография. – Волгоград, 2000. – С. 81.

<sup>12</sup> См., напр.: Чувилев А.А. Использование следователем оперативно-розыскной информации: Учебное пособие. – М., 1992. – С.23-24.

<sup>13</sup> См., напр.: Лившиц Е.М., Белкин Р.С. Тактика следственных действий. – М., 1997. – С. 81.

<sup>14</sup> Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под науч. ред. проф. В.Т.Томина. – Н.Новгород, 2001. – С.103.

## **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Поросенов П.И.

Абаканский филиал заочного обучения  
Сибирского юридического  
института МВД России

Внепроцессуальный характер оперативно-розыскной деятельности, понимание ее как своеобразной деятельности, призванной обеспечить сбор фактических данных в интересах эффективного осуществления уголовного судопроизводства, существенно повлияли на форму закрепления оперативно-розыскной деятельности как вида правоохранительной деятельности на уровне федерального закона. Необходимо отметить, что к правовой основе оперативно-розыскной деятельности относится и уголовно-

процессуальное законодательство. Правовое регулирование этой деятельности содержит ряд проблем, особенно в вопросах использования результатов ОРД. Так, еще в 80-х гг. прошлого столетия ученые указывали на необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства с точки зрения обеспечения результативности ОРД в борьбе с уголовной преступностью. Предполагалось, что это ориентировало бы оперативных работников на более эффективное проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступлений, а следователей – на использование полученных результатов ОРД при расследовании преступлений.<sup>1</sup>

В ныне действующем Федеральном законе от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) определены основные направления использования результатов ОРД. Так, они могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; использоваться для подготовки и осуществления следственных действий, а также в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства.<sup>2</sup> В свою очередь, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ законодатель указал, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявленным к доказательствам УПК РФ (ст.89 УПК РФ).

Столь своеобразным образом была законодательно признана необходимость и полезность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Необходимо заметить, что до недавнего времени уголовно-процессуальная наука не была склонна рассматривать результаты ОРД в качестве основы для формирования доказательств. Считалось, что они могут использоваться только в качестве «информационного сырья». Только с принятием Закона об ОРД и УПК РФ законодатель дал возможность поставить результаты ОРД в ранг «полноценного информационного продукта». Из Закона об ОРД следует, что оперативно-розыскные действия не направлены на достижение какой-либо определенной, специфичной только для оперативно-розыскной деятельности цели. Они позволяют обеспечить решение задач уголовного судопроизводства. Учитывая это, можно отметить, что отношение между оперативно-розыскной деятельностью и уголовным процессом принимает форму зависимости результатов ОРД от уголовно-процессуальных процедур, разрешающих вопрос об их доступе в уголовное судопроизводство.



Таким образом, содержание законодательных актов, регламентирующих ОРД, с некоторыми особенностями сохранило традиционное соотношение ОРД и уголовного процесса. Речь идет о том, что уголовный процесс занимает главенствующее положение по отношению к ОРД и выступает в качестве жесткого фильтра сведений, которые добыты оперативно-розыскным путем по фактам тайно совершаемых или совершенных преступлений. В этом случае нормы уголовно-процессуального закона обеспечивают следователю роль своеобразного арбитра, основные полномочия которого предполагают не столько добывание доказательств, подтверждающих противоправную деятельность, сколько оценку фактических данных, добытых оперативными подразделениями органов, осуществляющих ОРД. Это обуславливает соответствующую концепцию правовой регламентации ОРД и уголовно-процессуальной деятельности.

Так, сложился определенный алгоритм процесса раскрытия и предварительного расследования «неочевидных» преступлений\*, который охватывает следующие этапы:

а) этап оперативно-розыскного процесса (возможен как до возбуждения уголовного дела, так и после), предполагающий:

- выявление первичной оперативной информации о лицах, занимающихся преступной деятельностью;
- предварительную оперативную проверку первичной информации;
- оперативную разработку лиц, занимающихся преступной деятельностью;
- предоставление результатов ОРД органам предварительного расследования;

б) этап предварительного следствия, осуществляемый в правовом режиме уголовно-процессуальной деятельности и предполагающий осуществление процедур, подтверждающих или отвергающих результаты ОРД и в итоге разрешающих вопрос о допустимости придания им статуса доказательств. На данном этапе осуществляется реализация фактических данных, собранных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, о противоправных действиях путем применения уголовно-процессуальных мер.

---

\* Под «неочевидными» преступлениями понимаются подготавливаемые, совершаемые или совершенные преступления, где не установлены лица, их подготавливающие, совершающие или совершившие.

Правовой основой данного алгоритма раскрытия и расследования фактов тайной преступной деятельности является:

- оперативно-розыскное законодательство, регламентирующее оперативно-розыскной процесс;
- уголовно-процессуальное законодательство, определяющее порядок дознания и предварительного следствия.

Данный алгоритм предварительного расследования «неочевидных» преступлений в итоге обеспечивается возможностями двух функций уголовной юстиции – оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной. Организационно-структурное обеспечение данного варианта исходит из обязательного наличия оперативных подразделений и следственных аппаратов, функционирующих в различных правовых режимах. А это требует также должного внимания к вопросу правового обеспечения организационных мер, обеспечивающих сближение оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной функций.

---

<sup>1</sup> Самойлов В.Г. Правовые, морально-этические основы и принципы ОРД ОВД. – М., 1984. – С.145.

<sup>2</sup> Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995г. №144-ФЗ, ст.11.

## **«БЛЕСК» ТЕОРИИ И «НИЩЕТА» ПРАВА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О РАЗВИТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД В ДОКАЗЫВАНИИ**

Поляков М.П., д.ю.н., доцент  
Нижегородская академия МВД  
России

Рыжов Р.С.  
Нижегородская академия МВД  
России

УПК РФ критикуется по разным направлениям. Предметом основательной критики является и ст.89, позволяющая и одновременно запрещающая использовать результаты ОРД в доказывании: заголовок статьи говорит: «Да», а содержание: «Нет». До настоящего времени это противоречие в законе не устранено. Напротив, перемены в УПК РФ только усугубили парадоксальность означен-

ной нормы. Так, июльский закон, нацеленный на совершенствование УПК, расшифровал, что под результатами ОРД следует понимать «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» (п.36<sup>1</sup> ст.5 УПК РФ). Таким образом, по смыслу ст.5 УПК РФ результат ОРД должен соответствовать требованиям Федерального закона от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Однако для его использования в доказывании этого соответствия недостаточно, ибо ст.89 УПК РФ требует, чтобы результат ОРД отвечал не просто законным требованиям, а именно требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Указанные изменения закона не прибавили работоспособности ст.89 УПК РФ. Они лишь усилили значимость результатов ОРД для уголовного процесса и обострили конфликт между практической потребностью и нормативной схемой ее удовлетворения. Таким образом, в очередной раз на уровне закона была подтверждена идея актуальности результатов ОРД для уголовного процесса. И в очередной раз эта актуальность не была сопровождена эффективной нормой. Формула ст.89 УПК РФ остается неизменной: она по-прежнему непригодна для эффективного использования. В этом, образно говоря, и выражается «нищета» правового регулирования использования результатов ОРД в доказывании.

Но кто виноват в том, что появилась мертвая норма? Проще всего упрекать в этом разработчиков УПК. Несомненно, их участие сыграло свою далеко не позитивную роль. Однако сама идея «настороженного» подхода к процессуальному использованию результатов ОРД порождена не ими. Она – результат многолетней борьбы за чистоту теории процессуальных доказательств. Напомним, что история нормативного оформления уголовно-процессуального статуса результатов ОРД началась с формулировки, суть которой заключалась в идее: «результаты ОРД используются в качестве доказательств». Первоначально эта конструкция была представлена в Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик (ст.29), таковой она была отображена и в первом Законе об ОРД (ст.10).

Законодательное «добро» на доказательственное применение результатов ОРД, за которое боролась наука долгие годы, было получено. Казалось бы, теперь научное сообщество должно сплотить свои ряды для поиска эффективных нормативно-

технологических решений этого дозволения. Однако некоторые ученые восприняли подобную законодательную формулировку – «результаты ОРД могут быть использованы в качестве доказательств» – скорее как научную гипотезу, нежели как практическую задачу. Причем такую гипотезу, которую правильнее будет опровергнуть. По этому поводу было написано немало блестящих и обстоятельных работ. С позиций канонов теории доказательств аргументы авторов были безупречны (Е.А.Доля, В.И.Зажицкий, С.А.Шейфер и др.). Результат – новая законодательная формулировка ст.11 Закона об ОРД (1995 г.), предусматривающая использование результатов ОРД уже не в качестве доказательств, а лишь в доказывании.

Не будем вдаваться в дебаты по поводу того, какая формулировка лучше. На наш взгляд, обе они позволяют использовать результаты ОРД в качестве аргументов. Дело в другом: опираясь на догматы теории доказательств и проводя в закон более обтекаемые формулировки, теоретики, наверняка, не желая того, стали отдаляться от нормативно-прикладного решения проблемы. А за ними потянулся и законодатель. В итоге правоприменители получили неработоспособную норму, под содержанием которой сегодня не подпишутся большинство ученых.

Формулировка ст.89 УПК РФ лежит далеко за рамками дискуссии «как использовать результаты ОРД: в качестве доказательств или в доказывании?». Дело в том, что если результат ОРД отвечает всем требованиям, предъявляемым к доказательствам, он перестает быть собственно результатом ОРД, а становится доказательством. А раз так, то никакой специальный режим его использования не нужен. Совсем другое дело результат ОРД, который не может быть превращен в доказательство хотя бы в силу непреодолимости отдельных требований допустимости, в частности правила об известности источника информации. Вот это, действительно, проблема: как использовать такие результаты ОРД в качестве доказательств, причем без переделки, напрямую.

Именно эту проблему необходимо решать сегодня, решать блестяще. И именно блестящие решения проводить через уголовно-процессуальное право. Наша позиция по этому поводу проста, но продуктивна. Зададимся вопросом: что из себя представляет результат ОРД? Ответ на этот вопрос очевиден – информацию. Причем в контексте ОРД информацию достоверную, несмотря на то, что способ констатации достоверности особый – оперативно-розыскной. Таким образом, результат ОРД может без натяжки быть признан готовым информационным продуктом. Для того что-

бы оперировать этим продуктом в рамках ОРД, уголовно-процессуальная проверка не нужна.

Так в чем же проблема использования такого информационного продукта в уголовном процессе? На наш взгляд, в одном: в чужеродной для уголовного процесса форме. Поэтому вся идея использования результатов ОРД в доказывании сводится к трансформации формы, к приданию оперативно-розыскной информации уголовно-процессуального обличья. Ничего более. Таким образом, новой информации в процессе так называемой легализации не производится. Все теоретические попытки развести доказательства и результаты ОРД по информационной линии вряд ли могут быть признаны состоятельными. Процессуальная процедура не придает оперативно-розыскным данным чего-либо нового в сугубо информационном (познавательном) плане. Она лишь способствует констатации достоверности ввиду доверия к процессуальному методу.

У нас складывается впечатление, что проблема использования результатов ОРД по большей части идеологическая, нежели технологическая. В связи с этим решение проблемы необходимо начинать с уточнения целей. Манипуляции с назначением уголовного процесса сегодня – не просто игра слов. Это вопрос политический, ибо имеется прямая связь между текстами ст.ст. 6 и 89 УПК РФ.

Заметим, что большинство авторитетных процессуалистов не приняли формулировки нового назначения уголовного процесса (З.З.Зинатуллин, А.В.Азаров и др.). И на это у них имеются основания. Но кого винить в том, что мы имеем подобную законодательную констатацию назначения отечественного уголовного судопроизводства? Думается, что опять же не только создателей УПК РФ. Все изъяны закона есть следствие слабости уголовно-процессуальной теории. Последняя сияет разными красками, но не создает предпосылок для однозначного решения проблем, не может в силу своей коалиционности и противоречивости противостоять популистским течениям в законотворчестве. Полагаем, что настало время объединения усилий. Необходимо переходить от отвлеченных спекуляций к поиску эффективных теоретических решений. Блеск теории должен воплощаться в блеск права.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ  
КРИМИНАЛЬНОЙ МИЛИЦИИ МВД УДМУРТСКОЙ  
РЕСПУБЛИКИ И УИН МИНЮСТА РОССИИ  
ПО УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Рожин В.Д.

Управление исполнения наказаний  
Минюста России по Удмуртской  
Республике

Эффективное решение задач борьбы с преступностью возможно лишь при условии систематического взаимодействия органов и учреждений органов внутренних дел, их оперативных аппаратов, располагающих специальными возможностями, закрепленными в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), а также оперативными аппаратами других субъектов ОВД.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 июля 1998 г. №904 уголовно-исполнительная система (УИС) с 1 сентября 1998 г. была передана в ведение Министерства юстиции РФ.

Согласно ст.13 Закона об ОРД разрешено осуществлять оперативно-розыскную деятельность и Министерству юстиции РФ. Одной из задач ОРД в исправительных учреждениях Минюста является содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение. Решение этих задач возложено на следующие структурные подразделения уголовно-исполнительной системы: оперативные отделы, подразделения собственной безопасности, оперативно-технические подразделения, подразделения по розыску преступников, совершивших побег из мест лишения свободы. Эти подразделения осуществляют ОРД не только на территории исправительных учреждений, но и вне их пределов. В этих случаях они должны действовать во взаимодействии с другими органами, осуществляющими ОРД и обслуживающими определенные объекты или участки местности.

Статья 13 Закона об ОРД наделяет оперативные подразделения всех органов, осуществляющих ОРД, правом проведения оперативно-розыскных мероприятий в следственных изоляторах совместно с работниками уголовно-исполнительной системы Минюста РФ.

Это новшество было введено Федеральным законом от 21 июля 1998 г. после передачи УИС из МВД РФ в ведение Мини-

стерства юстиции РФ. Необходимость названного нормативного предписания обусловлена тем, что после преобразований претерпел изменения и ранее существовавший порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий в следственных изоляторах. В силу объективных причин оперативные подразделения, не входящие в уголовно-исполнительную систему, могут самостоятельно осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в полном объеме в местах содержания арестованных и осужденных. В то же время оперативные отделы следственных изоляторов, не располагая всем объемом следственной и оперативно-розыскной информации о криминальной деятельности обвиняемых до осуждения, не могут обеспечить их эффективную разработку. Поэтому социальная обусловленность взаимодействия при оперативной проверке лиц, арестованных за совершение преступлений, нашла свое правовое закрепление в ст.13 Закона об ОРД.

На основе этого был издан совместный приказ МВД РФ и Минюста РФ, регламентирующий вопросы взаимодействия между указанными министерствами в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Взаимодействие оперативных аппаратов криминальной милиции и исправительных учреждений представляет собой основанную на законах и подзаконных нормативных актах согласованную совместную деятельность процессуального, уголовно-исполнительного, оперативно-розыскного, организационного, управленческого и иного характера с использованием присущих им сил, средств и методов для успешного решения задач борьбы с преступностью. Такое емкое определение отвечает содержанию согласованной деятельности оперативных аппаратов исправительных учреждений (ИУ) и подразделений криминальной милиции по всем линиям борьбы с преступностью. Основная цель организации взаимодействия – обеспечение эффективного использования преимуществ согласованной деятельности.

Вместе с тем практика деятельности оперативных аппаратов ИУ и подразделений криминальной милиции свидетельствует о том, что современное состояние взаимодействия не соответствует требованиям и задачам борьбы с преступностью.

Оперативные аппараты мест лишения свободы в последнее время отдают предпочтение решению других немаловажных задач, стоящих перед ними: обеспечение личной безопасности персонала, осужденных и других лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск осужденных, совершивших побег из ИУ, а так-

же осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания в виде лишения свободы.

Недостатки при взаимодействии, на наш взгляд, обуславливаются следующими основными факторами:

- различной подчиненностью оперативных аппаратов ИУ и подразделений криминальной милиции;
- недооценкой сотрудниками подразделений криминальной милиции потенциальных и реальных возможностей оперативных аппаратов в ИУ;
- отдаленностью отдельных подразделений УИС от территориальных ОВД.

Анализ сложившейся ситуации позволяет, на наш взгляд, выделить следующие наиболее характерные формы взаимодействия оперативных аппаратов УИС и криминальной милиции:

- совместный анализ и оценка оперативной обстановки как в ИУ, так и в Удмуртской Республике (УР) в целом, разработка на этой основе планов мероприятий, направленных на предупреждение и раскрытие преступлений, в том числе противоправной деятельности лидеров организованных преступных групп (ОПГ);
- обмен информацией, представляющей оперативный интерес для взаимодействующих сторон;
- совместное планирование на уровне МВД УР и УИН Минюста России по УР мероприятий, направленных на нейтрализацию отрицательного влияния лидеров ОПГ на состояние правопорядка в ИУ и на территории Удмуртии в целом;
- разработка и проведение специальных оперативно-тактических мероприятий по предупреждению преступлений и противоправной деятельности лидеров ОПГ, развенчанию их авторитета в уголовной среде;
- выполнение поручений подразделений криминальной милиции по оперативной проверке подозреваемых в совершении преступлений, которые остались нераскрытыми;
- инициативная проверка оперативными аппаратами ИУ лидеров ОПГ, их ближайшего окружения и других лиц, при наличии данных о причастности их к организации совершения преступлений на свободе, а также преступлений до ареста, оставшихся нераскрытыми;
- оказание взаимной помощи имеющимися силами и средствами;
- выполнение поручений оперативных аппаратов ИУ подразделениями криминальной милиции;



– подготовка и проведение регулярных совместных оперативных совещаний, специальных учений по вопросам совершенствования взаимодействия;

– совместный контроль и общее подведение итогов деятельности оперативных аппаратов, изучение передового опыта взаимодействия и на этой основе разработка соответствующих методических рекомендаций, обзоров, информационных документов.

**Секция**  
**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**  
**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**  
**ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**  
**СООБЩЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЯ**  
**К НАУЧНЫМ ОСНОВАМ РАСПОЗНАВАНИЯ**  
**ПО ПОЧЕРКУ ФАКТА ЛЕВОРУКОСТИ**

Шестакова С.С.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

За последние десятилетия появилось большое количество молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет, привычно пишущих левой рукой. Если ранее учителя настоятельно требовали от учеников выполнения рукописей правой рукой, то в настоящее время система образования отказалась от подобной практики. В школах перестали переучивать детей-левшей. Более того, некоторые из них одинаково освоили навык письма как левой, так и правой рукой. При этом рукописи лиц, для которых левая рука является привычно пишущей, могут нести в себе доказательственную информацию в ходе расследования уголовных дел.

Исследования, направленные на установление факта выполнения рукописей привычно пишущей левой рукой, проводились зарубежными криминалистами (Г.Стенгоур, США<sup>1</sup>). В нашей стране первые попытки по собиранию и анализу рукописей левшей были предприняты почерковедческой лабораторией ЭКУ ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области.<sup>2</sup> Однако, как отмечает Л.А.Сысоева, «специальных статистических данных и методики исследования рукописных текстов, исполненных привычным леворучным почерком, нет»<sup>3</sup>. Поэтому проблема распознавания леворукости по почерку остается по-прежнему открытой. Установленный же факт выполнения рукописи привычно пишущей левой рукой может иметь значение в следующих случаях.

Во-первых, в поисковых целях. Например, данные о выполнении рукописи лицом, привычно пишущим левой рукой, могут быть использованы наряду с информацией о поле, возрасте, психологических свойствах для поиска исполнителя анонимного письма.

Во-вторых, для оценки идентификационной значимости совпадающих признаков и их совокупности при формулировании экспертом вывода о тождестве. В данном случае возникает необходи-

мость учитывать групповое значение признаков, характеризующих почерк левшей, потому что признаки, свидетельствующие о выполнении рукописи привычной левой рукой, имеют значение при распознавании. А для повышения достоверности выводов о тождестве их не следует включать в идентификационную совокупность.

В-третьих, для выбора тактики действий при изъятии образцов почерка. Это особенно важно в том случае, когда лицо может писать как левой, так и правой рукой. Для эксперта-почерковеда исследование подобных рукописей без дополнительной информации со стороны следователя может представлять большую сложность. Так, исследование подписей при смене руки привычными левшами показало, что при сохранении системы движений у них либо появляется замедленность, либо в отдельных случаях – зеркальность<sup>4</sup>, наличие которых требует объективного объяснения со стороны эксперта. Облегчить же эту процедуру позволит предоставление сопоставимого сравнительного материала.

Исходя из перечисленных обстоятельств, проблема распознавания леворукости по почерку является актуальной и требует серьезного квалифицированного научного подхода. В связи с этим целесообразно ответить на вопрос: чем же может быть обусловлено появление специфических особенностей, которые бы характеризовали почерк левшей.

Аппарат письма состоит из двух основных частей: исполнительной (рука, производящая движения) и управляющей (головной мозг). Сформированный письменно-двигательный функционально-динамический комплекс (ПД ФДК) предполагает наличие программы выполнения рукописи на основе зрительно-двигательного образа и специально приспособленной системы движений, получающей реализацию с помощью исполнительного звена. Правая и левая руки являются одинаковыми по строению симметричными органами и находятся в непосредственной функциональной зависимости от различных полушарий головного мозга. Следовательно, одноименными группами мышц правой и левой руки при письме управляют центры, расположенные в разных полушариях. Но вместе с тем ученые-почерковеды совместно с физиологами доказали, что локализация функции письма осуществляется по сложному принципу и имеет относительный характер. Различные области коры головного мозга функционируют не изолированно, а в единстве, в тесной связи. Формирование навыка для одной стороны тела осуществляется при взаимодействии с другой. Выработка навыка либо для правой, либо для левой руки не может происходить совершенно обособленно еще и потому, что в формировании

навыка письма большое значение имеют зрительный, слуховой и речедвигательный анализаторы.<sup>5</sup> Таким образом, если программа выполнения рукописей для навыков правой и левой рук является как бы общей, независимо от того, какая область головного мозга является ведущей, то исполнительные звенья существенно различаются. Поэтому научные основы возможности распознавания по почерку факта леворукости, вероятнее всего, концентрируются в исполнительном звене. На это обстоятельство обращала внимание М.С.Еливанова<sup>6</sup>. Она писала, что «по анатомическому строению двигательные мышцы левой руки должны действовать в противоположном направлении» по сравнению с правой. На затруднение для левой руки писать в направлении, привычном для правой, также обращал внимание В.В.Томилин<sup>7</sup>. Существующие же нормы прописи разрабатывались для правой руки. Поэтому особенности почерка левой руки должны проявляться в специфике направления движений и в тех свойствах почерка, которые находятся в непосредственной связи с ним.

С целью выявления специфических особенностей, характеризующих процесс выполнения рукописей привычной левой рукой, и установления комплекса признаков, позволяющих свидетельствовать об этом, на кафедре криминалистики Сибирского юридического института МВД России была проведена экспериментальная работа. В работе использованы результаты изучения образцов почерка 40 человек, из которых 20 – привычные леворукие.

Эксперимент состоял из двух этапов. На первом этапе у испытуемых были отобраны образцы почерка, представляющие собой однотипные тексты, включающие все буквы русского алфавита, каждая из которых встречается в тексте с естественной частотой, что давало возможность проверить устойчивость признаков. Участники эксперимента исполняли текст в привычных для них условиях. Тексты выполнялись шариковой ручкой на нелинованном листе бумаги белого цвета форматом А 4. Полученные таким образом экспериментальные образцы изучались по общепринятой системе общих и частных признаков почерка.<sup>8</sup> По результатам аналитического исследования был проведен сравнительный анализ. При этом специфических, устойчиво проявляющихся общих признаков, которые бы характеризовали почерк левшей, выявлено не было. Однако были обнаружены специфические частные признаки, наблюдаемые в почерках лиц, привычно пишущих левой рукой, и отсутствующие в противоположной группе почерков. К числу выявленных признаков относятся следующие:

1) выполнение движением справа налево знаков тире, переноса слов (в 18 рукописях), горизонтального элемента в двуэлементной букве «т», второго элемента в букве э (в 8 рукописях), надстрочных штрихов в буквах *т* и *й* (в 2 рукописях);

2) выполнение движением справа вверх налево надстрочного элемента в букве *й* (в 6 рукописях);

3) правоокружное направление движений при выполнении овальных элементов в буквах *а, б, д, о, ю* (в 3 рукописях).

Таким образом, все выявленные признаки по степени устойчивости для класса леворуких почерков являются факультативными, то есть наблюдаются не во всех рукописях.

Второй этап экспериментальной работы включал следующее. Рукопись, как внешнее выражение итоговых движений пишущего, является одним из основных объектов исследования, но не единственным. Чтобы глубже проникнуть в акта письма привычной левой руки, необходимо знать каждый компонент этой сложной системы, то есть саму организацию процесса письма. Более продуктивным в этом отношении является метод наблюдения, который позволяет увидеть движения пишущего и зафиксировать их основные характеристики. Однако в связи с большой скоростью письма глаз человека не может воспринимать все моменты движений пишущего. Поэтому в целях более глубокого их изучения была применена видеосъемка, которая позволила проследить направление движений при выполнении письменных знаков лицами, привычно пишущими левой или правой рукой, и уточнить данные предыдущих исследований.

Условия проведения эксперимента остались прежними. В поле зрения объектива видеокамеры каждый раз находились: часть листа писчей бумаги и кисть пишущей руки испытуемого с пишущим прибором. Видеокамера располагалась к плоскости стола под углом в пределах 45 градусов, что позволяло хорошо видеть направление и форму траектории наблюдаемых движений. Всего было отснято 40 проб (по 20 для каждой группы почерков).

Просмотр видеокассеты подтвердил результаты предыдущих исследований, что, в свою очередь, свидетельствует о реальной возможности выявления экспертом признаков, характеризующих направление движений при выполнении письменных знаков.

В заключение хотелось бы отметить, что на данный момент нельзя точно сказать, к какому классу признаков, достоверных или вероятностных, относятся установленные признаки. Для ответа на этот вопрос необходимо продолжить научное исследование на основе анализа большего объема экспериментального материала.

Положительной же стороной экспериментальной работы является то, что ее результаты доказали возможность распознавания по почерку факта леворукости и подтвердили целесообразность проведения дальнейших исследований с целью выявления объективных закономерностей, характеризующих почерк левшей.

---

<sup>1</sup> Stangohr G. R. Opposite-Hand Writings. JFS. Vol. 13. № 3 (1968), 376-389.

<sup>2</sup> Сысоева Л.А. Актуальные вопросы теории и практики почерковедческой экспертизы // Криминалистика. XXI век: Материалы научно-практической конференции. В 2 т. – М., 2001. – Т.1. – С.105.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Еливанова М.С. Возможности идентификации личности по непроизвольному леворучному почерку: Методическое пособие. – М., 1966. – С.3-4.

<sup>6</sup> Еливанова М.С. О почерке левой руки // Практика криминалистической экспертизы: Сборник 1-2. – М., 1961. – С.53.

<sup>7</sup> Томилин В.В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма. – М., 1974. – С.61.

<sup>8</sup> Кошманов М.П. Признаки почерка: Учебное пособие / М.П.Кошманов, А.А.Шнайдер, П.М.Кошманов. – Саратов, 1997.

## **К ВОПРОСУ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО (ЭКСПЕРТНОГО) ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗРАСТА ДОКУМЕНТА**

Новгородский В.С.

Абаканский филиал заочного обучения  
Сибирского юридического  
института МВД России

В судебно-следственной практике нередко возникает необходимость установления времени изготовления документа в целом или его частей и реквизитов. Решение этой задачи в конечном итоге позволяет выяснить подлинность или поддельность документа – вещественного доказательства. В этих целях правоохранительные органы, назначающие экспертизу, ставят перед экспертом, например, следующие вопросы: каков возраст документа; в каком году в документе нанесены рукописные тексты, подписи, оттиски печатей, штампов.

Характер этих вопросов имеет разное значение, они предполагают установление конкретной даты или временного интервала изготовления документа или его фрагментов.

В криминалистической литературе каждое из этих значений времени изготовления документа получило свое название:

- первое – «абсолютный возраст»<sup>\*</sup>;
- второе – «относительная давность».

Установление возраста документа является сложной задачей экспертного исследования по причине отсутствия единого универсального метода и научно обоснованной методики. Поэтому при решении этой задачи используются результаты автороведческой, почерковедческой, технико-криминалистической экспертизы документов с применением физических, физико-химических и химических методов исследования.

Изучение документа следует начинать с анализа содержания документа. В нем могут иметь место описание событий, фактов, не совместимых со сроками оформления документа, наличие дат в резолюциях и оттисках штампов, не соответствующих периоду выполнения записей, если таковые имеются.

Затем изучается стиль изложения, особенности словарного запаса, что позволяет получить важные сведения о личности исполнителя. Так, использование слов, вышедших из активного употребления в настоящее время, свидетельствует о давности его выполнения. В то же время современная письменная речь включает в себя значительный набор слов, использование которых определяется годами «перестройки» (секвестр, девальвация, брокер, офис, дилер, киллер, крутой и т.п.).

Особое внимание следует обращать на фразеологические обороты, используемые автором. Так, к примеру, наличие в тексте фразеологических оборотов марксистско-ленинской идеологии указывает, что автор получил образование в период существования Советского государства.

О возрасте документа может свидетельствовать и конструктивное строение букв (алфавит), используемое для выполнения рукописных записей.

---

<sup>\*</sup> Некоторые авторы под абсолютным возрастом документа понимают время его изготовления, выраженное в конкретных единицах времени (день, неделя, месяц, год). Для обозначения более «широких» временных периодов изготовления документов предлагается использовать термин «относительная давность».

Действующие в настоящее время в русской письменности нормы прописи разработаны и приняты в 1969/70 учебном году во всех начальных классах страны. Поэтому если в документе при выполнении рукописных записей наблюдается строение букв алфавита, отличающееся от этих норм, это может свидетельствовать о том, что лицо, его заполнившее, обучалось по более ранним нормам прописи.

Определенная информация, свидетельствующая о возрасте документа, содержится и в самом почерке, которым выполнены записи. Прежде всего, следует учитывать, что при постоянной практике письма почерк окончательно формируется к 20-25 годам и остается практически неизменным примерно до 60 лет. В этот период высоковыработанный почерк характеризуется, как правило, быстрым темпом письма и высокой координацией движений. По мере возрастных изменений в организме меняется и почерк человека.

Для определения возраста писавшего по почерку разработан ряд методов, основанных на положениях теории вероятности и аппарате математической статистики. Первый из них позволяет по мало- и средневыработанному почерку дифференцировать исполнителей на три возрастные группы:

- подростки до 15 лет, имеющие образование 5-7 классов;
- учащиеся 8-10 классов и взрослые до 24 лет, имеющие образование 5-8 классов, но малую практику письма;
- взрослые от 25 лет и старше, имеющие малую практику письма.

С помощью второго метода можно по высоковыработанному почерку дифференцировать почерки лиц пожилого (60 лет и более) и старческого (74 и более) возраста и почерки лиц молодого и среднего возраста. Поэтому, если, к примеру, текст завещания выполнен в быстром темпе и с высокой координацией движений, а судя по сведениям о писавшем, он является лицом пожилого возраста, это свидетельствует о том, что либо время составления документа более раннее, либо он написан другим лицом.

Естественно, применение этих методов предполагает соблюдение некоторых условий их использования и, в первую очередь, большой объем (не менее 560 знаков) рукописных записей.

Сведения о возрасте документа можно получить при изучении отдельных реквизитов документа, например оттисков печатей или штампов. Так, изображение двуглавого орла в оттиске печати характерно для печатей, изготовленных позднее 1990 г., а расположение текста между ободками по ломаной линии свойственно



оттискам печатей, изготовленных с помощью линотипных наборов, по технологии, внедренной в конце 70-х гг. Микроскопическое исследование штрихов бланка или текста документа позволяет получить информацию, которую можно использовать также для установления времени изготовления документа.

Важными источниками информации о возрасте документа, и зачастую самыми ценными, служат материалы, используемые при его изготовлении (бумага, красящие вещества, клей, металлические скрепки и. т. д.).

Как известно, выпускаемые промышленностью материалы документов в России и за рубежом соответствуют определенным стандартным рецептурам, причем с годами эти рецепты претерпевают изменения, что характеризует время изготовления исследуемого документа. Так, до 1967 г. чернила для авторучек в основном выпускались на базе основных красителей. С начала 1967 г. начался выпуск чернил «Радуга» на основе только кислотных красителей. С 1973 г. появилась новая модификация этого вида чернил «Радуга-2». С 1970 г. отечественной промышленностью выпускаются карандаши с капиллярно-пористым стержнем типа «фломастер», заполненные чернилами. Шариковые ручки в нашей стране, заполненные отечественными пастами на основе синтетических смол, стали использоваться с 1952 г.

При установлении времени изготовления документа по его материалам проводится сравнительное исследование композиционного состава соответствующего материала со справочными данными. Несомненно, что такие сведения должны в полном объеме отражать рецептуры и года выпуска как отечественных, так и импортных материалов письма и бумаг. К сожалению, в настоящее время такой полной базы данных не существует. Более точному установлению возраста документа способствовала бы справочная информация об изменении материалов документа в зависимости от воздействия различных факторов (времени, температуры, освещения, влажности и т.п.).

В экспертной практике успешно используется для дифференциации чернил в целях установления технологических групп красителей, на базе которых они изготовлены, метод электрофореза. Он позволяет без применения образцов определять, к какой группе основных или кислотных красителей принадлежат исследуемые чернила. Обладая такими данными, через справочную литературу можно установить время изготовления чернил, а значит, и время изготовления исследуемого документа.

Установление «относительной давности» изготовления документа в экспертной практике обычно сводится к решению задачи о

последовательности (одновременности) выполнения документов, их частей, реквизитов.

Решение этой задачи при наличии в исследуемом документе рукописных записей (буквенных, цифровых, подписей), машинописного текста, оттисков печатей и штампов осуществляется путем изучения участков их пересечения друг с другом.

## **О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ПОРАЖАЮЩЕЙ СПОСОБНОСТИ ОРУЖИЯ**

Зырянов В.В., к.ю.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Появление в криминальном обороте различных видов оружия, специальных средств, отсутствие методик их экспертного исследования, неоднозначный подход к понятию «оружие» в криминалистике и судебной экспертизе заставляют криминалистов-оружиеведов обращать внимание на признаки оружия.

В своем сообщении мы обратим внимание лишь на один признак оружия – целевую предназначенность для поражения цели.

Термин «поражение» не раскрыт в Федеральном законе «Об оружии»<sup>1</sup>. В Толковом словаре русского языка слово «поражение»<sup>2</sup> определяется как «повредить, причинив ущерб здоровью». В юридической науке и практике под поражением как возможным результатом применения оружия понимается причинение действием (бездействием) существенного вреда – смерти или телесных повреждений, т.е. «нарушение анатомической целостности тела или нарушение нормального функционирования организма или его органов»<sup>3</sup>. Такая трактовка понятия поражения применительно к определению оружия, на наш взгляд, неприемлема, потому что понятие должно выражать не возможный результат применения, а функциональную особенность предмета (оружия). Тем более что, определяя понятие газового оружия, законодатель ограничил признак «поражение» временным интервалом – «временное поражение живой цели»<sup>4</sup>. Очевидно, что не может быть «временного» причинения телесных повреждений или существенного вреда. Представляется, более правильно говорить о поражении как о лишении возможности организма человека или иного живого объекта выполнять определенные функции в результате воздействия на его телесную оболочку или внутренние органы.

В судебно-баллистической экспертизе нижним порогом поражения для огнестрельного оружия являются энергетические характеристики снаряда, равные  $50 \text{ дж/см}^2$ , этот же предел используется и экспертами-взрывотехниками при оценке бризантного действия осколков взрывного устройства. Между тем объективных методов количественных характеристик степени поражения биообъектов в криминалистических экспертизах сегодня не имеется. Исследования такого рода проводятся судебными медиками, военными, специалистами МЧС. Предложенный С.М.Колотушкиным комплексный судебно-медицинский и криминалистический подход определения степени тяжести повреждений, которые способно наносить то или иное взрывное устройство, заключается в оценке удельной кинетической энергии снаряда и объема раневого канала.<sup>5</sup> Специалисты в области раневой баллистики отмечают, что «одним из самых эффективных критериев оценки поражающего действия огнестрельных снарядов на живую ткань оказался количественный критерий, где мерой поражающего действия снаряда служит вес ткани, удаляемой при первой хирургической обработке раны. Оказалось, что между количеством переданной энергией и весом удаленных тканей существует определенная корреляция... При этом было установлено, что на результат оказывает влияние фактор длины раневого канала»<sup>6</sup>. Данные исследования проводились в отношении стрелкового оружия промышленного изготовления. Исследования в отношении оружия самодельного изготовления, электрического, химического и новых видов специальных средств находятся в начальной стадии.

Невысокая объективность методов оценки степени поражения биообъектов из различных видов оружия приводит к тому, что нижним пределом поражения для огнестрельного оружия некоторыми учеными-криминалистами указывается летальное повреждение.<sup>7</sup> На наш взгляд, это выводит из криминального оборота самодельное, электрошоковое, химическое и новые виды оружия, способные лишь при определенных условиях наносить смертельные повреждения. Установление же способности поражения биообъекта, наряду с наличием других признаков оружия, при точной оценке степени его поражения, позволят экспертам и следователям оценить принадлежность устройства к оружию, его опасность при совершении преступления.

Отсутствие единого криминалистического подхода в отношении количественных критериев поражения человека приводит к необходимости их разработки путем объединения совместных усилий ученых-криминалистов, медиков, военных в целях получения объективной оценки степени поражения из различных видов оружия.

<sup>1</sup> Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.96 г. // Гражданское и служебное оружие. – М., 1997. – С.3.

<sup>2</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996. – С.554.

<sup>3</sup> Векленко В.В. Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью: Методические материалы по уголовному праву. – Омск, 1997. – С.28.

<sup>4</sup> Там же. – С.3.

<sup>5</sup> Колотушкин С.М. Криминалистическая взрывотехника: основы теории и практики: Монография. – Волгоград, 2002. – С.253.

<sup>6</sup> Шапошников Ю.Г. Огнестрельная рана: физико-химические и медико-биологические аспекты / Ю.Г.Шапошников, Г.Н.Богданов, В.Н.Варфоломеев и др. – М., 2003. – С.56.

<sup>7</sup> Плескачевский В.М., Юхин С.Н. Криминалистическое оружиеведение: Справочник. – М., 2002. – С.4.

## **О ПОНЯТИИ ВЗРЫВНОГО УСТРОЙСТВА**

Мельников Е.Б., к.х.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Выделение криминалистического оружиеведения в самостоятельную отрасль криминалистической техники отражает, на наш взгляд, сложившуюся систему подходов к исследованию оружия в рамках криминалистической науки.

В системе криминалистического оружиеведения выделение одного из его разделов – криминалистической взрывотехники (взрывоведения) – не вызывает сомнений. Она представляет собой систему научных знаний об особой разновидности оружия, реализующей поражающие свойства за счет энергии взрывного превращений. Как и другие разделы криминалистического оружиеведения, криминалистическая взрывотехника имеет свои объект, предмет, систему, методы и задачи, реализуемые в процессе исследования. В качестве объекта отрасли обычно выступают взрывные устройства (взрывные системы), их части (ВВ, средства инициирования и др.), поражающие элементы (осколки), следы взрыва и пораженные объекты. Несомненно, важным в понимании предмета и задач криминалистической взрывотехники, а также системы научно-технических методов, применяемых для их решения, должен

служить единый понятийный аппарат, который на современном этапе находится еще в стадии формирования.

Центральное место в этом процессе занимает понятие «взрывное устройство». В научной литературе, наряду с ним, встречается понятие взрывных систем<sup>1</sup>, которое, на наш взгляд, не является удачным по следующим основаниям:

1) термин «взрывная система» не нашел своего отражения в рамках действующего уголовного законодательства.

2) в рамках криминалистического оружиеведения термин «система» обычно подразумевает систему оружия и определяет наличие, особенности и способ взаимодействия конструктивных элементов.

В связи с вышеизложенным термин «взрывное устройство» нам представляется более точно отражающим сущность объекта. Для дефиниции термина «взрывное устройство» рассмотрим принципы формирования основных понятий в системе криминалистического оружиеведения, исходя из следующих предпосылок:

1) взрывные устройства являются особой категорией оружия, которое по целевому назначению реализуется в элементах конструкции, обладающей поражающим действием;

2) поражающее действие устройства реализуется путем использования энергии взрывчатого превращения через ряд поражающих факторов (ударная волна, термическое воздействие, поражение первичными и вторичными осколками).

Таким образом, содержание термина должно состоять из двух обязательных блоков, которые присутствуют при формировании понятий иных типов оружия: дефиниции взрывного устройства как оружия и указания вида энергии, используемой для целей поражения. Поэтому взрывное устройство в первом приближении может быть рассмотрено как устройство, конструктивно предназначенное для поражения цели за счет энергии взрывчатого превращения.

В процессе наполнения конкретным содержанием термина «взрывное устройство» помимо задачи по созданию понятийного аппарата, по нашему мнению, должны формироваться предпосылки для создания критериев распознавания данного типа устройств. Эти критерии, реализуемые через систему признаков, создают алгоритм решения типовой задачи отнесения объекта к взрывным устройствам. В соответствии с нашими представлениями о природе объекта таких групп признаков может быть выделено три.

Общий – предназначенность объекта для поражения цели путем ее разрушения либо нанесения телесных повреждений (если цель – человек).

Специальные:

- 1) использования энергии взрывчатого превращения для поражения цели;
- 2) наличие в качестве элементов конструкции заряда ВВ и средств его инициирования;
- 3) достаточное поражающее действие.

Факультативные – наличие корпуса, готовых поражающих элементов, дистанционных управляющих устройств, камуфляжа и др. элементов, позволяющих увеличить поражающее действие, осложнить обнаружение взрывного устройства и его обезвреживание.

Перечисленные признаки позволяют отграничить взрывные устройства от других объектов криминалистического оружейведения и обеспечить формирование системы для решения задач атрибутивного распознавания.

---

<sup>1</sup> Кирсанов З.И., Летошняк Л.Н. Новая отрасль криминалистической техники // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982. – С.122-131.

## **ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ЭКСПЕРТНО-БАЛЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОДНОРОДНОСТИ СТРЕЛЯННЫХ ДРОБИ И ПУЛЬ**

Косарев Н.И., к.ф.-м.н, доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Для криминалистики большой интерес представляют такие изделия из металлов, как гильзы, пули, картечь, дробь. Приспособления для снаряжения патронов и инструментов для их изготовления вырабатывают из сырьевых материалов, которые также подвергаются криминалистическому исследованию. В дополнение к данному списку металлических изделий и предметов следует добавить фальшивые монеты, поврежденные детали механизмов, изделия с уничтоженными рельефными изображениями, самодельное холодное и стрелковое оружие, металлические опилки.

Определение групповой принадлежности металлических изделий основано на том, что в процессе получения и обработки сплавов изготовленные из них предметы приобретают общие признаки, характерные лишь для своей группы. На групповую при-

надлежность указывают химическое строение, признаки внешней формы, размера и поверхности, особенности макро- и микроструктуры. Установление однородности особенно важно, если проводится экспертиза большого количества однотипных объектов (например, дробь, гвозди, металлические опилки), которые могут быть несхожими по внешним признакам и по составу. В целом следует отметить, что с привлечением различных физико-химических методов экспертные исследования изделий из металла позволяют ответить на такие вопросы:

- 1) каков химический состав сплава;
- 2) какой марки металл (сплав);
- 3) какой способ изготовления изделия;
- 4) подвергалось ли изделие какому-либо виду воздействия.

Методы спектрального анализа облегчают задачу при решении первых двух вопросов. В связи с этим следует отметить, что до семидесятых годов установление марки сплава ограничивалось только черными металлами (сталь, чугун). Однако в настоящее время достаточное развитие получили экспертные исследования сплавов методами атомной спектроскопии. Например, разработана универсальная методика количественного определения компонентов сплава цинка безэталонным методом.<sup>1</sup> Комплексные исследования позволяют решать такие диагностические задачи, как установление марки сплава цинка, его целевое назначение, возможный источник его происхождения.

Вопросы установления однородности изделий из металла спектральными методами часто сводятся к решению задачи количественного анализа. При этом необходимо установить количественное содержание примесей химических элементов в металле. С экспериментальной точки зрения стоит задача нахождения плотности атомов в основном состоянии.

Для решения задачи количественного спектрального анализа построена физико-математическая модель процесса взаимодействия лазерного импульса с оптически плотными парами атомарного натрия. Разработаны численные методы решения задачи. Результаты моделирования кинетики фотовозбуждения и свечения атомов свидетельствуют о важности процессов переноса излучения. Наблюдается неоднородное по пространственным переменным фотовозбуждение атомов. Это приводит к сложной динамике свечения атомов в зависимости от пространственных, угловых и частотных переменных.

Результаты указывают на то, что в оптически плотном случае при проведении экспертно-криминалистических исследований ме-

тодом атомной спектроскопии сплавов, картечи, дроби, пуль и др. изделий из металлов необходимо принимать во внимание геометрический фактор и эффекты, связанные с переносом излучения.

Предложенные модели и методы могут быть использованы и распространены на другие металлы для усовершенствования частных методик по определению однородности боеприпасов и оружия спектральными методами.

---

<sup>1</sup> Аграфенин А.В. Экспертное исследование цинка и цинковых сплавов методами атомной спектроскопии. – М., 1991.

## **НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К СОЗДАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ**

Климович Л.П., к.э.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Анализируя процесс формирования новых родов и видов судебных экспертиз, Е.Р.Россинская пишет, что «сначала экспертиза полностью отвечает какой-либо науке или отрасли знания и целиком основывается на ней. При этом судебно-экспертная специфика еще отсутствует. При возникновении нового рода или вида экспертизы первоначально представляется, что специальных знаний, взятых из «большой» науки, вполне достаточно для выполнения экспертных задач. Постепенно, по мере развития рода экспертизы, выделяются специфические объекты исследования – вещественные доказательства, формулируются только данной экспертной деятельности свойственные задачи, разрабатывается инструментарий. В этот период возникает необходимость создания методик экспертного исследования. В развившемся роде экспертиз видовое деление осуществляется уже по исследуемым объектам. В дальнейшем некоторые виды данного рода судебных экспертиз могут стать настолько специфичны, что образуют отдельный род, а роды – трансформироваться в класс»<sup>1</sup>.

Исходя из вышеизложенного суждения следует, что для того чтобы определить, имеются ли необходимость и предпосылки создания современной классификации судебно-экономических экспертиз (далее – СЭЭ), необходимо обратиться к историческому анализу становления и развития этого класса экспертиз.



Появлению класса СЭЭ предшествовало развитие судебно-бухгалтерской экспертизы, которое было обусловлено, прежде всего, потребностями судебно-следственной практики расследования дел о хищениях и растратах, о чем писал в своей работе С.П.Фортинский еще в 1947 г.<sup>2</sup> В связи с расширением практики применения данной экспертизы при расследовании преступлений в различных отраслях народного хозяйства в 1977 г. А.Р.Шляховым была предпринята первая попытка научной классификации судебно-бухгалтерской экспертизы<sup>3</sup>, которая заложила определенный фундамент для последующего построения классификации СЭЭ. Вместе с тем в ней, так же как и в последующих предложенных классификациях, основание классификации в большей степени имеет отношение к специфике бухгалтерского учета и не раскрывает особенностей преступлений, при расследовании которых назначается судебно-бухгалтерская экспертиза.

Впервые класс СЭЭ в системе судебной экспертологии представили в 1979 году А.И.Винберг и Н.Т.Малаховская. В качестве фундаментальных базовых (материнских) наук они указали право, экономику, статистику. В качестве одной и пока единственной из отраслей предметной судебной науки, название которой пока не определено, авторы выделяют методическую дисциплину – судебную бухгалтерию. Вместе с тем класс предметной судебной экспертизы они называют судебной экономической, а не судебной бухгалтерской. И включают в него следующие экспертизы (которые, как нам представляется, изучает не только судебная бухгалтерия, но и другие отрасли предметной судебной науки):

- бухгалтерская;
- планово-финансово-экономическая;
- экономико-технологическая;
- экономическая (хозяйственной деятельности);
- ценообразования.

Внутри класса СЭЭ авторы выделили экспертизы «по принципу общности их связей с предметными судебными и базовыми науками и некой близости их объектов и их методов исследования, тех методов, которыми решаются задачи, возникающие перед экспертами этого класса»<sup>4</sup>, но не указали конкретные объекты и методы исследования как основания классификации.

До настоящего времени среди ученых отсутствует единый подход к вопросу классификации СЭЭ. Так, Н.Т.Белуха (1993 г.) классифицирует СЭЭ на планово-экономическую, финансово-экономическую и судебно-бухгалтерскую; Т.М.Дмитриенко (1993 г.) – на судебно-бухгалтерскую, судебную планово-

экономическую, судебную финансово-экономическую, судебную инженерно-экономическую экспертизы. С.Г.Чаадаев и Т.М.Дмитриенко (1998 г.) СЭЭ рассматривают как самостоятельную экспертизу с присущим ей предметом, объектами и методиками. Е.Р.Россинская (1996 г.) и авторы энциклопедии судебной экспертизы (1999 г.) относят к классу СЭЭ бухгалтерскую, товароведческую<sup>5</sup>, планово-экономическую, финансово-экономическую экспертизы, при этом они ссылаются на положения диссертационной работы П.К.Пошюнаса. Е.Р.Россинская (2002 г.) взамен планово-экономической указывает судебную инженерно-экономическую экспертизу. А.А.Белов и А.Н.Белов (2003 г.) к классу СЭЭ относят бухгалтерскую, экономикотрудовую, финансово-экономическую, планово-финансовую, финансово-кредитную экспертизы. В.К.Степутенкова (2000 г.) выделяет три рода СЭЭ: судебно-бухгалтерскую, финансово-экономическую и инженерно-экономическую. Т.В.Аверьянова, Р.С.Белкин, Ю.Г.Корухов, Е.Р.Россинская (2001 г.) к числу современных и перспективных родов СЭЭ относят судебно-бухгалтерскую, финансово-экономическую, инженерно-экономическую экспертизы. Такое разнообразие мнений вызвано тем, что отсутствует единое научно обоснованное основание классификации.

По мнению Е.Р.Россинской, основаниями подразделения судебных экспертиз по классам, родам и видам является характер исследуемых объектов в совокупности с решаемыми задачами. Как нам представляется, задачи СЭЭ определяются системой тактических задач расследования преступления, которые, в свою очередь, напрямую зависят от системы уголовно-правовых целей и ситуации расследования. Поэтому анализ и систематизация уголовно-правовых целей, установленных уголовным законом по каждому преступлению, а также типизация исходных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, позволяют провести систематизацию экспертных задач, решаемых судебно-экономической экспертизой. Такая систематизация необходима и имеет большое значение для разработки как классификации экспертных методик, так и самих методик экспертного исследования. Но в основание внутриродовой классификации СЭЭ, по нашему мнению, должен быть положен характер исследуемых объектов. При этом возникает вопрос: что понимать под объектами судебно-экономической экспертизы?

Большинство ученых, исследующих вопросы судебно-экономических экспертиз, едины во мнении, что ее объектами вы-

ступают материальные носители информации учетно-экономического характера. Это закреплено и нормативными документами, регламентирующими порядок производства отдельных судебно-экономических экспертиз.<sup>6</sup> Вместе с тем, как справедливо подчеркивает Ю.Н.Баранов, «широко распространенные и ставшие общеупотребительными термины «предмет экспертизы»... и «объекты экспертизы», под которыми понимаются «материальные образования», имеющие вещную природу, отражают не исследовательскую сущность, а процессуальный характер экспертизы». Против такого понимания объектов судебно-бухгалтерской экспертизы обоснованно возражают В.К.Степутенкова и Н.Н.Горина: «Такое толкование объекта неизбежно выводит эксперта-бухгалтера за пределы его специальных знаний, ибо любой документ бухгалтерского учета, как и всякий другой материальный объект, обладает неисчислимым множеством свойств и может исследоваться в разных аспектах, с разных сторон, разными специалистами. Не случайно одни и те же бухгалтерские документы часто представляются для исследования не только экспертам-бухгалтерам, но и криминалистам, однако каждый из них при этом имеет свой непосредственный объект исследования»<sup>7</sup>. С нашей точки зрения, все разновидности судебно-экономических экспертиз исследуют один объект, который можно определить как учетно-экономические операции.

Выбор в качестве основания классификации СЭЭ разновидности учетных и экономических операций обосновывается следующими обстоятельствами. Такое основание классификации не вступает в противоречие ни с принципами построения научных классификаций<sup>8</sup>, ни с положениями главы 22 УК РФ, в которой объектом преступного посягательства выступает экономическая деятельность, элементом которой выступают экономические операции, ни с экономическими нормативными документами, дающими классификацию как видов экономической деятельности<sup>9</sup>, так и экономических операций<sup>10</sup>.

---

<sup>1</sup> Россинская Е.Р. Некоторые проблемы общей теории судебной экспертизы и подготовка экспертов судебных инженерно-технических экспертиз // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий: Материалы межведомственной научно-практической конференции. В 3 ч. – Саратов, 2002. – Ч.2. – С.5.

<sup>2</sup> Фортинский С.П. Судебно-бухгалтерская экспертиза по делам о хищениях и растратах // Проблемы криминалистики: Материалы науч-

ного совещания по криминалистике при Всесоюзном институте юридических наук /Под ред. И.Т.Голякова. – М., 1947. – С.73-75.

<sup>3</sup> Шляхов А.Р. Классификация судебной экспертизы //Общее учение о методах судебной экспертизы: Сборник научных трудов ВНИИСЭ. Вып.28. – М., 1977. – С.46-47.

<sup>4</sup> Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз): Учебное пособие. – Волгоград, 1979. – С.124.

<sup>5</sup> Следует отметить, что в отличие от других перечисленных экспертиз, исследующих содержание материальных носителей учетно-экономической информации, товароведческая экспертиза имеет специфичные объекты исследования – товары, их свойства, качество. Поэтому вопрос об отнесении ее к классу судебно-экономических экспертиз является спорным и требует научного обоснования.

<sup>6</sup> Методические рекомендации по организации и производству судебно-бухгалтерских экспертиз в подразделениях бухгалтерских экспертиз экспертных учреждений органов внутренних дел от 01.03.2000 г. №1/3461. – М., 2000; Инструкция о производстве судебно-бухгалтерских экспертиз в экспертных учреждениях системы Министерства юстиции СССР: Утв. МЮ СССР по согласованию с Прокуратурой СССР, Верховным Судом СССР, МВД СССР 9 июня 1987 года №К-8-463.

<sup>7</sup> Степутенкова В.К., Горина Н.Н. Понятие объекта судебно-бухгалтерской экспертизы // Вопросы теории и практики судебной экспертизы: Сборник научных трудов ВНИИСЭ. – М., 1990. – С.57-58.

<sup>8</sup> Воронин Ю.А. Введение в теорию классификаций / Под ред. М.М.Лаврентьева. – Новосибирск, 1982; Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. – Новосибирск, 1986.

<sup>9</sup> О принятии и введении в действие ОКВЭД (Общероссийского классификатора видов экономической деятельности): Постановление Государственного комитета РФ по стандартизации и метрологии от 6 ноября 2001 г. №454.

<sup>10</sup> Сиденко А.В., Матвеева В.М. Международный статистический учет: Словарь-справочник от А до Я. – М., 1999; Рябушкин Б.Т., Хоменко Т.А. Система национальных счетов. – М., 1993; Национальное счетоводство / Под ред. Г.Д.Кулагиной. – М., 1997.

## **ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ИГРОВОЙ АДДИКЦИИ**

Лисняк М.А., к.м.н., доцент  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Проблема аддиктивного поведения уже достаточно долго волнует современное общество. Один из ведущих исследователей в этой области профессор Ц.П.Короленко определяет аддиктивное поведение как одну из форм деструктивного поведения. Она «выражается в стремлении к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, что достигается различными способами – фармакологическими (прием веществ, воздействующих на психику) и не фармакологическими (сосредоточение на определенных предметах и активностях, что сопровождается развитием субъективно приятных эмоциональных состояний)».

Среди отечественных ученых и практических психологов наибольший интерес вызывали и вызывают химические формы аддикции, особенно алкогольная аддикция. Это вполне объяснимо на фоне широкого распространения среди населения психоактивных веществ. Однако смещение приоритетов в изучении аддиктивного поведения мешает своевременно заметить новую угрозу стабильности и безопасности российского общества. Эта угроза исходит со стороны нехимических аддикций, на первом месте среди которых находятся азартные игры (гэмблинг). Европейское и американское общества давно осознали опасность пристрастия к азартным играм и начали разрабатывать специальные программы по профилактике и коррекции данного отклонения. В России волна игромании только набирает обороты. Этому способствует стремительное развитие сети киосков с игровыми автоматами. В отличие от казино, которые предусматривают определенный круг клиентов с определенным уровнем достатка, игровые автоматы очень демократичны: свободный вход с улицы и небольшая начальная ставка создают труднопреодолимый соблазн для многих потенциальных аддиктов.

Как и всякая аддикция, гэмблинг затрагивает всю личность пострадавшего человека и проходит основные этапы развития от «точки кристаллизации» до полного доминирования аддиктивного поведения.

Возможность совершения противоправных действий имеется на любом из этапов развития аддикции. В первую очередь это преступления против собственности. Необходимость получения де-

нежных средств для продолжения игры заставляет аддиктов проявлять криминальную активность, рискуя своей карьерой, репутацией, семейными отношениями и другими моральными ценностями. Так, подполковник службы внешней разведки М., работая под прикрытием представительства «Аэрофлота» в Словакии, обокрал авиакомпанию на 61400 долларов США. Деньги хранились в служебном сейфе М., откуда он регулярно изымал и тратил на азартные игры в казино. Трудно заподозрить названного офицера в легкомыслии или непонимании фактического характера и общественной опасности своих действий. Более вероятно предположить, что, прекрасно понимая свои поступки, этот человек не мог достаточно контролировать свое поведение, не мог преодолевать возникающее стремление к азартной игре.

У игровых аддиктов присутствует и медицинский критерий невменяемости – иные болезненные состояния психики. В Международной классификации болезней 10-го пересмотра имеется раздел F 63 «Расстройства привычек и влечений», среди прочих указана патологическая склонность к азартным играм (F 63.0). Перечисленные диагностические критерии вполне соответствуют заключительному этапу формирования аддиктивного поведения – его полному доминированию над остальными видами активности.

Экспертная оценка пристрастия к азартным играм неоднозначна. С одной стороны, есть основания данных аддиктов считать психически больными людьми и направлять на судебно-психиатрическую экспертизу в пределах компетенции ст.21 УК РФ или ст.22 УК РФ, в зависимости от стадии формирования аддиктивного поведения. В случае начального этапа гэмблинга более уместно назначение судебной психолого-психиатрической экспертизы и, конечно, корректная постановка вопроса только об ограниченной вменяемости.

С другой стороны, игровая аддикция схожа с алкоголизмом. Человек вовлекается в пагубную страсть самостоятельно, собственными руками захлapyивает ловушку. Освободить этих лиц от уголовной ответственности, признавая их неспособными руководить своими действиями, – заочно поощрять потенциальных азартных игроков. К тому же совершенно неуместно садить на одну скамью невменяемых шизофреника с признаками дефекта и игрового аддикта, который вне болезненной страсти вполне правильно воспринимает окружающий мир и адекватно себя ведет.

Трудность экспертной оценки усугубляет невозможность объективно оценить структуру и тяжесть волевых нарушений. Могли подэкспертный действительно удержаться от кражи денег?

Экспертам приходится, изучив личность испытуемого, делать экстраполятивные выводы, без всякой гарантии совпадения их с реальным положением дел.

Игромания в России продолжает набирать обороты. Все больше людей, особенно несовершеннолетних, вовлекаются в ее сети. Скольких из них «однорукие бандиты» толкнут на кражу, разбой, подлог документов, растрату и другие преступления – покажет время. Следует только помнить, что игровые аддикты, становясь преступниками, сами являются жертвами. В связи с этим обстоятельством есть смысл активно разрабатывать вопросы, касающиеся их экспертной оценки.

## **К ВОПРОСУ АЛГОРИТМИЗАЦИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДАВНОСТИ НАСТУПЛЕНИЯ СМЕРТИ**

Ермилов А.А., к.м.н., доцент,  
профессор РАЕ

Красноярская медицинская  
академия

Ермилова Л.Б.  
Краевое бюро судебно-  
медицинской экспертизы

Разрешение вопроса о времени наступления смерти в значительной степени помогает в процессе расследования преступлений против жизни человека.

Существенному повышению качественного уровня и эффективности разрешения вопроса о давности смерти способствует алгоритмизация осмотра места происшествия и трупа на месте обнаружения, его дальнейшего секционного исследования.

Предлагаемый алгоритм составлен по данным, представленным в доступной литературе, а также на основе анализа экспертной практики и собственных исследований.

### **1. Осмотр трупа на месте его обнаружения**

**1.1. Исследования на наличие и степень выраженности суправитальных реакций**, под которыми следует понимать способность отдельных органов и тканей в первые часы после смерти реагировать на различные внешние раздражители – механические, электрические, химические.

*1.1.1. Реакция скелетных мышц на механическое раздражение:*

– провести поколачивание неврологическим молоточком в определенных мышечных группах (наружная поверхность верхней трети предплечья, тыльная поверхность кисти в первом межпальцевом промежутке, наружная и внутренняя поверхность тыла стопы и верхней трети голени, передняя поверхность нижней трети бедра, межлопаточная область) с регистрацией ответной реакции в виде сокращения определенных мышечных групп, что приводит к сгибанию и разгибанию кисти, стопы, смещению лопатки и др. (феномен Чако). Повторные исследования – через 30-60 минут;

– вызвать получение *идиомускулярной опухоли* (ИМО) – припухлости мышц в виде валика в месте нанесения удара рукояткой неврологического молотка. Руку трупа в локтевом суставе отводят под углом 45 град. и наносят резкий удар по двуглавой мышце плеча в средней трети. При образовании валика измеряют его высоту, фотографируют с масштабной линейкой. Повторный удар наносят через 30-60 мин., отступая на несколько сантиметров от первоначального, или по другой руке.

1.1.2. Исследовать *реакцию радужной оболочки глаза на химическое раздражение* при введении шприцем в переднюю камеру глаза 0,1 мл. 1% растворов пилокарпина гидрохлорида или атропина. До начала манипуляции измеряют диаметр зрачка, после чего секундомером фиксируют время сужения (расширения) с изменением его диаметра.

1.1.3. *Электрическое раздражение скелетных мышц* провести портативным источником постоянного тока с двумя игольчатыми электродами, которые вкалывают в определенные точки (в область наружных углов обоих глаз, в области наружного и внутреннего углов одного глаза, у углов рта, у угла нижней челюсти и в надключичной области, на передней поверхности бедра в нижней трети и тыльной поверхности стопы, на наружной поверхности плечевого сустава и тыльной поверхности кисти) и в течение 1 сек. подают напряжение, регистрируют ответную реакцию мышц (сокращение, сжатие век, фибриллярное подергивание).

1.1.4. *Электрическое раздражение внутриглазных мышц* проводится после предварительного осмотра зрачков с определением их формы и диаметра. После расширения век к бороздкам на границе склеры и роговицы прикладывают игольчатые электроды и включают ток. Скорость реакции зрачка в виде сужения или деформации (вытягивание зрачка в виде овала) определяют секун-



домером, а степень сужения или деформации измеряют масштабной линейкой.

**1.2. Исследования на наличие и степень выраженности трупных явлений.**

1.2.1. *Охлаждение трупа* определяется на ощупь, после чего проводится его термометрия с помощью специального прибора. Датчики одновременно вводятся в пищевод (внутригрудная температура), в прямую кишку (ректальная температура) и в печень (внутрипеченочная температура). Через час обязательно проводится повторная термометрия.

1.2.2. *Трупные пятна* исследуются по общепринятой методике. Определение стадии (гипостаз, стаз, имбибиция) и фазы развития трупного пятна проводится с помощью специального прибора – ликвородинамометра (одно- или двухрожкового), которым осуществляется дозированное (2 кг/кв.см.) давление на трупное пятно в течение 3 секунд. Отмечается изменение окраски (исчезает, бледнеет, окраски не меняет) и время ее восстановления с помощью секундомера.

1.2.3. *Трупное окоченение* исследуют во всех группах мышц (жевательная мускулатура, мышцы шеи, груди, живота, конечностей) по нисходящему принципу. Отмечается его наличие и степень выраженности (отсутствует, выражено слабо, умеренно, резко) применительно к каждой группе мышц.

1.2.4. *Высыхание трупа* определяют визуально, отмечая локализацию измененных участков тела – белочная оболочка глаза (пятна Ларше), переходная кайма губ, мошонка, половые губы, участки кожных покровов (пергаментные пятна), их размеры и состояние (цвет, плотность, выраженность границ).

1.2.5. Взятие материала для лабораторных исследований:

– обезжиренным предметным стеклом (после указания на состояние роговиц – прозрачные, помутневшие) делают не менее трех отпечатков с роговиц каждого глаза. Стекла перекладываются спичками, упаковываются в бумажный пакет, направляются в гистологическое отделение для исследования по методике К.И.Хижняковой;

– берутся аналогичным способом мазки-отпечатки выделений молочных желез для исследования их по методике К.И.Хижняковой.

1.2.5. При *гниении трупа* регистрируют: зеленоватое, грязно-зеленое окрашивание кожных покровов, его локализацию, степень выраженности; наличие и локализацию гнилостных пузырей и

гнилостной венозной сети; вздутие трупа, выпячивание глазных яблок, языка.

1.2.6. При *жировоске* указывается состояние кожных покровов, а при доступе к подкожно-жировой клетчатке – ее состояние (наличие «стеариновых шариков»).

1.2.7. *Торфяное дубление* проявляется уплотнением кожи, ее темно-бурой окраской, что и должно быть зафиксировано.

*Время проведения каждого* исследования заносится в протокол осмотра места происшествия, в котором должны быть отмечены погодные условия (температура воздуха, влажность, освещенность, осадки и пр.).

При невозможности проведения тех или иных исследований при осмотре трупа на месте его обнаружения, например вследствие неблагоприятных погодных условий, осмотр трупа необходимо продолжить *сразу же* после доставки его в морг.

## **2. Судебно-медицинское исследование трупа**

2.1. Макроскопическое исследование внутренних органов и тканей (окочение, имбибиция и пр.).

2.2. Гистологическое (гистохимическое) исследование внутренних органов, направленное на установление динамики аутолитических процессов.

2.3. Гистологическое исследование кожи с области трупного пятна для определения стадии его развития (по В.И.Кононенко).

2.4. Биохимические исследования крови, внутриглазной, спинно-мозговой жидкостей по разработанным для этой цели методикам.

2.5. Исследование содержимого желудочно-кишечного тракта (по К.И.Хижняковой).

## **3. Осмотр места обнаружения трупа**

3.1. Обратить внимание, зажжены ли лампы электрического освещения.

3.2. Проверить содержимое почтового ящика (как и до этого – содержимое карманов для обнаружения датированных справок, документов): даты находящихся в нем газет могут указать на последний срок, позднее которого почта не извлекалась.

3.3. Обратить внимание на количество мертвых мух на подоконнике: при отравлении синильной кислотой или цианистым водородом, если смерть наступила в светлое время суток, их обнаруживается большое количество.

3.4. Отметить состояние белья, развешанного для просушки.

3.5. Обратить внимание на часы (стенные, настольные, карманные): если они остановились, то время их остановки указывает на то, что смерть последовала раньше этого времени, и т.д.

3.5. Обратить внимание на наличие сухих или влажных следов крови на трупе или около него; обрастание паутиной; толщину слоя пыли.

3.6. Выявить состояние растений под трупом и вокруг него; поблекшая трава под трупом свидетельствует, что труп лежал в данном месте свыше 6-8 дней.

3.7. Установить, имеется ли прорастание сквозь труп корней растений.

3.8. Отметить разрастание водорослей на поверхности трупа, извлеченного из воды (указывает, что он пробыл в воде около 18-20 дней).

3.9. Принять меры к обнаружению на трупе *живых* паразитов: вши живут на трупе в течение 3-6 дней после смерти, на трупах, находящихся под водой, они выживают до 24 часов, блохи – до 16 часов.

3.10. Зафиксировать состояние ложа трупа: если до обнаружения трупа шел дождь, а земля под ним сухая, то тело попало до начала дождя; подсчитать количество слоев снега над трупом и выяснить с помощью метеорологической станции время снегопадов.

3.11. Провести забор материала для энтомологического и микологического исследований.

*Инструменты, устройства, приборы, используемые при осмотре трупа и проведении лабораторных исследований, должны быть сертифицированы.*

Объем указанных исследований (многих других) зависит от подготовки персонала и материально-технического состояния региональных бюро СМЭ.

В предлагаемом алгоритме не приводится объем действий при проведении оперативно-розыскных мероприятий по данному вопросу.

## **К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК**

Журавлева И.А., к.ю.н., доцент  
Юридический институт Красно-  
ярского государственного уни-  
верситета

В научной и методической литературе, посвященной вопросам судебной экспертизы, проблема экспертных ошибок достаточно глубоко не разрабатывалась.

Попытка раскрыть сущность экспертной ошибки была предпринята Г.Л.Грановским, по мнению которого «ошибкой эксперта можно считать его выводы (основные и промежуточные), не соответствующие действительности, а также неправильности в действиях или рассуждениях, отражающих процесс экспертного исследования, в представлениях, суждениях, понятиях»<sup>1</sup>.

Однако с данным определением нельзя согласиться, так как в нем отсутствует основной признак, позволяющий отличить экспертную ошибку от заведомо ложного заключения эксперта. Именно этот признак – наличие умысла – и отличает экспертную ошибку от преступления против правосудия.

Ложность заключения эксперта может выразиться: а) в умалчивании при исследовании существенных фактов и признаков объекта; б) в искаженном описании фактов и признаков исследуемого объекта; в) в заведомо неправильной оценке экспертом установленных им при исследовании фактов и признаков.<sup>2</sup> Необходимо отметить, что помимо указанных проявлений ложность заключения состоит также в неверных выводах эксперта.

Осознание ложности своих выводов или неправильности действий исключает заблуждение как такое психологическое состояние, при котором субъект не осознает неправильности своих суждений или действий. Такое заблуждения является добросовестным: эксперт искренне полагает, что мыслит и действует правильно.

В соответствии с изложенным более правильной представляется точка зрения Р.С.Белкина и А.К.Педенчука, которые определили экспертную ошибку как не соответствующие объективной действительности суждения эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, если и искаженные суждения, и неверные действия являются результатом добросовестного заблуждения.<sup>3</sup>

Следует иметь в виду, что причина ошибочного заключения эксперта не всегда кроется в допущенных им ошибках. Экспертное исследование может быть проведено правильно, а сделанные экспертом выводы полностью соответствовать полученным результатам. Но, если при этом исходные для экспертизы данные были ошибочными или исследуемые объекты не имели отношения к делу (фальсифицированные и т.п.), заключение эксперта окажется ошибочным. В этом случае имеет место не экспертная ошибка, а причиной неверного заключения может быть либо ошибка органа, назначившего экспертизу, либо умышленно противоправные действия.

Дискуссионным также остается вопрос о систематизации экспертных ошибок.

Г.Л.Грановским была предложена классификация экспертных ошибок, в соответствии с которой они делятся на общие – относящиеся к правильности решения поставленной общей задачи экспертного исследования, и частные – относящиеся к решению подзадач. Частные ошибки подразделяются им на ошибки обнаружения, преобразования и обоснования. По этой классификации общая ошибка – это неправильное заключение. Частные ошибки могут заключаться, соответственно, в использовании ненадлежащих реактивов для обнаружения невидимых следов или ненадлежащих методов и средств для обнаружения следов дописок и т.п. (ошибки обнаружения), в использовании не всех методов, известных науке и применяемых для усиления четкости следов и т.п. (ошибки преобразования), в игнорировании признаков, свидетельствующих об искажении следов и т. п. (ошибки обоснования).<sup>4.</sup>

Данная классификация была подвергнута справедливой критике со стороны Р.С.Белкина и А.К.Педенчука. По их мнению, общая ошибка с точки зрения процесса экспертного исследования есть не что иное, как логическое следствие частной ошибки (ошибка). В ином качестве она просто не существует. В классификации же частных ошибок отсутствует единое основание деления.<sup>5.</sup>

Помимо рассмотренной классификации Г.Л.Грановский предложил и другую, построенную с учетом «технических составляющих» деятельности эксперта. По этой классификации экспертные погрешности и заблуждения разделяются на ошибки: а) в определении целей (задач) экспертизы; б) в восприятии; в) при конструировании экспертных версий; г) при выборе способа (метода, технического средства) решения экспертной задачи (подзадачи); д) мышления; е) связанные с взаимодействием участников экспертизы.<sup>6.</sup>

Указанная классификация также вызывает возражения. В ней нарушены логические требования, предъявляемые к построению классификационных систем, вследствие чего в нее включены виды экспертных ошибок, выделяемых по разным основаниям. Кроме того, отдельные из них фактически дублируют друг друга. Например, ошибки в определении целей экспертизы (а) и ошибки при конструировании экспертных версий (в), по существу, являются разновидностями ошибок мышления.

Логически правильно построенной является классификация ошибок эксперта, разработанная Р.С.Белкиным и А.К.Педенчуком, в основу которой положена характеристика сторон процесса экспертного исследования. В соответствии с ней выделяются:

- 1) ошибки процессуального характера;
- 2) гносеологические ошибки;
- 3) деятельностные (операционные) ошибки.<sup>7</sup>

Ошибки процессуального характера заключаются в нарушении экспертом процессуального режима и процедуры экспертного исследования. К их числу относятся: выход эксперта за пределы своей компетенции, в частности его вторжение в сферу вопросов правового характера; дача заключения по вопросам, решение которых не требует специальных познаний; необоснованные, недостаточно мотивированные выводы либо обоснование выводов не результатами исследования, а материалами дела; самостоятельное, помимо следователя или суда, собирание дополнительных материалов для экспертизы, например образцов для сравнительного исследования и ответов эксперта на поставленные ему вопросы; несоблюдение установленных законом правил составления заключения, в частности отсутствие в заключении необходимых реквизитов, и т.д.

Гносеологические ошибки коренятся в ложности процесса исследования. Экспертные ошибки могут быть допущены при познании сущности, свойств, признаков объекта экспертного исследования, отношений между ними, а также при оценке результатов экспертного исследования, формулировании выводов.

Гносеологические ошибки можно подразделить на логические и фактические (предметные). Логические ошибки – это «ошибки, связанные с нарушением в содержательных мыслительных актах законов и правил логики, а также с некорректным применением логических приемов и операций»<sup>8</sup>. Предметные, или фактические, ошибки представляют собой искаженное представление об отношениях между предметами объективного мира. Если логические ошибки, как правило, могут быть открыты и исправле-

ны без знания предмета, о котором идет речь, то предметные ошибки, которые относятся к содержанию умозаключения, могут быть замечены и исправлены только тем, кто с знаком с самим предметом, о котором идет речь.<sup>9</sup>

Деятельностные (операционные ошибки) связаны с осуществляемыми экспертом операциями и процедурами с объектами исследования и могут заключаться в нарушении предметной последовательности этих процедур, в неправильном использовании средств исследования, в получении некачественного сравнительного материала и т. п.

Рассмотренная классификация хотя и построена по единому основанию, но она не отражает специфику ошибок, допускаемых при решении определенной задачи экспертного исследования. Представляется, что дальнейшая разработка классификационной системы экспертных ошибок должна строиться с учетом особенностей познавательных процессов и их стадий при решении задач по идентификации, распознаванию, реконструкции, реставрации, установлению причинной связи.

---

<sup>1</sup> Грановский Г.Л. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. – М., 1983. – С.2.

<sup>2</sup> Палиашвили А.Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. – М., 1973. – С.133.

<sup>3</sup> Белкин Р.С., Педенчук А.К. Понятие экспертных ошибок и их классификация // Общетеоретические, правовые и общеорганизационные основы судебной экспертизы. – М., 1987. – С.56.

<sup>4</sup> Грановский Г.Л. Указ.соч. – С.2-3.

<sup>5</sup> Белкин Р.С., Педенчук А.К. Указ. соч. – С.63.

<sup>6</sup> Грановский Г.Л. Указ.соч. – С.3-4.

<sup>7</sup> Белкин Р.С., Педенчук А.К. Указ. соч. – С.63-64.

<sup>8</sup> Философский энциклопедический словарь / Под ред. Н.Г.Фролова. – М., 1983. – С.322.

<sup>9</sup> Кондаков Н.И. Логический словарь. – М., 1971. – С.273.

## **ПРЕДМЕТ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

Комаров И.М., к.ю.н., доцент  
Алтайский государственный  
университет

Криминалистические операции представляют собой обусловленные ситуациями расследования криминалистический метод познания в практической деятельности субъекта доказывания при решении системных задач досудебного производства. Поэтому их основное предназначение связано с получением и применением в интересах досудебного производства уголовно значимой информации посредством специфического (присущего только криминалистическим операциям) воздействия на материальные и идеальные объекты – носители этой информации.

Информация о расследуемом событии преступления, поступающая к субъекту доказывания, по своему содержанию неоднородна. В криминалистике выделяют: а) уголовно значимую информацию как результат проявления в окружающей среде уголовно-релевантных признаков расследуемого события преступления и б) ориентирующую информацию о возможно совершенном (совершаемом) событии преступления, которая еще не имеет уголовно значимых признаков, но находится в причинно-следственной связи с ним. По существу, это доказательственная и ориентирующая уголовно значимая информация. Ее значимость для решения задач досудебного производства равноценна.

Извлечение и использование любой информации, которая ведет к обнаружению признаков преступления и установлению фактических обстоятельств дела, познание закономерностей ее движения в ситуации следственной проверки материалов и в ходе предварительного следствия – важные информационно-познавательная и конструктивная функции криминалистических операций.

По сути дела, они специфичны и отражают закономерности предмета криминалистики, которые можно отнести к предмету частной теории криминалистических операций.

Возникает вопрос: откуда это следует и что представляют собой эти закономерности?

Как известно, криминалистика представляет собой науку, изучающую закономерности целостного движения уголовно значимой информации в ситуациях совершения и расследования



преступлений в целях создания научных основ и практических рекомендаций для решения задач уголовного судопроизводства специальными средствами, приемами и методиками.

Условно ее предмет представлен закономерностями преступной деятельности и полезной деятельности субъекта доказывания по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений. Это деление связано с категориями криминалистической характеристики подготовки, совершения и сокрытия преступлений и криминалистической характеристики правоохранительной деятельности по их раскрытию, расследованию и предотвращению.

Криминалистическая характеристика подготовки, совершения и сокрытия преступлений, являясь системой описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, дающая представление о преступлении, личности его субъекта и иных обстоятельствах, об определенной преступной деятельности и имеющая своим назначением обеспечение успешного решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, через информационно-познавательную и конструктивную функцию криминалистических операций «питает» их на стадии планирования, организации, а в отдельных случаях и функционирования, уголовно значимой информацией для раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Этот процесс следует признать закономерным, так как он носит необходимый, повторяющийся, устойчивый и общий характер, без которого решение системных задач досудебного производства невозможно.

Криминалистические операции решают сложные системные задачи досудебного производства в качестве компонента криминалистической характеристики правоохранительной деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений. В этом процессе они закономерно отталкиваются от криминалистической характеристики подготовки, совершения и сокрытия преступлений и также закономерно ориентируются на нее. В системе криминалистической характеристики правоохранительной деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений совместно с криминалистическими операциями функционируют и другие компоненты: криминалистические ситуации, следственные версии и направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапе, система следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-

технических действий, которые также являются носителями уголовно значимой информации.

Пределы криминалистической характеристики правоохранительной деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений ограничены моментом начала предварительной проверки материалов и возбуждением уголовного дела, с одной стороны, и моментом полного установления обстоятельств дела – с другой.

Именно в этих пределах криминалистические операции извлекают и используют необходимую для своего функционирования уголовно значимую информацию из закономерного функционирования элементов системы криминалистической характеристики правоохранительной деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений.

Таким образом, информационно-познавательная и конструктивная функции криминалистических операций отражают закономерности извлечения из системы криминалистической характеристики подготовки, совершения и сокрытия преступления и криминалистической характеристики правоохранительной деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений необходимой уголовно значимой информации, ее использование в процессе досудебного производства.

На этой основе представляется возможным определить закономерности предмета криминалистики, которые, по нашему мнению, отражают криминалистические операции. Ими являются: закономерности обнаружения, извлечения и фиксации необходимой уголовно значимой информации из процессов целостного ее движения в ситуациях совершения преступлений и закономерности эффективного и оптимального использования этой информации (в качестве доказательственной и ориентирующей) в ситуациях расследования в целях решения системных задач досудебного производства.

Под закономерностями извлечения и использования уголовно значимой информации, которые мы относим к частной теории криминалистических операций, в первую очередь подразумевается закономерный процесс наполнения содержания криминалистических операций уголовно значимой информацией посредством ее отражения от источников-носителей для решения системных задач криминалистических операций.

Закономерности использования уголовно значимой информации основываются на закономерностях ее обнаружения и оценки в процессе криминалистических операций, а также направлен-

ности (системные задачи) в процессе досудебного производства в целом.

Указанные закономерности следует отнести к первой группе, составляющей предмет частной теории криминалистических операций, так как сами по себе они отражают лишь часть предмета криминалистики. Познание этих закономерностей не имеет практического смысла, если на их основе не будут разрабатываться научные положения, практические рекомендации и правила по применению криминалистических операций в досудебном производстве.

Поэтому ко второй группе закономерностей предмета частной теории криминалистических операций следует отнести закономерности формирования и совершенствования научных основ, практических рекомендаций и правил эффективного и оптимального функционирования криминалистических операций в решении задач досудебного производства.

## **ПОДГОТОВКА К ДОПРОСУ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) КАК ОСНОВА РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Репин А.В.

Сибирский юридический институт  
МВД России

Эффективное производство допроса невозможно без тщательной его подготовки. Уже стало аксиоматичным высказывание Н.И.Порубова о том, что «допрашивать без подготовки – значит сознательно допускать провал допроса»<sup>1</sup>.

В тактическом плане подготовка к допросу необходима для осуществления рефлексивного управления, на основе которого происходит процесс передачи следователем оснований для принятия допрашиваемым объективно обоснованного и необходимого для достижения тактических задач решения.<sup>2</sup> Рефлексия, являясь основой прогнозирования поведения допрашиваемого, представляет собой процесс «самопознания субъектом своих психических состояний и состояний других людей (размышление за другого), процесс зеркального многократного взаимоотражения субъектов общения».<sup>3</sup> Эффективность рефлексивных рассуждений зависит от ранга рефлексирующих сторон (следователя и допрашиваемого), каждый из которых выступает по отношению друг к другу как са-

мостоятельная саморегулирующаяся рефлексивная система. В свою очередь, ранг рефлексии напрямую зависит от степени осведомленности (информированности) общающихся.

Исходя из этой общей посылки, основной задачей следователя на подготовительном этапе предстоящего допроса является создание информационной базы, которая складывается из данных о предмете допроса и данных о личности допрашиваемого. Условно формирование информационной базы можно разделить на две стадии: до встречи следователя с допрашиваемым (создание мысленной модели предстоящего допроса)<sup>4</sup> и после первоначального знакомства следователя с допрашиваемым (корректировка мысленной модели допроса).

До допроса следователю необходимо тщательно изучить личность допрашиваемого и на этой основе создать его мысленный образ. Не останавливаясь на дискуссионных вопросах и проблемах изучения личности, отметим, что для определения механизма рефлексивного управления личностью обвиняемого (подозреваемого) должна изучаться с соблюдением следующих принципов:

- принцип изучения личности в деятельности;
- принцип цельности личности;
- принцип конкретно-исторического подхода.<sup>5</sup>

Соблюдение указанных принципов позволяет получить, хотя бы в общих чертах, представление о личности допрашиваемого для создания наиболее объективного его мысленного образа и прогнозирования возможных вариантов поведения на допросе.

Специфика допроса обвиняемых (подозреваемых) характеризуется тем, что это лица, лично заинтересованные в исходе дела и имеющие, как правило, обусловленную действием защитной доминанты установку на противодействие. Исходя из этого, изучая личность обвиняемого (подозреваемого), перед допросом необходимо, прежде всего, обратить внимание на такие личностные особенности, необходимые для осуществления рефлексивного управления, как рефлексивность, гибкость или ригидность (застойность) его мышления, а также характерологические качества – агрессивность, конфликтность поведения, устойчивость или неустойчивость к стрессорам, к неожиданно возникшим сложным обстоятельствам.<sup>6</sup>

Кроме того, для целенаправленного воздействия на личность допрашиваемого необходимо знание иерархии главных мотивационных потребностей (направленности) личности<sup>7</sup>, так как направленность личности обуславливает поведение. Следовательно, зная ведущие мотиваторы, следователь, сможет дозированно воздействовать на

личность и управлять ее поведением. Создание на основе рефлексивных рассуждений мысленного образа допрашиваемого является отправной точкой в создании механизма рефлексивного управления.

Но как бы тщательно ни была изучена личность, созданный образ допрашиваемого всегда будет поверхностным и будет содержать множество неточностей. Поэтому окончательно определить механизм рефлексивного управления возможно только в процессе непосредственного общения с допрашиваемым.

Помимо личностных особенностей допрашиваемого на механизм рефлексивного управления влияют еще ряд важных факторов. К ним можно отнести наличие доказательств по делу и их достаточность; наличие не установленных (не доказанных) по делу обстоятельств, их характер и возможность установления (проверки и доказывания) другими, помимо допроса обвиняемого (подозреваемого), способами; ситуации допроса, позиция допрашиваемого и т.д. Многофакторность допроса, прогнозирование нескольких возможных вариантов поведения допрашиваемого требуют от следователя продумывания и подготовки на каждый вариант поведения обвиняемого (подозреваемого) своего варианта действия.

Вариативность и гибкость тактической линии поведения следователя позволяют ему в максимально короткие сроки распознавать и оценивать изменения в складывающейся ситуации допроса, распознавать спрогнозированную ранее линию поведения допрашиваемого, создавать условия для реализации определенного варианта поведения допрашиваемого и, исходя из этого, выбирать адекватные способы воздействия, осуществляя тем самым рефлексивное управление допросом.

С целью выяснения того, как на практике осуществляется подготовка к допросу обвиняемых и подозреваемых, нами было проведено анкетирование и интервьюирование следователей прокуратуры. На вопрос «Изучаете ли Вы перед допросом обвиняемых (подозреваемых) их личностные качества?» 33,3% респондентов ответили, что изучают всегда; 56,4% изучают по возможности, 10,3% ответили, что нет времени на изучение личности. Свою линию поведения на допросе всегда заранее продумывают 33,3%, иногда – 25,6%, определяют линию поведения уже по ходу допроса 41,1% опрошенных.

Проведенное исследование показывает, что личность обвиняемого (подозреваемого) изучается и полученные данные используются при подготовке к допросу в лучшем случае лишь каждым третьим следователем. Такое отношение к подготовке допросов

обвиняемых (подозреваемых) не может не отражаться на качестве самих допросов и расследовании в целом.

Указанное обстоятельство наглядно демонстрирует, что проблемы тактики допроса не теряют своей актуальности до настоящего времени.

---

<sup>1</sup> Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. – 3-е изд., перераб. – Мн., 1978. – С.121.

<sup>2</sup> Зорин Г.А. Руководство по тактике допроса. – М., 2001. – С.88.

<sup>3</sup> Еникеев М.И. Юридическая психология: Учебник. – М., 2000. – С.434.

<sup>4</sup> Г.А. Зорин данную стадию называет предконтактной интерпретацией, подразумевая под ней «основанное на изучении личности методом обобщения независимых характеристик заключение следователя о характере и мотивах поведения данного человека на допросе и иных следственных действиях». Зорин Г.А. Указ. соч. – С.37.

<sup>5</sup> Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М., 1995. – С.73.

<sup>6</sup> Еникеев М.И., Черных Э.А. Психология допроса. – М., 1994. – С.15-16.

<sup>7</sup> Курс криминалистики. Особенная часть. Т.1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / Отв. ред. В.Е. Корноухов. – М., 2001. – С.32.

## **КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОГНОСЦИРОВКА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОВЕРКИ И УТОЧНЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ**

Андреев А.А.

Барнаульский юридический институт МВД России

В процессе раскрытия и расследования преступлений необходимо использовать весь арсенал средств, методов и приемов познания. Одним из эффективных способов такого познания является предварительное ознакомление с местом предстоящего производства следственного действия, в частности проверки и уточнения показаний на месте. Мы будем говорить о рекогносцировочных мероприятиях.

Если проанализировать литературу по рассматриваемому вопросу, то нетрудно убедиться, что упоминания о криминалистической рекогносцировке встречаются неоднократно. Так, в кримина-

листической литературе можно встретить указания по применению рекогносцировки, хотя такого термина криминалистическая наука в то время не знала и не употребляла, а просто указывала на действия, которые призваны помочь расследованию и обеспечить эффективность сбора криминалистической информации, тем самым еще до непосредственного проведения следственного действия уловить то, что может иметь значение для выявления источников криминалистической информации на определенном месте. Вряд ли рекогносцировку можно отнести к подготовительному этапу, поскольку она имеет обособленный и специфический характер.

Согласно словарю русского языка понятие «рекогносцировка» означает разведку для получения сведений о противнике, проводимую лично командиром, либо предварительное обследование местности для геодезических работ.<sup>1</sup>

В Большой российской энциклопедии «рекогносцировка – (от латинского *reconosco* – осматриваю) визуальное изучение противника и местности в районе предстоящих боевых действий лично командиром (командующим) и офицерами штабов для получения данных и принятия решения; в мирное время – при подготовке учений и др.»<sup>2</sup>.

Данный термин встречается и Боевом Уставе сухопутных войск. Суть рекогносцировочных мероприятий заключается в том, что командир взвода на местности указывает ориентиры положения противника и наиболее вероятностный характер его действий, уточняет задачи отделения (танка) и другие вопросы, связанные с использованием местности в бою. В специальной литературе, посвященной геодезии, определение рекогносцировки отсутствует.

Таким образом, рекогносцировка является общим методом, поскольку она используется в различных областях человеческой деятельности. Рекогносцировка в криминалистике – это добывание, обобщение и обеспечение достоверной криминалистической информацией следователя об элементах рекогносцируемого объекта, влияющих на использование сил, средств и методов при раскрытии и расследовании преступлений.

Рекогносцировка в процессе раскрытия и расследования уголовных дел применяется как частный прием и используется при производстве проверки и уточнения показаний на месте. Если же рекогносцировочные мероприятия составляют основу – суть действий следователя, то они выступают в качестве самостоятельного поискового мероприятия, используемого в следственной и оперативно-розыскной практике правоохранительных органов.

Рекогносцировочные мероприятия относительно широко применяются при расследовании преступлений. Однако анализ практики показывает, что во многих случаях, когда проведение рекогносцировки весьма желательно, следователь не проводит ее, стремясь получить недостающую информацию при помощи иных средств и методов расследования преступлений. Такое положение может быть объяснено следующими обстоятельствами. Рекогносцировка относится к числу сложных, многоструктурных поисковых мероприятий. Зачастую при ее проведении следователи встречаются с немалыми трудностями организационного характера (подбор участников, подыскание технических средств, значительные затраты времени). Кроме того, результаты рекогносцировки далеко не всегда приводят к обнаружению источников криминалистической информации, к бесспорным и категорическим выводам. Вместе с тем при расследовании значительного количества самых разнообразных преступлений рекогносцировка является необходимым, а иногда и незаменимым поисковым мероприятием.

Например, при расследовании незаконного хранения взрывчатых веществ и боеприпасов проверялись и уточнялись показания подозреваемого Сташкевича, который согласился указать место, где он хранил часть боеприпасов. Поскольку предполагаемое место предстоящей проверки находилось в лесном массиве, было решено организовать рекогносцировку места в ходе непосредственного проведения следственного действия. В составе рекогносцировочной группы в качестве специалиста участвовал военный консультант. Перед тем как проследовать к определенному участку местности, следователь предварительно уточнял у Сташкевича его особенности. Рекогносцировочная группа шла впереди следственной группы и по радиосвязи прослушивала показания проверяемого. В результате удалось обнаружить и обезвредить два хорошо замаскированных взрывных устройства натяжного действия, о которых подозреваемый в течение всего следственного действия не упоминал.<sup>3</sup>

Данный пример наглядно свидетельствует о важности рекогносцировки, которая во многих случаях позволяет не только обеспечить успешное производство проверки и уточнения показаний на месте, но и предотвратить совершение новых тяжких преступлений.

Рекогносцировочные мероприятия могут проводиться различными сотрудниками правоохранительных органов:

- следователем единолично;
- следственной бригадой;



- оперативным работником;
- группой оперативных работников;
- следователем и оперативным работником;
- следственно-оперативной группой;
- специально созданной рекогносцировочной группой.

Подводя итог вышесказанному, мы считаем, что криминалистическая рекогносцировка – это предварительное изучение следователем и иным субъектом правоохранительных органов объекта с целью получения сведений о его характерных особенностях, определенных свойствах, а также качествах и чертах элементов, его составляющих, имеющих значение для принятия или уточнения тактического решения.

---

<sup>1</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С.587.

<sup>2</sup> Большая российская энциклопедия. – М., 2001. – С.1316.

<sup>3</sup> Уголовное дело №683627. Архив Свердловского областного суда.

## **РОЛЬ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ**

Баркова Т.В.

Сибирский юридический институт  
МВД России

При расследовании уголовных дел институт судебных экспертиз в силу своей природы является одним из наиболее предпочтительных источников получения доказательств. О сущности, значении и проблемах судебных экспертиз за последние тридцать лет на страницах специальных изданий написано немало.

«Комплексная экспертиза предполагает одновременное использование различных специальных знаний для изучения одного объекта (одной группы объектов) с целью установления одного искомого факта-доказательства»<sup>1</sup>. Потребность в комплексной экспертизе определяется наличием всех указанных признаков.

Особенностью комплексной судебной экспертизы является вытекающая из задачи следователя (либо суда) необходимость привлечения специальных познаний в разных областях. Дискуссионными были вопросы о «наполнении» понятий «комплексная экспертиза» и «комплексные исследования». На практике встречаются случаи, когда один специалист имеет «допуски» по различным специальностям, обладая тем самым интеграционными

знаниями в разных областях, достаточными для самостоятельного (единоличного) формулирования вывода. Можно ли в данном случае говорить о «комплексности»? Большинство авторов считают, что нет. Признавая возможность вышесказанного, думается все же, что наличие нескольких разных лиц, участвующих в проведении комплексной экспертизы, повысит надежность вывода. «Ум хорошо, а два – лучше». И определяющими признаками комплексной экспертизы признаем:

- 1) синтез различных специальных познаний;
- 2) комиссионность (коллективность) специалистов при ее производстве.

По словам Н.С.Романова, «...при производстве комплексной экспертизы за счет взаимодействия разных специальных познаний становится возможным решение двух взаимосвязанных задач: 1) повышать разрешающую способность используемых научных данных (в основе чего лежит закономерность системного образования: создание системы ведет к возникновению нового интегративного качества, не свойственного отдельно взятым образующим систему компонентам); 2) обеспечивать надежность результатов исследования, поскольку при этом повышается судебно-экспертная компетентность как по профилю, так и по объему тезауруса»<sup>2</sup>.

Формулирование экспертами ответа на общий вопрос постановления (при этом оставим в стороне проблему «достаточности совокупности отдельных установленных родовых, групповых признаков для установления индивидуального тождества) значительно облегчает оценку результатов экспертизы следователем, а впоследствии – и судом.

Использование следователем возможностей комплексных экспертиз позволяет избегать экспертных ошибок, устранять возможно имеющиеся между экспертами разных специальностей противоречия по установлению определенных фактов, объясняемых условиями слеодообразования, сокращать сроки следствия.

Все вышеперечисленные преимущества комплексной экспертизы по сравнению с отдельно назначаемыми экспертизами по разным видам исследования для решения единого вопроса очевидны.

Тем не менее, как показывает изучение экспертной практики по Сибирскому региону, количество межведомственных (комплексных медико-криминалистических экспертиз) измеряется еди-

---

\* Тезаурус – термин информатики, которым обозначается некоторое множество понятий, хранящихся в памяти исследователя

ницами в год. Чуть больше количество назначаемых комплексных экспертиз в пределах одного экспертного учреждения.

Следовательно, следователи не используют возможности комплексных экспертиз, что не может не сказаться на качестве проводимых расследований.

---

<sup>1</sup> Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. – М., 2000. – С.208.

<sup>2</sup> Романов Н.С. Взаимодействие специальных познаний при производстве комплексных экспертиз // Вопросы методики производства отдельных родов судебных экспертиз. – М., 1989. – С.170.

## **ПРЕОДОЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Ким Д.В., к.ю.н., доцент  
Барнаульский юридический инсти-  
тут МВД России

В процессе своей деятельности правоохранительные органы разрешают различные задачи, применяя при этом весь накопленный арсенал разнообразных научно обоснованных и отработанных передовой криминалистической практикой приемов и методов. С точки зрения системного подхода весь комплекс проводимых действий на том или ином этапе расследования представляет собой подсистему в общей методике расследования преступлений.

Первоначальный этап характеризуется информационной неопределенностью, поэтому весьма ответственным с точки зрения обеспечения успешного и быстрого раскрытия преступления является принятие решения о форме реагирования правоохранительных органов на поступившую информацию о преступлении. При этом избираемые методы и приемы, исходя из конкретной криминальной ситуации, должны соотноситься с наличием имеющихся сил и средств и их рациональным использованием. Они должны базироваться на определенной системе, порядке, последовательности и, главное, целенаправленном освоении накопленного в этом деле опыта, в том числе зарубежного.

Проведенные нами исследования в Сибирском регионе (Алтайский и Красноярский края, Томская, Новосибирская и Кемеровская области) показали, что по изученным уголовным делам,

возбужденным в первый день после получения повода, раскрыто по горячим следам почти 30% преступлений, на второй день – уже около 12%, а на третий день – лишь около 7%.

Таким образом, незамедлительное реагирование на поводы к возбуждению уголовного дела, быстрое возбуждение по ним уголовных дел являются важнейшей процессуальной гарантией раскрытия преступлений по горячим следам.

Базовым основанием для определения выбора организационно-тактических приемов для обеспечения раскрытия преступления являются исходные криминалистические (следственные) ситуации и криминалистические (следственные) ситуации, складывающиеся в процессе деятельности субъектов доказывания.

Ситуационные особенности обуславливаются, во-первых, временным интервалом, прошедшим от момента совершения преступления до момента поступления в соответствующий орган сообщения о нем, во-вторых, содержанием первичной информации об обстоятельствах преступления. Примерный расчет указанного интервала времени, относительная достоверность сведений о преступлении, информация об известных элементах его криминалистической характеристики служат исходным материалом для выдвижения и безотлагательной проверки версий.

При незначительном объеме исходных данных, вызывающих неопределенность и затруднения в выдвижении и проверке версий, основной задачей на первоначальном этапе является получение исчерпывающей информации, содержащейся в том или ином источнике. Преодолению информационной неопределенности способствует предварительное программирование комплекса действий соответствующих участников.

По значению содержащейся криминалистической информации можно выделить центральный и вспомогательные источники.

Центральный источник криминалистической информации должен содержать, на наш взгляд, следующие признаки: возникновение в процессе совершения преступления; обязательность исследования данного источника; содержание в этом источнике криминалистической информации о доказываемом или доказательственных фактах<sup>1</sup>; наличие закономерных связей этого источника с другими элементами криминалистической характеристики преступления.

При расследовании преступлений в каждом конкретном случае центральный источник будет разный. Так, в одном случае это будет субъект преступления, тогда закономерные связи между элементами системы могут выглядеть следующим образом: от

способа преступления к субъекту преступления; от потерпевшего к субъекту преступления; от мотива преступления к субъекту преступления и т.д. В другом случае – способ преступления, тогда связи будут иными.

Что же касается вспомогательных источников, то они не всегда связаны между собой. Так, потерпевшие до преступления могут и не знать друг друга либо через способ совершения преступления не всегда можно выявить субъекта преступления.

Правильное определение центрального и вспомогательных источников, полагаем, является залогом того, что задачи расследования будут решены. Определяющим же фактором при выборе очередности, совместности и параллельности решения отдельных (как стратегических, так и тактических) задач будет криминалистическая ситуация, складывающаяся к первоначальному этапу расследования.

Можно выделить основные стратегические задачи, представляющие наибольшую сложность в достижении и имеющие решающее значение для оптимального расследования. Ими являются установление общего характера события преступления и подозреваемого (обвиняемого). Установление таких обстоятельств, как способ совершения преступления, обстановка преступления, орудие преступления и мотив часто осуществляются на протяжении как первоначального, так и дальнейшего этапов расследования. Почти в каждом из изученных уголовных дел по корыстно-насильственным преступлениям одновременно с установлением субъекта преступления решались задачи по установлению способа и мотива преступления – в 80%, потерпевшего – в 96%, орудия преступления – в 25%, обстановки – в 40%.

Все свои действия субъект доказывания проводит с учетом известных элементов криминалистической характеристики преступлений, выделяя из них главный, центральный элемент (источник), который закономерно связан с другими элементами.

Действия, направленные на исследование центрального источника, – это действия, направленные на решение центральной тактической задачи. Ими могут быть розыскные, следственные и иные действия. В последнюю очередь проводятся действия по конкретизации собранной уголовно значимой информации.

Установлено, что динамическим фактором развития криминалистической ситуации, определяющим ее направленность и интенсивность, может выступать тот смысл, который имеет уголовно значимая информация для субъекта доказывания в каждый момент времени на определенном этапе расследования. С учетом этого

можно выделить два вида смысловых (лично-значимых) образований в структуре криминалистической ситуации.

Первые – это те элементы ситуации, которые оцениваются субъектом доказывания с точки зрения достижения тактической цели (например, обнаружение следов преступления, установление лица, подозреваемого в совершении преступления, и т.д.).

Вторые – те элементы ситуации, которые обуславливают дальнейшее целеобразование, то есть инициируют формулирование новых тактических целей, выступающих как промежуточные цели деятельности субъектов доказывания.<sup>2</sup>

Следует также учитывать и то, что специфика доказывания в уголовном судопроизводстве требует, чтобы решение как тактических, так и стратегических задач на том или ином этапе расследования проходило параллельно. Учитывая эти связи, основываясь на ситуационном подходе, полагаем, можно преодолеть информационную неопределенность и в целом оптимизировать процесс расследования преступлений.

---

<sup>1</sup> Ким К.В. Комплексное применение криминалистических методов расследования. – Караганда, 1995. – С.120.

<sup>2</sup> Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – С.21.

## **ИЗУЧЕНИЕ «ОЧАГОВ» ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРУГА ПОИСКА ПРЕСТУПНИКА**

Космодемьянская Е.Е., к.ю.н.  
Сибирский юридический институт  
МВД России

Анализ состояния преступности по Красноярскому краю за период 2002-2003 гг. позволяет говорить о том, что общий массив зарегистрированных преступлений в 2002 г. составил 50343 преступления, в 2003 г. – 55875 преступлений, что на 11% больше по сравнению с предыдущим периодом, при этом процент раскрываемости составил 68,1% в 2002 г. и 63,2% в 2003 г. Основную долю преступлений в общем массиве занимают преступления против личности и собственности, в частности грабежи и разбойные нападения. Так, в 2002 г. было зарегистрировано 899 разбойных на-

падений, в 2003 г. – 851, что на 5,3% меньше по сравнению с предыдущим периодом, однако раскрываемость этих преступлений в 2002 г. составила 68,6%, а в 2003 г. – всего 59,1%; грабежей в 2002 г. зарегистрировано 1398 преступлений, а в 2003 г. – уже 1627, при этом процент их раскрываемости, как и по разбойным нападениям, снизился с 50,6% в 2002 г. до 48,1% в 2003 г. Анализ состояния преступности по г.Красноярску показал, что разбоев в 2002 г. зарегистрировано 545 преступлений, в 2003 г. – 452, при этом также наблюдается снижение процента их раскрываемости с 57,1% до 44,6% за соответствующие периоды. Что касается грабежей, то их в городе в 2002 г. зарегистрировано 1490 случаев, в 2003 г. – 1923, процент раскрываемости составил 37,7% и 38,9% соответственно. Приостановление предварительного следствия за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, либо вследствие того, что подозреваемый, обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено (п.п.1, 2 ч.1 ст.208 УПК РФ), по уголовным делам, возбужденным по факту грабежа, было осуществлено в 1135 случаях, по факту разбойного нападения – в 275 случаях. Анализ распространения данных категорий преступлений по районам города показывает, что основная масса грабежей в 2003г. была совершена в Кировском (390) и Свердловском (360) районах, при этом процент их раскрываемости составил всего около 40%. Максимальное количество разбойных нападений за тот же период было совершено в Кировском (91) и Советском (88) районах, процент их раскрываемости также составил около 40%. Таким образом, наблюдается тенденция увеличения количества грабежей при снижении процента их раскрываемости и достаточно частом приостановлении предварительного следствия из-за неустановления преступника, что обуславливает необходимость разработки эффективных средств поиска преступника.

В процессе расследования преступления и установления лица, его совершившего, значительную помощь могут оказать данные о так называемом «очаге» преступления, под которым в криминалистике понимается совокупность ряда преступлений, совершенных в пределах определенной территории (город, район, жилой массив и т.п.), в определенный период времени (неделя, месяц, квартал), относящихся к одному виду или группе и предположительно совершенных одним и тем же преступником или одной и той же группой преступников.

При употреблении термина «очаг преступления» акцентируется внимание на том, что в совокупности нераскрытых преступ-

лений между отдельными посягательствами прослеживается материально-следовая и территориально-временная связи, позволяющие выдвигать версии о совершении серии преступлений одним и тем же преступником или одной и той же группой преступников.

Анализ следственной практики показывает, что очаговый характер наиболее всего присущ кражам из квартир, разбойным нападениям и грабежам, поэтому в случае распознавания очага преступления создаются предпосылки к его раскрытию, что объясняется следующим:

1) анализ, сопоставление и систематизация разрозненных сведений, относящихся к каждому отдельному преступному событию по отдельной территориальной единице, позволяет во многих случаях получить достаточно определенную информацию для установления виновного или хотя бы ограничить круг поиска;

2) распознавание очага позволяет не только конкретизировать сведения о разыскиваемом, но и прогнозировать его поведение, так как многие преступники продолжают преступную деятельность вплоть до их задержания.

Критериями распознавания «очага» является ряд обстоятельств, таких как: посягательство на одинаковые, однородные или сходные объекты; одинаковая цель или направление преступного деяния; одинаковые или похожие способы совершения преступления; одинаковая или сходная связь по месту и времени между отдельными действиями преступника; однородный характер следов, оставленных на различных местах совершения преступлений; одинаковые или сходные элементы описания признаков внешности и одежды возможного преступника или примененных им средств.

В процессе расследования «очага» анализируются следующие обстоятельства:

– территориальное соотношение между местом преступления и иными местами, имеющими отношение к делу (места сокрытия, реализации похищенного);

– маршруты общественного транспорта, соединяющие эти места, либо использование преступником личных транспортных средств;

– время совершения преступлений и временные интервалы между преступлениями;

– объекты преступного посягательства (магазины, квартиры, учреждения);

– предпочитаемые предметы хищения;

– приемы и орудия преступления;



– данные о личности потерпевшего и др.

На основе анализа этих обстоятельств делаются выводы о возможных направлениях движения преступника, его предполагаемом месте жительства, профессии.

Анализ практики расследования грабежей и разбойных нападений, совершенных в Железнодорожном районе г.Красноярска, позволил говорить о действительном наличии «очагов» данных преступлений, расположение которых было выявлено: 1) в районе Железнодорожного вокзала; 2) на пр.Мира около домов №128-131; 3) на пересечении улиц Профсоюзов – Ленина; 4) на ул.Маерчака; 5) на ул.Железнодорожников; 6) на ул.Калинина и Комбайностроителей; 7) на ул.Л.Кецховели.

При анализе территориального соотношения между местом преступления и маршрутами общественного транспорта, соединяющими эти места, явно видна зависимость между этими элементами, поскольку вдоль указанных улиц проходят оживленные транспортные магистрали, что позволяет преступникам после совершения преступления обеспечить себе быстрый отход с места события и транспортировку похищенного.

Анализ 56 обвинительных заключений по уголовным делам, возбужденным и расследуемым в 2000-2002 гг., по таким элементам, как время совершения преступлений и временные интервалы между преступлениями и предпочитаемые предметы хищения, показал, что наибольшее количество грабежей и разбойных нападений в 2000 г. было совершено в ноябре, декабре, в 2001 г. – в январе, декабре, в 2002 г. – в январе и июне. Можно говорить о сезонном характере данных преступлений, что позволяет высказать предположение о взаимосвязи периода совершения преступлений с характером предмета посягательства (зимний период – шапки, верхняя одежда), однако, как следует из анализа практики, предмет хищения во всех рассмотренных случаях не зависел от времени совершения преступления. При этом анализ этих преступлений по месяцам за указанный период времени позволяет говорить о том, что данные «очаги» имеют пространственно-временную устойчивость: в течение месяца большинство грабежей и разбойных нападений совершается в указанных районах. Установленные данные важны для разработки мер общего предупреждения этих преступлений в указанных районах, а также для установления того, что несколько преступлений совершены одним и тем же лицом или одной и той же группой лиц.

Как правило, отправными моментами, к которым обращается следователь при выявлении «очага» преступления, являются объ-

ект посягательства, способ, время, место совершения и материальные следы преступления. При этом недостаточно внимания уделяется изучению территориального соотношения места преступления и места жительства преступника. Такое соотношение объективно существует, и анализ взаимосвязи этих элементов на примере Железнодорожного района г.Красноярска привел к выводу, что в 48,6% случаев грабежи и разбойные нападения совершаются лицами, проживающими в одном микрорайоне с местом совершения преступления, остальные 51,4% приходятся на долю тех преступников, которые проживают за пределами данного микрорайона. Из общего числа последних 59,5% грабежей и разбоев совершено лицами, проживающими в других районах в пределах города, 13,5% – жителями других населенных пунктов края, 27% – лицами из числа БОМЖиП. Иными словами, при расследовании «очага» следует рекомендовать проверять на причастность к совершению преступлений лиц, проживающих не только в районе данного «очага», но в большей степени в пределах города, что должно повлиять на организационные формы взаимодействия при расследовании данной категории преступлений, в данном случае речь может идти о специализированной следственно-оперативной группе.

Таким образом, изучение взаимосвязей между местом совершения грабежа или разбойного нападения и местом жительства преступника определяет район поиска, позволяет ограничить круг лиц, проверяемых на причастность к совершению данного преступления, способствуя быстрому раскрытию, а также предупреждению преступлений данной категории. А условиями оптимизации процесса поиска преступника, совершившего противоправные деяния, в рамках «очага» преступления и ускорения его расследования являются постоянный обмен информацией и комплексное сотрудничество следственных и оперативно-розыскных аппаратов ОВД разных уровней, а именно в рамках района, города и края в целом.

## **КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СОТРУДНИК ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТ СОВЕРШЕНИЯ ЭТОЙ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Бойко Ю.Л.  
Барнаульский юридический  
институт МВД России

На фоне обострения существующей криминальной ситуации в России усиливается атмосфера страха и неуверенности наших граждан в своей личной безопасности, продолжает расти недоверие к власти. Эти процессы усугубляются криминализацией во властных структурах, в том числе и сфере деятельности органов внутренних дел.

Острый недостаток денежных средств, выделяемых правительством и местными органами власти на поддержание правопорядка, увеличение числа экстремальных ситуаций, вследствие чего на личный состав возрастает нагрузка и риск для их жизни и здоровья, продолжающееся в результате инфляционных процессов обесценивание денежного содержания весьма значительно отражаются на морально-психологическом состоянии сотрудников.

Анализ сложившейся ситуации в последние годы свидетельствует об устойчивой тенденции к увеличению количества преступлений со стороны сотрудников органов внутренних дел. В структуре зарегистрированных преступлений значительную долю занимают такие виды, как общеуголовные, должностные, возросло число преступных посягательств, совершенных сотрудниками в составе преступных группировок. Немалую долю в этой структуре занимают и корыстно-насильственные преступления, отличающиеся по своему содержанию от других категорий преступлений не только особой жестокостью с причинением физического вреда, применением психического воздействия, но и причинением имущественного ущерба.

Уголовно-наказуемые деяния, совершаемые сотрудниками милиции, снижают авторитет органов внутренних дел, формируют негативное отношение населения к ним, подрывают саму основу существования правоохранительных органов, способствуют развитию правового нигилизма.

Совершая преступления, такие лица используют профессиональные знания, навыки и возможности, активно противодейству-

ют процессу раскрытия и расследования преступных деяний, нередко опережая правомерные действия своих коллег.

Особенную тревогу вызывает тот факт, что некоторые сотрудники, особенно молодые, все чаще идут на конфликт с уголовным законом. «Будучи схваченными за руку, они, не слишком смущаясь, признают, что пришли в милицию именно ради «левых» заработков». Корыстная мотивация у ряда сотрудников (даже при их материальной обеспеченности) стала превалировать над их профессиональной этикой, что сводит на «нет» благие намерения в глазах общественности.

Личность сотрудника милиции, совершившего преступление, с одной стороны, несет на себе все наиболее общие признаки личности преступника вообще, а с другой стороны, вбирая в себя все многообразие личностей, совершающих конкретные преступления данного вида, отражает в обобщенной форме особенности личности по категории «собственно милицеевских» преступлений.

Главное состоит в том, что личность преступника-милиционера не является случайной на статистическом уровне по отношению к факту совершения преступления вообще, он использует свои должностные полномочия, специальные навыки, профессиональные знания и возможности.

Для организации расследования и его планирования, выдвижения версий о лице, совершившем корыстно-насильственное преступление, из числа сотрудников органов внутренних дел необходимо изучение их возрастных характеристик. Как правило, преступниками становятся молодые сотрудники в возрасте от 25 до 29 лет. Это подтверждают и данные нашего исследования. Так, среди осужденных за разбойные нападения доля лиц в возрасте до 30 лет составляет 75%. Что касается возрастных особенностей убийц из числа милиционеров, совершивших это деяние из корыстных побуждений, то здесь доминируют преступники от 30 лет и старше (55%).

Возрастные особенности преступников накладывают отпечаток и на содержание мотивов и целей преступной деятельности. Обычно они связаны с тремя мотивами: корысть (70%), иная личная заинтересованность (18%) и интересы ложно понимаемой служебной необходимости (12%). Как видно, корыстные мотивы превалируют в преступных посягательствах сотрудников милиции. Опрос осужденных из числа бывших сотрудников милиции показал, что только 20% связывали свои противоправные действия с материальными трудностями, еще 3,5% заявили, что причиной совершенного преступления было желание материально помочь родным (знакомым). Вместе с тем за недолгое время прохождения

службы в ОВД у 47% опрошенных появилась собственная квартира или дом.

Корыстно-насильственный характер посягательств сотрудников милиции преимущественно подтверждается и материалами исследуемых прекращенных уголовных дел в отношении этой категории сотрудников. Более чем в 68% изученных дел сотрудники милиции при совершении противоправных действий преследовали корыстные цели. Желание иметь много денег и реальные возможности их заработать противоправным путем ведут в отдельных случаях к тому, что молодой сотрудник во имя достижения этой цели, не считаясь с существующими обстоятельствами и предполагаемыми последствиями, «готов на все». Будущая беззаботная «денежная» жизнь с развлечениями будоражит его воображение, делает безразличным к интересам общества, к своему долгу, верности присяге и т.д.

Для характеристики личности сотрудников милиции, совершивших корыстно-насильственные преступления, существенное значение имеет градация их по кадровому составу. Среди этой категории преступников абсолютное большинство составляют лица рядового и младшего начальствующего составов (более 58%), лица среднего и старшего начсоставов составляют соответственно 34% и 7%. Учитывая такое соотношение, можно утверждать, что криминальная активность первых несколько выше в силу как субъективных факторов: недостатки профессионального отбора, низкая эффективность мер воспитательного воздействия, так и объективных: указанная категория сотрудников чаще сталкивается с негативными сторонами сегодняшней жизни, воспринимая все ее проявления.

## **К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШАЕМОГО КИТАЙСКИМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППИРОВКАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

Фойгель Е.И.  
Байкальский государственный  
университет экономики и права

Как известно, экономические преступления в целом, а совершенные иностранными гражданами в частности относятся к

разряду самых высоколатентных. Так, не секрет, что признаки состава незаконного предпринимательства содержатся в большинстве случаев осуществления приоритетных направлений деятельности китайских граждан на территории России. Количество проживающих граждан Китая на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока в настоящее время практически не поддается подсчету – в неофициальных источниках называются цифры от 200 тысяч до 1,5 млн. человек. Между тем, по данным ГИЦ МВД России за 2002 г., по всей территории Российской Федерации были направлены в суд всего 16 уголовных дел о незаконном предпринимательстве, совершенных гражданами КНР, а за январь – июнь 2003 г. – 8<sup>1</sup>!

Очевидно, что правоохранительные органы встречают на своем пути значительные затруднения в выявлении, расследовании и раскрытии уголовных дел данного вида, одним из которых, на наш взгляд, является недостаточно четкое уяснение некоторых элементов криминалистической характеристики незаконного предпринимательства, таких как наиболее распространенные способы совершения преступления, типичные следственные ситуации и др., с учетом специфики субъекта преступления, а также геополитических и сырьевых особенностей Восточно-Сибирского и Дальневосточного регионов.

Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации совершается членами корейских и особенно китайских преступных группировок на территории Дальнего Востока и Восточной Сибири России достаточно часто. Формы совершаемого преступления разнообразны – от нелегальной торговли товарами народного потребления до создания целых цехов по производству различных товаров в огромных масштабах.

Специфика субъекта преступления определяет наиболее типичные способы совершения незаконного предпринимательства, наиболее распространенными из которых являются следующие:

1) торговля на рынках оптовой и розничной торговли. Это наиболее простой, примитивный и достаточно распространенный способ совершения незаконного предпринимательства. Большинство китайских «челноков» получают свои доходы таким образом;

2) организация «восточного досуга». Следует оговориться, что организация публичных домов не является законным видом предпринимательской деятельности, поэтому влечет ответственность и по другим статьям Уголовного кодекса. Однако содержание нелегальных массажных кабинетов, бань, саун, казино, пре-

имущественно для своих соотечественников, достаточно распространено, особенно на Дальнем Востоке России;

3) незаконное выполнение работ и оказание услуг. Например, известен факт, когда была задержана группа китайских граждан, незаконно производивших пластиковые окна. В августе 2002 г. оперативники «иностранного отдела» Управления угрозыска Приморского края получили информацию о том, что в Уссурийске работает группа китайцев, которая устанавливает пластиковые окна без всяких разрешающих данную деятельность документов. Как установили оперативники, окна изготавливались из низкосортного китайского сырья<sup>2</sup>;

4) самым распространенным способом совершения преступления, ответственность за которое предусмотрено ст.171 УК РФ, является организация и функционирование подпольных цехов по переработке морепродуктов, производству алкогольной продукции, пошиву одежды, обуви и других товаров, продаваемых потом как произведенные в странах Западной Европы. Размах данного способа огромен. Не говоря уже о Дальнем Востоке, ни для кого не секрет, что во многих столичных общежитиях, где проживают выходцы из Юго-Восточной Азии, функционируют цехи, мастерские и ателье, где в больших количествах производятся товары народного потребления. Кроме того, широко производится нелегальная алкогольная продукция.

Так, в ноябре 1999 г. сотрудники Индустриального РУВД г.Хабаровска обнаружили подпольный завод по производству фальсифицированной водки. Принадлежала линия китайскому предпринимателю, а по совместительству – главарю одной из организованных преступных группировок китайскому гражданину Пяо Дунчуню.<sup>3</sup>

Весьма распространены подпольные заводы по переработке морепродуктов в Приморье России, что иллюстрирует следующий пример: в Находке сотрудники УБОП и пограничники прекратили деятельность китайцев, незаконно перерабатывавших дары российских морей, которым в период с сентября 2000 г. по март 2001 г. удалось переработать около 12 тонн трепанга-сырца и получить прибыль около 5 тысяч долларов США<sup>4</sup>;

5) незаконное предпринимательство проявляется также в скупке и реализации леса и лесопродуктов, лома черных и цветных металлов, дериватов, что является одной из самых злободневных проблем борьбы с экономической преступностью.

Наиболее распространенными на первоначальном этапе расследования являются следующие типичные следственные ситуации:

1. Имеются документально подтвержденные факты осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации, без лицензии или с нарушениями условий лицензирования, субъект преступления установлен. Сбор достаточных данных осуществляется преимущественно посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение интересующей информации о характере незаконной предпринимательской деятельности, о ее непосредственных исполнителях и руководителях.

2. Имеются документально подтвержденные факты незаконного осуществления предпринимательской деятельности. Субъект преступления не установлен. Поводами к возбуждению уголовного дела могут явиться заявления и письма граждан. Известны случаи, когда предприятия, занимающиеся незаконным предпринимательством, были оформлены на поддельные документы никогда не существующих лиц либо на документы умерших.

3. Незаконная предпринимательская деятельность прекращена, денежные средства на счетах отсутствуют, местонахождение руководителей компании неизвестно.

В зависимости от следственной ситуации дальнейшее расследование строится на сочетании следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Наиболее распространенными и эффективными следственными действиями являются допрос, осмотр документов и назначение судебных экспертиз (судебно-экономической, судебно-бухгалтерской и др.).

Подчеркнем еще раз, что незаконное предпринимательство, совершенное китайскими и корейскими преступными группировками на территории Дальнего Востока и Восточной Сибири России, в большинстве случаев сочетается с иными составами экономических преступлений, наиболее распространенными из которых являются контрабанда, невозврат валютной выручки и легализация преступных доходов.

---

<sup>1</sup> Данные ГИЦ МВД России за январь-декабрь 2002г., январь-июнь 2003 г.

<sup>2</sup> Ерошкина Е. Немецкое окно с китайским акцентом // Ежедневные новости. – Владивосток, 2002. – 5 сентября.

<sup>3</sup> Незаконная деятельность иностранных граждан // [http:// compro-mat.ru](http://compro-mat.ru).



<sup>4</sup> На Сахалине ликвидирован подпольный цех по переработке трепанга // <http://www.sakh.ru/news/?id=4889&day=15&mon=03&year=2001>

## К КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Филиппов М.П., к.м.н., доцент  
Барнаульский юридический ин-  
ститут МВД России

Бойко Ю.Л.  
Барнаульский юридический ин-  
ститут МВД России

За последние годы наркомания превратилась в одну из наиболее тяжелых и актуальных проблем российского общества. Так, по сведениям специалистов, к началу 2000 г. в России было около 6 миллионов потребителей наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Каждый четвертый-пятый больной наркоманией – несовершеннолетний. По данным Министерства обороны, во многих регионах нашей страны в последние 2-3 года практически каждый двенадцатый призывник попробовал наркотики и каждый двадцатый принимал их более или менее регулярно. Такой масштаб распространенности наркомании приводит к социальной дезадаптации больных, инвалидизации, высокой смертности в молодом работоспособном возрасте и, что немаловажно, к росту преступлений.

Если говорить о сложившейся ситуации с распространением наркотиков в России, то прежде всего следует сказать, что их большая часть поступает путем контрабанды из других стран.

По интенсивности контрабанды в Россию и виду наркотиков в странах ближнего зарубежья можно выделить четыре устойчивые группировки, имеющие определенные исторические традиции в наркобизнесе: *восточная* (средняя Азия, Казахстан), *южная* (Закавказье), *юго-западная* (славяно-молдавская), *северо-западная* (Прибалтика) группировки.

Наибольший объем контрабанды наркотиков фиксируется из восточной группировки. Под ее контролем находятся: Таджики-

стан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия и Казахстан. Объем составляет около 54,4% от общей контрабанды наркотиков странами бывшего СССР. По видам наркотиков это опий (73,7%), препараты из конопли (73,5%), морфий (60,8%) героин (46,8%).

Согласно информации Генштаба Вооруженных Сил, подтвержденной ФСБ России по своим каналам, в Горно-Бадахшанской АО Таджикистана созданы шесть перевалочных пунктов, которые принадлежат автономно действующим группировкам, имеющим свои каналы контрабанды и транзита наркотиков в странах СНГ и регионы сбыта:

– *Дарвазская группировка* (Москва, Санкт-Петербург, Финляндия);

– *Хорогская группировка* (Москва, Южный Сахалин, Красноярск);

– *Ишкашимская и Поршневецкая группировки* (Ош, Томск, Омск, Волгоград);

– *Роушанская и Ванчская группировки* (Тюмень, Якутия, Владивосток, Мурманск, Владикавказ, Новосибирск, Красноярск).

С чеченской и солнцевской группировками, выходцы из которых взяли под контроль «Балканский путь» в середине 90-х гг., контакт опосредованный.

Наркотики перебрасываются автотранспортом через границы Узбекистана и Киргизии, самолетами военно-транспортной авиации Минобороны России и погранвойск Российской Федерации, самолетами авиакомпании «Таджикистан» и авиакомпаний других государств. Межведомственный анализ оперативных материалов показывает, что две трети перевозок наркотиков на территорию России осуществляется железнодорожным транспортом (грузовым и пассажирским), остальная часть – в равных мерах с использованием грузовых и пассажирских авиаперевозок, а также автотранспортом.

Если учесть тот факт, что большое количество наркотиков поступает из Афганистана и Пакистана, становится очевидным колоссальный масштаб контрабанды.

Криминалистические исследования и практическая деятельность сотрудников правоохранительных органов и вновь созданного Комитета Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ показывает, что невозможно выделить единую криминалистическую характеристику преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в масштабе всей страны. Свои отличительные особенности имеют регионы с крупными мегаполисами, портовые города, курортные зо-

ны, районы Крайнего Севера, а также территории, граничащие с республиками (государствами) Средней Азии.

Характеристика рассматриваемых преступлений различна и по уровням распространения наркотиков – действия при сбыте крупных транзитных партий наркотиков отличаются от действий родового исполнителя сбыта их потребителям (наркоманам).

Если коротко остановиться на Алтайском крае, то его географическое расположение определяет ему роль ворот, через которые в Сибирские регионы из Казахстана и государств Средней Азии поступает сырье опийного мака. Вместе с тем стали нередки случаи употребления героина и ЛСД.

По данным Алтайского краевого наркологического диспансера, анализ ситуации потребления наркотических веществ показал его рост к концу 2000 г. (за 10 лет) более чем в 21 раз (по России – в 8 раз). За этот же период число подростков, зависимых от наркотиков, выросло более чем в 70 раз (по России – более чем в 17 раз).

К 2000 г. среди 89 субъектов Российской Федерации Алтайский край вышел на 5 место по числу больных с синдромом зависимости от наркотических веществ. Из регионов Сибирского федерального округа (8 территорий) Алтайский край занимал 4 ранговое место после Томской, Кемеровской и Иркутской областей. В 2001 г. данный показатель составил 419,8 на 100 тыс. населения (11093 человека), к уровню 2000 г. увеличился на 10%.

Изменилось соотношение женщин и мужчин, страдающих наркоманией: если 5 лет назад оно составляло 1:10, то сейчас 2:10.

Таким образом, криминалистическая характеристика незаконного оборота и потребления наркотических веществ весьма вариabильна и требует детальной доработки в целях профилактики, раскрытия и расследования преступлений. Более того, необходимо учитывать тот факт, что за последние 2 года изменилась фактура наркотических средств в регионах Сибирского федерального округа, и в частности в Алтайском крае.

## **ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, СВЯЗАННЫХ С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА**

Гавло В.К., д.ю.н., профессор  
Алтайский государственный уни-  
верситет

Корчагин А.А., к.ю.н.  
Барнаульский юридический инсти-  
тут МВД России

Обострение социальных, экономических и национальных противоречий в условиях перехода России к рыночным отношениям привели к значительному росту числа преступлений, в том числе наиболее тяжких из них – умышленных убийств, совершенных способами, связанными с безвестным исчезновением граждан.

При этом обращают на себя внимание исчезновение лиц женского пола. Так, если в Алтайском крае в 1999 г. из 588 убийств только 1 было связано с безвестным исчезновением женщины, то с 2000 г. и по настоящее время их уже 81. В настоящее время имеется тенденция к увеличению числа данных убийств. Позже трупы исчезнувших находили с признаками насильственной смерти. Возбужденные уголовные дела в одних ситуациях успешно раскрывались, в других – нет, судьба исчезнувших оставалась не установленной, и они попадали в число лиц, без вести пропавших. Методика расследования таких преступлений определяется тем, что убийство осуществляется в отношении лиц женского пола, характеризующихся возрастными, физиологическими и психологическими особенностями, которые и повлияли на выбор преступником своей жертвы. У преступника возникает феномен, назовем его «влечение к женщине и расправа с ней как с беззащитной жертвой» с целью быстрого разрешения своих преступных интересов (сексуальные, корыстные, ревности, мести, возникшей на почве личных отношений и др.) путем ее убийства, как правило, сокрытия трупа и факта убийства, используя свое превосходство в физической силе, ловкости, обольщении, обмане и т.п.

Следственно-судебная практика располагает многочисленными примерами успешного раскрытия и расследования рассматриваемой категории убийств. Однако, к сожалению, имеют место и серьезные недостатки в деятельности следственно-оперативных органов, в том числе несвоевременное возбуждение уголовных дел, неправильная оценка следственных ситуаций, невыдвижение

всех следственных версий, несвоевременное и некачественное проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и др. Эти недостатки зачастую вызваны объективными факторами, среди которых сложность складывающихся следственных ситуаций по делу; несвоевременное обращение родственников, близких исчезнувших женщин в правоохранительные органы. Многие убийства рассматриваемой категории являются латентными, что, полагаем, связано с отсутствием достаточно адаптированной к сегодняшнему дню методики их расследования.

Методика расследования данных убийств, полагаем, должна быть выделена по смешанному критерию: уголовно-правовому (родовой объект – убийство) и криминалистическому (личность потерпевшей – лицо женского пола, способ и механизм убийства и слеодообразования – внезапное, неожиданное по времени исчезновение женщины). Эту методику расследования следует отнести к частной. При ее разработке важно учесть закономерности методики расследования и других видов преступлений, которые сопровождаются убийством, с присущими им механизмами слеодообразования и, следовательно, соответствующими методами обнаружения и использования следов преступления в установлении происшедшего события с учетом следственных ситуаций. То есть исчезновение женщины может быть связано с другими видами преступлений (изнасилование и убийство, убийство в состоянии аффекта, незаконное производство аборта с сокрытием трупа и факта убийства и др.), что необходимо учитывать при разработке этой методики.

В криминалистической методике расследования убийств, связанных с исчезновением женщин, как системе необходимо выделить две составляющие ее подсистемы. Первая подсистема отражает закономерности преступной деятельности по совершению убийств, связанных с исчезновением женщин. Вторая – закономерности полезной деятельности субъектов, осуществляющих раскрытие, расследование и судебное разбирательство убийств, связанных с исчезновением женщин. Тогда целесообразно, закономерно, с позиции деятельностного подхода (Н.Г.Юдин, В.Н.Сагатовский, М.С.Коган и др.), вести речь о криминалистической характеристике убийств, связанных с исчезновением женщин, и криминалистической характеристике их предварительного расследования и судебного следствия, которые являются структурными компонентами частной методики расследования данных убийств. Составляющими криминалистической методики они являются потому, что отражают полярную деятельность людей в

сфере уголовно-правовых отношений, с одной стороны, противозаконную и наказуемую, а с другой – законную, поощряемую государством и направленную на решение задач уголовного судопроизводства, сформулированных в ст.6 УПК РФ.

Криминалистическую характеристику убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола, можно определить как систему знаний о совокупности обстоятельств, характеризующих основные элементы способа, механизма, обстановки совершаемых преступлений, слеодообразования, личности потерпевшей, личности виновных, мотивации преступного поведения в ситуациях подготовки, совершения и сокрытия преступлений, учитываемых в методике их раскрытия, предварительного расследования и судебного следствия. Настоящая криминалистическая характеристика должна содержать максимум научно выясненных коррелирующих между собой сведений о том, что и в каких криминальных ситуациях происходит при внезапном, немотивированном исчезновении лиц женского пола, какие и где при этом могут находиться следы-последствия расследуемого события преступления.

Научно обобщенные, интегрированные сведения обо всех элементах криминалистической характеристики рассматриваемой категории преступлений имеют чрезвычайно важное значение в методике их расследования. Они являются своего рода источником получения по уголовному делу криминалистически значимой информации.

Используя метод матрицирования, можно таким путем успешно отсеивать ненужную информацию и, наоборот, отыскивать не видимую, скрытую пока от следствия полезную информацию. К сожалению, на практике недооценивается значение познания физиологических, биологических, социально-психологических характеристик личности исчезнувших женщин, что не позволяет в полной мере использовать метод расследования «от личности потерпевшего к преступнику».

Между тем личность внезапно исчезнувшей женщины является базовым источником получения криминалистически значимой информации для решения в складывающихся следственных ситуациях криминалистических задач. В методике расследования важно сосредоточить разнообразную криминалистически значимую информацию об исчезнувших женщинах, поскольку преимущественно способ, время, обстановка убийства выбираются преступниками с учетом личности женщин. К числу таких данных важно отнести: фамилию, имя, отчество; возраст; место жительства, место работы, учебы; семейное положение; взаимоотношения с окру-

жающими; образ жизни, увлечения, привычки; черты характера; обстоятельства, предшествовавшие исчезновению; намерения потерпевшей в предшествующее исчезновению время; были ли у потерпевшей конфликты с окружающими, когда, с кем, из-за чего; места, которые обычно посещала потерпевшая; маршруты, которыми обычно передвигалась. Чаще всего пропадают женщины в возрасте от 25 лет и старше, большинство из них со средним образованием, многие ничем не занимаются. Чаще – жительницы городов. У 60% потерпевших исчезновению предшествовали различного рода конфликтные ситуации в семье, неудачное совершение сделок с имуществом или, наоборот, получение денежных средств. Знание данных элементов криминалистической характеристики личности потерпевшей позволяет обоснованно и целенаправленно строить версии о мотивах исчезновения потерпевшей, о направлениях ее поиска, о поиске следов, оставленных как самой без вести пропавшей, так и преступником.

Мотивы, которыми чаще всего руководствуются убийцы, совершая нападение на потерпевших, следующие: 17% раскрытых убийств были совершены по сексуальным мотивам. По нераскрытым убийствам версия о сексуальном мотиве совершения преступления выдвигалась по 65% уголовных дел. 17% раскрытых уголовных дел были совершены по корыстным мотивам, что касается уголовных дел, по которым не удалось установить убийцу, то версии о корыстном мотиве совершения преступления выдвигались по 35% уголовных дел.

6% раскрытых убийств были совершены по мотивам ревности, 9% – по мотивам мести, 34% – на почве неприязненных отношений, сложившихся между убийцей и потерпевшей, 2% раскрытых убийств были совершены из хулиганских побуждений, 13% – с целью сокрытия другого, ранее совершенного убийцей преступления, 2% составили случаи, когда имело место сочетание мотивов совершения преступных действий. По нераскрытым уголовным делам версия о совершении убийства на почве неприязненных отношений проверялась по 5% уголовных дел.

Личность убийцы корреляционно связана с другими элементами, составляющими криминалистическую характеристику рассматриваемой категории убийств. Пролить свет на личность убийцы могут такие элементы криминалистической характеристики, как место совершения убийства, время, способ, орудие совершения преступления, механизм совершения преступления, личность потерпевшей. 90% раскрытых убийств женщин были совершены мужчинами, 5% – женщинами, также 5% составили случаи, когда

убийцами были и мужчина, и женщина. 43% раскрытых убийств были совершены лицами в возрасте от 36 лет и старше. Убийцы в возрасте от 25 до 36 лет составили 20%, в возрасте от 19 до 25 лет – 23%, в возрасте от 14 до 18 лет – 7%. По нераскрытым уголовным делам подозреваемые в возрасте от 25 до 36 лет составили 1%.

В методике расследования и судебного следствия важное значение имеют данные об образовательном уровне, о социальном положении, месте жительства, об отношении к алкоголю, наркотикам, судимости, семейном положении, о степени родства с потерпевшей и др. Так, изучение семейного положения убийц показало, что женатыми на момент совершения преступления были 25% убийц. Среди выявленных убийц у 30% были дети. Изучение степени родства убийц и жертвы привело к следующим результатам: 6% потерпевших являлись женами убийц, 2% – матерями, 1% – дочери преступников, племянницы – 1% потерпевших, бабушки убийц – 2% потерпевших, тети преступников – 1%, не состояли в родственных отношениях с потерпевшими 86% преступников. Изучение степени знакомства преступников и потерпевших показало, что 74% выявленных убийц были хорошо знакомы с потерпевшими.

Под механизмом убийств, связанных с исчезновением женщин, следует понимать порожденную объективными и субъективными факторами систему взаимодействующих между собой обязательно-необходимых и случайно-сопутствующих явлений, отражающую причины и процесс возникновения преступного замысла, подготовки, совершения и сокрытия преступления, образования его следов, имеющих значение для решения криминалистических задач.

В способе подготовки, совершения и сокрытия убийств, связанных с исчезновением женщин, отражаются индивидуальные социально-психологические и физические свойства преступника, его навыки и умения. Так, в 40% случаев убийцы нападали на женщин неожиданно; 56% убийц перед непосредственным нападением общались с жертвами; в 90% случаев убийцы сразу применяли физическое насилие. По 25% раскрытых дел смерть потерпевших наступила от удушения. По нераскрытым делам 16% женщин погибли от удушения, 4% – от утопления, 11% – в результате применения холодного оружия, 1% – огнестрельного, 1% – от отравления. В 20% случаев по раскрытым делам трупы потерпевших были полностью обнаженными, 14% – частично. По 65% раскрытых дел вещи потерпевших находились рядом с их трупами. В 53%



случаев трупы перетаскивались с места убийства, в 47% – перевозились в другое место.

Для следователя очень важно правильно анализировать все данные о способе совершения и сокрытия убийства, что позволяет целенаправленно вести поиск преступника.

Проблемными вопросами методики расследования данных убийств остаются недостаточная изученность криминалистической характеристики совершения данных убийств и корреляционных связей между элементами, ее составляющими; криминалистической характеристики предварительного расследования и судебного следствия; следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном и дальнейшем этапах расследования, а также в суде, и путей их разрешения; использования специальных познаний, возможностей судебных экспертиз, особенно судебно-психиатрических, судебно-медицинских, судебно-биологических; тактики производства следственных и оперативно-розыскных действий в условиях действия УПК РФ.

Дальнейшая разработка методики расследования убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола, полагаем, будет способствовать повышению эффективности борьбы с ними методами криминалистики.

## **К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПО ДЕЛАМ О БАНДИТИЗМЕ**

Гавло В.К., д.ю.н., профессор  
Алтайский государственный университет

Севрюков В.В.  
Алтайский государственный университет

В ходе предварительного и судебного следствия органы дознания, следователь, прокурор и суд (судья) постоянно сталкиваются с преступным проявлением, обозначенным в криминалистике понятием «противодействие расследованию». Несмотря на имеющиеся и ведущиеся в этом направлении исследования, необходимо отметить, что многие аспекты противодействия расследованию еще не рассматривались, а те, что обсуждались, спорны. Напри-

мер, различно объясняются понятия «противодействие расследованию», «преодоление противодействия расследованию» и их содержание, соотношение понятий «конфликтное взаимодействие» и «противодействие расследованию» и др. Отметим, что проблемы противодействия расследованию применительно к отдельным видам и группам преступлений являются также малоизученными, а их исследование – актуальным. В связи с этим полагаем, представляет научный интерес и практическое значение изучение имеющего особенности противодействия расследованию по делам о бандитизме как наиболее опасном преступлении.

Основными факторами, побуждающими банду оказывать противодействие правоохранительным органам, являются желание оставаться безнаказанными, страх перед разоблачением и ответственностью за содеянное. Чтобы избежать ответственности, члены банды прибегают к различным формам противодействия следствию на всех этапах подготовки, совершения и сокрытия преступлений. Для совершенных бандой преступлений характерны преступный профессионализм, организованность и тщательное соблюдение принципов конспирации. 30% банд имеют коррупционные связи и так называемое «прикрытие» в органах власти и правоохранительных структурах, что ведет к низкой раскрываемости совершенных бандитами преступлений.

Вследствие реальной незащищенности участников уголовного процесса, в том числе потерпевших и свидетелей, от противоправного на них воздействия со стороны находящихся на свободе членов банды или их родственников и знакомых возникают серьезные проблемы с привлечением к уголовной ответственности не только лидеров, но и рядовых членов банды. Связано это с тем, что на предварительном следствии и в суде свидетели и потерпевшие меняют свои показания в отношении членов банды или отказываются их давать, вследствие чего исчезают доказательства и дело, на языке следователей, разваливается.

Потерпевшие и свидетели, и не без оснований, боятся сообщать сотрудникам правоохранительных органов известные им обстоятельства преступлений, а нередко дают следствию такие показания, которые выгодны лицам, принимавшим участие в преступлении. Некоторые банды при совершении преступлений идут на крайние устрашающие действия и устраняют свидетелей своей преступной деятельности. Например, Тищенко С. с целью сокрытия бандитского нападения, связанного с убийством Акбашева, Солодченко, Степченко и покушением на умышленное убийство Томсона, приказал своему брату Тищенко И. стрелять из имеюще-

гося у него огнестрельного оружия во всех свидетелей – очевидцев совершенного преступления, находящихся на территории шашлычной. Тищенко И., выполняя распоряжение Тищенко С., действуя способом, опасным для жизни многих людей, взял в салоне автомашины гранату РГД-5 и бросил в людей, находящихся на указанной территории.<sup>1</sup>

В последнее время участились случаи использования нестандартных методов воздействия на потерпевших. Все чаще в качестве угрозы применяется шприц с ВИЧ-инфицированной кровью.<sup>2</sup>

Давлению со стороны членов банды подвергаются не только потерпевшие и свидетели, но и судьи, следователи, прокуроры и оперативные работники, и даже присяжные заседатели.

С уходом в криминал бывших, а иногда и действующих сотрудников силовых структур появились ранее не применявшиеся или крайне редко применявшиеся очень опасные способы противодействия раскрытию и расследованию преступлений, связанные с более утонченным физическим и психическим воздействием на участников уголовного процесса.

Наиболее распространенными из них стали: шантаж; подкуп или попытка подкупа; непосредственное физическое насилие; уничтожение личного имущества; насилие над близкими родственниками. Как показало обобщение материалов практики, к лицам, занимающимся раскрытием и расследованием преступлений данной категории дел, применялись: подкуп (32%); физическая расправа и предшествующие ей угрозы (28%); убийство (12%); насилие над близкими (17%); разглашение сведений, порочащих честь и достоинство лица (3%); уничтожение имущества (8%).

Сильное противодействие оказывают организованные преступные формирования. Если задерживаются лица, входящие в организованное преступное формирование, то, как правило, лидеры его привлекают коррумпированных работников органов власти и правоохранительных структур (фактически оплачиваемых бандой) с целью «развала» уголовного дела и оправдания задержанных.

Организованные преступные формирования бандитской направленности имеют большие финансовые возможности как для привлечения высококлассных адвокатов, так и для подкупа необходимых должностных лиц. Формы подкупа многогранны: от прямой взятки до завуалированных («спонсорская» помощь в приобретении оргтехники, автомашин, стройматериалов, ремонте помещений и т.п.).

Для преодоления противодействия расследованию со стороны банд необходимо проводить следующие мероприятия:

- осуществление оперативно-розыскного наблюдения за лицами, вовлеченными в сферу уголовного процесса, в том числе за свидетелями, потерпевшими, а также их близкими, в отношении которых имеется информация о противоправном воздействии на них членов банды;

- сохранение объектов – носителей доказательственной информации;

- обеспечение защиты лиц, представляющих интерес для банды.

На первоначальном этапе раскрытия и расследования преступлений, совершенных бандой, для уменьшения противодействия со стороны банды можно провести ряд оперативно-тактических игр. Например, возможно проведение эффективных тактических игр по дезинформации разрабатываемых бандгрупп и преступных структур при совершении ими насильственных не раскрытых преступлений (бандитских налетов, убийств, разбойных нападений, грабежей и т.п.).

Возможно также преднамеренное распространение в средствах массовой информации сведений по увлечению следствия якобы верной версией, что, как показала практика, способно отвлечь внимание преступников от осуществления ими активных мероприятий, направленных на противодействие расследованию.

Следует учитывать и такие уловки банды, когда формы противодействия ее следствию проигрываются заранее, еще до совершения бандитских нападений, и принимаются меры к активной реализации их на этапах подготовки, совершения и сокрытия преступлений. В случае же раскрытия преступления, эпизода срабатывает весь сложный механизм противодействия в системе (подкуп, давление, угроза, физическое устранение).

Способов сокрытия преступлений может быть несколько, что требует их дальнейшего изучения, поскольку они выступают информационно-основой бандитизма в разработке криминалистических методов нейтрализации.

Анализ практики убеждает нас в том, что сложившаяся система организации выявления и раскрытия преступлений, совершенных бандой, далеко не всегда в состоянии противостоять и активно проводить работу по нейтрализации противодействия следствию. Основные звенья системы МВД – горрайлиноорганы, в которых сосредоточены более 90% личного состава уголовного розыска, другие оперативные службы свои усилия сосредотачивают главным образом лишь на решении задач реагирования на преступления (рассмотрение заявлений, сообщений и иной информации). Объем этой работы, как показали исследования, составляет 30%

выполняемой нагрузки. В этих условиях на оперативно-розыскную деятельность по выявлению и разработке лиц, являющихся членами банды, практически не остается резерва рабочего времени. При создавшейся ситуации возникает необходимость максимального освобождения оперативного состава от кабинетного рассмотрения первичных материалов. Важно сосредоточить усилия оперативных работников на инициативной оперативно-розыскной деятельности по исходным данным о бандитизме, тем более что, по приведенным начальником ГУБОП СКМ данным, на сегодняшний день на всей территории России продолжают действовать около 100 крупных ОПГ.

Дальнейшее изучение особенностей противодействия расследованию и его преодолению по делам о бандитизме будет способствовать повышению эффективности борьбы с ними криминалистическими методами.

---

<sup>1</sup> Уголовное дело №2-78/98. Иркутский областной суд.

<sup>2</sup> Брифинг начальника ГУБОП Службы криминальной милиции МВД РФ Н.А.Овчинникова. Опубликовано 13:41 05.08.2003 Документ: <http://www.volgainform.ru/allnews/141987/>.

## **ПРАКТИКА ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБОРОТА ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЙ ЛИКЕРОВОДОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ**

Казанцев Д.А.

Отдел по расследованию организованной преступной деятельности в сфере экономики следственной части УВД г.Барнаула

Филиппов М.П., к.м.н., доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Рубцов В.Г.

Барнаульский юридический институт МВД России

Оборот фальсифицированной ликероводочной продукции продолжает оставаться одной из наиболее распространенных форм незаконного предпринимательства. Борьба с преступлениями в

сфере данного оборота актуальна и для Сибирского региона, в котором имеются достаточно много предприятий, производящих ликероводочную продукцию, а также крупных предприятий по производству этилового спирта, служащего сырьем для фальсифицированной продукции. О том, какой вред экономике причиняется в результате совершения таких преступлений, думаем, пояснять не стоит.

Данная сфера преступной деятельности, являясь высокодоходной, уже давно находится под контролем различных организованных преступных групп. Это во многом обуславливает повышенную сложность в выявлении и расследовании рассматриваемых преступлений. Однако в большинстве случаев практика выявления и расследования этих преступлений не учитывает организованный характер преступности в сфере оборота фальсифицированной ликероводочной продукции.

По данным ГСУ и УБЭП ГУВД Алтайского края, за 11 месяцев на территории края выявлено 5062 правонарушения в сфере оборота данной продукции, 4844 лица, совершивших такие правонарушения, общий объем изъятой фальсифицированной ликероводочной продукции и этилового спирта составил 42 945 литров. Однако за этот период возбуждено всего 37 уголовных дел и не выявлено ни одного подпольного цеха. То есть в подавляющем большинстве случаев выявляются рядовые исполнители, да и те фактически остаются безнаказанными, так как привлекаются лишь к административной ответственности.

Надеемся, коллегам будет интересен опыт расследования уголовных дел, в результате которых удалось привлечь к ответственности организаторов подобных преступлений. Покажем это на примере расследования одного из наиболее удачных уголовных дел.

9 сентября 1999 г. сотрудниками Межрайонного отдела по предупреждению правонарушений и преступлений на потребительском рынке УВД г.Барнаула была выявлена точка сбыта фальсифицированной водки. Полученная информация была предоставлена руководителем органа дознания в следственный отдел по расследованию преступлений в сфере экономики УВД г.Барнаула. Для сопровождения оперативных мероприятий был выделен следователь, совместно с которым был составлен план реализации.

Действуя согласно этому плану, оперативные работники в разные дни при помощи видеосъемки зафиксировали четыре факта сбыта посторонним лицам. Каждый из них был задержан вне поля видимости сбытчиков с приобретенной водкой. Все они согласи-

лись дать показания в отношении сбытчиков. В ходе наблюдения был установлен автомобиль, на котором подвозились очередные партии товара, прослежен его путь следования. В результате была установлена точка, в которой хранились партии фальсифицированной водки (один из гаражей в кооперативном гаражном массиве). При очередной перевозке товара при помощи видеозаписи была зафиксирована погрузка, маршрут следования и разгрузка в точке сбыта. На следующем этапе было выявлено, что в установленный гараж ежедневно двое мужчин (они и были организаторами данной группы) перемещали из другого гаража того же кооператива и из других мест емкости со спиртом, тару и оборудование.

Только после получения всей этой информации совместно со следователем было принято решение об одновременном задержании всех участников. Организаторы были задержаны после подготовки очередной партии в момент прибытия автомобиля, то есть вместе с водителем. Исполнители сбыта были задержаны в точке сбыта. В результате проведенных обысков в обоих гаражах были изъяты емкости (бочки) со спиртом, тара, пробки, закаточное оборудование. В ходе первоначальных допросов с предъявлением доказательств (видеозаписей) все задержанные дали признательные показания, в частности о месте приобретения тары, оборудования и расходных материалов. Проведенные экспертизы показали идентичность спирта, проданного сбытчиками и изъятого в гаражах, а также, что укупоривание всех бутылок производилось на изъятом оборудовании. На основании показаний приобретателей фальсифицированной водки и количества изъятого спирта были произведены расчеты доходов преступной группы.

На последующем этапе расследования подозреваемые изменили показания. Однако доказательств, которые были получены в ходе оперативных мероприятий и на основании первоначальных показаний, было достаточно. Все обвиняемые были осуждены, несмотря на активное противодействие, в том числе и со стороны различных должностных лиц. Причем срок расследования по данному делу составил всего 2 месяца, что не характерно для расследования преступлений в сфере экономики.

К сожалению, чаще сотрудники органов дознания, выявив факты сбыта подобной продукции, действуют совершенно иначе: задерживают исполнителей сбыта и, получив от них информацию об объеме сбываемой продукции и в лучшем случае об исполнителе доставки, пытаются передать собранный материал в следственное подразделение. Однако дальнейшая работа по такому материалу в большинстве случаев бесперспективна, поскольку нет ни-

каких оснований для процессуального задержания исполнителей и способов предотвращения утечки информации.

Конечно, организовать фиксацию действий участников подобных преступных групп и их взаимосвязь не так просто. Особенно в сельской местности, где оборот подобной продукции более активен, а арсенал технических средств у сотрудников сельских райотделов беден, к тому же специфика сельских населенных пунктов усложняет организацию наблюдения. Хотя фиксация возможна и при использовании простого фотоаппарата. Без подобной фиксации практически невозможно получить необходимые доказательства.

Без применения тактических приемов и методических подходов к выявлению и расследованию организованной преступной деятельности, в частности сбора доказательств и фиксации преступных действий еще в период предварительной проверки, привлечения следователей к реализации материалов оперативной проверки борьбы с преступностью в сфере оборота фальсифицированной ликероводочной продукции будет оставаться малоэффективной.



План издания №1

## **Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе**

Сборник материалов международной  
научно-практической конференции

Редактор Ю.В. Леонтьева  
Корректор Л.Ю. Архипова  
Технический редактор Е.Н. Банщикова

ИД № 02390 от 17.07.2000  
ПД № 16-017 от 10.07.2000  
СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать \_\_\_\_\_  
Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.  
Печать офсетная. Усл. печ. листов 21,1.  
Тираж \_\_\_\_\_ экз. Заказ \_\_\_\_\_.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.  
Сибирский юридический институт МВД России.  
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.